

ВВКС

Мертвый
Ноль

Сновидения
ЕХО

ФДКИ

Annotation

Мертвый ноль – это такой специальный заколдованный ноль, к которому ничего нельзя прибавить. Ни на каких условиях. Никогда. Квинтэссенция небытия. Эта книга была написана для того, чтобы уменьшить количество мертвых нулей во Вселенной. Ну и по ходу дела мы, как это обычно случается, несколько увлеклись, погорячились, можно сказать, перестарались. Поэтому мертвых нулей во Вселенной не осталось совсем. Но вряд ли о них кто-то заплачет. Не надо нам здесь этого вашего глупого небытия.

- [Макс Фрай](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

Макс Фрай

Мертвый ноль

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Все началось с того, что мне на голову свалилась принцесса. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Увесистая и довольно твердая принцесса рухнула с неба прямо на мою голову и заодно на всего остального меня – вот как следовало бы начать рассказывать эту историю, взывая к сочувствию при помощи наглядной демонстрации оставленных падшей принцессой синяков.

Но я честный человек. И не могу игнорировать тот факт, что на самом деле история началась задолго до падения принцессы. С того, что в мою гостиную вполз гений. Не вошел, а именно вполз.

Гений был пьян до изумления, по крайней мере, до моего. Настолько убедительно пьяным я видел величайшего архитектора современности только однажды, примерно год назад. Причем в тот раз его напоил я сам – исключительно в интересах следствия. Я тогда подозревал, что он ужасный злодей. Потом оказалось, просто вдохновенный художник, так что переводить на него выпивку совершенно бессмысленно. Я больше и не стал. Но в этот вечер Малдо Йоз справился своими силами.

Гений тем и отличается от нормального человека, что делает все не когда попало, а вовремя, в самый подходящий для соответствующего поступка момент. Или уж настолько невовремя, что волосы дыбом. Малдо выбрал второй вариант. Если бы он предварительно спросил меня, когда именно ему следует вползти в мою гостиную в съехавшей на одно ухо шляпе, невразумительно мыча нечто среднее между «спасите-помогите» и «я – самый главный властелин Мира», я бы ответил: когда заблагорассудится, только, пожалуйста, не прямо сейчас.

Но он, увы, не спросил. И нарушил размеренное течение уютного домашнего вечера, который обещал стать первым по-настоящему спокойным отрезком времени между закатом и полуночью если не за всю

мою жизнь, то уж точно за последний год. Но так и не стал.

А ведь как хорошо поначалу складывалось. Студенты, которые теперь по милости Базилио вечно у нас толпами околачиваются, выпросили у собак, вернее, у порядком уставшего корчить из себя донельзя важного профессора Дримарондо разрешение с ними погулять; что касается добряка Друппи, его долго уговаривать не надо, только дверь открой. Сама Базилио с ними не пошла, она с обеда чахла над какой-то особо коварной задачкой из числа тех, что леди Тайяра предусмотрительно оставляет своей не в меру способной ученице перед тем, как сбежать на свидание. Поэтому сэр Умара Камалкони, Старший Помощник Придворного Профессора овеществленных иллюзий, внезапно, без предупреждения, решивший навестить Базилио, порядком заскучал.

Базилио очень переживала, что не уделяет внимания гостю, то и дело обещала: «Сейчас я закончу, сейчас-сейчас», но ни решить задачу, ни бросить ее на середине не могла, так что мне пришлось спуститься с небес на землю, в смысле, из кабинета в гостиную и разложить на столе доску для игры в «Злик-и-Злак», благо наш гость до нее большой охотник. Ну и мне эта заморская игра пока не настолько надоела, чтобы сбежать из дома всякий раз, когда кто-нибудь предлагает сыграть несколько партий. Хотя, боюсь, к тому понемногу идет. Это моя вечная проблема: как только я достигаю достаточно высокого уровня мастерства в каком-нибудь деле, оно мне тут же надоедает. Счастье еще, что в магии, сколько столетий на нее ни угрожай, все равно останешься новичком, который только-только начинает всерьез учиться, и самое интересное пока впереди. Настольные игры, даже самые заковыристые, такой особенностью, к сожалению, не обладают.

За почти год регулярной практики я убедился, что играть в «Злик-и-Злак» компанией гораздо интересней, чем вдвоем: чем больше игроков, тем больше неожиданных поворотов и непредсказуемых препятствий возникает на пути твоих фишек. Даже втроем уже совсем другое дело.

Нам повезло, третий игрок у нас был.

Третий игрок влетел в окно перед самым началом партии, мгновенно оценил обстановку и взвился над столом аккуратным вежливым смерчем, требуя: «Выдайте фишки и мне!» Ветрам обычно непросто объясняться с людьми: они нас прекрасно понимают, а мы их – не очень, элементарные вещи приходится по сто раз объяснять, стараясь не шваркнуть сгоряча об стенку так называемый венец творения, не способный поддержать даже самый примитивный бытовой диалог. Но к счастью, с языком этого ветра я более-менее освоился, все-таки он регулярно навещает меня с начала осени. А он за это время, помимо прочего, успел выучить правила игры

«Злик-иЗлак» и наловчиться не только аккуратно подбрасывать кубики, но и передвигать свои фишки по полю, не сбрасывая чужие; для человека это дело нехитрое, а для ветра – совершенно виртуозный трюк.

Таким образом, из ветра получился вполне приличный игрок. Хотя хорошим стратегом его все-таки не назовешь. Да и тактик из него, прямо скажем, не очень. Ветры вообще слишком бесхитростны и прямодушны для наших человеческих игр.

Зато он везучий. И вносит в течение игры гораздо больше непредсказуемости, чем целая дюжина обычных игроков.

...В общем, мы с ветром и Старшим Помощником Придворного Профессора условно азартно резались в «Злики-Злак»; то есть я – условно, поскольку старался незаметно поддаваться своим противникам, чтобы им было не слишком обидно, их-то разбирал настоящий азарт. Базилио убедилась, что ее гость приятно проводит время, и с новыми силами вгрызлась в свою задачку. Армстронг и Элла лежали у ее ног и уважительно тихо мурлыкали, почти не привлекая к себе внимания. Студенты с собаками продолжали удаляться от Мохнатого Дома со скоростью примерно полторы мили в час, потому что постоянно отвлекались на всякие глупости, ради которых, собственно, и затеваются прогулки, иначе зачем бы они были нужны. Леди Тайяра, по моим прикидкам, вряд ли собиралась возвращаться домой до послезавтрашнего утра, она человек основательный: если уж ушла на свидание, так будь любезна, сосредоточься на этом занятии, чего попусту бегать туда-сюда. Все остальные действующие лица мистической трагикомедии, которая считается моей жизнью, занимались какими-то своими делами, и хоть бы одна зараза прислала мне зов: «Я без тебя пропадаю!» С одной стороны, я был за них рад, а с другой, немного растерян. Просто отвык от идеи, что без меня вполне можно какое-то время не пропадать.

Если называть вещи своими именами, настолько скучно, как в этот вечер, мне не было с начала осени, когда я проводил отпуск в тюрьме Холоми с целью как следует выспаться. Ни до, ни, тем более, после мне вообще ни насколько не было скучно, ни единой минуты, и теперь я наслаждался этим экзотическим ощущением, как сладким дымом куманских притонов. И пока ничего не хотел менять.

Но кто ж меня спрашивал. Развлечение уже стояло на моем пороге, обеими руками держась за стену. Но все равно потихоньку сползало на пол. Во всяком случае, в гостиную мой друг Малдо Йоз ввалился уже на четвереньках. Удивительно, что его знаменитая шляпа, почти точная копия Королевской, при этом прекрасно держалась на голове. Приклеивает он ее,

что ли? Или специальное заклинание в архивах отыскал?

Я вообще забыл, что с людьми такое порой случается: когда на вечеринках тебе окружают почти исключительно опытные маги, у которых на всякую рюмку полторы дюжины протрезвляющих приемов и заклинаний, как-то упускаешь из виду, что человек в сущности слаб.

Поэтому в первый момент я всерьез испугался: решил, что Малдо чуть ли не при смерти. Приготовился метнуть в него Смертный шар, приказать немедленно исцелиться, а уже потом разбираться, что с ним случилось. Но тут до моего носа наконец добрался запах адского перегара. И сразу расставил все по местам.

Обнаружив, что спасать никого не надо, я сразу же рассердился. Вот не было печали. Возись теперь с этим красавцем, протрезвляй, приводи его в чувство, ругай, потом извиняйся за резкость, расспрашивай, что случилось, выслушивай, стараясь не перебивать бестактными репликами: «Из-за такой ерунды?!» А ведь так славно сидели, как приличные люди, мирно развлекаясь занимательной настольной игрой.

Впрочем, мои гости только обрадовались новой вводной. Ветер тут же бросил фишки и метнулся к Малдо. Его можно понять: для ветра смешаться с запахом перегара – все равно, что для нас выпить рюмку-другую чего-нибудь крепкого. Причем от специально вылитого в таз, или просто на пол вина никакого проку, нужный эффект дает только дыхание пьяного человека, это мы с ним однажды выяснили экспериментальным путем и больше к вопросу не возвращались; я только сейчас сообразил, что, наверное, зря. Боюсь, по-настоящему гостеприимным хозяином мне никогда не стать.

А Старший Помощник Придворного Профессора Умара Камалкони понимающе усмехнулся в седые усы и шепнул мне:

– Не сердитесь на него, сэр Макс. Краем уха я слышал, что нынче днем сэр Малдо был приглашен в замок Рулх и получил некий личный Королевский заказ, да такой непростой, что на его месте, я бы и сам, пожалуй, лишился душевного равновесия.

Чрезвычайно интересная информация. Особенно если учесть, что под ничем не примечательной личиной пожилого помощника Придворного Профессора скрывается Его Величество Гуриг Восьмой. Сэр Умара Камалкони – просто Королевский карнавальный костюм, специально предназначенный для тайной дружбы с Базилио и больше ни для чего. В ту пору наша Базилио еще была ужасающим василиском, и всем, включая Его Величество, ужасно хотелось на это чудище поглазеть. Король, большой любитель переодеваний и анонимных прогулок по своей столице, тут же

придумал повод для визита и соответствующую ему роль: Старший Помощник Придворного Профессора Овеществленных Иллюзий явился по поручению начальства исследовать новоявленное волшебное существо. Однако они с Базилио неожиданно крепко сдружились на почве совместного решения головоломок, и с тех пор Король регулярно нас навещает под видом старичка-придворного. Эта маска замене не подлежит: Базилио считает, что прекрасней Старшего Помощника Придворного Профессора нет в Море существа. А на настоящие портреты Короля, молодого и обескураживающе красивого, взирает равнодушно: ну да, Король. Великий человек, это понятно. А все равно господин помощник Придворного Профессора в сто раз красивей! Вот и поди пойми этих чудовищ, даже когда они бывшие. Впрочем, с обычными юными барышнями, я слышал, достичь взаимопонимания ничуть не проще. Особенно в вопросах сердечных привязанностей. Иными словами, они вечно влюбляются черт знает в кого.

Базилио так привязалась к старичку придворному, что, даже обретя человеческий облик, согласилась перед каждым его визитом заново превращаться в кошмарную химеру, чтобы специалист по овеществленным иллюзиям, мог продолжать исследования. Хотя свою первоначальную форму Базилио ненавидит всем сердцем, и ее несложно понять. К счастью, потом они каким-то образом договорились, что превращаться больше не обязательно. Не знаю в точности, что за аргументы сочинил Король; скорее всего, просто сказал, что начальство велело ему приступить к тщательному всестороннему изучению нового человеческого облика загадочного чудовища. Базилио после этого на радостях проплясала полдня.

Но все это на самом деле неважно. Я только хотел дополнительно подчеркнуть, что Малдо действительно гений: мало кому из художников удается столь наглядно продемонстрировать высокопоставленному заказчику свое смятение, творческие муки, внутренний конфликт и все остальное, что по умолчанию прилагается к сложной художественной натуре. Это я и называю – делать все вовремя. Не знал, не догадывался, даже в шутку предположить не смог бы, что по вечерам в моей гостиной иногда можно застать Короля, да и пришел сюда явно не по осознанному решению, а повинувшись капризу сбрендившего автопилота, но все равно – в самый подходящий момент.

Я сразу подумал: как же удачно получилось, что Его Величество пострадал от собственных действий, в смысле от последствий своего непростого заказа. И мне теперь не надо извиняться за прискорбное состояние гостя и объяснять, что на самом деле у нас тут пока еще не

притон вроде «Джубатыкского фонтана». По крайней мере, не настолько притон, как может показаться, когда люди – ладно, допустим, всего один человек – ползает на четвереньках и невнятно мычит, а ветры – ладно, всего один ветер – как бы ласково его обвевает, а на самом деле цинично пользуясь случаем, закладывает за воротник.

Впрочем, в невнятном мычании бедняги Малдо мне в конце концов удалось разобрать несколько слов: «халиф», «дворец» и «полный конец обеда»; причем последнее в столь разнообразных вариациях, что хоть записывай – редкая возможность за один вечер собрать уникальную коллекцию синонимов слова «трындец». Сюда бы сэра Шурфа с тетрадкой для записей, но в это время суток мой друг обычно упивается абсолютной властью над Орденом Семилистника, вернее стоически терпит временную необходимость над ним абсолютно властвовать. И пропускает кучу всего интересного – вот как, например, сейчас.

– Тебя протрезвить, или просто уложить спать? – спросил я, склонившись над светиллом современной архитектуры.

Не то чтобы я всерьез рассчитывал получить внятный ответ. Но должен был наглядно продемонстрировать, что по-прежнему уважаю чужую свободу воли – не ему, конечно, а самому себе. У меня с этим строго: не хочу превращаться в тирана. Остальные от этого ужаса как-нибудь на краю Мира спрячутся, а мне рядом с собой еще жить и жить.

Однако взор Малдо на миг прояснился, и он вполне членораздельно сказал:

– И то и другое, пожалуйста, – и не успел я обрадоваться налаженной коммуникации, добавил: – Полный стакан.

Разочарование мое было столь велико, что я мстительно спрятал его в пригоршню, предварительно уменьшив до практически полного исчезновения. Не то чтобы самое страшное наказание, трезвым людям эта процедура обычно скорее нравится, а пьяный просто ничего не поймет. Но Малдо такого обращения очень не любит. Богема богемой, а разделяет обывательские предрассудки, согласно которым старинный прием, придуманный для транспортировки мебели и других тяжелых грузов, почему-то считается оскорбительным для людей. Но тут он сам виноват: нашел к кому пьяным вламываться. По ряду причин я уделяю недостаточно внимания регулярным занятиям тяжелой атлетикой, а потому на второй этаж, где расположено большинство пустующих спален, без применения магии могу отнести на руках разве что кота.

Пока я возился с нетрезвым гением, другой гений, в смысле Базилио,

наконец-то решила свою задачку, с торжествующим воплем подбросила к потолку тетрадку и сказала своему гостю:

– Я так рада, что вы дождались! На самом деле я очень соскучилась. К тому же, третьего дня мне подарили настоящую тютюшихумскую головоломку. Я решила ее без вас даже не распечатывать и чуть не лопнула от любопытства. Хотите, откроем ее прямо сейчас? Она у меня в кабинете.

Будь я на месте Короля, я бы немедленно выскочил в окно и больше никогда не вернулся бы в дом, где мне предлагают такие ужасные вещи. Но морщинистое лицо Старшего Помощника Придворного Профессора расплылось в неподдельной улыбке, а глаза затуманились от предвкушения неземных наслаждений, которые испытывают настоящие интеллектуалы, столкнувшись с очередной непонятной хренью, способной свести с ума любого нормального человека. И даже некоторых ненормальных, вроде меня.

Базилио, конечно, очень меня подвела. Нет чтобы еще хотя бы четверть часа повозиться с этой грешной задачкой! Я бы как раз успел подробно расспросить Короля про заказ, который довел беднягу Малдо до столь плачевного состояния. А теперь никаких шансов – при всех моих достоинствах, тютюшихумской головоломке я не конкурент.

«Сэр Малдо вам сам все расскажет, – утешил меня Король, направляясь к выходу из гостиной. – Извините, что столь поспешно вас покидаю. Но тютюшихумские головоломки действительно огромная редкость, леди Базилио не зря гордится новым приобретением, а времени на это удовольствие у меня осталось – максимум полчаса».

Для объяснений он воспользовался Безмолвной речью, а вслух вежливо сказал:

– Спасибо за прекрасную игру.

– Это вам спасибо, – улыбнулся я, честно стараясь скрыть разочарование.

А ветер помахал им с Базилио на прощание огромным кеттарийским ковром, не поленившись ради красивого жеста поднять его с пола в воздух. А что стоявшие на ковре кресла при этом с грохотом разлетелись в разные стороны, с точки зрения ветра, невелика беда.

Впрочем, ковер он потом вернул на место. И кресла расставил заново, причем не как попало, а строго перпендикулярно столу, на одинаковом расстоянии друг от друга. Этот ветер принадлежит к редкой породе особо радикальных анархистов, которые разводят бардак исключительно ради удовольствия потом навести настолько полный порядок, что хоть на край света беги.

Но на край света побежал не я, а сам ветер. Вернее, полетел. И в общем правильно сделал. Нетрезвому ветру в человеческом жилище не место, он это и сам понимает. И нас от себя бережет.

В общем, все меня вероломно покинули, и я остался в гостинной один, с пьяным гением в кулаке. По уму, следовало бы отнести его в первую попавшуюся спальню и оставить в покое, пока не проспится. То есть, скорее всего, до завтра. Но я решил, что так не пойдет. Благо делать пьяных людей трезвыми я научился давным-давно; теперь уже и не помню, с какой стати мне тогда приспичило срочно освоить это злодейское искусство, на практике я его всего пару раз применял, только в самых исключительных случаях.

Поразмыслив, я решил, что нынешний случай и есть исключительный: если я прямо сейчас мученически лопну от любопытства, кучу народу подведу.

...Поэтому несколько минут спустя Малдо Йоз, основатель и глава сообщества Новых Древних архитекторов, возродивший и усовершенствовавший старинные техники магического строительства, осчастлививший кучу жителей Ехо отличными домами, а ценителей искусства – невиданным разнообразием форм этих самых домов, и сделавший столицу Соединенного Королевства центром паломничества любителей прекрасного, которые приезжают к нам даже с других континентов специально чтобы поглазеть на его Дворец Ста Чудес, сидел в моем кресле тихий, печальный, помятый, но уже на диво вмняемый, опустошивший примерно ведро воды, кружку камры и рюмку бодрящего бальзама Кахара, который способен поднять мертвеца из могилы. И Малдо худо-бедно из нее приподнял.

– Неприятная штука это твое протрезвляющее заклинание, – наконец сказал Малдо. – Я дал себе честное слово, что до завтра не стану думать обо всем этом ужасе. И, надо сказать, преуспел, хотя до сих пор был уверен, что столько даже на спор не выпью. Но тут появился ты, и все пошло прахом. Вечно с тобой так.

– Справедливости ради, это не я появился, а ты, – заметил я. – Ты сам сюда пришел, добровольно, своими ногами. И заодно руками. И даже отчасти брюхом. Чем смог, тем и пришел. Но совершенно точно без посторонней помощи и приворотной магии, сам.

– Я даже понимаю почему, – вздохнул Малдо. – Очень хотел с тобой посоветоваться. Но не сегодня. Завтра с утра. Ну что ты на меня теперь зверем смотришь? С твоего утра, а не с общечеловеческого. Я себе не враг.

– Почему сразу «зверем»? Просто прикидываю, что за совет тебе от

меня понадобился. И как-то не могу сообразить. Но если ты хотел спросить, можно ли отказаться от этого ужасного Королевского заказа без каких-либо неприятных последствий, у меня хорошая новость – можно. Король огорчится, но никаких проблем у тебя в связи с этим не будет. Он не мстительный человек.

– Отказаться? – переспросил Малдо. – От Королевского заказа? Я?! За кого ты меня принимаешь?!

Судя по его тону, от физической расправы меня спасла не репутация зловещего демона, изгнанного из им же самим созданного ада за избыток демонического энтузиазма, и даже не дружеские чувства великого архитектора, а только то печальное обстоятельство, что подняться с дивана без посторонней помощи он пока не очень-то мог. Хотя гнев явно пошел ему на пользу: глаза засверкали, лицо разрумянилось, руки почти перестали дрожать. Еще пара-тройка бестактных реплик, унижающих его профессиональное и человеческое достоинство, станет как новенький. И тогда, можно не сомневаться, все-таки даст мне в глаз.

Но драться я не особо люблю. Поэтому поспешно сказал:

– Извини. Не то чтобы я действительно думал, будто ты можешь струсить и добровольно отказаться от интересной работы. Но откуда я знаю, вдруг он как раз совершенно неинтересный, этот Королевский заказ? Или, скажем, его беспрекословное исполнение поставит крест на твоей репутации свободного художника? А то с какого бы горя ты так нажрался, что не стоял на ногах.

Малдо сразу заулыбался и отрицательно помотал головой.

– Нет, что ты. Не с горя. Наоборот, на радостях. Хотя и от ужаса тоже. Ты знаешь, что к нам едет шиншийский великий халиф?

– Теперь знаю. Хотя очень трудно в такое поверить. Он же, я слышал, почти чистокровный кейифай, только одна пра-прабабка была откуда-то чуть ли не из Чирухты...

– Не пра-прабабка, а прадед, – поправил меня Малдо. – И не из Чирухты, а наш, хонхонский. Простой иррашийский моряк, даже не капитан, а боцман, или что-то вроде того. Зато красивый, как закат над пустыней Хмиро, по крайней мере, так пишут в своих хрониках сами шиншийцы; надеюсь, это не означает, что рожа у него была красная, как тамошнее небо. А впрочем, почему бы и нет. Факт, что в этого моряка по уши влюбилась старшая сестра тогдашнего халифа и уговорила остаться жить в ее дворце, со всеми вытекающими последствиями. Внук одного из последствий – нынешний шиншийский великий халиф.

– Ясно, – кивнул я. – Собственно я почему так удивился: однажды нас

с сэром Кофой угораздило попасть на личный прием к куманскому халифу Нубуйлибуни Цуан Афии^[1]. Тот тоже почти чистокровный кейифай. И оказалось, что присутствие посторонних людей для него практически невыносимо. Нас специально предупредили, что все мало-мальски сильные чужие эмоции причиняют халифу почти физическую боль. Поэтому рядом с ним позволено находиться только специально обученным беспредельному спокойствию слугам. Правда, наше с Кофой присутствие халиф кое-как вытерпел. Очень уж ему было интересно посмотреть угуландские фокусы, все-таки это в Уандуке редкое зрелище, так далеко от Сердца Мира мало кто из наших способен колдовать. Но задержись мы в гостях подольше, бедняга халиф слег бы с мигренью или что там у потомков кейифайев вместо нее. А приехать к нам, в столицу Соединенного Королевства, где посторонние люди по улицам толпами носятся, не отказывая себе в непрерывном смятии чувств, для него стало бы самоубийством. И это не мои домыслы, а мнение специалистов...

– Да, – нетерпеливо согласился Малдо. – Есть такая проблема. Но шиншийский халиф благополучно ее решил, окружив себя специальной свитой из нескольких сотен человек, у которых всегда хорошее настроение или что-то вроде того. Я толком не понимаю, как именно это работает, но работает, факт. Шиншийский халиф любит путешествовать и не отказывает себе в этом удовольствии, весь Уандук объездил со своей свитой и на острове Шихум побывал. Но до Хонхоны он до сих пор ни разу не добирался. Не был уверен, что настолько долгая поездка целиком соответствует его представлениям о приятном времяпрепровождении. Однако услышав про мой Дворец Ста Чудес, захотел увидеть его своими глазами. Он, получается, только из-за меня к нам приедет! Представляешь? Лично я – нет. Просто в голове не укладывается. Но Король мне так и сказал: «Шиншийский халиф вознамерился свалиться на мою голову исключительно по вашей милости. И будет справедливо возложить на вас часть хлопот по его приему». В общем, теперь я должен построить дворец для шиншийского халифа и его свиты. Такой, чтобы там с удобствами разместилось примерно шестьсот человек. И чтобы все они чувствовали себя как дома. Но одновременно содрогались от величия замысла и изумлялись его красоте. И чтобы все – и шиншийцы, и наши, и туристы из какой-нибудь Анбобайры, и даже воины Завоевателя Арвароха, если их принесет нелегкая, – дружным хором твердили, что никогда в жизни не видели ничего похожего на этот дворец. Хотя арварохцам, конечно, в этом смысле совсем несложно угодить...

– Елки. Я бы от такого заказа сбежал на край Мира, – честно

признался я.

– Да я бы тоже, – усмехнулся Малдо. – Если бы как ты умел ходить Темным путем. Чтобы завтра же быстро вернуться обратно, пока заказчик не передумал. При этом совершенно не представляю, что я буду делать. И как успею за несчастные три дюжины дней, пока халиф будет до нас добираться. Он, страшно подумать, уже в пути! И где возьму... нет, стоп, заврался, о стройматериалах мне, хвала Магистрам, на этот раз думать не нужно, Его Величество любезно взял эту заботу на себя, весь мусор Соединенного Королевства к моим услугам. Но все остальное – полный конец обеда. Пристрели меня, сэр Макс. Из бабума. Я точно знаю, что ты промажешь, поэтому и прошу.

– То есть ты счастлив? – резюмировал я.

– Естественно! Но все равно в панике. По уму, уже завтра надо приступать к работе, а я даже примерно не представляю, что мы будем строить. Поэтому и хотел с тобой посоветоваться.

Я открыл было рот, собираясь сказать, что я, конечно, великий герой, кто бы спорил, но просить у меня совета в этом деле лучше не надо – если ему хоть сколько-то дороги жизнь, рассудок и судьба современной архитектуры. Особенно она. Но тут Малдо добавил:

– Ты же путешествовал между Мирами. И чего только там не повидал. Может, вспомнишь для меня что-нибудь этакое?

Я призадумался. Потому что в его словах был некоторый смысл. Художникам положено черпать вдохновение в потусторонних видениях и мистических грезах. А я и есть что-то вроде грезы. Хороший, качественный горячечный бред.

– Или даже Магистры с ними, с другими Мирами, – продолжил Малдо. – Ты же своими глазами видел Черхавлу^[2]! А для шиншийцев она – одна из самых главных легенд. Все с детства мечтают ее увидеть, это мало кому удастся, но в каждом поколении есть кто-то, кому удалось. Ну или просто врет так удачно, что ему верят. Неважно! Главное, ты-то Черхавлу действительно видел. И сможешь набросать эскиз.

– Последнее, кстати, не факт. Я так давно не пробовал рисовать, что наверняка даже карандаш держать разучился.

– Год назад у тебя получалось, – напомнил он.

– На мой взгляд, не то чтобы... Ладно, Магистры с тобой, нет там ничего особенно сложного. Высокие, узкие, устремленные в небо дома, скорее даже дворцы, белые в темноте, а при дневном свете лиловые, полупрозрачные, как предрассветный туман – вот, собственно, и все. Но только учти, местные жители объяснили, что Черхавла стала такой,

повинуясь каким-то моим неосознанным тайным желаниям. Каждый гость видит ее по-своему, вот в чем беда. А настоящая Черхавла выглядит как лоскутное одеяло, сотканное из бликов света всех мыслимых цветов.

– Ты это сам видел? Или тебе рассказали?

– Сам. После того, как Кофа отвесил мне оплеуху рукой, предварительно омытой в Источнике Боли; такие оплеухи лишают иллюзий – всех сразу, но, как показывает практика, не навсегда. Как мистический опыт это пестрое облако света было вполне ничего, но как архитектурное решение, по-моему, не очень.

– Да, – согласился Малдо. – В лоскутном одеяле из световых пятен вряд ли удобно жить. Я бы, пожалуй, остановился на белых и лиловых дворцах, устремленных в небо. На фоне наших невысоких домов это произведет очень сильный эффект, даже если никто, кроме тебя, не увидит в них сходства с Черхавлой. Хотя это было бы жаль.

– А не хочешь построить шиншийцам невидимый дворец? – спросил я. – У меня тут недавно гостил один... старый приятель. И случайно заколдовал Мохнатый дом: сделал его невидимым. Очень сильное впечатление, когда видишь перед собой пустоту, а наощупь – твердые стены, ступени, дверь, заходишь, а там все на месте.

– Могу представить, – кивнул Малдо. – Но, по-моему, это как-то немного чересчур радикально. Тем более, для шиншийцев. Они к нашей магии не привыкли, им и так все будет в диковинку. А тут еще и ночевать в невидимом доме. У кого хочешь нервы сдадут.

– Ну да, пожалуй, – неохотно согласился я.

– Но слушай! Это же гениально! – вдруг завопил Малдо.

От его пламенного взора можно было прикуривать. Но я упустил момент. Вместо того, чтобы воспользоваться уникальной возможностью прикурить от чужого взгляда, переспросил:

– Что именно гениально?

– Первый этаж! – выпалил Малдо. И повторил, специально для меня, бестолкового: – Первый этаж!

Беда с этими гениями: думают, будто мы, простые смертные, способны уследить за полетом их вдохновенной мысли. А мы – нет.

Впрочем, минуто спустя, он все-таки обрел чудесную способность внятно высказываться. И объяснил:

– Если сделать невидимым только первый этаж, а может быть, два или три – не знаю, потом пойму, как эффектней – это создаст впечатление, будто дворец повис в воздухе. И тогда уже, честно говоря, все равно, как он выглядит. Ну, почти все равно. Летающих дворцов у нас до сих пор не

строили; интересно, почему? И как я сам до сих пор не додумался? Это же очень просто – сделать невидимыми нижние этажи.

– Просто? – недоверчиво переспросил я.

– Ну, если надо сделать невидимым уже существующий объект, то не очень, – признал Малдо. – Не факт, что я сам, без помощи смогу. Но если с самого начала его таким строить... слушай, вообще не вижу проблемы. По крайней мере, теоретически. Надо попробовать. Но я заранее уверен... Хотя проверить все-таки надо! Извини, ничего, если я прямо сейчас пойду? Это будет не слишком невежливо?

– Не слишком, – успокоил его я. – В самый раз. Убирайся из моего дома. Отвести тебя на Удивительную улицу Темным путем?

– Вот спасибо! – воскликнул Малдо, вскакивая с дивана. – Сэкономил мне почти целый час! Заодно дам тебе карандаш и бумагу. Ты же нарисуешь Черхавлу? Можно совсем примитивный эскиз.

– Другого тебе в любом случае не обломится, – вздохнул я, предвкушая грядущий позор. – Ладно, куда деваться. Пошли.

* * *

– Двести тридцать семь шиншийских принцесс, – сказал сэр Кофа Йох. И повторил, словно бы сам себе не верил: – Двести тридцать семь!

После сеанса принудительного рисования мне требовалось забыться, а ужин в обществе сэра Кофы Йоха в этом смысле беспроигрышный вариант. Мы встретились буквально в паре кварталов от Удивительной улицы, в недавно открывшемся, но уже успевшем войти в моду трактире «Прекрасный булбан».

Булбаны – это крупные пауки, обитающие, если я ничего не путаю, на островах Холтари. Что прекрасного может быть в здоровенном пауке, кроме его неспособности покинуть родной остров вплавь, – отдельный вопрос. Однако названное в его честь заведение получилось вполне симпатичное: стены задрапированы веревками, условно убедительно имитирующими паутину, под потолком приветливо сверкают маленькие светильники, зеленые, как паучьи глаза. При этом в тарелки здесь пауков все-таки не подкладывают, даже декоративных. Приятно иметь дело с людьми, знающими меру. Особенно в пауках.

Невзирая на отсутствие пауков в наших тарелках, Кофа мрачнел на глазах.

– Двести тридцать семь – хорошее число, – заметил я. – Не круглое.

Лично я круглые числа терпеть не могу.

– Когда речь идет о шиншийских принцессах, двести тридцать семь это очень плохое число, – заверил меня Кофа. – Хорошее число в данном случае может быть только одно – ноль! В идеале, такой специальный заколдованный ноль, к которому ничего нельзя прибавить. Ни на каких условиях. Никогда.

– Будете смеяться, но такой ноль существует, – сказал я. – Не уверен, что в практической жизни, но в математике он есть. Называется «мертвый ноль». Я, собственно, почему знаю: леди Тайяра так иногда ругается. И Базилио научила. Теперь обе бранятся: «Чтоб ему мертвым нулем на краю Мира валяться!» – про потерянный сапог, например... А что такого ужасного в шиншийских принцессах?

– Все! – твердо сказал сэр Кофа Йох, человек, который запросто приятельствует с бывшими убийцами, лесными разбойниками, пиратами, контрабандистами, портовыми нищими, торговцами ядами и даже некоторыми выходцами из старых аристократических семейств. То есть выйти за пределы того, что Кофа считает вполне допустимым, крайне непросто.

– Они избалованы до безобразия, – объяснил Кофа. – Беда в том, что дома, в Шиншийском Халифате, им позволено безнаказанно творить все, что взбредет в головы, как правило, не отягощенные избытком ума, или хотя бы житейского опыта.

– Оно и понятно, – поддакнул я. – Все-таки дочери халифа.

– С чего ты взял? – удивился Кофа. – Откуда бы у халифа взялось столько дочерей? Это же только к нам двести тридцать семь заявятся, а при дворе великого халифа их числится полторы с лишним тысячи.

– Откуда-откуда. Дурное дело нехитрое. Особенно когда в стране, где ты самый главный, практикуется многоженство.

– Полная ерунда. У шиншийцев не то что многоженства или многомужества, а даже обычных в нашем понимании браков нет. Шиншийцы считают, что влюбленные и без всяких дополнительных договоров стремятся быть вместе и заботиться друг о друге, а любые имущественные отношения, включая обеспечение совместного потомства, должен оговаривать не брачный, а сугубо деловой контракт, действие которого никаким образом не связано с наличием или отсутствием взаимной любви. Следует признать, что в некоторых житейских вопросах шиншийцы чрезвычайно мудры.

– Похоже на то, – согласился я. – Но как же?..

– Ты просто перепутал шиншийцев с куманцами, – усмехнулся Кофа. –

Для человека, не получившего начального школьного образования, вполне простительно. Но на будущее все же имей в виду: они даже не соседи. Между Куманским и Шиншийским Халифатами пролегает Красная пустыня Хмиро, а это примерно четверть всей территории материка Уандук. И обычаи у них разные. Только и сходства, что и там и там халифат – древнейшая форма правления, которую когда-то на заре времен изобрели хитроумные и очень ленивые упиаты^[3], чтобы организовать себе спокойную праздную жизнь на фоне относительного порядка в окружающих их дворцы практически бескрайних землях.

– Ясно, – кивнул я. – Но согласитесь, логично предположить, что девушки, которых называют «принцессами», являются дочерьми халифа.

– Логично, если речь не о шиншийцах. У них все не как у нормальных людей. В частности, «принцесса» – это просто придворная должность. И одновременно почетное звание. Чтобы его получить, всего-то и надо – уродиться человеком, рядом с которым приятно находиться великому халифу Муране Кутай Ан-Аруме. По какой-то непостижимой причине такими людьми обычно оказываются взбалмошные юные девицы, изредка – женщины постарше; впрочем, еще более взбалмошные. Ни мальчишек, ни взрослых мужчин, насколько мне известно, в ближней свите халифа нет и никогда не было. Интересно, почему?.. Между прочим, совершенно напрасно ты так ухмыляешься. Во-первых, кейифайям и их ближайшим потомкам в достаточной степени безразлично, какого пола персона, которую они вознамерились деятельно возлюбить. А во-вторых, эти девчонки – не любовницы халифа, а именно ближняя свита. В буквальном смысле слова ближняя. Всякий раз, когда великий халиф Мурана Кутай АнАрума вынужден встречаться с другими людьми, или просто передвигаться по городу, принцессы окружают его плотным кольцом, вернее, несколькими плотными кольцами. Со стороны это выглядит так, словно девицы водят вокруг него хороводы; своими глазами пока не видел, но говорят, забавное зрелище. В таком окружении халиф прекрасно себя чувствует, даже если неподалеку горюют, ликут, визжат от страха и бьются в истерике целые толпы народу. Ничем его не проймешь. Насколько мне известно, до сих пор никому из уандукских ученых, великих теоретиков так называемой «естественной магии неба», не удалось маломальски убедительно объяснить этот феномен. Однако он есть.

– Ничего себе, – растерянно откликнулся я. – Тогда понятно, почему этим барышням все разрешают. Я бы на месте халифа тоже стоял за них горой.

– Не сомневаюсь. К тому же, когда принцесса в плохом настроении,

она не может исполнять свои обязанности, пока не утешится. А если принцессе придется достаточно долго страдать, она может навсегда утратить свои способности. Такого исхода халиф и его окружение стараются избежать. Принцесс и так недостаточно...

– Полторы с лишним тысячи – недостаточно?!

– Считается, что нет. Принцесс очень берегут, не дают им переутомляться. Поэтому они дежурят при халифе не одновременно, а по очереди. И после примерно полугода регулярных дежурств отправляются в длительный отпуск. Благодаря этим их отпускам, полицейские всех государств Мира содрогаются всякий раз, когда при них упомянут шиншийских принцесс. Любимые развлечения этих девиц – дальние путешествия, мелкий грабеж и пьяные драки. Впрочем, не обязательно пьяные. Драки на трезвую голову тоже подойдут.

– Грабеж и пьяные драки? – недоверчиво переспросил я.

Видывал я девушек с тяжелым характером. Строго говоря, почти исключительно их и видывал, мне на таких везет. Но грабежом и пьяными драками даже мои знакомые девушки занимаются далеко не каждый день. И скорее в силу насущной необходимости, чем ради собственного удовольствия, – это тоже важный момент.

– Ну, справедливости ради, шиншийские принцессы привыкли, что дома им можно брать на рынках и в лавках все, что понравится, халиф потом оплатит любые счета. А что касается драк, девчонки не просто не умеют сдерживать свои чувства, а специально обучены проявлять их без промедления, в любой форме, включая оплеухи и зуботычины. Считается, будто подавление эмоций приводит к страданиям, а страдать шиншийским принцессам не велит профессиональный долг. Так что их разнузданное поведение вполне объяснимо, но кому от этого легче? Уж точно не ответственным за общественный порядок в тех городах и странах, которые посещают эти красотки. Материальный ущерб от их выходок шиншийские посланники возмещают незамедлительно, безропотно оплачивают любые штрафы, лишь бы хулиганок выпустили из кутузки. Но на деньгах свет клином не сошелся, ущерб, нанесенный нервам, репутациям и чувству собственного достоинства, так просто не возместишь. В общем, от неофициального визита полудюжины шиншийских принцесс, прибывших в поисках невинных развлечений, проблем обычно гораздо больше, чем от целой флотилии укумбийских пиратов, спяну решивших пограбить рыбацкие лодки в Хуроне. А двести тридцать семь принцесс одновременно камня на камне от Ехо не оставят, попомнишь мои слова.

– Ну все-таки сейчас они будут не в отпуске, а на службе, – заметил я.

– Я тоже сперва этим утешался. А потом навел справки и выяснил, что во время работы им положены дни свободы от, матерей их четырежды прогнать по смрадным болотам, забот. На практике это означает, что пока половина состава водят хороводы вокруг халифа, остальные гуляют по городу и делают, что хотят. Я вот думаю: может быть, мне самому взять отпуск? И уехать куда-нибудь, от греха подальше? Чтобы примерно на четвертый день визита великого халифа Мураны Кутай Ан-Арумы, когда бедняга Трикки загремит в приют безумных, девять десятых личного состава Столичной полиции в ужасе рассеются по окрестным лесам, генерал Бубута, как человек чести, сам отрубит себе голову наградным палашиком, и Его Величество официально попросит Тайный Сыск помочь коллегам в нелегком деле борьбы с шиншийскими принцессами, меня уже не было в столице. И желательно вообще в Хонхоне. С другого материка при всем желании быстро не вернешься, а у меня такого желания не будет. Даже намека на желание. Нет, нет и нет!

– Задницу он себе отрубит, – сказал я.

– Что? – изумился Кофа. – Ты о чем?

– Бубута Бох должен отрубить себе задницу, – повторил я. – Отсечение головы, во-первых, мало что принципиально изменит, а во-вторых, просто не его стиль.

– Так и подмывает сказать, что ты сам та еще шиншийская принцесса, – проворчал Кофа. – Но это будет несправедливо по отношению к обеим сторонам. Все-таки ты довольно редко дерешься и без скандалов оплачиваешь счета. А девочки, при всех их недостатках, такую ерунду обычно не говорят. Они вообще довольно немногословны. Зачем зря разглагольствовать, когда можно сразу дать в рыло?

Он залпом допил так называемую «Разбойничью похлебку из лесных ягод и трав», что-то вроде жгучего несладкого компота, которым традиционно начинается и завершается всякая трапеза в «Прекрасном булбане», и внезапно добавил:

– А что касается Бубутиной задницы, помни мои слова: недолго ей осталось сидеть в кресле генерала Столичной полиции.

Счастье, что к этому моменту я уже благополучно покончил со своей порцией «Разбойничьей похлебки». А то подавился бы от такой новости. Потому что какие бы перемены ни сотрясали в последние годы Соединенное Королевство, но некоторые вещи по-прежнему кажутся мне неизблемыми. Например, небо над головой, бардак в Портовом квартале и генерал Бубута Бох во главе Столичной полиции.

Когда-то сам факт существования этого бестолкового крикуна

приводил меня в ярость, но с тех пор утекло много воды – и живой, и мертвой, и просто мокрой речной. С гениальным заместителем в лице Трикки Лая и смягчающими нрав сигарами, которые я периодически добываю для него из Щели между Мирами, Бубута постепенно превратился в идеального начальника полиции: работать больше не мешает, а в качестве объекта насмешек все так же хорош как в прежние годы. Оптимальный вариант.

– Что-то случилось? – наконец спросил я. – Бубута крупно проштрафился, и ему решили припомнить все старые прегрешения разом?

Кофа отрицательно покачал головой и принялся набивать трубку, как он это обычно делает, когда хочет ловко обойти закон о запрете пыток и истязаний и вволю насладиться страданиями любопытного собеседника. Но я человек закаленный, поэтому терпеливо ждал.

– Ничего пока не случилось, кроме того, что Бубута взял отпуск для поправки здоровья и собирается ехать к родне, – наконец сказал он. – Что само по себе невелика новость, у них с леди Улимой родня по всему Соединенному Королевству, и он почти каждый год кого-нибудь навещает. Но готов спорить, что-то интересное уже происходит вокруг Бубутиного кресла. Что именно, сам пока понять не могу, но атмосфера определенно сгущается. Собственно, этого давно следовало ожидать. После того, как Трикки навел порядок в Столичной полиции, должность ее начальника стала казаться привлекательной многим влиятельным людям, прежде брезгливо морщившим носы при виде полицейского в форме. Вопрос, кто попробует хапнуть этот кусок первым, и каким способом будет избавляться от Бубуты? У меня множество идей, но пока никаких фактов. Только чутье. Но обычно ему можно доверять.

– Еще бы! – подтвердил я. – Во всяком случае, я бы с вами сейчас даже на горсть^[4] спорить не стал.

– Вот и Джуффин не стал, – флегматично кивнул Кофа. – Что само по себе укрепляет мои подозрения. Кеттариец азартен, иногда до смешного, но заведомо проигрышных пари никогда не заключает. Не то у него воспитание, чтобы просто так посторонним людям деньги раздавать.

– У вас чутье, а я, значит, погибай от любопытства, – проворчал я. – Жил себе спокойно, горя не знал, думал, что все тайны Вселенной у меня на ладони, исключая, разве что, кулинарный раздел. И вдруг – оп-па! – начинай все сначала. Добро пожаловать в неведомый Мир, полный неразрешимых загадок и злодеев, претендующих на кресло Бубуты.

– Да почему же непременно злодеев? – удивился Кофа. – Не такое уж великое злодейство – заботиться о своей карьере. И в любом случае почти

кто угодно будет лучше Бубуты, при условии, что не рассорится с Трикки. А эта задача мало кому по силам. Трикки Лай очень дружелюбный человек.

– По справедливости, ему и следует возглавлять полицию, – заметил я. – Дураку ясно, что сейчас там все держится на его светлой голове и умении ладить со всеми подряд.

– Это правда. Я бы первым побежал хлопотать о его назначении, причем еще года три назад, если бы не ряд обстоятельств, начиная с законодательства Соединенного Королевства.

– А что не так с нашим законодательством? – удивился я.

– Иностранцам запрещено занимать высшие государственные должности. Всего тридцать четыре, но должность начальника Столичной полиции, к сожалению, включена. А Трикки, сам знаешь, туланец.

– Да ладно! – удивился я. – Тоже мне великая проблема. А то закон при желании нельзя обойти. Я имею в виду, при вашем желании. Очень-очень большом.

Кофе моя уверенность в его возможностях явно была приятна, он даже особо не трудился это скрывать.

– На самом деле, примерно такие же мысли в свое время пришли в голову нам с Кеттарийцем, – признался он. – Тебя Бубута умиляет, я в курсе. И даже отчасти могу понять такое отношение, он и правда довольно смешной. Но сам знаешь, для меня генерал Бох – человек, разваливший работу Столичной полиции, которую я перед этим своими руками создал не просто из ничего, а из того самого «мертвого нуля», изобретенного твоими приятелями математиками. А для Джуффина – шумный дурак, который больше ста лет кряду мешал ему спокойно работать. Иногда довольно ощутимо мешал. Естественно, нам обоим давно хотелось отправить Бубуту в отставку. Просто ради приятной уверенности, что в будущем он больше не станет крутиться у нас под ногами. И когда оказалось, что Трикки справляется с руководством полицией ненамного хуже, чем когда-то я сам, разве только с поправкой на мирное время, мы подумали, что обойти закон – дело вполне возможное. Джуффин собирался поговорить с Королем, благо возраст Бубуты Боха вполне позволяет тихо, без скандала отправить его на пенсию, но в последний момент осознал, что есть гораздо более серьезное препятствие: Трикки Лай не просто иностранец, а, строго говоря, мертвец. Вернее, бывший призрак, чье физическое существование возможно только в непосредственной близости Сердца Мира. Хорош генерал Столичной полиции, который даже в Авалу с инспекцией выехать не способен; об отдаленных провинциях уже не говорю.

– Обидно, – вздохнул я.

– Да не то слово. Но ничего не поделаешь, обстоятельства именно таковы. Ладно, посмотрим, как теперь все повернется. Пока я могу только гадать.

* * *

Домой я намеревался пойти пешком, поскольку точно знаю, что лучше полуторачасовой прогулки на студеном, уже почти по-настоящему зимнем ветру, по границе между светом газовых фонарей и тенью, в которую по ночам превращается город, может быть только двухчасовая прогулка в аналогичных условиях, поэтому следует выбрать не самый короткий маршрут. Я вообще гедонист, а что представления о наслаждениях у меня, по мнению окружающих, довольно своеобразные, дело десятое. Тем более, что упомянутые окружающие сами не дураки наслаждаться разнообразными пытками – вроде решения головоломок, курения ужасающего местного табака или сладкого сна на дне моря. Я со своими вечерними променадами в подметки им не гожусь.

Однако моя прогулка накрылась медным тазом, едва начавшись.

По моему опыту, безудержным наслаждениям чаще всего препятствуют голоса в голове. По крайней мере, если вы живете в удивительном волшебном мире, насквозь пронизанном магией – специально для того, чтобы каждый желающий в любое время суток мог беспрепятственно вторгнуться в ваше сознание и сообщить о каких-нибудь срочных делах.

На этот раз желающей оказалась Базилио. Узнав ее, я встревожился не на шутку. Все-таки она – заколдованное чудовище, а чудовища, по моим наблюдениям, гораздо деликатней людей и прибегают к Безмолвной речи только в самых крайних случаях. А крайние случаи я, положив руку на сердце, терпеть не могу.

Поэтому я сразу спросил: «Что у нас стряслось?», заранее приготовившись к худшему, да так добросовестно, что когда Базилио сообщила: «Просто к нам зашел Трикки», – я, конечно, не умер от облегчения, но на ногах едва устоял. На радостях даже не стал возмущаться: «Ну и какого черта?..», хотя вполне мог бы успеть начать эту фразу прежде, чем Базилио добавила: «Он сегодня какой-то странный. Я его до сих пор таким никогда не видела. Зачем-то обидел собак. И говорит нелепые вещи, на мой взгляд, совершенно лишенные смысла. Я не знаю,

что в таких ситуациях следует делать. Было бы здорово, если бы ты смог прийти».

Я не удивился, но только потому, что удивляться таким новостям в чужом пересказе – напрасная трата времени. Сперва надо самому посмотреть. Но если бы я до сих пор не освоил искусство Темного пути, удивлялся бы всю дорогу. Потому что «странный Трикки» – это нонсенс. Звучит примерно так же абсурдно, как «сухая вода», или «безмозглый бузивух». Я видел Трикки Лая в разных житейских ситуациях, включая такие, какие лично меня свели бы с остатков ума. И убедился, что он настолько нормален, рассудителен и уравновешен, насколько это вообще возможно. Даже оторопь временами берет.

В общем, пришлось мне махнуть рукой на прогулку и шагнуть прямо в гостиную Мохнатого дома. От идеального порядка, заботливо наведенного ветром, уже не осталось и следа: видимо, в мое отсутствие вернулись студенты с собаками, устроили привычный умеренный, местами до сильного бардак, после чего благоразумно смылись в неизвестном мне направлении. Теперь в гостиной обретались только Базилио и Трикки Лай. Причем заместитель начальника Столичной Полиции полулежал в кресле, в несвойственной ему манере задрал одну ногу на спинку, а другую на подлокотник; лицо его выражало невыразимое блаженство и, кажется, больше ничего.

Приблизившись, я сразу понял причину его возвышенного настроения: именно так организмы некоторых счастливиц реагируют на экстраординарное количество спиртного, проглоченного в максимально сжатые сроки. Сам-то я, к сожалению, не из их числа.

– Да что ж за день такой, – растерянно сказал я. – Сначала Малдо приполз на карачках, теперь этот красавец. Сговорились они, что ли? И почему именно к нам? Вроде бы объявлений в газеты о бесплатных знахарских услугах для пьяниц я пока не давал.

– Так он просто пьяный? – обрадовалась Базилио.

– А ты что, по запаху не поняла?!

– Я была совершенно уверена, что это просто одно из новомодных благовоний для одежды. Вот и Малдо очень похоже пах. Сейчас вообще очень популярны разнообразные ароматы еды, начиная от запаха горячего пирога с вареньем и заканчивая старым козым сыром; в Университете на лекциях пахнет, как в трактире. Или как на помойке, зависит от сочетаний: кто с кем рядом сел... Мне даже в голову не пришло, что Трикки может просто взять и напиться. Как-то это на него совсем не похоже.

– Мы все время от времени оказываемся способны удивить тех, кто нас хорошо знает, да и самих себя за компанию, – заметил я. – Это не всегда по-житейски удобно, но, по большому счету, неплохо...

Подобные рассуждения Базилио слышала от меня уже тысячу раз: я завожу эту шарманку по всякому поводу. Ничего удивительного, что она перебила меня, не дослушав.

– Так значит, это скоро пройдет? Было бы здорово. А то Трикки грозился отправить собак чистить хвостами сортиры; они обиделись и ушли в направлении кухни, наверное, жалуются сейчас поварам. Я и сама немножко обиделась, хотя понимаю, что это шутка. Но обычно Трикки шутит совсем не так.

– Ты со своим начальством, что ли, надрался? – спросил я. – А к нам пришел показать, как он тебя научил ругаться? Спасибо, друг. Я когда-то был крупным специалистом по Бубутиной лексике, но с тех пор многое подзабыл.

Трикки наконец-то вышел из нирваны, в которой до сих пор пребывал. И заметил меня. В связи с чем чрезвычайно оживился и произвел ряд хаотических телодвижений, очевидно, свидетельствующих о его намерении подняться мне навстречу; впрочем, первая попытка не удалась, а от следующих он благоразумно воздержался.

– Из какого дерьма ты вылез? – приветливо спросил он. – Где шлялся? Я тебя по всему городу искал.

– А почему зов не прислал? – удивился я.

– Да вот как-то не получилось, – признался Трикки и печально развел руками; одной при этом так сильно стукнулся об угол стола, что я невольно поморщился, представив, как это должно быть больно. Но он, похоже, даже не почувствовал.

– Очень пьяным людям Безмолвная речь обычно не дается, – подтвердила Базилио.

– А ты откуда знаешь? – восторженно спросил Трикки. – Тебе не положено. Рано еще!

На мой взгляд, так ставить вопрос не следует – ни с детьми, ни с чудовищами, вообще ни с кем. Потому что любое разумное существо, услышав: «Тебе не положено», – тут же мысленно скручивает перед носом строгого ментора кукиш и начинает прикидывать, с какой бы стороны этот запретный плод надкусить.

Но ангельская природа Базилио сделала свое дело. Вместо того, чтобы немедленно развязать борьбу за свои гражданские права, она только плечами пожала.

– Мне рассказывали. Недавно как раз был случай: несколько девчонок с факультета истории решили отпраздновать зачисление в Университет и, как говорится, несколько увлеклись. Все бы ничего, но под утро их родители дружно побежали в полицию, потому что всю ночь пытались послать дочкам зов, а те не откликались. Решили, что они мертвые или без сознания, ужасный был переполох.

– А. Пропавшие студентки. Было такое. Помню. Мы их сразу нашли, – кивнул Трикки. Глаза его на миг обрели осмысленное выражение, но он тут же, блаженно улыбнувшись, их закрыл.

Во мне внезапно проснулся гуманист, возможно даже великий, из тех, кому благодарное человечество посвящает целые главы учебников, предварительно зверски замордовав. Только этим объясняется, что вместо того, чтобы спрятать пьяного гостя в пригоршню и забыть о нем до завтрашнего утра, я спросил:

– Тебя спать уложить? Или домой доставить? Или протрезвить и заказать ужин? Выбирай.

– Трезвить не надо, пожалуйста, – сонно пробормотал он. – Нельзя мне домой и ужинать. Потом. Сперва я должен... Дырку в небе над этим дерьмовым сортиром, что же я должен?.. А, точно. Я должен кое-что тебе рассказать. Страшную тайну. Такую страшную, ты не поверишь...

На этом месте Трикки вдруг расхохотался, да так неудержимо, что сполз с кресла на пол, попытался подняться, драматически запутался в своих ногах, ножках стола и кресла и какое-то время беспомощно барахтался, как перевернутый на спину краб, а потом устал и затих. По идее, надо было бы ему помочь, но я, каюсь, зачарованно наблюдал за процессом – когда еще такой цирк покажут? А Базилио сейчас беспокоилась совсем о другом.

– Это настолько страшная тайна, что мне следует оставить вас наедине? – наконец спросила она.

Вид у нее при этом был такой несчастный, что я почувствовал себя людоедом, закусывающим заживо проглоченных беззащитных сирот предварительно отобранными у них же конфетами. Хотя вроде бы еще даже не начинал ничего отбирать.

– Да ладно тебе, – сказал я. – Ты здесь уже столько страшных тайн слышала, что еще одна ничего не изменит. Давай лучше попробуем как-то вернуть его в кресло. Не люблю, когда люди по полу разбросаны.

Но у Трикки наша попытка усадить его в кресло не вызвала никакого энтузиазма.

– Да ну вас, не дергайте, и так хорошо, – сонно пробормотал он. –

Лучше слушайте, что скажу. Такие дела творятся! Еще никто не знает, кроме меня. На закате я проводил генерала Бубуту Боха на ташерский корабль. Он отчалил. Инкогнито. То есть без бороды. Сбрил ее к лешим, чтобы никто не узнал. И, между прочим, ни одна собака в порту действительно его не узнала. Вот так просто, взял и сбежал. Навсегда.

– Навсегда? Инкогнито?! – недоверчиво переспросил я. – Бубута – и вдруг «инкогнито»? Без бороды? Это как?! И почему он вообще сбежал? От чего? От кого? Что с ним случилось? Или ты шутишь?

– «От чего, от кого», – передразнил меня Трикки. – Ну что ты как маленький. От жены, ясное дело. От кого еще нашему брату бегать. У Бубуты внезапно любовь всей жизни – то ли ждет его в Ташере, то ли скоро туда приедет, я так и не понял. Но сам Бубута отчалил, это факт.

– Любовь всей жизни?! – изумился я. – Да ладно! Я знаю его жену. Видел их вместе. Такая трогательная пара. Слепой бы заметил, что Бубута ее обожает. Завести роман на стороне – ну, допустим, с кем не бывает. Но сбежать от леди Улимы в Ташер, на край Мира? Навсегда? Не могу поверить. Не может такого быть.

– Любовь творит чудеса! – торжествующе провозгласил Трикки. И захрапел.

– Что вообще происходит? – жалобно спросила меня Базилио. – Я обычно хорошо понимаю Трикки, но сейчас – нет. Почему он напился? Я не раз слышала, что люди, если они не горькие пьяницы, редко напиваются просто так. На радостях, как Малдо? Потому что теперь сам станет начальником полиции? Или наоборот, с горя? Я знаю, что они с генералом Бубутой Бохом неплохо ладили, но никогда бы не подумала, что Трикки будет о нем горевать. Или ему леди Улиму стало жалко? И стыдно, что помог ее мужу сбежать? Я леди Улиму ни разу не видела, но рассказывают, она чудесная женщина...

– Да, очень славная, – растерянно согласился я. – Никогда не мог понять, за что Бубуте такое счастье; с другой стороны, в молодости он, наверное, был обаятельный. К тому же Королевский гвардеец, не индюк чихнул... А может, Трикки все выдумал? Спьяну иногда чего только не городят. Ладно, выдумал или нет, потом разберемся, но сплетню в любом случае надо срочно пересказать Джуффину. Грех это – такой радости человека лишать.

«Что за нелепая шутка? – спросил сэр Джуффин Халли. – Даже для тебя перебор».

Однако вместо того, чтобы послать меня в приличествующем случае

направлении, он незамедлительно материализовался в одном из кресел – как был, в домашнем лоохи, с кружкой в руке. Мгновенно оценил обстановку, и удивленно присвистнул:

– Надо же! Думал, у тебя внезапно начались мистические видения, но нет. Трикки действительно валяется под столом. Что само по себе совершенно выдающееся событие. Имело смысл приходить, чтобы увидеть это своими глазами. Никому другому не поверил бы...

– И мне бы не поверили? – искренне огорчилась Базилио.

Шеф Тайного Сыска ненадолго задумался, наконец серьезно ответил:

– Тебе, пожалуй, поверил бы. На твое слово можно положиться. Но все равно некоторые вещи лучше увидеть самому, чем четырежды услышать в пересказе даже самых надежных свидетелей.

– Это точно, – подтвердил я. – Сам не поверил бы, если бы не увидел. И не услышал своими ушами: «Из какого дерьма ты вылез?» – вместо «привет». А потом – историю про Бубуту, который, если верить этому красавцу, сейчас без бороды, зато под всеми парусами несется в Ташер к возлюбленной.

– А протрезвить его и расспросить по-человечески не догадался? – укоризненно спросил Джуффин.

– Да просто жалко стало, – объяснил я. – Причем не столько Трикки, сколько невероятной картины реальности, которую он передо мной развернул. Не знаю, как ты, а я не прочь лишние десять минут пожить в удивительном мире, где творятся настолько невообразимые вещи. Будет жалко, если выяснится, что это обычные пьяные бредни. Бритый Бубута убегает к возлюбленной. Инкогнито, под покровом ночи! И почему-то в Ташер. Даже не знаю, что может быть прекрасней. Хоть поэму пиши.

– Постарайся, пожалуйста, воздержаться от создания крупномасштабных поэтических произведений, – попросил Джуффин. – Такие крайности ни к чему.

На этом месте он наконец-то рассмеялся. Впрочем, веселье не помешало шефу Тайного Сыска подойти к Трикки Лаю и легонько щелкнуть его по лбу. После чего тот, конечно, сразу подскочил, как миленький. И растерянным, но совершенно трезвым голосом спросил:

– Это вы почему?.. Что случилось? Я что-то ужасное натворил?

– Пока не знаю, – ответил ему Джуффин. – И очень рассчитываю на твой подробный отчет.

Вид у Трикки был настолько несчастный, что я решил его успокоить:

– Вроде бы ничего выдающегося. Просто надрался до состояния ослепительной задницы, пришел к нам в гости, зачем-то оклеветал своего

начальника и мирно уснул под столом.

– И очень обидел собак! – вставила Базилио. – Велел им драить сортиры своими хвостами. А они, в отличие от людей, шуток не понимают. Особенно таких грубых.

Но Трикки ее не слушал, он вытаращился на меня.

– «Оклеветал своего начальника»? Что я о нем сказал?

– Что Бубута сбежал в Ташер – то ли к своей возлюбленной, то ли вместе с ней.

– Ага. Значит, я все-таки проболтался, – заключил Трикки. – Как последний мерзавец и негодяй.

И пока я пытался осмыслить услышанное – это что же получается, все правда?! – он спокойно добавил:

– Значит, сработало. Мне очень стыдно, но по большому счету, я рад.

– Что сработало?! – хором спросили мы с Джуффином.

– Чему ты рад? – добавил я, уже соло.

Зато Базилио поняла его с полуслова:

– Так ты специально напился, чтобы проболтаться? Вроде все рассказал, и при этом не очень-то виноват, потому что не соображал, что делаешь? Здорово придумал!

На самом деле в ее проницательности нет ничего удивительного. Все-таки Трикки – ее создатель. Чудовище, которым Базилио раньше была, появилось на свет именно в результате его ворожбы. Не намеренно, по ошибке, но это ничего не меняет – в том смысле, что творение похоже на своего творца.

Трикки кивнул.

– Ну да. Я пообещал молчать дюжину дней, пока корабль не удалится от берегов Соединенного Королевства на расстояние, по мнению сэра Боха, достаточное, чтобы никто не смог его догнать и вернуть домой силой. Боюсь, он не совсем правильно представляет себе возможности магии, сам-то он в ней не силен. И одновременно несколько переоценивает значительность своего побега. Он же и правда уверен, что вы с Королем захотите вернуть его любой ценой и немедленно снарядите погоню. Поэтому официально оформил отпуск для поправки здоровья. А жене сказал, что едет к дальней родне в графство Вук, дышать горным воздухом; родня тоже оповещена, готовится к встрече. Правду, по его замыслу, все должны узнать только через дюжину дней. А я, пьяный дурак, раньше времени проболтался. Стыд и позор.

Мы с Джуффином молча переглянулись. На лице шефа было написано откровенное изумление. Не будь это сэр Джуффин Халли, я бы сказал, что

он совершенно сбит с толку. Но репутация есть репутация, поэтому, будем считать, шеф просто очень удивился, и все.

– Я твердо пообещал хранить молчание, – продолжил Трикки. – К счастью, обошлось без специальных магических ритуалов, благо генерал Бох в этих делах не разбирается. Но я обычно держу слово, и он это знает, все-таки не первый год работаем вместе. В то же время я не хотел бы с вами рассориться, утаив такой важный секрет. Поэтому прибегнул к проверенному средству: пошел в ближайший трактир и напился там до потери памяти. Это оказалось несложно, после двух бессонных ночей кряду я пьянею почти мгновенно. На то и был мой расчет: выпив, я обычно делаюсь крайне болтлив. В юности несколько раз нарывался на такие неприятности, что до сих пор вспоминать неохота. Но в некоторых случаях из этого недостатка можно извлечь определенную пользу. Вот как сейчас.

– Ну ты... стратег, – наконец вымолвил я.

– Строго говоря, не стратег, а тактик, – поправил меня Джуффин. – Впрочем, небезупречный. Для стопроцентной гарантии результата следовало бы напиться прямо здесь, чтобы не начать трепаться еще в трактире, осчастливив интересными новостями всех, кого они не касаются – кроме, собственно, нас.

– Вы правы, – согласился Трикки. – Но это выглядело бы как совсем уж явное намерение нарушить обещание. А моя совесть готова не на любой компромисс. К тому же, если бы я проболтался про Бубутин побег в трактире, об этом еще до утра узнал бы сэр Кофа – тоже неплохой результат. Но там я, кажется, все-таки не... Хотя не буду врать, не помню. И как сюда добирался, понятия не имею. Даже удивительно, насколько полный провал. Обычно все-таки хоть какие-то фрагменты запоминаются.

– Ты сказал, что искал меня по всему городу, – напомнил я.

– Ну мало ли, что я сказал, – невольно улыбнулся Трикки. – Зная себя, догадываюсь, что просто бродил по улицам и озирался по сторонам в полной уверенности, что сейчас ты откуда-нибудь появишься – если уж мне так сильно надо! Когда я пьян, мне кажется, что весь Мир должен плясать под мою дудку. А он почему-то не пляшет. Обидно, но это так.

– Иногда все-таки приплясывает, – утешил его Джуффин. – Буквально несколько па, но большей любезности нам всем от Мира вряд ли следует ждать. А теперь давай, рассказывай по порядку. Если уж все равно проболтался о главном, нет смысла скрывать подробности.

– А если совесть не позволяет, мы можем начать тебя пытать, – встрял я. – У моих поваров всегда наготове камра, сваренная по традиционному дворцовому рецепту. Принести или так расколешься?

– На самом деле я бы не отказался, – признался Трикки. – Вы все эту камру ругаете, а мне она очень нравится. Я все-таки совсем не гурман.

Ну, в общем для человека, который самой вкусной вещью на свете считает рыбный торт со взбитым сладким кремом, вполне ожидаемое признание. Готов спорить, разделяющая его страсть к рыбным тортам Базилио тоже эту кошмарную камру каждое утро тайком у себя в кабинете пьет. Что, кстати, объясняет, почему наши повара упорствуют в своей кулинарной ереси: Базилио их любимица, а все остальные мнения, начиная с моего и заканчивая моим же, не в счет.

– Четыре дня назад генерал Бох попросил меня приехать к нему домой, – начал Трикки, получивший в свое распоряжение полный кувшин камры и рюмку бодрящего бальзама Кахара от моих щедрот. – Ничего необычного в этой просьбе не было. Он, сами знаете, не каждый день посещает Дом у Моста.

– Это еще очень мягко сказано, – заметил Джуффин. – В последний раз, если не ошибаюсь, Бубута осчастливил нас своим появлением в самом начале осени, да и то только по случаю визита Королевского Мастера Проверяющего Прискорбные Сведения – когда горожане от испорченных благословлений стали чудить, и в соответствующую Королевскую канцелярию посыпались жалобы на плохую работу Столичной Полиции.

– Именно так, – кивнул Трикки. – На самом деле я глубоко благодарен генералу Боху за столь вопиющее пренебрежение служебной дисциплиной. Поначалу, когда я только стал его заместителем, работать было довольно непросто, потому что, с одной стороны, я обязан беспрекословно выполнять приказы начальства. А с другой, приказы эти были, по большей части, такого свойства, что их исполнение могло привести только к возникновению новых проблем. Сами помните, сколько раз я обращался к вам за помощью в поисках компромиссов, пока не научился утаивать от генерала Боха практически весь рабочий процесс, кроме совсем уж пустяковых дел, в которых при всем желании особо не напортачишь. Таким образом, мой начальник постепенно привык, что от него больше не требуется никаких усилий, все происходит как бы само собой. И ему это понравилось. У него открылось настоящее призвание к праздности, такой удачи я даже не ожидал.

– «Призвание к праздности», надо же! – восхитился я. – Какой удивительный, редкий талант!

– На самом деле действительно редкий, – совершенно серьезно подтвердил Трикки Лай. – Многие люди мечтают о полной праздности, но

мало кто способен искренне ею наслаждаться. Быстро начинают нервничать и скучать. Я, собственно, сам такой. Ты – тем более. Пожалуй, еще и похуже.

– Гораздо хуже, – со знанием дела подтвердил сэр Джуффин Халли. – Но вас обоих обсуждать неинтересно: вы пока не то что в Ташер, а даже на Муримах какой-нибудь с любовницами не сбежали. Жалкие, ничтожные личности. Про Бубуту давай. Позвал он тебя четыре дня назад, и что?

– И взял с меня честное слово молчать обо всем, что услышу. Сказал, для него это вопрос жизни и смерти. И выглядел при этом так, что я ему сразу поверил.

– Как это он выглядел? – нахмурился Джуффин.

– А вы его в последнее время не видели? Хотя и так ясно, что нет. Генерал Бох с начала осени похудел практически вдвое. И – трудно объяснить, как такое возможно, но факт остается фактом – одновременно помолодел и постарел. Глаза сияют, а руки трясутся. Скулы обтянуты, щеки обвисли. И подобные противоречия вообще во всем. Я подозревал, он тяжело болен, но с расспросами не лез. Не мое это дело; если сочтет нужным, расскажет сам. Но оказалось, не болен, а просто влюблен без памяти. Что многое объясняет, хотя само по себе объяснению не поддается. Не такого он склада человек, чтобы терять голову от любви – так мне, по крайней мере, казалось. Я привык думать, что хорошо разбираюсь в людях, просто в силу профессионального и житейского опыта. Но теперь сомневаюсь, что это так.

– Правильно делаешь, что сомневаешься, – усмехнулся Джуффин. – Я, знаешь ли, сам стараюсь почаще сомневаться в собственной проницательности. Можно сказать, насильно заставляю себя сомневаться, вопреки очевидным фактам – просто чтобы форму не терять... Ну и что было дальше?

– Генерал Бох попросил меня договориться с каким-нибудь капитаном о срочном отъезде в Ташер. Сказать, что хлопочу за своего земляка, то есть приезжего из Тулана. Заодно раздобыть для него нашу одежду и дорожные сумки, чтобы выглядеть настоящим туланцем. Говорил, что желает уехать инкогнито, часто повторял это слово, с таким, знаете, совершенно детским удовольствием, как будто недавно его узнал.

– Готов спорить, так и есть, – невольно улыбнулся я.

Джуффин скорчил зверскую рожу – дескать, не перебивай.

– Найти одежду и сумки было проще простого, – продолжил Трикки. – Договориться с ташерским капитаном ненамного сложнее. Для моряков вполне обычное дело брать на борт пассажиров. И отплыть на несколько

дней раньше, чем планировалось, за дополнительную плату согласится почти любой капитан. Дело сладилось, генерал Бох был счастлив и готов слушаться меня во всем. Он, понимаете, считает меня бывалым путешественником – только потому, что я однажды приехал сюда из Тулана. С другой стороны, скромный опыт, конечно, лучше, чем совсем никакого, в этом смысле он правильно сделал, что обратился ко мне.

– Удивительно, как ловко ты все это провернул, – сказал Джуффин. – Ни сплетен, ни слухов, ни единого намека. Вообще ничего.

– Это было несложно, – скромно сказал Трикки. – Жизнь генерала Боха в последнее время никто особо не интересуется. Услышали, что он собирается ехать в отпуск к родне, поправлять здоровье, и тут же забыли, кого это волнует? А что я ежедневно мотаюсь в порт и разговариваю с капитанами, в этом тоже ничего удивительного: у нас сейчас почти половина всех городских правонарушений происходит именно в порту, так что я весной даже комнату снял в припортовой гостинице, чтобы было где переводить дух. Одна из лучших моих идей за все время работы в полиции: сэкономила мне не меньше сотни часов сна...

– Все равно не сходится, – перебил его Джуффин. – Я Бубутиной жизнью не интересуюсь, да и твоей не особо. Случится что-то из ряда вон выходящее, сам придешь и расскажешь. Но сэр Кофа очень даже интересуется вами обоими. Твоими делами – с профессиональным интересом и готовностью прийти на помощь; Бубутиными, скажем так, с несколько меньшей доброжелательностью. А в последнее время еще и с любопытством. Он уверен, что вот-вот начнется тайная борьба высокопоставленных лиц за кресло начальника Столичной Полиции, и с нетерпением ждет представления. И вдруг Бубутино бегство в Ташер проморгал! И это не кто-нибудь, а Кофа, человек, которому незамедлительно докладывают не то что о таинственных пассажирах, а о каждой птице, слинявшей из столицы Соединенного Королевства на мачте иностранного корабля. Не могу в такое поверить! Единственная правдоподобная версия: Кофа все-таки в курсе, просто мне не сказал. Что в общем вполне простительно: Бубутин побег не угрожает безопасности Соединенного Королевства. Но все равно довольно некрасиво с его стороны.

Трикки Лай окончательно смутился.

– Я не думаю, что сэр Кофа утаил от вас какие-то сведения, – начал он и умолк, явно подбирая подходящие слова. – Просто понимаете... Не то чтобы я всерьез хотел вас всех провести. Но у меня такой принцип: если уж я берусь что-то делать, стараюсь сделать это на совесть. По-настоящему

хорошо. И сейчас решил: сперва помогу генералу Боху держать предстоящий отъезд в тайне, а потом сразу напьюсь и все разболтаю. Потому что погоню за ним вы совершенно точно не отправите – зачем бы вам? Но если бы думал, что отправите, подождал бы дюжину дней, как ему обещал. Я почему-то всегда сочувствую влюбленным, хотя сам не особо подвержен этой напасти. А может быть, именно поэтому?..

– Все это понятно, – нетерпеливо отмахнулся Джуффин. – Но речь сейчас не о причинах твоего намерения скрыть от нас с Кофой побег своего начальника, а о том, как тебе удалось его осуществить.

– Ну, просто я попробовал применить заклинание Дриммеха, – признался Трикки. – Под защитой которого наши дела окутываются своего рода туманом и как бы сами собой ускользают от чужого внимания. Не то чтобы я всерьез рассчитывал, что у меня с первого раза получится, но, по-моему, оно возымело некоторый эффект...

– Ничего себе – «некоторый»! – почти возмутился Джуффин. – Сам Кофа Йох ничего не заподозрил, какого тебе еще, к вурдалакам, эффекта?! Но откуда ты вообще узнал о заклинании Дриммеха? Это довольно малоизвестный прием.

«Малоизвестный» – это еще мягко сказано. По крайней мере, лично я о заклинании Дриммеха вообще впервые в жизни услышал. Хотя это, конечно, не показатель: я пока довольно мало знаю об Очевидной магии. Совсем недавно начал всерьез ее изучать, да и то на бегу, по мере необходимости, не давая себе труда запоминать названия, мне и самих заклинаний вполне достаточно, чтобы свихнуться, куда еще дополнительную абракадабру зубрить. В общем, я совсем не эрудит. И, получается, зря. Похоже, очень полезная штука это заклинание Дриммеха. Интересно, сколько еще таких же полезных вещей я по невежеству проморгал?

– Помните, года полтора назад в городе случилась серия интересных квартирных краж, а я с довольно высокой вероятностью вычислил следующую жертву и устроил засаду в соседнем доме? – спросил Джуффина Трикки. – Вы тогда еще удивлялись, что хозяин мне разрешил. Говорили, он бывший Старший Магистр какого-то Ордена, и считался не особо дружелюбным человеком даже в старые времена?..

– Адрикама Гуйтиблах из Ордена Стола на Пустоши, – кивнул Джуффин. – Помню, ты с ним поладил. Но я даже предположить не мог, что старик возьмется чему-то тебя учить.

– Ну так нам скучно было, – объяснил Трикки. – Мне – сидеть в засаде и ждать, а ему, по-моему, вообще жить, причем уже давно. И тут вдруг

такое развлечение – собеседник, которому интересно все, что ты скажешь. Я бы на его месте тоже был очень рад. Воры не торопились, время у нас было, так что сэр Гуйтиблах мне всю свою жизнь в подробностях пересказал. И о магических принципах, лежавших в основе его бывшего Ордена; тут я, каюсь, довольно мало понял, но на всякий случай кивал, всем своим видом выражая полное одобрение. В общем, мы подружились. Я с тех пор его навещаю. Редко, конечно, потому что времени совсем нет. Сэр Гуйтиблах мне очень сочувствует, считает по-житейски наивным молодым человеком, которого надо опекать. И любит давать советы, как выжить среди старых хищников, которые меня окружают...

– В смысле среди нас? – ухмыльнулся Джуффин.

– Ну да. А я не возражаю. Потому что, во-первых, мне кажется, нет ничего оскорбительного в том, что он считает вас с сэром Кофой хитрыми, а меня – не особо. Это просто правда, так и есть. А во-вторых, если я начну спорить, сэр Гуйтиблах меня выгонит. И останется совсем один, а это не дело. Если уж так вышло, что мы подружились, не стоит его бросать.

– Тем более, что он не только ворчит, сочувствует и читает нотации, но и учит тебя по дружбе разным полезным фокусам, о которых из книжек не узнаешь, – кивнул Джуффин. – Это мне понятно. Сам бы постарался не упустить такой шанс. И много ты успел выучить? Заклинание Дриммеха, это я уже понял. Что еще?

– Да так, больше по мелочам, – улыбнулся Трикки. – Мы же правда нечасто видимся, а сложным вещам быстро не научишься. Кроме заклинания Дриммеха сэр Гуйтиблах научил меня узнавать настоящее имя любого человека, каким бы тот ни назвался, а еще – видеть недавнее прошлое собеседника, заглядывая в его левый глаз. Правда, у меня пока получается отследить максимум последние часа полтора, но сэр Гуйтиблах говорит, это дело практики...

– Ишь ты! – удивился Джуффин. – О таком приеме я, кажется, даже не слышал.

– Это, наверное, потому, что он позаимствован не из Очевидной магии, а из какой-то старинной.

– А, тогда ничего удивительного. Знатоком древней крэйской магии я никогда не был. Считал, от нее в нынешние времена никакого толку, если ты не фермер и не моряк. Получается, ошибался. Покажешь потом, как это делается – с глазом? Очень любопытно.

– Конечно! – просиял Трикки Лай. – В любой момент.

На этом месте Базилио, слушавшая нас, затаив дыхание, не выдержала и восхищенно ахнула. Ее можно понять. Не каждый день сэр Джуффин

Халли просит научить его какому-нибудь магическому приему. И когда это вдруг случается, впечатляет куда больше, чем сами по себе чудеса.

– Вот мы тут сидим, а Бубута тем временем удаляется от столицы Соединенного Королевства на крыльях любви, – сказал я, чтобы вернуть присутствующих к реальности. Вернее, к тому безобразию, которое у нас внезапно образовалось вместо нее.

– Предлагаешь догнать его и запереть в погреб, пока не остынет? – усмехнулся Джуффин. – Ты будешь без него тосковать?

– Я-то как-нибудь переживу. А вот он без моих сигар быстро затоскует.

– Сэр Бох перестал курить сигары, – вмешался Трикки. – Даже с собой ни одной не взял. Его возлюбленная не переносит их дым.

– Эту леди можно понять, – согласился Джуффин, невольно поморщившись от воспоминаний о вонючем сигарном дыме.

– Ну ничего себе сила страсти! – изумился я. – Он же без сигар жизни не мыслил.

– Не мыслил, я помню, – кивнул Трикки. – И очень без них страдал, пока тебя не было в Ехо; за несколько лет так и не отвык. Но теперь ему плевать на сигары. И, по-моему, вообще на все. Взял с собой всего пару сотен корон, да и то только после моих настоятельных уговоров запасться деньгами хотя бы на первое время, а ему самому даже в голову не пришло. Написал прошение об отставке, дом, сбережения и положенную ему в будущем Королевскую пенсию распорядился оставить жене, а свой парадный портрет кисти Гальзы Иланы велел продать с аукциона в пользу семей полицейских, погибших при исполнении служебных обязанностей... Я, как вы понимаете, не только своими глазами читал его письма, но и помогал их составлять. Честно говоря, больше похоже на завещание умирающего, чем на распоряжения беглеца, которому предстоит строить новую жизнь с возлюбленной. Обычно в его положении стараются оттяпать у бывших супругов побольше, чтобы было чем счастливое будущее оплатить.

– Околдовали его, что ли? – вздохнул я.

– Очень на то похоже, – согласился Джуффин. – Ну, скоро мы об этом узнаем. Максимум через полдюжины дней.

– Почему через полдюжины? – хором спросили мы с Трикки.

– Сами подумайте. По описанию, очень похоже на действие какого-нибудь угуландского приворотного зелья. От уандукских так внезапно с ума не сходят, а человека без единой капли кейифайской крови ими вообще не проймешь. Что касается Чирухты, извини, сэр Трикки, но при всем моем уважении, твои земляки в этом деле вообще ни в зуб ногой.

– Обижаться тут не на что, – улыбнулся Трикки Лай. – С приворотными зельями у нас и правда не очень. По-моему, это только к лучшему. Жизнь и так штука сложная, а если еще и в постели жульничать... Нет, я не согласен! Ну ее в болото, такую любовь.

– В целом твоя позиция представляется мне разумной, – кивнул Джуффин. – Но население Соединенного Королевства борется за личное счастье всеми доступными ему средствами, не интересуясь нашим с тобой мнением на сей счет. Так что, скорее всего, Бубуту приворожили чем-нибудь нашим, местным, благо выбрать есть из чего. А значит, чары благополучно развеются, как только их жертва удалится на достаточное расстояние от Сердца Мира. Тогда он спохватится, поймет, что наделал, и потребует развернуть корабль назад. Не знаю, согласится ли капитан, но на его месте я бы, пожалуй, повернул. Ну или вышвырнул бы скандалиста за борт – зависит от обстоятельств. В смысле предлагает пассажир удвоить оплату, или только призывает на мою голову большой небесный сортир.

– То есть сэр Бох еще может вернуться? – опешил Трикки.

– Скорее всего, именно так и будет, – кивнул Джуффин. – Ставлю корону, что и полудюжины дней не пройдет, как он пришлет тебе зов и попросит сжечь все свои письма. А заодно придумать, как ему теперь объясняться с женой.

Самое поразительное, что Джуффин эту корону проиграл.

Прошла назначенная им полудюжина дней, потом еще столько же, и генерал Бубута Бох действительно прислал зов своему заместителю, но только затем, чтобы напомнить: «Пора передавать мои письма Улиме и Королю». А больше он не сказал ни слова: людям, далеким от практической магии, на таком расстоянии от Сердца Мира Безмолвная речь дается с огромным трудом.

За это время Бубута успел стать нашим героем. Ни о ком мы столько не говорили в те дни, как о нем. Не то чтобы собирали ради него специальные совещания, но этого и не требовалось, любая наша встреча, включая рабочие, как-то незаметно превращалась в очередное обсуждение Бубутиного романтического побега. Мы, конечно, над ним смеялись, но с совершенно иной, чем прежде, почти уважительной интонацией. Теперь мы за него болели. Хотели, чтобы Бубута не просто так сгинул на краю Мира, а получил за свою безрассудную выходку какой-нибудь суперприз от судьбы.

Отсюда, вероятно, можно вывести простое в формулировке, но трудновыполнимое на практике правило: хочешь стать кумиром Тайного Сыска, соверши невозможное – то, чего от тебя никто не ждет. Кратчайший

путь к нашим сердцам лежит через когнитивный диссонанс; впрочем, если я произнесу эту формулу вслух, сэр Джуффин Халли потребует, чтобы я прекратил грязно браниться, сэр Мелифаро умеренно достоверно изобразит шокированную непристойностью школьницу, леди Кекки Туотли выдаст в ответ пару-тройку свежайших портовых ругательств, а сэр Шурф, если бы, как в старые времена, присутствовал на наших совещаниях, непременно записал бы «когнитивный диссонанс» в тетрадку.

Впрочем, он и так записал, просто гораздо раньше, в ходе личной беседы. И, подозреваю, теперь запугивает этим угрожающим выражением буйных юных послушников Ордена Семилистника, когда ситуация требует по-настоящему суровых мер.

* * *

– Ну теперь начнется веселье, – сказал сэр Джуффин Халли.

Трикки Лай молча кивнул.

– На веселье я бы не особо рассчитывал, – заметил сэр Кофа Йох. – Потому, что на этот раз оно происходило без нашего с вами участия. И уже практически завершилось. Можно, конечно, вмешаться на текущем этапе, просто из принципа...

– Да ни в коем случае! – воскликнул Джуффин. – Знали бы вы, чего мне стоило все это время держать себя в руках и ни во что не вмешиваться. Некоторые процессы надо, по мере возможности, пускать на самотек. Жизнь, целиком взятая под контроль, без сюрпризов и неожиданностей, становится невыносимо пресной. Лично я такое не ем.

– Мне, как человеку практическому, по-прежнему непросто согласиться с вашей точкой зрения, – хмыкнул Кофа. – Но как ни странно, в данном случае меня совершенно устраивает итог нашего с вами невмешательства.

– Так вы уже знаете имя нового начальника Столичной полиции? – обрадовался Джуффин.

– Скажем так, догадываюсь.

– Было бы очень любезно с вашей стороны выступить в роли пророка и предсказать нам ближайшее будущее.

– Ладно, – великодушно кивнул Кофа. – Сейчас предскажу.

В такие моменты Кофа обычно начинает набивать трубку – ради удовольствия потянуть паузу. Но на этот раз трубка оказалась некоторым излишеством, в ее роли отлично выступил я. В смысле эти трое наконец-то

заметили, что я заглядываю в окно кабинета с улицы.

Раньше для этого мне пришлось бы подпрыгивать, цепляться за подоконник, подтягиваться на руках и вместо приветливой улыбки предъявлять присутствующим выпученные глаза и побагровевшие от натуги щеки. Но на то и Очевидная магия, чтобы не истязать себя спортивными упражнениями, а просто аккуратно воспарить над землей – примерно на полметра, больше не надо, не такие уж высокие у нас подоконники, да и рост у меня вполне ничего.

– Ты за нами шпионишь? – наконец спросил сэр Кофа. – Хорошее дело. Если уж на тебя по какой-то нелепой причине не действуют защитные барьеры господина Почтеннейшего Начальника, глупо было бы не постараться извлечь из этого обстоятельства практическую пользу. Но мой тебе совет: в следующий раз попробуй подслушивать, предварительно став невидимым. Тогда твое присутствие будет не так сильно бросаться в глаза.

– Если я стану невидимым, вы меня все равно учуете, – возразил я. – Но из чувства такта, чего доброго, не подадите виду, просто чтобы не огорчать. И не предложите зайти в кабинет целиком и, например, выпить камры. И что мне тогда, за свой счет в «Обжоре» ее пить? В полном, трагическом одиночестве? Нет, не пойдет.

– А просто через дверь зайти тебе в голову не приходило? – осведомился Джуффин. – Не было пока такого, чтобы я силой тебя не пускал.

– Через дверь я в твой кабинет каждый день по несколько раз захожу. Не хочу показаться занудой без капли воображения. Мне и так стыдно, что до сих пор не сбежал ни в какой Ташер.

– Это вполне простительная слабость, – утешил меня шеф Тайного Сыска. – Мы сами, как видишь, тоже пока никуда не сбежали. Не нам тебя упрекать.

– На самом деле за последние четверо суток ты к нам через дверь еще ни разу не заходил, – строго сказал буривах Куруш. – Выходить – выходил, было дело. А входил этим вашим нелепым человеческим Темным путем, внезапно возникая из ниоткуда, в общей сложности одиннадцать раз.

Никогда не привыкну к тому, что он даже такую ерунду замечает и тщательно подсчитывает. И запоминает. Навсегда, как и любую другую информацию. Я бы на его месте давно чокнулся. Впрочем, я-то не буривах.

– Ты все-таки давай или туда, или сюда, – проворчал Кофа. – А то устроил балаган.

В глубине души я был с ним совершенно согласен. Мне бы самому не понравилось такое вмешательство в разговор в тот самый момент, когда я

собрался рассказать что-то важное. Положа руку на сердце, мне бы добрая половина собственных выходов не понравилась, причем настолько, что будь меня двое, в живых остался бы только один. Но меня окружают удивительные люди, даже не поколотили ни разу. Наоборот, регулярно кормят и предлагают заходить еще. И выглядят вполне довольными своей непростой судьбой. Видимо, я послан им не то в утешение, не то в наказание за отсутствие наглых домашних котов. Кроме меня кошек в городских квартирах здесь никто не держит, только на фермах, где их разводят исключительно ради шерсти, как овец.

– Леди Кайрена Умата, – торжествующе сказал сэр Кофа после того, как я скромно разместился с кружкой камры в самом углу подоконника, всем своим видом демонстрируя несгибаемое намерение в ближайшие четверть часа не очень сильно мешать.

Мы с Трикки Лаем удивленно переглянулись. «Ты тоже не знаешь, кто она такая?» – читалось в его взгляде. И, уверен, в моем.

Зато Джуффин зыркнул на Кофу с недоверчивым интересом:

– Начальница Дворцового Порядка летней Королевской резиденции Анмокари? А почему вы думаете, что именно она?

– Леди Кайрена Умата с самого начала была номером первым в моем списке возможных кандидатов на Бубутино кресло. Она уже давно заскучала на своей нынешней должности. При этом Король очень высоко ее ценит. И, справедливости ради, не зря. В свое время леди Кайрене удалось сделать летнюю резиденцию безопаснейшим местом в столице, не вводя ни единого дополнительного внутриворцового правила, ограничивающего свободу и удовольствия Короля, просто методом тщательного обучения персонала и остроумным применением древних крэйских^[5] заговоров, в которых госпожа Начальница Дворцового Порядка довольно сильна. Она происходит из старинной семьи, принадлежащей к так называемой «фермерской аристократии», ведущей свой род от крестьян, снабжавших едой Халлу Махуна Мохнатого и его помощников в начале строительства нашей столицы. У семейства Умата даже имеется фамильный герб, изображающий пумбу, пронзенную Королевской походной ложкой; право на него им дает упоминание в одном из фрагментов «Хроник Халлы Махуна», чудом сохранившемся до наших дней: «Сыновья долговязого Уматы, леший их раздери, опять привезли нам три бочки квашеной пумбы; ничего гаже я в свой жизни не ел», – ну или что-то вроде того. Извините, что рассказываю настолько общеизвестные вещи, но мальчишки, как я догадываюсь, не обременены избытком знаний об

истории раннего периода Соединенного Королевства.

– Я и сам не особо обременен, – признался Джуффин. – Будучи человеком практическим, интересовался в основном, магией того периода. Но и в этой области у меня, похоже, имеются изрядные пробелы. Специальных крэйских заговоров, при помощи которых можно обеспечить дворцовую безопасность, вот так сходу и не припомню. Но верю вам на слово: если леди Кайрене удалось навести порядок в замке Анмокари этими средствами, значит они существуют. В высшей степени любопытная для меня деталь. Продолжайте, пожалуйста.

– Его Величество был – и, собственно, остается – чрезвычайно доволен работой леди Кайрены Уматы. Одно время даже собирался передать под ее охрану замок Рулх, но встретил серьезное сопротивление со стороны не только придворных, ратующих за сохранение старых порядков, но и собственных Сонных Стражей, а с ними нельзя не считаться даже Королю.

– Но если Сонные Стражи против, значит что-то с этой леди не так?

Я не хотел перебивать Кофу. Само вырвалось. Даже удивился, услышав свою реплику, словно бы со стороны.

К счастью, Кофа не рассердился.

– Если ты думаешь, будто Сонные Стражи как-то особенно хорошо разбираются в людях, вынужден тебя разочаровать, – усмехнулся он.

А Джуффин сказал:

– Дело не в личных качествах леди Уматы, на ее месте мог оказаться кто угодно. Просто наяву Сонные Стражи чрезвычайно консервативны. Не одобряют никаких перемен. Отчасти их можно понять: когда большая часть твоей сознательной жизни проходит в сновидениях, поневоле захочешь хоть какой-то стабильности за порогом спальни.

– К тому же с нынешним Господином Порядка Замка Рулх был дружен еще покойный отец их начальницы, – заметил Кофа. – Впрочем, леди Кайрена Умата заранее предсказывала Его Величеству, что дело с ее новым назначением зайдет в тупик. Но все равно огорчилась. Это понятно: замок Анмокари – слишком мало для такой энергичной личности. Просто не ее масштаб. На самом деле я очень рад, что она соблазнилась Бубутиным местом. Даже со скидкой на отсутствие необходимого опыта, из всех возможных кандидатур она – наилучшая. У леди светлая голова, и с ней совсем несложно поладить.

– Вот это хорошая новость, – откликнулся Трикки Лай. – В последние дни у меня сердце не на месте. Все думаю: а ну как новое начальство решит первым делом избавиться от меня? И чем тогда заниматься? Уехать-

то отсюда я в любом случае не могу.

– С твоими навыками и связями возглавить столичный преступный мир – раз плюнуть, – подсказал я. – И тебе развлечение, и Соединенному Королевству польза: высокий интеллектуальный уровень преступлений наверняка поднимет наш международный престиж.

Трикки улыбнулся, но как-то кисло. Было ясно, что ему в кои-то веки не до шуток. Даже не до моих.

– Совсем чокнулся, – вздохнул Джуффин. – Да кто же позволит от тебя избавиться? Ты же, выражаясь языком придворных сплетен, мой протеже. Заменить одного начальника Столичной полиции другим гораздо проще, чем найти ему заместителя, который будет настолько меня устраивать. Собственно, именно поэтому я никогда не предлагал тебе должности в Тайном Сыске: ты бы отлично у нас прижился, просто в полиции от тебя гораздо больше пользы. Но это не означает, что в случае чего я оставлю тебя чахнуть от безделья.

– Спасибо, – поблагодарил его Трикки. – Теоретически я это и сам понимаю. Но почему-то все равно беспокоюсь, смогу ли поладить с новым начальством. Иррационально. Без повода. Просто так.

– Ну и напрасно, – заметил Кофа. – Все самое худшее, что могло тебя ждать на службе в полиции, уже случилось с тобой в самом начале. А теперь это худшее твоими же стараниями благополучно удаляется от столицы со скоростью... Ладно, обойдемся без точных цифр, скорость тяжелогруженого ташерского фафуна зависит от множества обстоятельств, но, надеюсь, она достаточно велика. А кстати, знаете, что за красotka похитила сердце Бубуты? Конечно не знаете, я тоже к своему стыду долго не знал. Леди оказалась большой ловкачкой, являлась на свидания в разных облициях, и мои осведомители были уверены, это обычный хоровод генеральских любовниц, ничего нового, все как всегда...

– А у Бубуты была куча любовниц? – изумился я. – Вы серьезно? Это вообще как? Зачем им?..

Эти трое посмотрели на меня с нескрываемым состраданием, как на слабоумного деревенского сироту, которому никогда не выбиться в люди, просто в силу ограниченных возможностей, и тут ничего не изменить.

– Купите ему, что ли, книжку с соответствующими картинками, – наконец сказал Джуффину Кофа. – Если дорого, можно в складчину, я вполне готов пожертвовать пару горстей. А то как-то неловко объяснять на словах, что иногда происходит между мужчинами и женщинами. Сэр Макс, конечно, еще очень молод, а все же в его возрасте такие вещи уже пора знать.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я. – Я высоко ценю вашу заботу. И от лишней книжки с картинками не откажусь. Но насчет мужчин и женщин я более-менее в курсе. Будем считать, уже видел пару картинок. Вполглаза, издалека. Просто как-то в голове не укладывается, что Бубута все эти годы был окружен женским вниманием. Одна симпатичная жена – и то, мне казалось, немного слишком. Ну ладно, предположим, повезло. И вдруг выясняется, что у него была целая куча любовниц! Никогда этого не пойму.

– Да ладно тебе, – растерянно сказал Трикки. – Что в этом такого необычного, чтобы не понимать?

– У меня, ты знаешь, всегда было немало претензий к Бубуте, – усмехнулся Кофа. – Тем не менее, даже я вынужден признать, что какими-то особенными качествами, отвращающими всех без разбору женщин, бедняга отродясь не обладал.

– Просто Максу кажется, что Бубута слишком старый и некрасивый для сердечных дел, – снисходительно объяснил им сэр Джуффин Халли, весьма преуспевший в области познания моей загадочной души.

– А на самом деле, он мускулистый юный красавец, зачем-то наставший нелепое наваждение на меня лично? И больше ни на кого? – обрадовался я.

– Именно в таких вопросах обычно наиболее ярко проявляется разница сформировавших нас культур, – пожал плечами Джуффин. – Я тебе это уже тысячу раз по сходным поводам говорил. Здесь, в Угуланде, такой тип внешности, как у генерала Бубуты, считается достаточно привлекательным. Кстати, на моей родине, в графстве Шимара, он бы не пользовался особым успехом: мы, горцы, тоже не в восторге от таких здоровяков. Но мы с тобой – не единственные женщины в столице Соединенного Королевства. Более того, мы вообще не женщины. Поэтому не нам решать, кто тут красавец. Обидно, но это так.

– Вот они без нас и нарешали, – ухмыльнулся я.

– Удивительно все же, что вы, люди, уделяете так много внимания совершенно незначительным особенностям своего внешнего облика, – неожиданно высказался Куруш. – Лично для меня вы все вообще на одно лицо, только одни покрупнее, другие помельче, и перья... волосы разного цвета. Не будь у каждого из вас своего индивидуального ритма и темпа внутреннего движения, даже не знаю, как бы я вас различал. А для вас эти наиважнейшие факторы почему-то не имеют никакого значения. Я не раз слышал, как вы называете «красивыми» людей, на которых вообще невозможно подолгу смотреть.

– Ну что ты. Внутреннее движение имеет огромное значение, – утешил

птицу Джуффин. – И, подумав, честно добавил: – Но только для некоторых из нас. Не все люди его видят, вот в чем беда.

Мне, конечно, сразу захотелось расспросить бузивуха, как, с его точки зрения, выгляжу я – красавчиком или не очень? И вообще, кто из нас, по его меркам, самый красивый, а кто самый жуткий урод? Почему-то подобная ерунда всегда кажется интересней всех остальных тайн Вселенной. Но я понимал, что разговорами о своей неземной красоте окончательно угроблю и без того затрепавшее по швам совещание, поэтому сказал:

– Ладно, действительно, чему я удивляюсь? В конце концов, этот Мир полон магии. На ее проявления не только Бубутину популярность у женщин, а вообще все можно списать.

– На самом деле все еще проще, – утешил меня сэр Кофа. – В столице Соединенного Королевства полным-полно женщин, жадных до приключений, уж это ты за столько времени и сам вполне мог заметить. Некоторые из них считают чрезвычайно полезным иметь связи в полиции – просто чтобы приключения как можно реже заканчивались неприятностями. Похвальная предусмотрительность! И уж тут каждая делает, что может. Я хочу сказать, когда ты – большая шишка в Столичной полиции, у тебя не будет проблем с женским вниманием, даже если ты похож на старого равнинного крёггела^[6], умершего полтора столетия назад. Красотки гроздьями на шее будут виснуть. И игриво подмигивать из-за каждого угла.

– Да, – скромно подтвердил Трикки. – Только уворачиваться успевай.

– Все это, безусловно, очень интересно, – сухо сказал Джуффин. – Но, с вашего позволения, хотелось бы вернуться к загадочной леди, которая столь жестоко лишила нас возможности наслаждаться обществом генерала Бубуты. Ее имя вы так и не успели назвать.

– Подозреваю, ее имя – Атана Тури – вам ничего не скажет. Но если я добавлю, что она падчерица Лани Караны, которая была няней леди Кайрены Уматы, поэтому девочки выросли вместе, как сестры, это совпадение покажется вам интересным, не так ли?

– Да, пожалуй.

– В самом начале осени леди Атана Тури переехала в новый трехэтажный дом на Левом берегу, – продолжил Кофа. – Такое жилье, сами понимаете, не по карману рядовой служащей столичной таможни; было даже предпринято специальное служебное расследование – не связалась ли леди с контрабандистами? Хотя лично мне решительно непонятно, какой контрабандистам может быть толк от младшей помощницы дневного секретаря таможенного архива, которая не принимает решений и имеет

доступ только к информации о делах многолетней давности. Расследование завершилось, практически не начавшись, поскольку сразу же выяснилось, что роскошный дом – подарок высокопоставленной названной сестры. Леди Умата умеет с толком вкладывать деньги, вот что я вам скажу.

– Но зачем покупать дом на Левобережье перед самым отъездом в Ташер? – удивился я.

Кофа удивился еще больше.

– А с чего ты взял, будто леди Атана Тури собирается куда-то ехать? Зачем бы ей?

– Но...

– Леди продолжает ходить на службу, прошения об отставке не подавала, зато несколько дней назад подписала контракт на полный комплекс услуг с семейством Кушара, потомственным кланом садоводов; как по мне, правильно сделала, участок вокруг ее дома пока выглядит, прямо скажем, не ах. Словом, совсем не похоже, чтобы Атана Тури планировала куда-то уезжать. Уверен, для Бубуты она придумала достаточно убедительные аргументы, почему им не стоит путешествовать вместе – например, чтобы не возбудить преждевременных подозрений и не навлечь на бесценного генерала Столичной полиции Королевский гнев с последующей погоней – и пообещала догнать его немного погодя. Этого, как видишь, оказалось достаточно, чтобы пылкий влюбленный все бросил, сбрил бороду и отправился в Ташер. Как Бубута поведет себя, обнаружив, что подружка к нему не спешит, особого значения не имеет: его прошение об отставке уже у Короля. И, не сомневаюсь, будет подписано сегодня же, такие дела даже служащие Королевской канцелярии в долгий ящик не откладывают. В общем, есть игра.

– Свинство какое, – сердито сказал я.

– Не без того, – согласился Кофа. – Но в сердечных делах никогда заранее не угадаешь, к какому придешь итогу. Бубуте крупно не повезло, но такое с каждым может случиться, даже без всяких злокозненных интриг. С другой стороны, его жизнь на этом вряд ли закончится. Захочет, вернется в Ехо. Ташер, конечно, далековато, а все-таки не Арварох. Помирится с леди Улимой, она ему еще и не такие выкрутасы прощала. И выяснит, что безделье в отставке не слишком отличается от безделья на службе, а на положенную ему Королевскую пенсию можно очень неплохо прожить.

– Ну да. А еще по дороге можно случайно свалиться в море. Или сдуру залезть на мачту, упасть и погибнуть счастливым, так и не узнав, что тебя оставили в дураках. В общем, надо быть оптимистом: всегда остается шанс на благоприятный исход.

– Довольно наивно представлять себя на месте другого человека, который совсем на тебя не похож, и думать, будто он испытывает такие же чувства, какие в сходной ситуации испытывал бы ты сам, – заметил Джуффин. – Тем более, что у тебя при всем желании вряд ли получится влипнуть в подобную историю. Влюбиться по уши – ладно, допустим. Вполне могу такое несчастье вообразить. Но вряд ли ты в связи с этим подашь в отставку. Максимум – отпуск возьмешь. Дня на три, рассудив, что для очередной любви всей жизни этого более чем достаточно. Но даже отпуском не успеешь воспользоваться, потому что по дороге на, скажем, второе свидание случайно отвлечешься на что-нибудь интересное. А потом – на что-нибудь еще. И вспомнишь о владычице своего сердца только когда она станет гоняться за тобой по городу с лохрийской охотничьей рогаткой...

– А почему именно с лохрийской? – удивился я. – Какой в этом тайный смысл?

– С лохрийской охотничьей рогаткой ходят на диких менкалов, – любезно объяснил Кофа.

– Вот именно, – кивнул Джуффин. – Я имею в виду, снаряды достаточно велики, чтобы пробудить совесть даже в человеке, у которого ее отродясь не было. Будь я покинутой красоткой, стрелял бы в вероломных любовников именно из лохрийской рогатки. И сестрам по несчастью ее бы настоятельно рекомендовал.

– Хорошо, что вы не покинутая красотка! – вдруг рассмеялся Трикки Лай.

– Да, – с достоинством подтвердил сэр Джуффин Халли. – Это счастливое обстоятельство спасло много человеческих жизней. Не сосчитать.

Они, конечно, мгновенно подняли мне настроение, испорченное внезапным острым приступом сострадания – не столько к самому генералу Бубуте, сколько к абстрактному собирательному образу всех несчастных влюбленных, обманутых умными и расчетливыми объектами страсти, за всю историю всех человечеств – чего мелочиться, страдать, так уж страдать. Но о незнакомой пока леди Кайрене Умате и ее названной сестрице я весь день вспоминал с неприязнью. Хотя обычно чужая хитрость вызывает у меня невольное восхищение, как почти любое искусство, в котором я сам не силен.

Когда по столице поползли слухи, что на краю городского центра, среди заброшенных огородов Ордена Могильной Собаки полным ходом идет строительство каких-то невероятных летающих дворцов, я сперва скандальным тоном спросил Малдо Йоза, почему я, сирота, всегда узнаю такие новости последним, и только потом сообразил, о чем, собственно, речь.

Впрочем, тот факт, что идея построить для шиншийских гостей что-то вроде фрагмента Черхавлы с невидимыми первыми этажами родилась при моем активном участии, включающем протрезвляющее заклинание, безответственные советы и два сломанных в неравной схватке с эскизами карандаша, не спас меня от культурного шока при посещении строительной площадки на этапе финальных отделочных работ. Высокие, узкие, устремленные в небо дворцы из полупрозрачного молочно-лилового камня, связанные в единый комплекс изящными переходами на разных уровнях, выглядели парящими над землей на высоте примерно четырех метров; первый этаж становился видимым только когда открывали одну из входных дверей – очень условно видимым, словно бы сотканным из тумана. Впечатления это не портило, скорее, даже усиливало, по крайней мере, для меня. Оставалось надеяться, что у шиншийцев крепкие нервы, и они не рехнутся, выяснив, что им в этом сумрачном наваждении предстоит жить.

– Это тот уникальный случай, когда невозможно – да, пожалуй, уже и не нужно – провести четкую границу между архитектурой и поэзией, – сказал сэр Шурф, ради совместного любования отделочными работами отменивший ежевечернюю порку Старших Магистров или какие там еще бывают ужасающие Орденские таинства, о которых непосвященным лучше ничего не знать.

А может быть, это не он сказал, а я сам подумал. Поскольку в людных местах нам обоим лучше появляться невидимыми и пользоваться Безмолвной речью, иногда довольно трудно бывает отличить чужую реплику от собственной мысли. И это придает разговору приятный привкус безумия – легкого, необременительного и безопасного, благо прекратить его можно в любой момент.

Впрочем, я и без того был слегка не в себе, потому что представшее нашим глазам зрелище превосходило мои самые смелые представления о красивых зданиях. И еще потому, что я хорошо помнил, как впервые оказался в Ехо, и как потом вернулся сюда после долгого перерыва, и оба раза совершенно одинаково думал, что прекрасней этого города ничего быть не может, а оказалось – еще как может. Вот прямо сейчас, у меня на

глазах город становился прекрасней былого себя.

Но больше всего меня изумляло, что я сам отчасти стал тому причиной. Очень странное ощущение: смотреть на парящие над землей рукотворные призрачные дворцы и осознавать, что без твоих корявых эскизов ничего бы не было. Я испытывал по этому поводу не столько гордость, сколько растерянную благодарность судьбе за такой неожиданный подарок. И долго еще потом думал: «Как же мне повезло сделать в это свой вклад!»

– На каком-то этапе я даже испугался, – признался Малдо Йоз, которого мы в отместку за свое утраченное душевное равновесие подвергли временному отстранению от работы с последующим размещением на крыше Мохнатого дома и насильственным нанесением грубых восхвалений. Впрочем, художники обычно довольно легко переносят восхваления, даже самые грубые, особенно если к ним прилагаются всякие интересные напитки, так что гений не особо от нас пострадал.

– Чего именно вы испугались? – строго спросил Шурф. Он буквально светился готовностью прочитать Малдо столько душеполезных лекций о мужестве, необходимом всякому большому художнику, сколько понадобится, чтобы окончательно и бесповоротно его вразумить.

– Впервые за все время всерьез задумался, будут ли мои постройки хотя бы такими же долговечными, как обычные каменные и кирпичные дома. Вроде бы никаких причин сомневаться в их прочности у меня нет, но я все равно испугался: а вдруг этот дворец однажды просто возьмет и исчезнет? Станет истлевшей грудой хлама, который я в него превращал. Было бы очень жалко.

– Насколько мне известно, материальные объекты, созданные с применением Очевидной магии, можно считать даже более долговечными, чем обычные вещи. Причем я говорю «более долговечными», только потому, что называть их «вечными» мне не позволяет потребность всегда оставаться точным в высказываниях. Ученые до сих пор спорят, можно ли считать вечной хотя бы саму Вселенную, и я пока не определился, какую из сторон следует поддерживать в этой дискуссии, потому что аргументы обеих довольно остроумны, но недостаточно убедительны для меня.

Вот теперь я совершенно точно не перепутал бы слова Шурфа с собственными мыслями, даже если бы он по-прежнему оставался невидимым и пользовался Безмолвной речью. Потому что к таким сияющим вершинам занудства мне вовек не вознестись. Да он и сам далеко не каждый день так блистает, прошли те времена. Но сейчас, надо думать,

способности моего друга обострил культурный шок.

Меня же культурный шок вверг в такое блаженное молчаливое оцепенение, что эти двое, хоть и были увлечены разговором, периодически косились на меня с явной тревогой: ты вообще еще жив? Я только вяло отмахивался: ловите свою удачу, пользуйтесь случаем, когда еще я вам за один вечер столько намолчу.

– Теорию-то я знаю назубок, – сказал Шурфу Малдо. – И согласно этой теории, все мои постройки должны простоять до конца времен, если не применять к ним специальной разрушающей магии, что по счастью, довольно непросто и строжайше запрещено законом. Так что мой страх абсолютно иррационален, в этом я отдаю себе отчет. Говорят, некоторые люди точно так же боятся за своих совершенно здоровых детей, возлюбленных и друзей: а вдруг случится несчастье? А вдруг прямо завтра заболеет? А вдруг всего через какие-то несчастные триста лет умрет? Чокнулся я совсем с этим дворцом, вот что. И ничего поделать с собой не могу.

– Ну, это далеко не худшая разновидность безумия для художника вашего масштаба, – неожиданно согласился Шурф. – Я бы даже сказал, отчасти полезная – для ваших современников и будущих зрителей. Лучше уж трястись над своими работами, чем следовать примеру Гриссы Шумары.

Услышав незнакомое имя, я встrepенулcя:

– А это еще кто?

– Знаменитый поэт эпохи Короля Мёнина. Судя по отзывам современников, исключительный мастер. Однако составить собственное мнение о его творчестве нет возможности ни у меня, ни у других экспертов. Грисса Шумара был одержим удивительной идеей, будто стихи не должны переживать своего автора. Якобы это вредит то ли самому поэту, который рискует застрять между жизнью и смертью, каким-то невообразимым образом равномерно распределенным по своим стихам, то ли некоему гипотетическому общему пространству поэзии, привнося в него дыхание смерти. Я тщательно изучил обе версии и считаю их скорее поэтическими метафорами, чем рабочими гипотезами, хоть сколько-нибудь основанными на достоверном знании о природе смерти и текста. Но, к сожалению, Грисса Шумара принимал решение задолго до моего рождения и вынужденно обошелся без моих консультаций. Поэтому он наложил на свои стихи заклятие, на создание которого потратил немалую часть своей долгой жизни. И оно сработало таким образом, что в день смерти Гриссы Шумары сгорели все книги с его стихами, до последнего экземпляра. И все его рукописи и черновики. И даже личные письма совершенно

посторонних людей, которые содержали цитаты из его стихотворений. Не сохранилось ни единой строчки. Когда многочисленные поклонники таланта Гриссы Шумары пришли в себя после такого несчастья и попытались восстановить его наследие по памяти, выяснилось, что и самопишущие таблички, и тетради сгорают, как только туда записывают хотя бы одну строку. Пробовали намеренно писать с ошибками, в надежде, что тогда заклятие не сработает, но это не помогло. Была идея уехать подальше от Сердца Мира, в идеале на другой материк и попробовать восстановить записи там, но воплотить ее на практике, к сожалению, не успели, потому что...

– Люди, которые помнили его стихи наизусть, тоже сгорели? – ужаснулся Малдо.

– Такого исхода многие опасались, но, к счастью, все-таки нет. Грисса Шумара не был кровожаден. Просто люди сперва постепенно и незаметно, а потом все стремительней стали забывать его стихи. В том числе признанные знатоки поэзии с профессиональной памятью, способной вместить не одну дюжину томов. Единственное, что в итоге уцелело – несколько любительских переводов на иррашийский язык. Но иррашийский язык, как вам обоим, полагаю, известно, был создан специально для торговых операций и деловых переговоров; переводить на него поэзию – задача, скажем так, нетривиальная. Неудивительно, что неизвестный переводчик не справился. Сохранившиеся переводы сделаны настолько грубо и неумело, что составить по ним хотя бы приблизительное представление о характере творчества Гриссы Шумары и особенностях его поэтического языка не представляется возможным. Это одна из самых печальных утрат за всю историю угуландской литературы. Особенно досадно, что в основе его лежит обычное суеверное заблуждение, недостойное творца такого масштаба. Все-таки невежество – первопричина всех бед.

– Ну, пока существует возможность построить Мост Времени, ничего не пропало, – легкомысленно заметил я.

– Да, я тоже так думаю, – согласился мой друг. – И уже составил список лакун в истории литературы, которые можно будет закрыть, когда я освою этот прием. Грисса Шумара там значится первым номером. С кого еще и начинать.

– Вот для чего на самом деле Древние изобретали Мост Времени. Все наши магические амбиции вместе взятые на фоне лакун в истории литературы – полная ерунда.

У сэра Шурфа Лонли-Локли есть одно воистину удивительное

свойство: когда он не желает распознавать сарказм собеседника, он его не распознает, хоть стреляй. Вот и сейчас хладнокровно кивнул:

– Да, для серьезного исследователя этот метод действительно неоценим.

* * *

– Кто дрыхнет до полудня, пропускает все самое интересное, – сказал Мелифаро.

Его лоохи, расшитое позолоченными блестками, так невыносимо сверкало на солнце, что мне пришлось невежливо отвернуться от гостя, заявившегося ко мне с початым кувшином камры, пирогом от мадам Жижинды и свежайшими новостями из Дома у Моста. Говорю же, ближние постоянно меня подкармливают, хотя я не то чтобы бедствую. Впрочем, подозреваю, дело не в их щедрости и даже не в моем специфическом сиротском обаянии, а в крыше Мохнатого дома. Всех тянет сюда, как магнитом. Но ежедневно приходить в гости без всякого повода даже не слишком строго воспитанным людям в какой-то момент становится неловко. А пирог – вполне себе повод. Универсальный, на все случаи жизни повод – горячий пирог.

– Не все, а примерно четверть, – возразил я. – По моим наблюдениям, интересные события обычно бывают более-менее равномерно распределены по всему дню. Поэтому каждый, кто бодрствует не круглосуточно, пропускает четверть самого интересного, вне зависимости от того, когда предпочитает ложиться и вставать.

Мелифаро обычно довольно непросто сбить с толку, но мне это удалось. Он растерянно умолк примерно на две секунды. Блестящий результат: как если бы обычный человек полчаса потрясенно молчал.

– В последнее время ты стал совершенно невыносимым занудой, – наконец сказал он. – Кто тебя укусил?

Я задумался. Наконец честно ответил:

– Да хрен его знает, кто именно. Вокруг полно разных зубастых типов, за всеми не уследишь. Ты лучше рассказывай, что там у вас случилось. Какое такое «самое интересное» я пропустил?

– Первое пришествие новой начальницы Столичной полиции.

– Ого. Ее так быстро назначили? Бубутино прошение об отставке, насколько я знаю, попало к Королю только позавчера. Он, конечно, давно уже в курсе, но никаких действий в этой связи не предпринимал. Как и все

мы, был совершенно уверен, что чары вот-вот рассеются, и Бубута вернется назад.

– Ну да. А по закону, кресло начальника Столичной полиции не должно пустовать вообще ни минуты. Сперва следует выбирать преемника, а уже потом отправлять в отставку действующего начальника. Так что не «быстро назначили», а, наоборот, слишком долго возились. Вчера леди Умата сдавала дела в замке Анмокари, а сегодня заявила в Управление Полного Порядка. И первым делом пришла к нам знакомиться. Поблагодарить за помощь, которую мы все это время оказывали полиции, выразить надежду, что так будет и впредь; в общем, все, что на ее месте сказал бы любой достаточно вежливый человек. И – вот сейчас ты начнешь рыдать, что все пропустил! – принесла нам торт. Сама испекла. Говорит, по прабабкиному рецепту. А прабабка у леди была не простая, а настоящая лесная колдунья. Последствия налицо.

– То есть торт был отравленный? – обрадовался я.

– Наверняка, – кивнул Мелифаро. – Нашпигован каким-нибудь приворотным зельем по самые ягоды на завитках. Потому что за последнюю пару кусков мы только каким-то чудом не передрались. К тому явно шло. Но наш начальник, сам знаешь, бывший наемный убийца. Страшный человек, ловкач и интриган. Завладел тарелкой, сказал: «Надо оставить сэру Максу...»

– Так и сказал?! – изумился я.

Джуффин, конечно, до сих пор меня опекает, даже не столько по старой привычке, сколько потому, что за несколько лет моего отсутствия убедился, что второго такого карточного партнера ему вовек не сыскать, а значит, меня надо беречь, как наследного принца, по какому-то печальному недоразумению родившегося стеклянным. Но так далеко его забота обо мне еще никогда не заходила.

Впрочем, как выяснилось, и сейчас не зашла.

– Пока мы наперебой возмущенно орали, что ты все проспал и сам виноват, шеф отправил твою долю в рот и сказал: «Пожалуй, вы правы, сэр Макс перебьется». Кофа в сердцах чуть в отставку не подал. Но начальница полиции быстро его утихомирила, пообещав испечь еще один торт в самое ближайшее время. Она – просто отличная! Я как-то даже не ожидал. Похоже, Король решил разом компенсировать нам все страдания от многолетнего сотрудничества с Бубутой, когда ее назначал.

– Смотрю, эта ловкая леди без труда подобрала ключи к вашим сердцам, – усмехнулся я.

– Ну почему без труда. Испечь такой торт вряд ли просто. Подозреваю,

не меньше трех часов возни.

– Удивительно, что до нее никто не догадался, как легко купить с потрохами весь Тайный Сыск. Всего один торт по рецепту лесной колдуньи, плюс обещание однажды повторить удовольствие, и все у ее ног. Даже хорошо, что я проспал процесс циничного подкупа. Пусть у этой подлизы будет хотя бы один тайный враг.

– Да какой из тебя, к лешему, тайный враг, – отмахнулся Мелифаро. – Ты враждовать не умеешь. Только дружить и убивать. К тому же, она в твоём вкусе. В смысле, нос – как три моих.

Ну, предположим, не три, а максимум два с половиной. Это было первое, о чем я подумал, когда столкнулся с леди Кайреной Уматой в коридоре Дома у Моста.

Ни на секунду не сомневаюсь, что наше якобы случайное столкновение было тщательно спланировано самой леди Кайреной. И очень ей за это благодарен, потому что если бы не ее находчивость, я бы еще несколько дней разрывался между любопытством и нежеланием специально идти с ней знакомиться. Я все эти официальные представления и расшаркивания терпеть не могу.

Второе, о чем я подумал: в роли полицейской начальницы эта леди смотрится очень забавно. Миниатюрная, изящная, с пышной копной рыжеватых волос, огромными голубыми глазами и маленьким, по-детски пухлым ртом, она выглядела бы хорошенькой куклой, если бы не роскошный породистый нос, который, при всей моей завистливой страсти к здоровенным носам, даже на мой вкус был несколько великоват для ее небольшого аккуратного лица.

Третье, о чем я подумал: похоже, она неплохая колдунья. Не из ряда вон выходящая, но вполне ничего. Могущественных людей я сразу распознаю, не прикладывая никаких специальных усилий, просто чувствую их силу так же ясно и недвусмысленно, как жар солнечных лучей, ветер или дождь.

Больше ничего я подумать не успел, потому что столкнувшись со мной милая леди воскликнула: «Вот черт!» – и я натурально впал в ступор. Ничего подобного она, по идее, сказать не могла. «Черт» это мое и только мое ругательство, притащенное сюда из другой реальности и совершенно иного культурного контекста. Здесь и чертей-то нет.

В конечном итоге я не нашел ничего лучшего, чем адресовать ей вопрос, который уже столько раз слышал от окружающих, что перестал на него отвечать:

– Кто такой черт?

– Понятия не имею, – честно призналась она. – Сэр Трикки Лай так ругается, и мне сразу же на язык прилипло, я легко подцепляю чужие словечки. А это такое кроткое и выразительное! Но его точного значения сэр Трикки сам толком не знает, говорит, вроде, ничего особенно неприличного, но лучше спросить сэра Макса. А сэр Макс это, если я правильно понимаю, вы. Круг замкнулся. Поэтому объясните мне, пожалуйста, кто такой черт.

– Что-то вроде демона, – сказал я. – Такой смешной злопакостный демон, с рогами. Но, в отличие от остальных демонов, вымышленный. Насколько мне известно, на самом деле, никаких чертей нет.

– Так даже лучше, – совершенно серьезно заметила леди Кайрена Умата. – Некому обижаться, что бранятся его именем, я имею в виду.

...Неудивительно, что после такого удачного знакомства я вошел в зал общей работы с восторженным воплем: «Какая славная леди эта новая начальница Столичной полиции!» И первые полчаса ни о чем, кроме своих впечатлений не желал говорить.

Но после прогулки на Темную Сторону с очередной компанией новичков, любезно усаженных на мой загривок Джуффином, чтобы я не слишком скучал в те счастливые дни, когда ничего особо занимательного, включая чужие страшные сны, в столице Соединенного Королевства не происходит, носатая полицейская начальница предсказуемо вылетела у меня из головы. Рассеянных балбесов вроде меня очаровывать не то чтобы вовсе бесполезно, просто всякий раз придется начинать заново. Практически с мертвого нуля.

* * *

Что касается скорого приезда шиншийского халифа со свитой, о нем я вспоминал еще реже, чем о леди Кайрене Умате – просто потому, что халиф не ходит по коридорам Дома у Моста и, соответственно, никогда не попадает мне навстречу. Большая ошибка с его стороны.

В любом случае, грядущий визит шиншийцев был не моей заботой. Я настолько не специалист по дипломатическим переговорам, насколько это вообще возможно. Хотя бы от этого несчастья судьба меня уберегла.

А когда сэр Джуффин Халли собрал специальное совещание, чтобы морально и технически подготовить сотрудников Тайного Сыска к неприятностям, которые должны были начаться буквально послезавтра, как

только две с половиной дюжины кораблей великого халифа Мураны Кутай Ан-Арумы пришвартуются на специальном Королевском причале, предназначенном для особо почетных гостей, я его цинично проспал. Не то чтобы намеренно, просто так получилось, что предыдущую ночь я провел несколько более насыщено, чем требуется человеку, планирующему бодро вскочить поутру.

Поэтому я не бодро вскочил, а меланхолично выполз из-под одеяла, причем только после полудня. Понял, что эпохальное совещание прошло без меня, и испытал в этой связи великое множество разнообразных эмоций – от искренней благодарности, что шеф не стал поднимать меня силой, до почти самой настоящей досады, что без меня легко обошлись. Это почему-то всегда чертовски обидно, хотя здорово упрощает жизнь.

– Извини, что проспал. Не понимаю, почему ты до сих пор не выгнал меня взащей, к Темным Магистрам, – сказал я Джуффину, который вместо того, чтобы откусить мне голову за почти четырехчасовое опоздание, сразу потащил меня завтракать. Ну или обедать. С моим режимом дня хрен поймешь.

– Да я бы с радостью, – заверил меня шеф Тайного Сыска. – Однако Темные Магистры решительно против, и их можно понять. Поэтому, если тебе так уж приспичило, сам к ним добирайся. В этом деле я тебе не помощник, извини.

– Ничего, – великодушно откликнулся я. – Меня и здесь неплохо кормят. Как-нибудь обойдусь.

– На самом деле я даже рад, что ты проспал, – признался Джуффин. – Сперва собирался тебя разбудить, но вовремя сообразил, что силой тащить на совещание человека, способного за пять минут выпить заказанную на всех камру, отобрать у коллег бутерброды, сорвать начало моего выступления громогласными сетованиями на свою злую судьбу, а потом мирно уснуть в кресле и все пропустить как минимум нерационально. Тем более, что халиф с придворными – явно не твоя забота. Они наяву к нам заявятся. И совершенно точно не для того, чтобы гулять по Темной Стороне. Но если кому-нибудь из его свиты вдруг взбредет в голову насрать на нас пару-тройку древних кейифайских проклятий, я тебя сразу же позову.

– Думаешь, я умею снимать древние кейифайские проклятия?

– Заранее в этом уверен. Уандукские ученые вполне убедительно доказали, что избавиться от них абсолютно невозможно. Наши не столь безапелляционны, но только потому, что совершенно не разбираются в этом

вопросе. А значит, можно не сомневаться, что древние кейифайские проклятия – твоя специализация. Но шансы выяснить это на практике, боюсь, невелики. Если верить авторитетным источникам, чтобы качественно наложить настоящее неисцелимое кейифайское проклятие, требуется примерно год регулярных усилий в непосредственной близости от объекта; желательно, чтобы расстояние не превышало полутора миль. А наши гости так надолго не задержатся. Максимум – до конца зимы.

– Аж до конца зимы? – пригорюнился я. – А она едва начаться успела. Бедный Кофа!

– Почему это «бедный»? – удивился шеф.

– Он говорил, что терпеть не может шиншийских принцесс. Даже в отпуск удрать собирался – куда-нибудь, где их нет. Удивительно, кстати, что передумал. Он был настроен довольно решительно.

– Да ничего удивительного, – отмахнулся Джуффин. – Кофина неприязнь к принцессам прекрасно уравнивается его любовью к шиншийским пряностям, которые везут нам в подарок, чтобы отблагодарить за гостеприимство. Ну как «нам» – Королю. Но с Кофиными связями при Дворе получить доступ к заветным сундукам легче легкого. Уверен, в его кухонных шкафах уже расчищено место под будущую добычу... А ты-то чему так радуешься? Кофа, при всех его несомненных достоинствах, не любитель устраивать дружеские пирушки у себя на дому.

– И не надо. Если Кофа добудет шиншийские пряности, значит, моим соседям тоже что-нибудь перепадет. Вернее, соседке. Любовь творит чудеса. Даже вообразить страшно, как будут сочетаться шиншийские пряности с блюдами традиционной урдерской кухни; лично я заранее содрогаюсь, предвкушая эту жуть. Но все к лучшему: наконец-то от них разбегутся клиенты, и можно будет снова ужинать там по-домашнему за абсолютно пустым столом, как в старые времена, когда «Свет Саллари» только открылся, и о нем еще почти никто не прознал.

– На твоём месте я бы не слишком на это рассчитывал, – усмехнулся Джуффин. – Испортить еду шиншийскими пряностями не удастся не только твоим соседям, а даже Королевским поварам. Кстати о Королевских поварах, у меня хорошая новость: тебе не придется маяться на приеме по случаю прибытия великого халифа. Согласно регламенту, на встрече такого уровня должны присутствовать все государственные чиновники высшего ранга, кроме больных и выполняющих работу четырех первых степеней срочности. Но Его Величество просил передать, что согласен официально присвоить первую степень срочности любому делу, которым ты соблаговолишь заняться во время приема. Включая послеобеденный сон.

– Спасибо! – просиял я. Но тут же нахмурился: – Погоди, это, получается, у меня настолько ужасная репутация, что Король стесняется показывать такое сокровище своим гостям? Когда я успел ее заработать? И, главное, как?!

– Просто Его Величество разбирается в людях. И, зная тебя не первый день, прекрасно понимает, что два часа в тронном зале, а потом еще четыре за столом ты просто не высидишь. Особенно если из развлечений будут только бессмысленные светские разговоры и две дюжины перемен блюд. Уже через час ты заскучаешь и начнешь мечтать о какой-нибудь катастрофе, которая положит конец этой тоске. А значит, через час с четвертью она неизбежно наступит.

– Боюсь, Король меня несколько переоценивает, – растерянно сказал я.

– Есть немного, – легко согласился Джуффин. – Не удивлюсь, если катастрофы придется ждать до позднего вечера, а то и вовсе до середины зимы, ты иногда бываешь на диво нерасторопен. Но проверять это на практике я бы, пожалуй, не стал. Во всяком случае, не прямо во время приема шиншийского халифа. Он-то в чем виноват?

* * *

– По идее, это вообще не наша работа, – сказала леди Кекки Туотли. – Чтобы натворить бед по ведомству Тайного Сыска, шиншийской делегации сперва пришлось бы... ну, даже не знаю, может, на какие-нибудь курсы магии для начинающих с полгодика походить?

– Во-первых, в Уандуке тоже практикуют магию, – ответил ей Нумминорих. – Совсем не такую, как у нас, но тем интересней. Во-вторых, среди придворных халифа вполне может оказаться кто-то настолько шустрый, что и нашей быстро выучится. В-третьих, шиншийцам вообще не обязательно самим что-то делать, достаточно, чтобы на них кто-нибудь напал. Короче говоря, в любой момент может случиться что-нибудь интересное, надо сохранять оптимизм!

Лично у меня высказанные им предположения вызывали не столько оптимизм, сколько панику. Но я благоразумно промолчал. Не следует вот так сразу грубо наступать на горло чужой мечте. Особенно когда рядом сидит сэр Кофа Йох: у него это обычно получается гораздо лучше. Практический опыт – великая вещь.

– На что-то по-настоящему интересное я бы не особо рассчитывал, – сказал он Нумминориху. – Шиншийцы слишком ленивы, чтобы вот так, с

порога, начать околдовывать мирное население города, куда приехали поглазеть на достопримечательности. И могущественный враг у них пока только один на все Соединенное Королевство, да и тот – я. Впрочем, дня два-три спустя ко мне наверняка присоединятся служащие Канцелярии Забот о Делах Мира, весь личный состав Столичной полиции и некоторые горожане – те, кому посчастливится лично столкнуться с принцессами, вышедшими погулять. Но предстоящую нам возню с шиншийскими хулиганками особо увлекательным развлечением не назовешь.

– А по-моему, это весело, – подал голос Мелифаро, оторвавшись от задачи, которую вызвался решить на спор с Базилио и, судя по озадаченному выражению лица, постепенно начал об этом жалеть. – Полный город пьяных девчонок, за ними гоняются полицейские, а догнав, пытаются поцеловать. И посреди всего этого Трикки, выскочивший на улицу прямо в чем спал, ласково повторяет: «Нет, мальчики, все не так, у вас сейчас другая задача».

– А рядом с ним, как ты выражаешься, «посреди всего этого», мы с тобой, – мрачно заметил Кофа. – Лично мне совсем не смешно.

Этим вечером Тайный Сыск практически в полном составе, то есть без Джуффина, не совсем безосновательно полагающего, будто его присутствие может испортить любую вечеринку, превратив ее в совещание, и Луукфи Пэнца, всем на свете компаниям предпочитающего общество буривухов из Большого Архива, собрался у меня на крыше. Вроде бы зашли без особого повода, просто так, выпить и поболтать. Но особый повод, конечно же, подразумевался: всем было ясно, что мы пользуемся возможностью приятно провести последний спокойный вечер этого года, пока нам на голову не свалилась шиншийская делегация, включая двести тридцать семь буйных принцесс. Да и все остальные высокие гости еще неизвестно какими окажутся. Возможно, великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума тоже любит грабить торговцев на рынках и затевать драки в трактирах, просто дома поневоле держит себя в руках, а у нас соблаговолит расслабиться.

Вот, кстати, будет смеху, если это и правда так.

– Так вы в отпуск и не удрали, – сказал я Кофе. – А ведь грозились. И теоретически могли. Шеф бы этому не обрадовался, но вряд ли стал бы препятствовать. Сколько себя помню, столько он вас уговаривает по-человечески отдохнуть.

– Да мог бы, конечно, – вздохнул Кофа. – Просто как-то некрасиво бросать Кайрену. Она совсем недавно вступила в должность, толком еще не освоилась, и вдруг такой форс-мажор. Трикки, при всех его достоинствах,

ей тут плохой помощник, потому что сам такой же неопытный в этих делах. Он, в отличие от меня, о шиншийских традициях вообще ничего не знает. Максимум – книжку какую-нибудь прочитал. В общем, от треклятых принцесс мне теперь никуда не деться. А им – от меня.

Последняя фраза прозвучала угрожающе и одновременно так жизнерадостно, что я вдруг понял: да у Кофы уже руки чешутся взяться за этих девиц и стать первым в мире служителем закона, который сможет призвать их к порядку. А что маскирует свой азарт раздраженным ворчанием – ну так у каждого своя любимая роль.

Мелифаро между тем подозвал к себе Базилио и сунул ей под нос самопишущую табличку.

– Это уже самое настоящее жульничество, – сказал он. – Я сперва думал, ты что-то перепутала, записывая условия, а потом понял, это просто одна из якобы остроумных задачек, вышедших из моды еще в начале Смутных Времен, где под каждую нужно изобретать новую математическую систему, в рамках которой этот ужас можно решить. Насколько я помню из университетского курса, в то время изобрели чуть ли не полторы тысячи разных новых математик, но практического толку от них не было никакого, разве только студентов с ума сводить.

– Не сводить с ума, а его развивать, – возразила Базилио, которая, конечно, обладает ангельским характером и безразмерным сердцем, но за свои высокие математические идеалы будет, если понадобится, сражаться со всем Миром до победного конца.

– Со своим умом делай что хочешь, – огрызнулся Мелифаро. – Хоть развивай, хоть обратно потом завивай, дело хозяйское. А на спор такие задачки никому больше решать не предлагай. Потому что это нечестно: объективно, по законам логики, задача не имеет решения. А субъективное мнение, оно же придурь обыкновенная, у каждого свое.

– Так ты не решил? – торжествующе воскликнула Базилио.

Ее радость можно понять. Сэр Мелифаро такой специальный блистательный тип, которого почему-то сразу хочется победить в каком-нибудь споре. Или не в споре, а в драке. Или съесть на полпирога больше, или первым усестись в кресло. Любая победа сойдет.

Вот и сейчас он снисходительно ухмыльнулся:

– Обойдешься. Я так рассердился, что придумал сразу две математики: одну просто дурацкую, специально для решения этой задачи, и вторую, доказывающую невозможность существования первой. Чтобы закрыть этот вопрос раз и навсегда.

– Ой как красиво! – восхитилась Базилио, уткнувшись в табличку.

Говорю же, у нашего бывшего чудовища ангельский характер. Любому нормальному человеку на ее месте захотелось бы сперва двинуть этому гению в глаз, а уже потом разбираться с его великими открытиями, да и то только ради того, чтобы их убедительно раскритиковать.

– Сборище буйнопомешанных, – ласково сказала им Кекки, чрезвычайно удачно озвучив мое собственное мнение по этому вопросу. И, помолчав, вдруг добавила: – Как же я вас всех люблю!

– Представляешь, – сообщил я ей драматическим шепотом, – та же беда.

– Всех сразу?! Хуже кейифайев, честное слово, – укоризненно покачал головой Мелифаро. И сам же первым заржал.

* * *

Вопреки популярной и крайне утешительной для меня самой легенде, будто я просто способный балбес с умеренно эксцентричным характером, мое внутреннее устройство представляет собой бездну, кишашую чудовищами. Одно из них зовут Ответственность, второе – Здравый Смысл; имени третьего я не знаю, но оно подозрительно похоже на совесть, как ее описывают пострадавшие от этого кровожадного монстра.

По удачному стечению обстоятельств, мои чудовища – засони, почище меня самого, но когда они все-таки просыпаются, с ними лучше не шутить. Поэтому я не стал притворяться, будто занят какими-то условно непостижимыми делами, а сам, добровольно предложил Джуффину подежурить в его кабинете, пока он и остальные наши коллеги претерпевают светские муки на Королевском приеме. Думал, приведу его в восхищение, но шеф только плечами пожал: «Ну естественно». Как будто и правда ничего иного от меня не ожидал.

Удивительный человек.

Ради такого дела я запасся целой пачкой газет, благо давно их не читал. Начал с вчерашнего вечернего выпуска «Суеты Ехо», с удивлением выяснил, что прежде, чем заявиться ко мне на крышу, Кофа и Нумминорих отыскали в одном из подвалов заброшенных хозяйственных помещений Ордена Плоской Горы драгоценности, похищенные из резиденции Чангайской посланницы, а Кекки и Мелифаро нашли и задержали некоего отравителя, заколдовавшего все вино в погребе ненавистного кузена-трактирщика так, что у трех с лишним дюжин клиентов начались галлюцинации; к счастью, все остались живы, но перепугались знатно. Я

об этих безобразиях еще узнать не успел, а они – хлоп! – и уже поймали. И даже не стали рассказывать, потому что неинтересно, повседневная рутина, полная ерунда.

Дочитав журналистские отчеты о работе коллег, я внезапно почувствовал себя недотепой, окруженным гениями, как в самом начале работы в Тайном Сыске; многим, я знаю, на моем месте стало бы неприятно, а мне, наоборот, понравилось. Больше всего на свете я люблю восхищаться – в первую очередь, теми, кто рядом, но можно вообще всем подряд.

Еще часа полтора я подбрасывал в топку своего восхищения дрова, вернее газеты, одну за другой. Оказывается, для того, чтобы узнавать о работе коллег из раздела «Криминальная хроника», вовсе не обязательно выходить на пенсию и переезжать в загородный дом. Достаточно пропускать большинство утренних совещаний ради совершенствования в той области искусства сновидений, которая на языке честных людей называется «дряхнуть без задних ног», и некоторые вечерние, просто потому, что могу, а все остальное время трещать без умолку, не затыкаясь, не давая беднякам вставить больше трех слов подряд. А в тех редких случаях, когда им это все-таки удастся, слушать вполуха, думая о своем.

Похоже, прав был сэр Кофа, когда говорил, что чрезмерное усердие в Истинной магии незаметно превращает человека в наваждение – вроде рядом сидит, ест обычную человеческую еду, слова говорит понятные, а все равно кажется только тенью вечно отсутствующего себя. Я тогда отмахнулся: «Да ладно вам, не сгущайте краски». А теперь вдруг явственно ощутил себя таким наваждением, только и счастья, что пощупать можно; впрочем, не всем подряд. И – не то чтобы пришел к выводу, будто с непостижимым и неопределенным срочно пора завязывать, но решил, что в этом вопросе неплохо бы обрести разумный баланс.

Ради достижения баланса я первым делом покормил Куруша – мало что так наглядно подчеркивает торжество материальной реальности, как хруст орехов и леденцов, особенно когда ты сам стал причиной этих упоительных звуков. Вторым делом, отправился в туалет: есть в мире некоторые незыблемые вещи, которые гораздо убедительней даже самого громкого хруста. А на обратной дороге решил, что кружка камры в обществе Трикки Лая – хорошее третье дело, после которого я окончательно и бесповоротно стану полноценной частью реального мира, возможно аж до самого позднего вечера или, чем черт не шутит, вообще до завтрашнего утра.

Я не стал посылать Трикки зов. Сунуть нос в дверь его кабинета и

спросить: «Ты занят или не очень?» – было гораздо проще. Безмолвная речь для меня по-прежнему что-то вроде каждодневных упражнений на турнике, вполне посильных, но требующих напряжения, а дверь – вот она. Правда, за каждой дверью меня по-прежнему ждет бесконечность Хумгата, сбивающий с толку призывный шепот всех сбывшихся и несбывшихся миров; скорее всего, так теперь будет всегда. Но аккуратно, осознанно переступать пороги, оставаясь в той реальности, которую выбрал для постоянного места жительства, я давным-давно научился, делаю это легко, без ощутимых усилий, и, как ни смешно звучит такое признание, для меня это несравнимо проще, чем лишний раз послать кому-нибудь зов.

Однако вместо Трикки Лая в его кабинете сидела новая начальница Столичной полиции, в старомодном темном тюрбане, скорее мужском, чем женском; впрочем, в этих тонкостях я до сих пор полный профан. Перед ней высились горы самопишущих табличек; судя по страдальческому выражению лица, все, как одна, содержали столь душераздирающие подробности о природе бытия, что человеку неподготовленному лучше о них не знать. Скорее всего, это были черновики грядущего годового отчета: обычно на подобные документы даже самые всемогущие и бесстрашные люди вроде сэра Джуффина Халли смотрят именно так.

Я собирался было бесшумно растаять во тьме коридора, но леди Кайрена Умата меня заметила и явственно обрадовалась. А кто бы на ее месте не обрадовался такому прекрасному поводу сделать перерыв.

– Извините, – сказал я. – Думал, застану здесь Трикки...

– Он в Замке Рулх, – откликнулась леди Кайрена. – Кто-то из нас обязательно должен присутствовать на приеме в честь шиншийцев. Сэру Трикки интересно, а мне не особо. Я на официальных приемах разной степени пышности уже раз триста, наверное, была. К тому же работы непочатый край. Причем такой, которую за меня никто не делает: я должна как можно скорей начать во всем этом разбираться. По-настоящему, а не делать вид.

Она так красноречиво развела руки в стороны, что мне стало ясно: леди имеет в виду не что-то конкретное, а полицейскую работу как таковую.

Я исполнился сочувствия. Потому что всякий раз, помогая Трикки, от души радовался, что не служу в Столичной полиции. Все-таки справиться с дюжиной катастроф мирового масштаба, умереть, надорвавшись, а потом чудом воскреснуть гораздо проще, чем навести и постоянно поддерживать умеренный порядок в отдельно взятом городе. Я бы точно с ума сошел. И из всех возможных утешений, какие можно придумать, только одно

показалось мне достаточно честным, чтобы произнести его вслух:

– Ничего, с таким заместителем не пропадете. Он в этом хаосе – как рыба в воде.

– Ваша правда, – согласилась леди Кайрена. – Сэр Трикки Лай необычайно умный и сведущий человек. Иметь такого заместителя – серьезный вызов. На его фоне моя естественная беспомощность, неизбежная в начале обучения любому делу, выглядит полной катастрофой. Ее, конечно, несложно замаскировать имитацией компетентности. Сидеть с умным видом, говорят, даже у моего предшественника изредка получалось, особенно когда ему хватало выдержки помолчать. Но мне не этого надо. Я хочу по-настоящему вникнуть в работу полиции. Все знать и понимать. Видеть внутреннюю логику нежелательных происшествий, выявлять закономерности, прогнозировать развитие любой ситуации с достаточно высокой степенью вероятности. К счастью, к моим услугам полицейские архивы за много лет, неплохой навык работы с информацией и отличные средства для укрепления памяти, хвала Магистрам. Причем персонально тем, которые их когда-то изобрели.

– Кстати, сейчас у студентов в моде одно старинное заклинание времен короля Мёнина, – вспомнил я. – Довольно простое, всего сорок какая-то ступень Белой магии. Штука в том, что, в отличие от популярных пилюль, оно помогает не столько заучивать слово в слово, сколько запоминать суть, причем именно в той формулировке, которая наиболее близка и понятна самому ученику. Я сам пару раз им пользовался, когда надо было быстро войти в курс запутанного, сложного дела, и подтверждаю: отличное средство, здорово проясняет ум. И вам, наверное...

Леди Кайрена помрачнела и отрицательно покачала головой.

– Спасибо, сэр Макс. Но то, что для вас и большинства столичных студентов «довольно простое», для меня – недостижимая вершина. Я из семьи драххов, сами понимаете, что это означает. Угуландская Очевидная магия, к сожалению, не для меня. Я овладела Черной – примерно до двадцатой ступени, и Белой – пока всего до четырнадцатой. И знали бы вы, какого мне это стоило труда. Моих умений вполне достаточно, чтобы сохранять лицо в повседневной жизни, но не более того.

Сперва мне стало неловко. Словно предложил безногому человеку заняться оздоровительным бегом трусцой. А все потому, что надо внимательно слушать сплетни, а потом обрабатывать полученную информацию и делать из нее разумные выводы. О происхождении леди Кайрены Уматы мне наверняка уже тысячу раз рассказали, да я внимания не обратил. Или просто не вспомнил, в чем заключается основное отличие

драххов от остальных людей^[7].

Потом я подумал: стоп, а как быть с моим ощущением, что она – очень неплохая колдунья? Теоретически я, конечно, мог ошибиться. Но на практике, чутье меня до сих пор ни разу не подводило. Может, леди пока просто не знает о собственных возможностях? Так иногда бывает: к некоторым талантам требуется особый подход, а хороших учителей никогда не хватает на всех. Или все еще проще? Может, она в своей области гений? На нашей угуландской Очевидной магии, к которой драххи почти неспособны, свет клином не сошелся, вот о чем никогда не следует забывать.

– Я слышал, у драххов есть своя магия, – наконец сказал я. – Да такая, что всем остальным и не снилась.

– Снилось, снилась, – усмехнулась начальница полиции. – Нет в нашей старинной лесной магии ничего такого особенного, чтобы никому присниться не могло. Но некоторые житейские проблемы с ее помощью действительно неплохо решаются. Так что мне в общем грех жаловаться. Просто, поймите меня правильно: довольно обидно, когда есть область человеческой деятельности, в которой ты заведомо слаб. Да еще и настолько важная область. И к тому же в последнее время вошедшая в моду, так что не демонстрировать определенный набор обязательных фокусов теперь – почти дурной тон. До недавних изменений в Кодексе мне гораздо приятней жилось: все, чего я не умею, было строго запрещено законом, а когда состоишь на Королевской службе, закон лучше даже в шутку не нарушать. Зато магия моих предков не подпала под запрет, а знают ее очень немногие, так что возможностей у меня было гораздо больше, чем у среднего горожанина. Но теперь ситуация изменилась – увы, не в мою пользу. Представляете, как мне было досадно, что я не могу ходить в полуметре от пола, когда все мои подчиненные практически перестали спускаться на землю? И запретить им нельзя. Ну, то есть теоретически можно, но попытка сохранить старые порядки в отдельно взятом замке Анмокари выглядела бы очень глупо. Гораздо хуже, чем вполне нормальное с учетом моего происхождения неумение взлетать.

– Да, вам пришлось несладко, – согласился я, вспомнив, как сам переживал, вернувшись в Ехо, что не справлюсь со всеми этими цирковыми трюками, которые за время моего отсутствия из никому не доступных тайных запретных приемов внезапно превратились в некую обязательную программу, каждому столичному подростку по плечу.

Но с «обязательной программой» я довольно легко справился. Я вообще учусь очень быстро, так уж мне повезло.

Я, конечно, славлюсь чудесной способностью сперва говорить, а потом думать, но мне все-таки хватило ума не спросить: «А как же вас приняли на такую высокую должность без умения нормально колдовать?» Но вопрос, надо думать, все равно повис в воздухе, потому что леди Кайрена холодно сказала:

– Считается, что на моей нынешней должности магия практически не нужна. Мой непосредственный предшественник умел даже меньше, чем я. К тому же в моей служебной инструкции ясно сказано, что полиция не должна заниматься магическими преступлениями. Это компетенция ваших коллег, сэр Макс. Упомянутая инструкция не просто дает мне право, а даже обязывает перекладывать свои заботы на плечи Тайного Сыска гораздо чаще, чем до сих пор делал мой заместитель... Эй, не смотрите на меня так!

– Как? – удивился я.

На самом деле я вообще никак на нее не смотрел, а просто дал волю воображению и представил, что будет, если на Тайный Сыск вдруг и правда свалится вся эта мелкоуголовная магическая хренотень, которой сейчас занимаются несколько сотен полицейских под руководством трудоголика Трикки. Первые пару дней будет весело, а потом меня, вероятно, запрут в приюте безумных, так что в общем все равно.

– Говорят, вы способны испепелить взглядом, – объяснила леди Кайрена. – Надеюсь, это обычные придворные сплетни, о Тайных сыщиках чего только не выдумывают, но если все-таки правда, не испепеляйте меня, пожалуйста. Я всего лишь пытаюсь объяснить, что формально имею право занимать свое место. В конце концов, должен же кто-то его занимать. А я – далеко не наихудший вариант.

– Судя по тому, что я о вас слышал, самый прекрасный из всех мыслимых вариантов, – согласился я в надежде, что высказанная вслух грубая лесть компенсирует моральный ущерб, нанесенный невысказанным вопросом. Улыбнулся, честно стараясь вложить в улыбку все свое обаяние разом, сказал: – Не буду вам мешать, – и аккуратно отступил к выходу. Рассудил, чем быстрее завершится ставший неприятным по моей вине разговор, тем лучше. А завтра о нем никто уже и не вспомнит. Потому что у леди Кайрены куча дел, а у меня – тем более. Целых две кучи и еще щепотка, чтобы посыпать сверху, просто для красоты.

Но она остановила меня на пороге вопросом, который обычно действует на меня, как любимый прием сэра Кофы в бытность его начальником Правобережной полиции в Смутные времена. Я имею в виду своего рода невидимый «колпак», которым он накрывал преступников,

после чего его жертвы не могли ни сдвинуться с места, ни колдовать, что, наверное, очень обидно, когда ты вконец распоясавшийся великий маг и волшебник, Младший Магистр какого-нибудь мятежного Ордена, совершенно уверенный, будто тебе все нипочем.

Леди Кайрена Умата никакой боевой магии не применяла. Просто спросила:

– А это правда, что у вас дома живут кошки? Но не как на фермах, а какие-то особенные? И их будущие котята заранее обещаны в дар Королю^[8]?

Невиданное коварство. После того, как меня спросили про Армстронга и Эллу, я никуда не смогу уйти, пока не расскажу о них все, что вспомню, а вспомню я очень много, вот в чем моя беда.

Поэтому следующие полчаса я вещал, размахивая руками; боюсь, время от времени повторялся, но леди Кайрена оказалась благодарной слушательницей и не стала мне за это пенять.

Впрочем, окончательно разум я не утратил. В смысле так и не признался ей, что кошки у меня самые обыкновенные, с фермы при загородном доме родителей сэра Мелифаро, а легенда об их необычной породе родилась без моего участия, исключительно благодаря тому, что я поселил котят в городской квартире, чего никто из жителей Ехо в здравом уме делать бы не стал. Ну и плюс моя репутация: считается, что от меня можно ожидать чего угодно, кроме нормальной человеческой логики, понятных поступков и обычных, ничем не примечательных беспородных котов.

От кошек я предсказуемо перешел к собакам. Это, на мой взгляд, вполне простительная слабость: когда одна из живущих в вашем доме собак – гигантская овчарка Пустых Земель, а вторая – штатный преподаватель Королевского Университета, приглашенный туда сперва, конечно, больше ради забавы, но быстро завоевавший не только любовь студентов, но и неподдельное уважение коллег, хвастаться такими домашними питомцами перед девушками – естественная потребность любого нормального человека. А именно в этом вопросе я – эталон нормальности. Сияющий, недостижимый ее образец.

Неудивительно, что в финале моего бурного монолога леди Кайрена робко спросила, нельзя ли ей будет однажды взглянуть на этот удивительный зверинец, а я искренне ответил: «Да хоть сегодня», – потому что легко раздаю подобного рода обещания, не сверяясь со своими ближайшими планами, которые, впрочем, все равно совершенно

непредсказуемы – это во-первых. А во-вторых, я просто привык, что в гостиной Мохнатого Дома вечно толчется столько народу, что даже если я нечаянно сгину навеки, приглашенных мною гостей все равно будет кому принять, да так радушно, что о моем отсутствии никто особо не пожалеет. Ну, то есть пожалеют, конечно, но далеко не сразу. А спохватившись, например, через дюжину дней.

Леди Кайрена всего этого, разумеется, не знала, из чего можно сделать вполне очевидный вывод: придворные сплетни наверняка чрезвычайно увлекательны и полезны для развития воображения, но практического толку от них никакого. В смысле правды о людях из них не узнать.

Во всяком случае она явно не была готова к тому, что фраза «да хоть сегодня» в моих устах означает не официальное приглашение, а просто разрешение зайти в мой дом в любое удобное время. И, вполне возможно, меня там застать, но вероятность этого события, будем честны, не особенно велика.

Поэтому когда я наконец вернулся домой – на самом деле совсем не поздно, примерно через полчаса после полуночи; для человека, успевшего не только выслушать от коллег и друзей чуть ли не дюжину разных правд о Королевском приеме, нанести короткий, исполненный сладкой педагогической муки визит на Темную Сторону и дважды поужинать, но и смотаться на побережье далекого Ариморанского моря за необходимой Джуффину технической консультацией, вернуться чуть за полночь это фантастически рано – так вот, дома я застал в гостиной сонную Базилио, специально поджидавшую меня, чтобы рассказать о вежливой голубоглазой леди, которая заявила к нам в гости, ужасно смутилась, выяснив, что сэра Макса нет дома, и в ближайшее время, скорее всего, не будет, наотрез отказалась от угощения, не решилась погладить кошек, хотя они смотрели на нее с явной симпатией, четырежды извинилась и ушла. Только тогда у меня в голове сложилась объективная картина произошедшего: позвал человека в гости, сам при этом отсутствовал, даже зов не прислал, чтобы извиниться и перенести встречу – ну я получаюсь и свинья! Правда, не абсолютная, а относительная свинья, только с одной отдельно взятой точки зрения, со всех остальных – самый обычный я, к которому просто надо привыкнуть, и тогда все будет хорошо.

Некоторое время я раздумывал, не послать ли зов леди Кайрене, чтобы принести извинения и объяснить причины своего поведения, слегка приукрасив трудности, замедлившие мое продвижение к дому, чтобы она не держала зла. Но решил, что уже, пожалуй, слишком поздно для

разговоров. Люди, которым надо с утра являться на службу, в это время обычно спят.

Оставалось только ругать себя последними словами, но я рассудил, что делу это вряд ли поможет, так что не имеет смысла даже начинать.

Но, справедливости ради, я совсем недолго ходил необруганным. Всего какие-то несчастные полчаса. На то и даны человеку друзья, чтобы помогать в работе, с которой он не справляется сам.

* * *

– Ты – нерасторопный погонщик облаков смрадной пыли, поднятых жалкой толпой босоногих варваров, изнуренных многодневным расстройством пищеварения, вызванного суетливым поеданием трупов, казненных за разглашение никого не интересующих лживых секретов последнего из рабов самозванного царя, позорно проигравшего все свои битвы.

– Спасибо, – сказал я. – Если уж выбирать из всей этой милой компании, то погонщик облаков, пусть даже смрадной пыли, пожалуй, наилучший вариант.

– Да, – согласился сэр Шурф, – я довольно бережно с тобой обошелся. Согласно официальному перечню традиционных шиншийских оскорблений, это всего лишь восемнадцатая степень из восьмидесяти восьми. Произносится обычно в состоянии очень сильного раздражения, но почти исключительно в семейном кругу, как и все остальные оскорбления низших степеней; как мне объяснили, примерно с двадцать первой можно начинать ругать чужих.

– Приятно убедиться, что ты обращаешься со мной как с членом семьи. Но, по-моему, ты напрасно так сдерживаешься. Неужели я за все время нашего знакомства хотя бы на сороковую степень не нагрешил?

– В некоторых эпизодах даже на восемьдесят восьмую, – утешил меня Шурф. – Только не подумай, будто я тебя недооцениваю. Просто дальше восемнадцатой степени мои изыскания пока не продвинулись. Старший личный мастер оскорблений великого халифа так и не решился произнести их вслух в моем присутствии.

– Старший личный мастер оскорблений великого халифа?! – переспросил я. – Нет, погоди, у них правда существует такая должность? Ты меня не разыгрываешь?

– Разумеется, нет, – холодно ответил мой друг. И уже совсем другим

тоном добавил: – Сказать по правде, мне даже немного досадно, что я не сам это выдумал. Все-таки жизнь куда изобретательней, чем я.

– В этом смысле мы все в одной лодке, – утешил его я. – Никому за этой шутницей не угнаться, особенно когда она не чья попало, а наша... Слушай, а чем занимается старший личный мастер оскорблений? Ежедневно оскорбляет халифа, чтобы тот не зазнавался и был ближе к народу? Или просто, чтобы не сглазили? Я слышал байку, будто садоводы в Запроливном Гугланде, где и климат, и почва – хуже не придумаешь, ежедневно бранят свои кусты и деревья такими распоследними словами, что даже столичные аристократы в смущении отворачиваются; и чем они больше ругаются, тем лучше у них все растет. Может, и с шиншийским халифом та же история?

– К твоему сведению, про гугландских садоводов – не байка, а чистая правда. Их лексика восхитительно богата и разнообразна, как и сады. Но великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума определенно не растительного происхождения, – совершенно серьезно сказал мой друг. – И оскорбляют, конечно же, не его самого, а других людей, просто от его имени. Великому халифу не пристало осквернять свои уста площадной бранью, но это не повод лишать высочайшего порицания тех, кто заслужил его своим поведением. Для таких ситуаций и нужны мастера оскорблений. В настоящее время при дворе великого халифа служат тридцать восемь специалистов соответствующего профиля, но в эту поездку взяли только троих. В обязанности старшего мастера входят оскорбления высокопоставленных лиц; всех остальных должны бранить его помощники: первый – своих, то есть свиту халифа, второй – враждебно настроенных иноземцев, если таковые встретятся на пути. Сомневаюсь, что у этих достойных людей так много работы, что ее действительно нужно делить на троих, но столь четкое разграничение полномочий красиво само по себе.

– И тебя оскорблял старший мастер? Как высокопоставленное лицо?

– Боюсь, ты питаешь необоснованные иллюзии насчет Королевских приемов. При всем моем уважении к Его Величеству, там не настолько непринужденная обстановка, чтобы меня вот так запросто кинулись оскорблять. Мы с господином Шурани Ум-Учиени просто беседовали за обедом, и мне удалось направить разговор в интересующее меня русло.

– Но к самым заветным тайнам тебя так и не допустили, – посочувствовал я. – После восемнадцатой степени начинаются сакральные откровения для посвященных, которых не рассказывают чужакам?

– Нет, что ты. Шиншийские оскорбления вовсе не являются тайной, в противном случае, их не могли бы высказывать вслух. Господин Шурани

Ум-Учиени твердо пообещал мне быть более откровенным при следующей встрече. По его словам, требуется время, чтобы привыкнуть к моей невозмутимой реакции на оскорбления и удивительной, по его мнению, манере записывать все, что он говорит. Впрочем, возможно, этот достойный человек просто опасается конкуренции? Вдруг великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума пожелает нанять на службу иностранного колдуна? И тут появляюсь я, блестяще подготовленный к предстоящей работе.

– Отличная идея. Будь я великим халифом, обязательно постарался бы заполучить тебя в свиту. Можно даже без оскорблений, просто чтобы жизнь сахаром не казалась. В смысле для полного счастья... Я смотрю, ты единственный, кто получил удовольствие от этого грешного приема. Остальные вернулись такие кислые, хоть медом их мажь. Даже Малдо, который первые три часа упивался похвалами, на четвертом так заскучал, что прислал мне зов и вел, можно сказать, прямой репортаж с торжественного обеда. Чрезвычайно захватывающий: «Справа ко мне приближаются три человека в зеленых одеждах, с такими свирепыми лицами, словно собираются вышвырнуть в окно; слушай, было бы здорово! А, нет, я ошибся, они просто принесли салат», – и все в таком духе. Но хуже всех пришлось Кофе: он же еще и мысли присутствующих читал – просто из чувства долга; ну и многовековая привычка дает себя знать. А мысли придворных – это уже не просто скука, а тоска, возведенная в такую лютую степень, что у меня отказывает воображение. Даже у меня!

– Да, объективно прием несколько подзатынулся. Но для меня он пролетел незаметно, поскольку Его Величество любезно распорядился усадить рядом со мной старшего личного мастера оскорблений и, соответственно, большого их знатока. На самом деле это была своего рода ответная любезность: Великий Магистр правящего Ордена не обязан присутствовать на Королевских приемах в честь иноземных монархов, однако своим посещением повышает их статус, как бы символизируя стремление самого Сердца Мира приветствовать высоких гостей. Никакой практической пользы от этого нет, но всем приятно, поэтому я был чрезвычайно желанным гостем. А Король хорошо знает, чем меня можно заинтересовать.

– Так это была сделка? – восхитился я.

– О каких-либо сделках между мной и Его Величеством, разумеется, не может быть и речи, – надменно сказал мой друг. И, подумав, добавил: – Но если называть вещи своими именами, да, именно она.

– И пока все умирали от скуки, ты зубрил шиншийские оскорбления. С пользой провел время, ничего не скажешь. Выкладывай давай!

– То есть ты не против, если я продолжу оскорблять тебя без всякого повода? – на всякий случай уточнил мой друг.

– Ни в чем себе не отказывай, – великодушно кивнул я.

– Ничтожный обладатель трех пар дырявых штанов, снятых с блудливой подружки необразованного заклинателя дождя, похвалявшегося своими умениями перед гнуснейшими из дикарей и умершего от жажды в засуху, – с нескрываемым удовольствием сказал Шурф. И продолжил с нарастающим энтузиазмом: – Презренный обладатель четырех отвратительных прозвищ, оскорбляющих даже грубый слух невежественных подметальщиков дешевых портовых борделей для недужных рабов иноземных матросов. Малограмотный летописец, запечатлевший на собственном лбу многолетнюю хронику повседневных испражнений шелудивых уличных псов, изгнанных из стаи за обжорство и трусость. Жалкий пучеглазый шарлатан, чванливо провозгласивший себя глашатаем воли бессмертных, но во время первой же церемонии задохнувшийся от сладкого запаха дыма ритуальных благовоний и бесславно издохший на глазах своей несуразной, опухшей от пьянства родни. Алчный пожиратель дрожжей, лопнувший на утренней пирушке многодетных нищих...

– Дрожжей! – потрясенно повторил я. – Алчный пожиратель дрожжей! Каков гурман, а. Удивительная у них там, должно быть, кухня.

– Кухня как раз превосходная, – заметил мой друг. – Одна из самых изысканных и сложных в Море. Впрочем, шиншийцы действительно испытывают необъяснимую неприязнь к дрожжевому тесту, а потому привычных нам хлеба и пирогов не пекут. Но, кстати, на приеме вкушали их, не поморщившись; впрочем, возможно, только потому, что относят Королевские угощения к числу неизбежных тягот путешествия, которые следует принимать с приличествующим мужеством... А вообще, конечно, оскорбления и ругательства – одна из важнейших и интереснейших составляющих всякой культуры. Удивительно, как много можно понять о чужом образе жизни, традициях, складе ума и представлениях о норме, исследовав эту область. Универсальный ключ! Мои довольно обширные, но разрозненные знания о Шиншийском Халифате объединились в цельную картину только сегодня, после короткой, в сущности, четырехчасовой беседы с Мастером Оскорблений. Надеюсь, господин Шурани Ум-Учиени предоставит мне возможность продолжить этот бесконечно поучительный для меня разговор.

– Джуффин говорил, шиншийцы собираются сидеть в Ехо чуть ли не до конца зимы, – вспомнил я. – Все наши в связи с этим заранее стонут,

зато для тебя очень удачно складывается: как раз успеешь выпотрошить этого Мастера Оскорблений до самого дна.

– Почему вдруг стонут? – удивился сэр Шурф. – С каких это пор высокие иностранные гости стали проблемой Тайного Сыска? И, если на то пошло, что с шиншийцами не так?

– Просто Кофа заранее запугал всех рассказами о буйных шиншийских принцессах, с которыми не справится никакая полиция: непременно будут драться, грабить лавки и обижать трактирщиков, в точности как ты в юности. Правда, в отличие от тебя, принцессы вроде бы не колдуют, зато их двести штук с лишним, так что в сумме должен выйти сходный эффект. Трикки в этой связи пророчат приятный отдых в приюте безумных, а новая начальница полиции... ну, даже не знаю, что она будет делать. Может, просто на нервной почве испечет еще один торт? Было бы здорово, в прошлый раз мне не оставили даже попробовать. А кстати, как тебе эти шиншийские принцессы? Говорят, на приеме они сидели вокруг халифа, тише воды ниже травы, но это не показатель. В Замке Рулх кто угодно временно присмирееет, включая меня.

– На редкость приятные юные леди, – сказал сэр Шурф. – Если бы мне не посчастливилось беседовать с господином Шурани Ум-Учиени, я бы все равно получил удовольствие от приема – именно благодаря им.

– Такие красотки? – обрадовался я.

– Даже не знаю, что тебе на это ответить. Вполне возможно, некоторые – да; особо я не присматривался. Речь в данном случае не об их внешности. И не о манерах. И, тем более, не об уме и эрудиции, о которых я пока просто не получил представления: мы с юными леди ни единым словом не обменялись. Но находиться рядом с ними было почти так же приятно, как сидеть на берегу моря. Никогда прежде не встречал людей, чье внутреннее движение имело бы настолько умиротворяющий ритм.

Я и забыл, что в этом вопросе мой друг – эксперт не хуже буривухов. А ведь да.

– Ничего себе. А Кофа говорил, они – невожатанные хулиганки. Его каким-то образом ввели в заблуждение? Или халиф взял с собой в путешествие самых смирных и воспитанных принцесс?

– Последнее вполне возможно, – согласился Шурф. – На месте халифа я бы постарался подобрать для дальней поездки такую свиту, которая не доставит чрезмерных проблем. Но вообще имей в виду, сколь угодно гармоничный внутренний ритм вовсе не гарантирует, что поведение его обладателя непременно будет удобным для окружающих. Это просто не взаимосвязанные вещи. Однако находиться рядом с таким человеком

чрезвычайно приятно, что бы он ни творил. Впрочем, приятно не всем подряд, а только людям чувствительным, вроде великого халифа Мурана Кутай Ан-Арумы. И, скажем, меня. На твой счет я уже не так уверен. Ты чувствителен скорее к силе, чем к гармонии. Впрочем, чего гадать, надо просто проверить.

– Ну, рано или поздно я их увижу. Подозреваю, встречи с шиншийскими принцессами никому в этом городе не миновать.

На этом месте в моей голове раздался голос сэра Кофы. И объявил: «Ну вот, началось».

Впрочем, звучал он скорее насмешливо, чем встревоженно. Безмолвная речь далеко не всегда позволяет получить представление о настроении говорящего, но в Кофином исполнении обычно распрекрасно все передает.

«Что именно началось?» – спросил я.

«Веселье, – лаконично ответил Кофа. Но, выдержав драматическую паузу, смиростивился и объяснил: – Шиншийцы расставили вокруг отведенного им дворца свои уладасы. И теперь принцессы из ближней свиты халифа скачут на них, что есть сил, а зеваки, собравшиеся поглазеть на новоселье заморских гостей, к ним понемногу присоединяются. Ты был когда-нибудь на представлении деревенского цирка? Догадываюсь, что это несчастье тебя миновало. Ну, ничего не поделаешь, значит, ты не сможешь представить, насколько это зрелище нелепо и смешно».

«Погодите, – попросил я. – Ничего не понимаю. Как это – скачут на уладасах? Как вообще на уладасе можно скакать?»

Мое удивление можно понять. В своей жизни я повидал множество уладасов – своего рода паланкинов в виде мягких диванов. И даже неоднократно на них возлежал, когда мы с Кофой путешествовали по Куманскому Халифату, где почетные гости и просто люди с достаточно высоким положением в обществе редко ходят пешком. Уладас очень мягкий и не особо широкий. Лежать и сидеть, развалившись, удобно, но как кому-то удастся на этой штуке скакать?

«А, ты же никогда не видел шиншийских уладасов, – сообразил Кофа. – Они гораздо больше куманских: уладас великого халифа несут сорок семь носильщиков одновременно; для остальных народу требуется не так много, но никак не меньше дюжины человек. И поверхность не мягкая, а пружинистая. На таком уладасе, если наловчиться, можно очень высоко подпрыгнуть. На высоту своего роста, а то и на две. А у некоторых умельцев получается и на пять. При всей своей любви к праздности и неге, шиншийцы – люди довольно непоседливые. Их уладасы сделаны таким

образом специально, чтобы развлекаться в долгих поездках. Надоест лежать и разглядывать окрестности, можно немного попрыгать. По-моему, глупое ребячество, но о чужих обычаях принято высказываться в духе: им видней».

Спрашивать: «Ну и на кой вы мне все это среди ночи рассказываете?» – было бы довольно невежливо. Поэтому я переформулировал вопрос: «Вам нужна моя помощь?»

«Магистры с тобой, да какая тут может быть помощь? – удивился Кофа. – Кому? В чем? Просто ты в последнее время часто жалуешься, что настоящая жизнь проходит мимо, обо всем самом интересном приходится узнавать из газет. А это безобразие, если тебе больше нечем заняться, еще вполне успеешь застать».

– Что-то случилось? – деловито спросил Шурф, все это время с неподдельным интересом наблюдавший за выражением моего лица. – Выглядишь так, словно получил довольно заманчивое предложение, которое смутно кажется тебе непристойным, но ты постеснялся подробно расспросить.

– Что-то вроде того, – кивнул я. – Кофа рассказывает поразительные вещи о шиншийских уладасах, которые выставили на улицу возле дворца, и теперь на них прыгают все желающие. Это какими же надо быть идиотами, чтобы среди ночи, на окраине города, прямо под окнами резиденции высокого гостя скакать на его уладасах! Ужас в том, что я, кажется, тоже хочу.

– Постарайся, пожалуйста, испытывать это желание как можно дольше, – совершенно серьезно сказал мой друг. – Оно чрезвычайно гармонично сочетается со всей совокупностью моих представлений о тебе и объединяет их в удивительно стройную, логичную и ясную концепцию. Примерно как шиншийские ругательства мои обрывочные сведения об этой далекой стране.

* * *

Уладасы великого халифа Мураны Кутай Ан-Арумы оказались почти идеальными батутами. До полного идеала им, на мой взгляд, слегка недоставало пружинистости: чтобы взлететь по-настоящему высоко, требовалось приложить немалые усилия. Но в Сердце Мира, где к услугам любого желающего подпрыгнуть не только сила его икроножных мышц, но

и Очевидная магия, этот недостаток нельзя считать роковым.

Остальные жители столицы Соединенного Королевства не нашли в батутах, в смысле, в шиншийских уладасах вообще никаких недостатков. Во всяком случае, на следующий день в городе только и разговоров было что о них. Пропустившие ночное развлечение завидовали счастливицам, которые оказались в нужное время в нужном месте, и гадали, прикажет шиншийский халиф убрать уладасы с улицы, или оставит как есть.

Ответ на этот животрепещущий вопрос горожане узнали из экстренного полуденного выпуска «Суеты Ехо», на первой странице которого было опубликовано наиважнейшее за всю историю дипломатических отношений Соединенного Королевства и Шиншийского Халифата политическое заявление: великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума благодарен Его Величеству Гуригу Восьмому за гостеприимство и бесконечно доволен, что нечаянно сумел порадовать его подданных, поэтому от всего сердца просит власти столицы принять в дар дюжину превосходных уладасов и установить их для всеобщего ликования в тех общественных местах, где они будут наиболее уместны.

На мой взгляд, щедрость халифа выглядела завуалированной просьбой больше никогда не прыгать с воплями по ночам прямо под его окнами, но факт остается фактом: город получил в дар превосходные шиншийские уладасы, вполне подходящие для акробатических прыжков, и столичные жители сразу же начали спорить, где именно их установят. И заключать пари.

— Один уладас, как и следовало ожидать, сразу же забрали для нужд придворных Его Величества и установили на заднем дворе замка Рулх, — объявил Кофа. — Говорят, главный церемониймейстер уже составляет расписание, если можно так выразиться, дежурств, чтобы драгоценный подарок, с одной стороны, не простаивал без дела, а с другой не собирал длинные очереди желающих попрыгать и не становился причиной ссор. Второй, конечно, поставят на площади Зрелищ и Увеселений, там ему самое место. Третий и четвертый, насколько я знаю, разместят на Левобережье — напротив Дворца Ста Чудес и возле бывшей переправы, в смысле Большого Королевского моста. Еще два достались Университету и Королевской Высокой школе, что вполне объяснимо: там полно молодых дураков. Руководители Корабельной Высокой Школы и Школы Врачевателей Угуланда чуть не лопнули от зависти и сейчас спешно составляют соответствующие прошения в Королевскую Канцелярию Праздников и Развлечений; заранее не сомневаюсь, что они получат свое.

Что касается остальных четырех уладасов, даже не представляю, куда их денут. В смысле, где именно будут устанавливать. Горожане рады новому развлечению, но решительно протестуют, как только выясняется, что веселье будет происходить не где-нибудь, а непосредственно под их окнами. В общем, город бурлит.

– Один уладас установят у нас в Новом городе, на площади Веселых Голов, – сообщил Нумминорих. – Хенна ходила на специально созванное по этому поводу собрание Клуба Добрых Соседей, только что прислала зов, сказала, решение принято. И еще один Малдо Йоз очень хочет поставить в начале Удивительной улицы; вряд ли кто-то станет ему возражать, он сейчас всеобщий кумир и герой. А вот с двумя последними пока непонятно...

– Чего тут непонятного? – встрял я. – Надо в кои-то веки воспользоваться привилегированным положением нашей конторы и забрать их сюда, на улицу Старых Монеток. Поставим у главного входа в Управление Полного Порядка. Один велим обтянуть какой-нибудь золотой парчой, чтобы издали было видно: это не просто так хренотень, а почетный уладас для вдохновенных упражнений великолепного Тайного Сыска; второй, так и быть, отдадим полицейским, пусть тоже культурно отдыхают. По такому случаю я, пожалуй, достану из кладовой Мантию Смерти, надену и буду прыгать все время, пока свободен. То есть все упоительные три с половиной минуты в сутки, именуемые словом «досуг». И мне радость, и для оздоровления криминальной обстановки в столице очень полезно. Горожане сразу догадаются, что я окончательно сошел с ума, и преступность не просто сойдет на нет, а достигнет абсолютного, мертвого нуля. Со мной шутки плохи, это все должны понимать.

– В этой идее мне особенно нравится твое намерение вернуть Мантию Смерти, – совершенно серьезно сказал Мелифаро. – Наконец-то снова будешь более-менее прилично одет.

Судя по выражениям лиц остальных моих коллег, им тоже было что сказать по этому вопросу. Возможно, гораздо больше, чем я хотел бы услышать, но после давешней беседы с Шурфом Лонли-Локли, внезапно познавшим несколько дюжин новеньких заморских оскорблений, мне все было нипочем.

Но высказаться они не успели, потому что на пороге зала общей работы возникла леди Кайрена Умата и трагическим голосом объявила:

– Извините, что помешала, но мне очень нужен совет.

В этот момент я конечно вспомнил, что так и не извинился перед ней за свое вчерашнее отсутствие. И мысленно схватился за голову,

прикидывая, имеет ли смысл извиняться сейчас, или делу уже ничем не поможешь, разве только задушить себя собственными руками, как это делают в невыносимых ситуациях арварохцы, прямо у нее на глазах.

Мне редко становится стыдно, но если уж это несчастье со мной случается, стыд не просто занимает все мои мысли, а ослепительно вспыхивает в голове, как очень злая белая звезда. К счастью, пылает она обычно совсем недолго, а то даже и не знаю, как бы я дожил до сегодняшнего дня.

В общем, где-то полминуты я ничего не видел и не слышал, ослепленный искренним раскаянием, а когда острый приступ миновал, леди Кайрена уже спрашивала присутствующих:

– И что мне теперь делать? Как повернуть этот процесс вспять?

А присутствующие взирали на нее с таким характерным состраданием, какое обычно выпадает на долю безумцев, время от времени забредающих в приемную Тайного Сыска, чтобы сообщить нам об обретении Единой Великой Истины или хотя бы о нашествии невидимых людоедов, до этого обитавших на нашей Луне и как раз недавно доевших всех тамошних жителей. В таких случаях следует открыть все окна, потому что запах безумия – не лучший освежитель воздуха для помещений, срочно вызвать знахарей и чем-то занять посетителя до их прибытия. Например, внимательно слушать и сочувственно кивать – вот именно с таким выражением, с каким сейчас все смотрели на леди Кайрену. Я даже удивился: чего это они?

– Вам не следует беспокоиться, этот вопрос выходит за рамки компетенции Столичной полиции, – наконец сказал сэр Кофа. – Горожане могут развлекаться, как им угодно, если это не запрещено законом. А прыжки на шиншийских уладасах ни Кодексом Хрембера, ни уголовным законодательством совершенно точно не запрещены.

– Но это очень опасное развлечение! – воскликнула леди Кайрена. – Я слышала, прошлой ночью один из неосторожных горожан сломал руку.

– Не сломал, а всего лишь вывихнул, – хладнокровно заметила Кекки. – Впрочем, невелика разница: и то и другое вылечить несложно; по нынешним временам большинству горожан даже знахаря не приходится звать, сами справляются. Но если бы и не справлялись, это ничего не меняет, такого рода несчастья – неизбежная часть жизни. В этом смысле каждый наш шаг – определенный риск.

– Да, но когда травм можно избежать, заблаговременно ликвидировав источник опасности... – начала было леди Кайрена.

Тут до меня наконец-то дошло, о чем речь. Начальница Столичной

полиции пришла к нам советоваться, как добиться запрета шиншийских уладасов. И мне опять стало мучительно стыдно, но на этот раз только потому, что в моем присутствии оказался возможен настолько дикий эпизод.

– Конечно, надо заблаговременно ликвидировать источник опасности, – сказал я. – Эти ужасные шиншийские уладасы, безусловно, следует испепелить. Я лично этим займусь, сразу после того, как будут снесены все стены в этом городе, а лучше – сразу во всей стране. Стены недопустимо твердые, вот в чем с ними беда. Об одну из них я буквально на днях очень больно стукнулся локтем. А в самом начале осени вообще лбом. Стены – вот главная смертельная угроза, нависшая над человечеством. Но шиншийские уладасы, несомненно, номер два.

Леди Кайрена Умата почти беззвучно спросила:

– Вы надо мной смеетесь, сэр Макс?

– Что-то вроде того, – честно признался я. – Но для вашей же пользы. В смысле, чтобы не рассердиться по-настоящему. А то я могу, да так, что потом сам пожалею. Не говоря уже обо всех остальных.

Теперь коллеги смотрели на меня с такой укоризной, будто я у них на глазах отнял еще не совсем пустую бутылку у портового нищего и допил ее содержимое сам.

– Не перегибай палку, – наконец сказал Кофа. – Леди Кайрена долгое время отвечала за безопасность летней Королевской резиденции. И еще не привыкла к новым обстоятельствам. Мы все когда-то были начинающими. В том числе, ты сам.

– Я до сих пор начинающий, – кивнул я. – И тоже... скажем так, еще не ко всему привык. Извините, леди Кайрена. Я как-то не учел, что вы, если что, вряд ли сможете испепелить меня взглядом или хотя бы оторвать голову, а значит, вам нельзя хамить.

– Да, – сухо согласилась начальница полиции. – Испепелить – это вряд ли. Максимум отравить.

– По крайней мере, теперь ясно, с какой начинкой будет ее следующий торт, – бодро заключил Мелифаро, когда за леди Кайреной Уматой закрылась дверь. – Одной загадкой меньше, и хвала Магистрам, а то я уже извелся гадать.

– Причем сэр Макс благополучно проспит момент подношения, и вся отравка достанется нам, – заметила Кекки. – Надо будет зайти на Сумеречный рынок, запастись противоядиями, на всякий случай сразу от всего.

– Если еда будет отравлена, я это учую, – совершенно серьезно утешил ее Нумминорих. – И даже с высокой степенью точности определю по запаху яд.

– Зря ты так, – сказал мне сэр Кофа. – Когда коллега допускает ошибку, следует объяснить человеческими словами, в чем именно она заключается. А не сразу на смех поднимать. Если человек, которого ты сделал посмешищем, имеет хоть каплю достоинства, он никогда, ни за какие сокровища Мира не согласится с твоей правотой, а значит, укоренится в собственной глупости. Ты такого эффекта хотел?

Я отрицательно помотал головой.

– Сам не знаю, чего на нее набросился. Наверное, беда в том, что она мне сразу понравилась. А когда симпатичный мне человек начинает нести несовместимую с моей жизнью хренотень, я воспринимаю это как своего рода предательство. Хотя человек совершенно не виноват, что я по какой-то причине назначил его «симпатичным». И, по идее, не должен нести за это какой-то дополнительной ответственности. Как ни крути, а я повел себя, как хрен знает что... С другой стороны, я в свое время приложил столько усилий, чтобы примирить с Тайным Сыском Бубуту, что теперь, равновесия ради, был просто обязан рассориться с новой начальницей Столичной полиции. Чтобы между нашими ведомствами сохранился традиционный конфликт.

– В болоте я видел такое равновесие. И традиции вместе с ним, – огрызнулся Кофа. – Хочешь конфликта – ступай в оперу. А лично я желаю спокойно работать, не отвлекаясь на ерунду. Так что придумывай, как будешь мириться с леди Кайреной. Вряд ли это особенно сложно. По моим сведениям, она не слишком злопамятна. И любому драматическому сюжету предпочтет скучный, удобный, полезный для общего дела мир.

– Просто соблазни ее, – подсказал Мелифаро. – Это самый простой и беспронимательный вариант извиниться, я много раз проверял.

– И подбей сбегать в Ташер, – подхватила Кекки. – С ее преемником, кто бы им ни стал, мы поступим так же. И со следующим. Если в Ташере со временем соберется целая толпа бывших начальников нашей полиции, все, как один, с разбитыми сердцами, это будет... ну, просто красиво. Вчера на Королевском приеме сэр Малдо чрезвычайно убедительно мне объяснил, что красота не нуждается в каких-то дополнительных смыслах, она сама – смысл.

Сэр Кофа даже краешком рта не улыбнулся, хотя обычно подобные разговоры его забавляют. Напротив, помрачнел еще больше.

Только тогда до меня дошло, насколько это важно для Кофы:

заполучить на свое бывшее место, которое больше ста лет занимал некомпетентный скандалист, заново превративший полицию в посмешище, хорошую; ладно, хотя бы потенциально неплохую, открытую к сотрудничеству, готовую учиться и заранее благодарную за поддержку начальницу. И закрыть наконец этот мучительный для него вопрос. А тут и леди Кайрена внезапно выступила полной дурой, и я своими насмешками отбил у нее охоту ходить в Тайный Сыск за советами. Хорошо, если только на время. А вдруг навсегда? Могу представить, что она без присмотра натворит. Вернее, я-то как раз не могу. А сэр Кофа может. Он очень опытный человек.

– Извините, – сказал я. – Надо было с самого начала сказать, что для вас это так серьезно. Я бы тогда в присутствии леди Кайрены вообще звука не произнес. Максимум – встал бы и вышел, чтобы не разорвало. Ничего, не берите в голову, все наладится. Даю слово, я с ней помирюсь.

– Взрослые люди обычно не ждут команды, а сами соображают, когда следует заткнуться, – проворчал Кофа. – Хотя какой из тебя, в болото, взрослый человек... Ладно, договорились: ты приносишь извинения леди Кайрене. Если она их примет, с меня обед.

– Ради обеда с вами я могу еще перед дюжиной человек извиниться, – обрадовался я. – На ваш выбор. Возможна торжественная церемония покаянного лобызания подолов их лоохи. Дело стоит того.

– Ты льстишь, как старый ленивый придворный, – почти помимо воли усмехнулся Кофа. – Для каждой жертвы припасен всего один, зато безотказно действующий прием.

* * *

Я переступил порог кабинета леди Кайрены Уматы с легким сердцем и в приподнятом настроении.

Не то чтобы я всю жизнь мечтал перед кем-нибудь извиниться, оставаясь при этом уверенным в собственной правоте. Но поскольку делал это исключительно ради Кофиного спокойствия, предстоящий спектакль казался мне чем-то вроде спасательной операции. А спасательные операции я очень люблю. Они меня, можно сказать, заводят – не потому, что я от природы добрый, это, боюсь, все-таки вряд ли. Просто способность улаживать чужие дела мой изворотливый ум почему-то соглашается считать веским вещественным доказательством все еще сомнительного для него факта, что я не наслаждаюсь посмертными грезами

о счастливой жизни в навсегда утраченном Море, а по-настоящему тут есть.

Положа руку на сердце, в этом нет никакой логики: спасение кого бы то ни было вполне может оказаться такой же естественной составляющей посмертных грез, как заверения моих близких и просто авторитетных специалистов вроде Правдивого Пророка, что я абсолютно, вне всяких сомнений, а временами даже несколько чересчур жив. Но уж если мой скептический ум по какой-то причине решил считать благотворительную деятельность достаточно веским доказательством моего бытия, кто я такой, чтобы отказываться от неопишуемого наслаждения хотя бы пару часов в сутки не терзаться сомнениями. Бери, пока дают – вот мой девиз.

Леди Кайрена Умата встретила меня таким ласковым взглядом, что впору было заподозрить: она каким-то непостижимым образом научилась подкладывать яд прямо в свои глаза. Но слова дурного, конечно же, не сказала. Наоборот, кротко осведомилась:

– Чем могу быть полезна, сэр Макс?

– Я пришел еще раз извиниться, – объявил я. – И заодно кое-что объяснить, просто чтобы впредь вам было легче иметь со мной дело. Прежде всего, я – псих.

– Это не то чтобы совсем неожиданное для меня признание, – заметила леди Кайрена. Но глаза ее явственно потеплели.

– К сожалению, в моем случае «псих» это не просто смешной чудак с нелепыми идеями и недостаточно приятными манерами, – мягко сказал я. – А колдун, еще не привыкший к собственному могуществу и не научившийся контролировать не только его проявления, но и собственные эмоции, непосредственно влияющие на процесс преобразования потаенных желаний мага в свершившийся факт. Это не делает мне большой чести, но пока оно так. В Смутные Времена таких, как я было очень много; строго говоря, именно по их милости и случился весь этот бардак. Со мной в этом смысле, конечно, полегче: во-первых, меня все-таки одна штука, а не две с лишним дюжины Орденов. А во-вторых, мне достались очень хорошие учителя, великие заклинатели демонов. Поэтому пользы от меня довольно много, а вреда – исчезающе мало. И в основном этот вред заключается в том, что я незаслуженно обижаю людей. Не потому, что могу, и меня никто не накажет, а просто чтобы не натворить чего-нибудь похуже. Лучше уж обругать, или выставить на посмешище, чем нечаянно взглядом убить.

– А вы правда могли бы? – изумилась леди Кайрена. – Убить меня взглядом только потому, что я считаю шиншийские улады опасным развлечением? Вы настолько любите прыгать на уладах? Или просто так

сильно невзлюбили меня?

– Ровно наоборот. То есть дело вообще не в уладасах; если мне припечет, закажу себе такой же, поставлю в гостиной и закрою вопрос. А убить вас я мог бы как раз потому, что вы мне сразу понравились. С тех, кто мне нравится, у меня строгий спрос. Как с самого себя. Словно все ваши слова и поступки каким-то образом становятся отчасти моими, и мне предстоит разделить с вами ответственность за этот кошмар...

– Да в чем, собственно, кошмар-то? – страдальчески поморщилась леди Кайрена. – Ну да, я уже поняла, что вопросы определения степени безопасности аттракционов на городских улицах находятся вне моей компетенции. Если сэр Кофа Йох говорит, значит так и есть, можно не тратить время, перерывая своды законов, правил и уложений. Но что такого ужасного в том, что я ошиблась, определяя своих полномочия? Подобное порой случается и с более опытными людьми.

– Просто с моей точки зрения, вы посягнули на священное право каждого человека – самостоятельно делать выбор, ошибаться и рисковать. Шиншийские уладасы на улицах – мелочь, связанная с ними опасность почти смехотворна, но когда и учиться, если не на таких мелочах? Решившись попрыгать, робкий человек учится мужеству; отказываясь от акробатических трюков ради спокойствия увязавшейся за ним бабки, беспечный храбрец учится беречь своих близких; уговаривая внука повеселиться с друзьями, та же самая бабка учится предоставлять полную свободу действий тем, кого любит всем сердцем, а это уже высочайший уровень житейского мастерства. И так далее, сколько людей, столько вариантов; подозреваю, самые интересные мне пока даже в голову не пришли. Казалось бы, какие-то дурацкие уладасы, ерунда, глупое развлечение, которое уже послезавтра выйдет из моды, а сколько сильных переживаний и бесценного опыта можно от них получить!

Леди Кайрена Умата растерянно моргнула. Похоже, подобные рассуждения, которые мне самому кажутся почти невыносимой банальностью, она слышала в первый раз.

– Думаете, все вокруг обязаны разделять вашу... эээ... небесспорную точку зрения? – наконец спросила она.

– Разумеется, не обязаны. Но от тех, кто мне нравится, я жду, что мы будем согласны друг с другом хотя бы в самых простых, фундаментальных вопросах. Я знаю, что это неправильно – заранее связывать с людьми какие-то ожидания, а потом сердиться, что они их не оправдали. Теоретически – знаю. Но практика у меня от теории пока здорово отстаёт.

– Ладно. По крайней мере, вы сами это осознаете, – вздохнула леди

Кайрена.

Похоже, бедняжка изо всех сил пыталась меня понять или хотя бы просто великодушно извинить, но дело шло туго.

– Осознаю, – смиренно согласился я. – И кстати, по сходной причине я вчера совершил непростительную ошибку: не стал отменять приглашение, когда понял, что очень поздно вернусь домой. Выглядит как вопиющее пренебрежение, а на самом деле я обошелся с вами, как с одним из близких друзей, которые с удовольствием проводят там время в мое отсутствие. Еще и радуются, что в кои-то веки так хорошо, спокойно, уютно, и никто с разговорами не пристаёт. Просто как-то не учел, что объективно мы с вами едва знакомы, а потому следует проявлять обычную в подобных случаях предупредительность. Такие банальные вещи я часто понимаю с большим опозданием, потому что, как уже вам сказал, я псих. У меня в голове Темные Магистры знают что творится. Впрочем, вру, они тоже знают далеко не все.

– Да, с этой точки зрения я ваше поведение, конечно же, не рассматривала, – удивленно призналась леди Кайрена. И наконец-то улыбнулась, не просто с явственным облегчением, а почти по-настоящему тепло.

– Вам оно наверняка показалось очень обидным. Я сам ни за что не стал бы такое терпеть. Поэтому если захотите меня отравить, я к вашим услугам. Съем весь причитающийся мне яд, не поморщившись. Слова поперек не скажу. Только, пожалуйста, не подкладывайте его в куманские сладости, они для меня слишком приторные. И в джубатыкскую пьянь, по возможности, не подливайте. Терпеть ее не могу.

Она рассмеялась. Это означало, что моя миссия выполнена. Я честно отработал будущий Кофин обед.

Но я – человек широкой души, великий мастер перегибания палок. В смысле не просто не могу вовремя остановиться, а даже не считаю это необходимым. Гулять так гулять. Поэтому добавил:

– И если вы все-таки захотите еще раз взглянуть на кошек, только скажите. Ради возможности загладить свой давешний промах я все дела отменю. Мне сказали, вы им понравились, а это большая редкость. Армстронг и Элла не любят чужих. Они, строго говоря, и своих-то не очень. Ну так, под настроение, через раз.

– Спасибо, – сказала леди Кайрена. – Кошки у вас и правда роскошные. Я не хотела сразу от них уходить, просто неловко было оставаться в доме, где я ни с кем не знакома. Так уж меня воспитали. К тому же я рассердилась, что вы забыли о своем приглашении. Не подумала,

что ваше отсутствие может оказаться прямым следствием дружеской симпатии. Такая недогадливость вполне простительна: все-таки вы – мой первый знакомый безумец. Прежде судьба меня берегла.

– Или, наоборот, была недостаточно щедрой на дорогие подарки, – подсказал я.

– Вам все всегда сходит с рук, да? – вдруг спросила леди Кайрена. – Вам еще и не такое прощают, верно? И я начинаю понимать, почему: на вас легко сердиться заочно, но совершенно невозможно с глазу на глаз. Быть человеком, который всем вокруг нравится, чрезвычайно выгодная позиция. Я с детства развиваю и воспитываю в себе эту способность, а у вас она, похоже, врожденная. Даже стараться не надо. Вы могли бы сделать блестящую карьеру при Королевском дворе.

– Я в курсе, – кивнул я. – Мне многие говорили. Но на такое я пойти не могу: придворным платят гораздо меньше, чем Тайным сыщикам; при этом служебная дисциплина при Королевском дворе железная, вот в чем беда.

– Так вы любите деньги? – рассмеялась леди Кайрена. – Ну хвала Магистрам, хоть что-то человеческое в вас есть!

– Скорее, не люблю дисциплину. Уж не знаю, что может быть более человеческим, чем естественная потребность целыми днями пинать балду. А что касается моей способности нравиться людям, вы совершенно правы: нельзя так беззастенчиво пользоваться своим обаянием. Но исправить это легко.

Я закрыл лицо руками, как делаю всякий раз, когда хочу прогуляться по улицам Ехо неузнанным. На самом деле это довольно тяжелый в исполнении трюк: нужно произносить в уме целых два заклинания – отменяющее прежний облик и формирующее новый – и одновременно этот самый новый облик детально воображать. С последним у меня до сих пор проблемы: я плохо контролирую собственное воображение, и в результате почти всякий раз получается какой-нибудь жуткий урод. То ли мое чувство комического так резвится, то ли в глубине души я совсем не хочу нравиться людям. А наоборот, желаю их устрашать.

Но слабость, правильно примененная по назначению, становится силой. Вот и сейчас, когда я отнял руки от лица, леди Кайрена Умата посмотрела на меня с нескрываемым ужасом. И смущенно пробормотала:

– Я вовсе не хотела сказать, будто в вашей способности нравиться людям есть что-то плохое. Извините, если это прозвучало именно так. Скажите, а вы не могли бы вернуть свое лицо на место? А то мне... ну, понимаете, просто неловко будет показаться с вами на улице. Меня все-

таки многие в городе знают. И заранее страшно подумать, какие сплетни обо мне поползут.

* * *

Ясно, что, объявляя себя «психом», я несколько преувеличивал. Этот простой, но на удивление эффективный дипломатический прием я обычно с огромным успехом применяю, когда хочу сохранить за собой привилегию вести себя, как того пожелает моя левая пятка, не слишком заботясь об удобствах окружающих. Правда, следует признать, что мой метод подходит не всем. Прежде, чем во всеуслышание объявлять себя психом, желательно принести максимум пользы обществу, в процессе заработать ужасную репутацию и отрастить обаятельную улыбку. Ну или просто не утратить ее в ходе работы над первыми двумя пунктами; это гораздо трудней, но вполне достижимо: я же как-то смог.

Однако, положив руку на сердце, когда я называю себя «психом», я грешу против истины несколько меньше, чем мне бы того хотелось. Я и правда довольно нелепо устроен, даже на свой собственный взгляд. Это не особо мешает наслаждаться жизнью, но только до тех пор, пока имеешь дело с такими же непредсказуемыми психами, как ты сам – до краев переполненными веселой силой, в любой момент готовыми удивить, озадачить, выбить из колен, обрадовать, напугать, рассмешить.

Поскольку мое окружение в этом смысле практически идеально, я привык считать себя человеком чрезвычайно общительным. И напрочь забыл, насколько быстро на самом деле устаю от нормальных людей, какими бы славными они ни были. Поэтому и влип с леди Кайреной – пригласил ее в гости, даже не заподозрив, какая это будет тяжелая работа. Уж лучше бы подрядился в речном порту мешки грузить.

Причем поначалу-то все было отлично. Я вообще люблю разговаривать с незнакомцами, особенно когда они незнакомки. Расспрашивать и отвечать на вопросы, удивлять, тормошить и смешить – все это мне очень нравится. Но отравить мне удовольствие легкое: достаточно превратить живой разговор в мертвую болтовню. То есть не вкладываться в него всем сердцем, а вежливо отвечать на мои усилия приличествующими случаю репликами, которые, в зависимости от подготовленности собеседника, могут оказаться и забавными, и остроумными, и полными интересной информации, но по ощущению – все равно, что иллюзорная еда, которой прежде питалась наша Базилио. Ни

вкуса, ни запаха, ни тепла, ни влаги, ни намека на насыщение, хоть целый воз ее проглоти.

Леди Кекки Туотли называет такого рода беседы «щебетом» и говорит, на них не следует раздражаться, это просто отдельный разговорный жанр со своими правилами и особенностями; сама-то она великий мастер необязательной светской болтовни и умеет добывать из нее полезную информацию, в том числе неизвестную ее собеседникам – из совокупности мельком упомянутых фактов. А я – слабак. Несколько минут достаточно, чтобы я, ощутив тщетность своих усилий, утратил вдохновение и сник. А через час уже можно начинать обдумывать завещание и потихоньку готовиться к похоронам.

Впрочем, я не настолько исполнен самопожертвования, чтобы доводить до такой крайности. В смысле обычно сбегая от милого, приятного собеседника задолго до того, как у меня успевает как следует потемнеть в глазах.

Но сбегать от леди Кайрены после того, как сам, по собственной воле привел ее домой, попросил принести напитки и завел разговор, было бы форменным свинством. Сам виноват, не предусмотрел подобного поворота. До сих пор она казалась мне замечательной собеседницей; собственно, таковой и была, но у меня в гостиной не то от смущения, не то просто по привычке внезапно перешла в режим «светский прием» и принялась изрекать вежливые банальности, а на мои попытки оживить беседу захватывающими историями о старых добрых временах неизменно отвечала: «Потрясающе», и: «У вас удивительная жизнь, сэр Макс», но за этими репликами не было ни глубокого интереса, ни искреннего внимания, только напряженное старание вести себя подобающе и не попасть впросак.

Отсутствие живого отклика собеседника я чувствую очень остро, как жажду и голод, и страдаю ничуть не меньше, чем страдал бы от обезвоживания, пересекая пустыню, так что в этом смысле меня, к сожалению, не проведешь. Неудивительно, что уже через полчаса я начал прикидывать, очень ли сильно гостя обидится, если я вот прямо сейчас, наскоро попрощавшись, сигану в окно. Правильный ответ: «Да, очень». С примечанием: «Кофа мне не простит».

Ситуация осложнялась тем, что мы с леди Кайреной сидели в гостиной одни – сказал бы мне кто, что вечером в моем доме может оказаться настолько безлюдно, я бы только пальцем у виска покрутил.

По большому счету, я удачливый человек, грех жаловаться. Но иногда до смешного невезучий в мелочах. Вот и в тот вечер все мои домашние куда-то разбежались, даже своих гостей в заложниках не оставили. На

месте было только зверье, причем Дримарондо, который теоретически мог бы камня на камне не оставить от нашей вымученной беседы, начав излагать свои оригинальные и даже отчасти шокирующие взгляды на угуландскую поэзию периода окончания Эпохи Орденов, при виде гостыи вероломно удалился якобы в свой кабинет проверять студенческие сочинения, а на самом деле, конечно, в направлении кухни, где господину профессору в любое время суток готовы выдать дополнительную сахарную кость. Друппи, простая душа, убедившись, что ни я, ни леди Кайрена не готовы вот прямо сейчас начать кувыраться с ним на ковре и играть в догонялки в полутьме коридоров, немного помаялся, а потом устремился за своим другом. Я не держу обиды: на его месте и сам бы так поступил.

В гостиной остались только Армстронг и Элла, которым леди Кайрена явно понравилась: из нее получилась хорошая, теплая, спокойная подушка для двух любителей подремать между восьмым и девятым обедами. Но в качестве собеседников кошки, к сожалению, не настолько блистательны, чтобы с легким сердцем переложить на них обязанность развлекать гостью. У них на все реплики один ответ – громкий самодовольный «мурррррр».

Дело кончилось тем, что я послал зов сэру Кофе. Вкратце объяснил ситуацию: «Помирился до такой степени, что леди сидит у меня в гостях, поэтому выручайте, я практически при смерти, больше не могу щебетать». Кофа, конечно, высказался в духе: «От этого, не поверишь, не умирают», – но был милосерден и принял меры. В смысле буквально четверть часа спустя ввалился в гостиную в сопровождении моей любимой соседки, хозяйки единственного в городе трактира традиционной урдерской кухни и по совместительству наваждения, вернее, овеществившегося сновидения одного очень старого дерева. Даже жаль, что происхождение леди Лари тайна, в том числе, от нее самой, потому что это, конечно, прекрасный, исчерпывающий ответ на мучающий всех городских сплетниц вопрос: кем надо быть, чтобы похитить сердце сэра Кофы Йоха? А вот кем.

С леди Лари пришел ее племянник, чудесный мальчишка, очень способный художник, ну или талантливая девчонка-художница: Иш – то одно, то другое, по очереди. Алгоритм его нечаянных превращений пока не смогла высчитать даже леди Тайяра, ясно только, что ни одно из состояний не длится дольше дюжины дней подряд. Впрочем, сейчас важно не это, а то, что группа поддержки сразу, с порога затребовала доску для игры в «Злик-и-Злак»; разложив ее на столе, они наперебой начали объяснять правила леди Кайрене, которая, конечно, смущенно бормотала: «Ой, нет, я не справлюсь, давайте сперва просто посмотрю», – но сама заранее понимала, что обречена.

Я перевел дух. Голова, утомленная бессмысленностью бытия, еще гудела, но гул уже стал вполне выносимым и понемногу сходил на нет. Для полного счастья мне, конечно, не помешало бы четверть часа посидеть одному на крыше, и я как раз начал прикидывать, под каким бы предлогом туда смыться; проблемой, собственно, было выбрать из доброй сотни прекрасных предлогов какой-то один, но до выбора не дошло, потому что в моей голове раздался голос леди Сотофы Ханемер, и она сказала: «Нужна твоя помощь, мальчик. Нынче вечером я сварила такую скверную камру, что никто кроме тебя не согласится ее пить. А выливать жалко, мы, кеттарийцы, сам знаешь, прижимистый народ».

С леди Сотофой Ханемер такая проблема: ради встречи с ней я брошу все. Даже если в этот момент буду висеть над пропастью в тщетной попытке спастись от злокозненного врага, придется мне усилием воли временно отменить и врага и пропасть, и топать к леди Сотофе. А повисеть можно и завтра, если вдруг окажется, что без этого по какой-то причине не обойтись.

Впрочем, следует отдать должное леди Сотофе, она этим не злоупотребляет. Еще ни разу не вызывала меня в совсем уж неудобный момент. Иметь дело с могущественными колдунами в этом смысле вообще одно удовольствие: у них прекрасное чувство времени, а желание быть неудобными и делать назло прошло задолго до моего рождения. Предположительно, до позапрошлого. В общем, давным-давно.

Я пообещал: «Явлюсь через пару минут и все выпью, не беспокойтесь», – и сразу послал зов сидящему напротив Кофе: «Будете смеяться, но меня срочно вызвала леди Сотофа, вот только что, прямо сейчас».

«Значит, отделались малой кровью, – невозмутимо ответил Кофа. – Я-то опасался, что твое желание избавиться от гостя обрушит Мохнатый Дом, а это было бы жалко, все-таки памятник старинной архитектуры, таких больше нет».

И он туда же. Как сговорились все. Когда твои возможности в области разрушительной магии переоценивают даже самые опытные эксперты, это, конечно, очень приятно – первые пару дней. А потом начинаешь шарахаться от собственных отражений в зеркалах, потому что – ну а вдруг они правы? А я внутри этого лютого ужаса живу, как последний дурак.

Я поднялся, стараясь выглядеть огорченным, но, боюсь, довольная рожа выдавала меня с головой, я неважный актер. Сказал:

– Вечно со мной одна и та же история: только веселье начинается

набирать обороты, как меня сразу вызывают по делу, которое даже на полчаса отложить нельзя. Думаю, это какое-то тайное проклятие неведомого происхождения. С другой стороны, меня столько раз проклинали, что это я еще легко отделался. Могли бы, например, огромные зеленые уши отрасти.

– Так сияешь, как будто идешь не по делу, а на свидание, – улыбнулась романтическая леди Лари.

– Ну так одно другому далеко не всегда мешает, – в тон ей ответил я.

Что касается леди Кайрены Уматы, она, конечно, не выказала явного неудовольствия моим побегом. Но даже мне было понятно, что для человека, погребенного под двумя мурлыкающими котами, у нее какой-то недостаточно умиротворенный вид.

* * *

Леди Сотофа Ханемер, глава женщин Ордена Семилистника и по совместительству живое воплощение магии этого Мира, ждала меня в своей садовой беседке, которая заменяет ей одновременно гостиную, приемную и рабочий кабинет, примерно как мне крыша Мохнатого Дома – после того, как я научился мастерить примитивную магическую защиту от проливного дождя. Что касается леди Сотофы, в ее беседке в последнее время всегда весна, и теплый южный ветер доносит запах цветущих деревьев, иногда из какой-нибудь прошлой весны, а иногда – из будущей, в таком деле важно разнообразие, нет смысла ограничивать себя чем-то одним.

Камра, которой она меня запугивала, уже была налита в высокую узкую кружку, и, вопреки угрозам, оказалась вполне хороша. Хотя вкус довольно необычный, далекий от традиционного. Леди Сотофа, как и сэр Джуффин Халли, родом из города Кеттари, а у них там свои, особые рецепты. И свое особое вообще все.

– Я ваш должник, – сказал я, одолев примерно половину кружки. – Вовремя вы меня выдернули из дома!

– А что там такое случилось, что тебя надо выдергивать? – удивилась леди Сотофа.

– Да ничего выдающегося. Просто сваял дурака: притащил в дом гостью, и вдруг обнаружилось, что она... как говорят в подобных случаях, в высшей степени приятная собеседница. Я от таких отвык. Причем поначалу вроде была совершенно нормальная. Я думал, она из тех, с кем

легко и приятно дружить. Все-таки я не просто не разбираюсь в людях, а совсем ни хрена в них не понимаю.

– Наоборот, понимаешь слишком много, – неожиданно возразила леди Сотофа. – В том смысле, что сразу видишь перед собой не столько самого человека, сколько его потенциал. Лучшее, на что он способен, – теоретически, если как следует постарается, и обстоятельства поспособствуют. В годы моей юности в Кеттари был один учитель пения. С возрастом он наполовину оглох, да таким интересным образом, что стал слышать только высокие, чистые ноты. Так к нему оперные певицы со всех краев Соединенного Королевства учиться ездили, причем далеко не одни только начинающие. С этим дедом что было хорошо – он всех учил под себя. В смысле так петь, чтобы ему было слышно. Кому это удавалось, тех ждал огромный успех. Вот и ты вроде него – глух к нашим низменным проявлениям, пока тебя в них совсем уж грубо носом не ткнут, зато любую незаурядность чуешь за версту. В повседневной жизни не слишком удобное качество, согласна. Слишком часто приходится разочаровываться. Но по большому счету, очень полезное. Во-первых, тебе сразу ясно, кто чего стоит, а во-вторых, при твоём могуществе, это довольно серьезная поддержка. Я хочу сказать, твое представление о людях влияет на них. И им становится гораздо легче раскрыть этот свой потенциал, о котором они сами пока ни сном, ни духом... Правда, это палка о двух концах. Я хочу сказать, когда ты всерьез в ком-то разочаровываешься, это ощущается, как удар невидимой, но очень тяжелой дубиной. Не хотела бы я однажды тебя разочаровать!

– Это то небольшое, что вряд ли у вас получится, – невольно улыбнулся я.

– Тебе только кажется. Разочаровать тебя легче легкого, было бы желание. Достаточно регулярно говорить то, что ты считаешь недопустимой глупостью, иногда подкрепляя свои заявления делом. Например, прямо сейчас я могла бы доверительно сообщить тебе, что шиншийские улады опасны для психического здоровья населения и объявить о намерении лично обратиться к Его Величеству с просьбой их запретить.

– Ну надо же. Оказывается, вы интересуетесь сплетнями, – укоризненно заметил я.

– Да не то чтобы интересуюсь. Но мне их все равно пересказывают, куда деваться. Так это ты Кайрену в дом притащил? Мириться? Или сразу соблазнять?

– Кошек показывать, – честно ответил я.

– Иного ответа я и не ожидала, – рассмеялась леди Сотофа. – У тебя с девочками разговор короткий: а ну быстро пошли ко мне, кошек покажу. Будь милосерден к Кайрене. В смысле постарайся не очень быстро в ней разочаровываться. Бедняжка почти сорок лет управляла Королевской резиденцией. Ты бы, между прочим, точно не смог. А я бы так сильно не захотела, что это вполне можно приравнять к «не смогла». Считай, она что-то вроде контуженного ветерана войны за Кодекс, от которого отказались все знахари. Не то чтобы ей в связи с этим все позволено, но немного милосердия не повредит.

– Вот бы не подумал, что она вам нравится! – удивился я.

– Не столько она, сколько ее прабабка, – призналась леди Сотофа. – Леди Марая Умата – одна из самых замечательных женщин, каких мне доводилось встречать, а я, сам понимаешь, многих перевидала. Настоящая лесная ведьма из старинных сказок, драгоценный осколок древних времен. И характер что надо. В смысле, такой тяжелый, что рядом не всякий долго простоит. Я таких люблю. А вот она меня не особо жаловала, как, впрочем, и всех остальных мало-мальски выдающихся мастеров угуландской Очевидной магии, без разбора. Драххи считают Очевидную магию грубой и очень вредной и одновременно завидуют тем, кому она легко дается. По-человечески их можно понять: когда от рождения неспособен к каким-то важным вещам, очень остро чувствуешь несправедливость мироустройства.

– Да, – согласился я. – Могу им посочувствовать. Я бы сам наверное на весь Мир обозлился – все кругом так эффектно колдуют, а я, сирота, старинными дедовскими заговорами перебиваюсь кое-как.

– На самом деле не так уж это мало, – серьезно сказала леди Сотофа. – Судя по той же Мараяе, хороший лесной колдун многим может дать прикурить.

– А она еще жива?

– По моим ощущениям, да. Но точно никто не знает. В самом начале Смутных Времен Марая сказала: «Ну все, с меня хватит». Прокляла этот город и ушла неведомо куда. Предположительно, в глухие леса за Нелмундом^[9], а может и еще дальше. Надеюсь, у нее все хорошо. Хотя от ее прощального проклятия мы с девочками город два дня отмывали. Ну как – отмывали. Понятно, что не мочалками, а заклинаниями. Только древних крэйских проклятий нам тут для полного счастья тогда не хватало. Хорошо, что я к тому времени уже научилась их снимать.

– Ого! – присвистнул я.

– Ну, это обычное дело, – беззаботно сказала леди Сотофа. – В ту пору нас многие проклинали – и Орден Семилистника, и меня лично, и старого

Короля, и весь город; к счастью, мало у кого получалось хоть что-то путное, а то бы мы с девочками вообще больше ничего делать не успевали. Я на Мараю зла не держу. Ее единственный сын – собственно, дед Кайрены – погиб, случайно оказавшись в трактире, где выясняли отношения Младшие Магистры Ордена Дырявой Чаши и, кажется, Посоха в Песке; впрочем, насчет второго не уверена. Давно дело было. Да и неважно это теперь. Важно, что новая начальница полиции единственная в семье пошла в прабабку. И унаследовала ее тетрадку с секретами, оставленную какому-то доверенному дереву с напутствием: если однажды в нашем роду появится толковая девчонка, способная тебя услышать, можешь ей это отдать.

– Получить прабабкину тетрадку от ее же доверенного дерева – это вызывает уважение, – кивнул я. – Интересные они, получается, люди, эти лесные колдуны. Я же о них совсем ничего не знаю. Никогда раньше их не встречал... Хотя стойте, была же муримахская ведьма! Живет в лесу, совершенно одна, в жуткой развалюхе. Объяснила, что не может покинуть свой ветхий дом, потому что уже очень стара, но остается молодой, пока живет в его стенах, дом дает ей силу. И такие интересные фокусы нам в этом доме показывала – до сих пор удивляюсь, как ее не пришиб^[10].

– Ты же про Илку сейчас говоришь? – усмехнулась леди Сотофа. – Я с нею не знакома, но о ее, как ты говоришь, «интересных фокусах», наслышана. Что ж, значит, некоторое представление о предмете у тебя есть. На Муримахе, по моим сведениям, сейчас живет, как минимум, дюжина довольно могущественных старых крэйских ведьм и колдунов. Не говоря уже о том, что в каждой второй семье там найдутся какие-то свои секреты и заговоры... Но речь сейчас не о том. Я только и хотела сказать: не будь слишком строг к Кайрене. Возможно, время покажет, что она вполне ничего.

– Одного факта, что вы за нее вступаетесь, достаточно, чтобы признать ее незаурядной персоной, – улыбнулся я. – Вы меня за этим позвали? В смысле провести воспитательную работу, чтобы я не обижал хорошую девочку? Нас с вами можно поздравить: по такому пустяковому поводу мы, кажется, еще никогда не встречались. Похоже, жизнь и правда налаживается, причем вся, в целом, а не только лично моя.

– Не передергивай, я позвала тебя допить мою камру, – строго сказала Сотофа. – А Кайрена просто к слову пригласилась. Я совсем о другом хотела с тобой поговорить.

Вообще леди Сотофе Ханемер не свойственно нарочно делать паузы в разговоре, чтобы заставить собеседника терзаться от любопытства и, таким

образом, получить все его внимание целиком. Ей это ни к чему, ее и без того слушают так внимательно, словно от этого зависит жизнь, даже если речь идет о погоде.

Но на этот раз Сотофа надолго умолкла, видимо собираясь с мыслями. Я ее не торопил, хотя, конечно, извелся. И заранее перепугался: что на этот раз стряслось? Все-таки слишком близко принимаю к сердцу благополучие этого Мира, поэтому полного спокойствия мне не светит ни при каких обстоятельствах: Мир велик и разнообразен, с ним каждый день что-нибудь да не так.

– Если ты сейчас спешно прикидываешь, какая из тысячи мыслимых бед стряслась или вот-вот собирается, можешь не изводиться, – наконец сказала леди Сотофа. – Ничего у нас не случилось. Извини, если напугала. Просто привыкла иметь дело с людьми, у которых нервы покрепче твоего. Джуффин всем возможным проблемам заранее радуется, а моих девочек просто ничем не проймешь.

От облегчения я допил свою камру залпом, как будто она была дешевым поддельным бомборокки. И спросил:

– Значит, вы хотели поговорить со мной о том, чего не случилось? И не случится никогда?

– Именно так, – кивнула леди Сотофа. – Не случилось, но при этом все-таки не дает мне покоя. Ты уже видел шиншийских принцесс, сэр Макс?

– Видел нескольких, – кивнул я. – Издалека. Специально к ним не присматривался. Шурф говорит, их соседство очень приятно, как будто на берегу моря сидишь. А на первый взгляд, девчонки как девчонки. Со смешными прическами из нескольких дюжин косичек, в таких широченных штанах, что наверное приходится специально учиться ходить в них, не спотыкаясь... А больше ничего я пока не углядел. Не до того было. Я, понимаете ли, как раз осваивал шиншийский уладас, а он мне никак не давался. Я с него даже пару раз упал, просто промазал при приземлении. Счастье, что мне хватило ума заранее изменить внешность, а то вышел бы несмываемый позор. Впрочем, потом я к этому грешному уладасу все-таки приноровился. В смысле сообразил, что прыжок надо сочетать не с тем заклинанием, от которого приподнимаешься над землей, а с тем, которое замедляет падение с большой высоты. И вот тогда дело пошло! Жаль, вы не видели. Вы бы мною гордились, клянусь.

Леди Сотофа слушала меня с неподдельным изумлением. Похоже, об этом моем подвиге ей сплетники не донесли. Значит, я очень удачно изменил внешность. А еще более удачно ее изменил сам Великий Магистр

Ордена Семилистника. Мой друг в этом деле мастер, не хуже сэра Кофы. И очень предусмотрительно до поры до времени от всех свой талант скрывал, так что теперь никому и в голову не придет подозревать столь важную персону в безобразных выходках, на которые я его периодически подбиваю, ему же на радость. Если бы не последнее обстоятельство, я бы не стал.

Я решил не добивать леди Сотофу этим шокирующим признанием. Вместо этого поспешно сказал:

– В общем, на шиншийских принцесс я взглянул только мельком. До настоящего «видел» пока не дошло.

– Ясно, – кивнула она. – Так вот, ты к ним, пожалуйста, присмотришься. Внимательно, а не на бегу. И не во время прыжков на уладасе. И не к одной, а хотя бы к нескольким, чем больше, тем лучше. Мне интересно твое мнение как эксперта...

– По красоткам? – невозмутимо уточнил я.

– Да какой из тебя, к Темным Магистрам, эксперт по красоткам! – расхохоталась леди Сотофа. – Слезы одни.

– Ну, не настолько все плохо...

– ...а еще хуже! – подхватила она. И уже серьезно добавила: – Понятия не имею, что ты в них углядишь и углядишь ли вообще. Но мне интересно. Хочу разобраться, что они собой представляют. И как-то пока не пойму.

– Правда, что ли? – удивился я. – Вы меня не разыгрываете? Всегда был уверен, что для вас разобраться в людях, тем более, в девчонках – вообще не вопрос.

– То-то и оно, что в людях, – с нажимом сказала леди Сотофа.

– А принцессы – что, не?..

– Сложно сказать, – вздохнула она. – С одной стороны, девчонки как девчонки. С другой, существует удивительный эффект их присутствия, о котором тебе говорил Шурф; собственно, именно это делает принцесс незаменимыми для шиншийского халифа, без своей ближней свиты он бы сидел взаперти, общаясь только с доверенными слугами, как бедняга Цуан Афия^[11]. С третьей стороны, их загадочное происхождение...

– Загадочное происхождение?!

– Можешь себе представить. Большинство шиншийских принцесс – подозреваю, что вообще все, просто некоторые не знают своей родословной – потомки Дочерей Красной пустыни. Или, как их называли в старину, «детей-грез».

– Это как?

– В глубокой древности в Шиншийском Халифате, точнее, в тех краях, где он нынче находится, бытовало одно, как сейчас сказали бы, модное

поветрие. Ну, то есть стихийно возникший обычай, которым увлеклись многие женщины, начиная от знатных дам и заканчивая служанками их служанок: заводить детей, не рожая их от мужчин. И вообще не рожая. Остроумное решение – и правда, зачем заниматься глупостями, когда есть прекрасный альтернативный вариант.

– Ага. Бывают, значит, альтернативные варианты, – растерянно откликнулся я.

– Бывают, – подтвердила леди Сотофа. – По крайней мере, если в твоих жилах течет кейифайская кровь, и ты живешь на границе с Красной пустыней Хмиро. Ну или просто имеешь возможность как-то до этой границы добраться. И достаточно мужества, чтобы надолго туда уйти без провожатых, с минимумом припасов – сколько сможешь на себе унести. По крайней мере, именно так поступали женщины, которые хотели иметь детей не от мужчин, а от самой Красной пустыни. После нескольких дней пути они делали остановку – вроде бы сердце подсказывало, когда пора – и просили духов Красной пустыни заняться с ними любовью и подарить им дочь. Не знаю, что там у них получалось с духами, об этом сохранились крайне противоречивые сведения. Факт, что из пустыни паломницы возвращались в сопровождении девочек, причем не грудных младенцев, а таких, что уже могли сами идти. Из этих девочек со временем вырастали прекрасные девушки, ничем принципиально не отличавшиеся от обычных людей. Совсем не обязательно красавицы, но обладавшие совершенно особым очарованием. И неизменно приносявшие радость своим матерям, с которыми легко сходились характерами и сохраняли добрые, теплые отношения, как бы ни сложилась жизнь. В общем, идеальные дочки, всем хотелось таких. Но многих желающих останавливал тот факт, что из пустыни возвращались не все паломницы. Значительно больше половины, но все-таки далеко не все, так что риск считался довольно серьезным. Поэтому многие женщины продолжали рождать детей по старинке. Так же поступали те, кому хотелось мальчика: Красная пустыня дарила только дочерей. Какое-то время спустя в пустыню за детьми стали ходить и мужчины. Исторические хроники Уандука сохранили имя первого героя, рискнувшего поступить как женщина, но я его запомнила, извини. Зато доподлинно известно, что у него оказалось немало последователей. Мужчины, что интересно, тоже получали от Красной пустыни дочек. Без вариантов. Или девчонка, или ничего.

– Мама дорогая, – выдохнул я.

Я – признанный мастер глубокого, содержательного комментария. И вообще выдающийся интеллектурал.

– Чего только в Море не бывает, да? – усмехнулась леди Сотофа. – Но вернемся к нашим принцессам. Мода ходить в Красную пустыню за дочками продержалась, как можно понять из исторических хроник, всего несколько столетий, а потом понемногу сошла на нет. Слишком много народу стало пропадать без вести. Одни уандукские ученые по этому поводу говорили, будто духам Красной пустыни просто надоело заниматься любовью с людьми, и они разгневаны такой назойливостью; другие, что люди оказались слишком жадными и быстро исчерпали запас некоей чудесной материи, из которой пустыня создавала им дочерей. Так или иначе, а массовые паломничества в Великую Красную пустыню прекратились. Хотя я слышала, некоторые поступают так до сих пор, но особо свои подвиги не афишируют, напротив, тщательно маскируют, заранее придумывают подходящие объяснения, чтобы их чудесно рожденные дети спокойно росли среди сверстников, не привлекая к себе излишнего внимания. В общем, в Шиншийском Халифате до сих пор живут потомки тех самых детей-грез, дочерей Красной пустыни, хотя бы отчасти унаследовавшие их особое умиротворяющее обаяние. Судя по составу ближней свиты халифа, у девочек эти качества выражены гораздо ярче. Но точно сказать не могу: мужчин с такой счастливой наследственностью я просто ни разу до сих пор не встречала. А может, в таких семьях вообще не бывает сыновей, даже через множество поколений? В любом случае нам с тобой вряд ли удастся это проверить, потому что, как я уже говорила, многие скрывали и продолжают скрывать происхождение своих детей. За людьми в этом смысле вообще не уследишь: семейные тайны хранятся куда лучше государственных и даже магических. Хотя казалось бы, такие пустяки – кто кому дочь, брат, внучка или сын.

Леди Сотофа умолкла и подлила мне камры, видимо чтобы информация лучше усваивалась. Не уверен, что это действительно так работает, но с полной кружкой всяко веселей.

– Невероятные вещи вы рассказываете, – наконец сказал я. – Только что-то тут не сходится. Я имею в виду, мне по-прежнему непонятно, зачем вы попросили меня присмотреться к шиншийским принцессам. Что в них может быть такого, что я увижу, а вы – нет?

Она пожала плечами:

– Да я сама толком не знаю. Просто учитываю, что у каждого из нас есть свои сильные и слабые места, поэтому мало ли...

Я совсем не уверен, что леди Сотофа Ханемер принадлежит к числу людей, которым я могу сказать: «Да ладно тебе, хватит выкручиваться». Поэтому промолчал. Но с таким выразительным лицом, как у меня,

совершенно не обязательно говорить что бы то ни было вслух – кроме разве что числительных и имен собственных. Их никакая мимика не передает.

– Ладно, – вздохнула она. – На самом деле ты прав. Я тебе еще не все рассказала, потому что рассказывать толком нечего. Но это «ничего» такого рода, что тебе о нем все-таки лучше узнать.

– Что-то вы нынче мастер не то парадокса, не то интриги, не то всего сразу. Ну или я так отупел от светского щебета, что перестал вас понимать.

– Да просто понимать пока нечего. Я сегодня на редкость невнятна, хожу кругами вместо того, чтобы прямо сказать. Видишь ли, я беспокоюсь за этих шиншийских девочек. Есть вероятность, что у нас, в Ехо, им грозит опасность. Не спрашивай, какая именно. Я правда не знаю. И никаких объективных причин для этой опасности нет; во всяком случае, я их не вижу. Есть только несколько фактов, которым при желании легко найти объяснение, но лично я его до сих пор не нашла. Совсем я тебя запутала? Ладно, слушай. Сейчас будут факты. И только они.

Я подумал, что перейти наконец к фактам очень милосердно с ее стороны.

– Время от времени принцессы получают продолжительный отпуск и отправляются путешествовать. Так поступают если не все, то подавляющее большинство: пользуются возможностью развеяться и посмотреть Мир. К нам, в Ехо, они приезжают довольно редко. В Эпоху Орденгов и первые годы после принятия Кодекса им было настоятельно рекомендовано воздерживаться от посещения Соединенного Королевства; запрет отменили почти сто лет назад, убедившись, что жизнь у нас вошла в нормальное русло, но привычки проводить здесь отпуск у шиншийских принцесс до сих пор не сложилось. Скажем так, для них это не самый популярный маршрут. Но все-таки изредка девочки к нам приезжают. На моей памяти, после окончания войны за Кодекс, такое случалось примерно две дюжины раз. Может быть, чуть больше; неважно. Не о том речь. А о том, что были три загадочных случая... даже не знаю, как сказать. Исчезновения? Пропажи без вести? Или просто побега? Девчонки в ближней свите шиншийского халифа избалованные и бесшабашные, от них чего угодно можно ожидать. Собственно, сам халиф тоже так о них думает. И все его подданные, включая шиншийских посланников в разных странах, на которых лежит обязанность по мере возможности присматривать за путешествующими принцессами. И сами они друг о друге тоже думают так. Поэтому ни одно из внезапных исчезновений не закончилось расследованием. Я хочу сказать, ни в полицию, ни к Джуффину с просьбой отыскать пропажу шиншийцы не обращались. И сами, как я понимаю,

особо не искали. Если девчонка куда-то пропала, не предупредив подруг, значит ей так захотелось, какой смысл портить человеку удовольствие? Если не вернулась к стопам халифа по истечении срока отпуска, очень жаль, но так тому и быть, силой принцесс на придворной службе не держат. Если никому из близких не прислала ни письма, ни подарка, ничего не поделаешь, значит она без нас не скучает – так рассуждают шиншийцы. Они по-своему правы; строго говоря, даже не «по-своему», а просто правы. Прекрасный подход. Однако иногда люди попадают в беду, и тогда оказывается, что этот прекрасный подход имеет свои недостатки. Лучше бы кто-нибудь бесцеремонно совал нос в наши дела! То есть в мои, пожалуй, все-таки не стоит, просто из сострадания к носу. Но то – я. А то неразумные девчонки, сгинувшие в чужой стране. Не все вместе, а по очереди. Одна в прошлом году, перед самым твоим возвращением. Другая за полгода до нее. А третья – то есть хронологически первая – около двух лет назад. Я навела справки – не официально, конечно, а задействуя дружеские связи при шиншийском дворе. И вот что выяснила. Во-первых, ни одна из исчезнувших во время визита в Ехо принцесс до сих пор не объявилась и весточки никому не прислала. Во-вторых, принцессы регулярно откалывают подобные номера, когда едут в отпуск компанией: если им надоедает общество подруг, или заводится местный дружок, или просто хочется приключений. Но в положенный день беглянки обычно возвращаются во дворец. Они, видишь ли, любят придворную службу, деньги и привилегии, которые она им приносит, а больше всего – самого халифа. Их легко понять: Мурана Кутай Ан-Арума и правда замечательный человек. А в-третьих, за всю историю существования ближней свиты было несколько случаев, когда беглянки так и не возвращались на службу. Но все эти случаи в конце концов разъяснились. Одну нашли мертвой в каком-то чангайском притоне; был страшный международный скандал, едва уладили, да и то, мне кажется, только потому, что обе стороны не смогли придумать, как им на таком расстоянии друг с другом воевать^[12]. Вторая прислала халифу письмо с извинениями, аж из Таруна. И свой портрет с новорожденной дочкой, нарисованный мужем-художником; халиф прослезился от умиления и велел отправить беглянке подарки – ну, это обычное дело у них. Третья, представь себе, просто проснулась где-то в горах Тубура: оказывается, во сне случайно встретилась с тамошними Сонными Наездниками и так им понравилась, что они ее с собой увели, причем целиком, вместе с телом, что само по себе удивительно, но все-таки далеко не первый в истории сновидческой магии прецедент. Ну и так далее, всего сейчас не упомяну. Факт, что только от принцесс, исчезнувших во

время отпуска в Ехо, до сих пор ни слуху ни духу. Ни записки, ни засушенного цветка в конверте, ни хотя бы трупа. Ничего. Хотя времени прошло не так уж много, это я и сама понимаю. Та же счастливая новобрачная сперва почти три года молчала, а спящая целых шесть лет проспала. Но... Но.

– Слушайте, – сказал я. – Может, я чего-то важного не учитываю, но вы – это же все-таки вы. Я имею в виду, если вы беспокоитесь о чьей-то судьбе, неужели не найдете способ узнать, как у этого человека дела? Хотя бы в общих чертах.

– Да уж найду, конечно, – неохотно согласилась леди Сотофа. – Но на этот раз не нашла. Я неоднократно смотрела в их сторону своим Верхним Зрением...

– «Верхним зрением»? – переспросил я.

– Это терминология Древних. И прием из их арсенала. Подробности тебе пока ни к чему. И не делай такое трагическое лицо: всему свое время, не надо спешить. Тебе, если по уму, не помешало бы для начала лет хотя бы на сто забыть примерно половину из того, что уже умеешь, а не новые фокусы разучивать. Поэтому пока просто поверь на слово: посмотрев в сторону человека своим Верхним Зрением, я обычно получаю интересующую меня информацию о нем. Не в деталях, а общее представление: кто жив, кто мертв, кто здоров, кто весел, кто страдает физически или душевно, кто встал на губительный для него путь или, наоборот, отыскал верный. Мне этого совершенно достаточно. Деталей я, положа руку на сердце, ни о чьей жизни знать не хочу.

– И что с исчезнувшими принцессами? Вы увидели, что их больше нет? – спросил я, изо всех сил стараясь делать вид, будто совершенно не огорчен ее отказом учить меня новому трюку.

Я все-таки очень жадный: как бы ни сходил с ума от собственного могущества и явного переизбытка чудесных умений, а все равно всегда хочу еще.

– «Их больше нет» – очень точно сказано. Слишком точно, сэр Макс. Гораздо точнее, чем мне хотелось бы. Видишь ли, когда я смотрю Верхним Зрением на умерших, я явственно вижу, что после смерти путь продолжается. Не всегда ясный и радостный, хотя именно у некоторых мертвецов я наблюдала такое победительное ликование, какое у живых редко встретишь. Но что касается пропавших девочек, когда я смотрю в их сторону, не вижу вообще ничего. Как будто их не только нет, но и никогда не было в Мире. Но они были, я не сошла с ума. Их существование даже подтверждено документами... вот уж не думала, что однажды буду

вынуждена хвататься за эти грешные бумажки как за последний аргумент! Может быть, дело и правда в их происхождении от грез, порожденных Красной пустыней? Но все-таки вряд ли. На своем веку я повидала немало людей, рожденных, скажем так, не совсем традиционным образом. Выдуманных, приснившихся, примерещившихся, превращенных, заново овеществленных при помощи магии, как твой приятель Трикки, созданных всего одним случайным заклинанием, как наша Базилио. Я не раз смотрела на таких людей Верхним Зрением, в том числе после их смерти. И до сих пор была совершенно уверена, что, по большому счету, разницы нет. Но, справедливости ради, с дочерями Красной пустыни и их потомками я до сих пор дела никогда не имела. Так что они и правда могут оказаться исключением. Но это я выясню в самое ближайшее время. Попрошу устроить мне личную встречу с великим халифом и с его ближней свитой. Посмотрю на девчонок вблизи. Но и ты тоже на них посмотри, сэр Макс. И вообще приглядывай за ними, как можешь.

– Но как?! Совершенно не представляю, в чем может заключаться мой «пригляд». Всюду за ними ходить? Но их больше двухсот! И пока одни спят, другие гуляют по городу, а третьи окружают халифа. А я один.

– Соглядатай из тебя примерно как из меня мать семейства, – улыбнулась леди Сотофа. – Будь даже тебя двести штук, а принцесса всего одна, толку все равно бы не вышло. Поэтому делай то, что тебе лучше всего удастся: просто симпатизируй этим шиншийским девчонкам и желай, чтобы у них все было в порядке. Чтобы никто из них больше не пропадал. Твое желание – неплохая защита, лучше доброй половины известных мне заклинаний, в этом я не раз убеждалась. Поэтому, собственно, позвала тебя на кружку камры и рассказала о своем смутном беспокойстве. Постарайся его со мной разделить. Если при этом девчонки тебе понравятся, будет совсем отлично. А если они окажутся не в твоем вкусе, беспокойся о них просто ради меня.

– Да не вопрос, – вздохнул я. – Вот если бы вы попросили меня ни в коем случае не беспокоиться о принцессах, мне пришлось бы из уважения к вашей просьбе взять отпуск и устроить тур по куманским притонам. Возможно, хоть в одном из них сыскалось бы волшебное зелье, способное меня успокоить, не прибегая к отсечению головы.

– Боюсь, ты питаешь необоснованные иллюзии, – усмехнулась леди Сотофа. – Не так уж они хороши, эти уандукские зелья. И тебя, в лучшем случае, просто усыпят. Но не хотела бы я оказаться подушкой, на которой будет лежать твоя голова!

– Ну нам-то с вами того и надо. В смысле чтобы мое беспокойство о

шиншийских принцессах ничем нельзя было унять. Можете на меня положиться: к моменту отъезда халифа с компанией, я как раз поседею. И у меня начнет дергаться глаз.

– Спасибо, сэр Макс, – серьезно сказала Сотофа. – Я рада, что у девчонок теперь есть такая защита. Видишь, от растерянности я делаюсь суеверной. И хватаюсь за тебя, как юная лесная колдунья за старый передник, памятуя, что у бабки в этом переднике все всегда получалось, а значит, получится и сейчас.

– Стать временно исполняющим обязанности передника вашей бабки – это какая-то запредельно головокружительная карьера. Кто бы мне лет десять назад сказал.

* * *

Расставшись с леди Сотофой, я тут же отправился к резиденции шиншийских гостей; сложно сказать зачем. Некоторая наивная прямолинейность мне и правда присуща, но она обычно не переходит в глупость. То есть я и правда хотел увидеть шиншийских принцесс – сейчас же, безотлагательно, как будто срочность что-то изменит. Но при этом вовсе не рассчитывал, что они всей толпой тут же вывалятся навстречу с криками: «Ура, сам сэр Макс пришел на нас поглазеть!» И застать принцесс гуляющими вокруг дома я не слишком надеялся: время-то уже позднее, а в округе нет ничего интересного, кроме собственно самого дворца.

Но тут мне, надо сказать, повезло. Две девчонки в широченных штанах стояли неподалеку от входа, который сейчас представлял собой совершенно удивительное зрелище: полукруглую дверь невидимого первого этажа оставили приоткрытой, в холле горел яркий свет, и все это вместе выглядело, как будто в темноте над самой землей повис сияющий огненный серп. Принцессы курили причудливо изогнутые трубки и довольно громко кого-то обсуждали: «Да ладно тебе – задница толстая! Зато знаешь, какие он пишет стихи?..»

Я прошел мимо, не замедляя шага, чтобы их не смущать; девчонки не обратили на меня внимания, но, когда я, скрывшись за росшими неподалеку деревьями, быстренько стал невидимым и вернулся, чтобы рассмотреть их получше, одна как раз говорила: «...даже тот голодранец, который только что прошел мимо, мог быть настоящим злым угуландским колдуном, как из книжек. Ты ему такая: «Доброй ночи, сладкий засранец!» – а он такой – зырк! – и взглядом испепелил. Здесь вообще от

каждого чего угодно можно ждать, представляешь? Но от этого почему-то не страшно, а весело. Я сперва не очень хотела ехать, а теперь так рада, что попала сюда!»

Из услышанного я сделал два вывода. Во-первых, я срочно хочу почитать все эти удивительные шиншийские книжки про нас, злых угуландских колдунов. А во-вторых, мне, похоже, все-таки придется всерьез заняться своим гардеробом. Настоящего модника из меня, хоть убей, не выйдет, но «голодранец» – не совсем тот имидж, который мне жизненно необходим.

За «голодранца» я с девчонками поквитался: воспользовался преимуществами своего невидимого положения и обрушил на их головы дождь из мелких уродливых разноцветных жаб, которые, впрочем, еще в полете становятся цветочными лепестками, и уже в таком виде плавно опускаются на головы жертв. Этот умопомрачительный трюк мой друг Трикки Лай однажды разучивал по случаю очередного праздничного утренника для детей полицейских, а я оказался рядом и нечаянно запомнил заклинание. Да и кто бы на моем месте не запомнил, Трикки его раз сорок, наверное, повторил. Впрочем, заклинание оказалось чрезвычайно полезное: сэр Джуффин Халли, когда я опробовал на нем новое умение, был так шокирован, что чуть знахарей не позвал. Ну и девушкам оно очень нравится, я много раз проверял.

Вот и шиншийские принцессы завизжали – сперва с перепугу, а потом от восторга. И обнявшись от избытка чувств, принялись скакать под этим лягушачье-цветочным дождем, в точности, как детишки на празднике, а ведь только что курили и обсуждали задницы, как взрослые, серьезные дамы. Но я заранее знал, чем дело кончится, меня не проведешь.

В общем, программу-минимум я выполнил: полюбил шиншийских принцесс всем сердцем – не только этих двух, а сразу всех, оптом, чего мелочиться. Сердце у меня вместительное, втиснутся как-нибудь.

Я собирался еще какое-то время понаблюдать за курящими принцессами – вдруг полюблю их еще сильнее или просто что-нибудь важное внезапно пойму – но в этот момент мне прислал зов сэр Шурф и сообщил, что намерен безотлагательно усладить мой слух отборными шиншийскими оскорблениями двадцать третьей степени. Немыслимое искушение. Кто бы устоял?

Ранним утром следующего дня, то есть, примерно за полчаса до полудня я явился в Дом у Моста с целью пометить территорию. В смысле показаться на рабочем месте и спросить: «Ну, чего тут у нас?» Положа руку на сердце, это было необязательно. Никто не требует от меня приходить на службу к определенному времени; официально считается, что моя основная задача – бродить по городу в поисках сновидцев, у которых появились проблемы. Точнее, просто дать самым удачливым из них мизерный шанс случайно наткнуться на меня.

В общем, я мог ходить, где вздумается, или просто досматривать какие-нибудь двадцать пятые сны, пока специально не вызовут. Обычно я так и делаю. Но после разговора с леди Сотофой у меня сердце было не на месте; я вообще куда более впечатлительный человек, чем следовало бы в моем положении. А поскольку ничего конкретного для спасения шиншийских принцесс от гипотетической, даже самой леди Сотофе не понятной опасности, я пока предпринять не мог, следовало срочно отвлечься от этой темы. Долгие размышления о проблемах никогда не шли мне впрок.

К счастью, чтобы полноценно отвлечься от чего бы то ни было, мне обычно достаточно просто явиться на службу. Такое уж это роковое место – Дом у Моста. Переступил порог и, считай, пропал. В смысле встретил кого-нибудь из коллег, спросил, как дела, получил ответ, поинтересовался, не нужна ли помощь – просто из вежливости, – и очнулся полдюжины дней спустя в какой-нибудь лумукитанской^[13] таверне без гроша в кармане, с подбитым глазом и тремя арестованными в пригоршне. Я хочу сказать, с работой мне все-таки очень повезло.

Правда, сегодня это везение было, я бы сказал, недостаточно ярко выражено. Не бросалось в глаза. В зале общей работы никого, а дверь в кабинет сэра Джуффина Халли плотно закрыта. Такое случается нечасто, и недвусмысленно означает, что шефу сейчас не следует мешать. Но я был бы не я, если бы не послал ему зов и не спросил: «К тебе лучше сейчас не соваться или просто сквозняк надоел?»

Джуффин обычно мгновенно принимает решения, но на этот раз молчание затянулось на несколько секунд. Наконец он сказал: «Ладно, заходи. Может, у тебя получится поднять настроение Трикки, я в этом пока не преуспел».

Трикки Лай и правда выглядел довольно уныло. Таким я его, пожалуй, еще никогда не видел. Усталым, сердитым, растерянным, встревоженным, даже испуганным – было, хотя нечасто, он все-таки очень уравновешенный

человек. А сейчас сидел как в воду опущенный; не знаю, кстати, почему так говорят. По моим наблюдениям, тело, опущенное в воду, обычно становится гораздо более довольным, чем было на суше. Особенно если это достаточно теплая вода.

– Эй, – спросил я, – а куда подевался Трикки? И где вы раздобыли его двойника? И чем так сильно огорчили беднягу? Или парень просто не хочет брать на себя половину его работы? Это в общем можно понять. Лично я бы от такого заманчивого предложения на край Мира сбежал.

Трикки криво улыбнулся. Подозреваю, не столько моей шутке, сколько просто в силу привычки отвечать улыбкой на все, что бы я ни сказал.

– Это не двойник, а сам Трикки Лай, – возразил буривах Куруш, по своему обыкновению, взиравший на нас с верхней полки книжного шкафа. – Неужели так сложно отличить копию от оригинала? Все-таки у вас, людей, удивительно слабое зрение!

– Трикки как раз опасается, что скоро у него станет гораздо меньше работы, – сказал мне Джуффин.

– Леди Кайрена решила от тебя избавиться? – спросил я Трикки. – Она что, рехнулась? В последний раз я видел ее вчера вечером, в своей гостиной, и безумием леди не пахла; впрочем, не знаю, что было потом, я сбежал. Интересно, это на нее так мои кошки подействовали? Или невыносимая интеллектуальная нагрузка от игры в «Злик-и-Злак»?

Трикки снова улыбнулся и отрицательно помотал головой:

– Нет, что ты. Она за меня крепко держится всеми руками; причем, по моим ощущениям, рук у нее как минимум сотня. Советуется даже по таким пустяковым вопросам, когда вообще все равно, как поступить. По-моему, леди Кайрена уже жалеет, что добилась этого места. Видимо не представляла, насколько у нас все сложно. А устранилась, целиком доверив работу мне, как поступал сэр Бубута, ей не позволяет чувство собственного достоинства. Ну и темперамент не тот, чтобы сидеть сложа руки. Все это время она вникала в дела; наконец вникла и, мне кажется, еще больше испугалась. И со страху такого готова натворить...

– Да ничего она не натворит, – утешил его Джуффин. – Кто ж ей даст?

– Сама возьмет, – буркнул Трикки.

– Это тебе только кажется.

– А что она натворила? – вклинился я. – Все-таки развязала священную битву против шиншийских уладасов? И теперь стране грозит новая гражданская война?

– Никому ничего не грозит, – отрезал Джуффин. – За исключением самой леди Кайрены. Причем даже ей грозишь только ты. Вернее, можешь

пригрозить, что больше никогда не подпустишь ее к своим кошкам, если будет дурить.

– Ладно, – согласился я, – непременно пригрожу. Обожаю запугивать слабых, беспомощных женщин. А все-таки, что она натворила, вы расскажете? Или мне выхода вечернего выпуска «Суеты Ехо» придется ждать?

– В «Суете Ехо» об этом не напишут, – усмехнулся Джуффин. – Так что вся твоя надежда на нас.

– Леди Кайрена решила оставить Столичную полицию без работы, – сказал Трикки. – В самом прямом смысле: вместо нас, по ее замыслу, теперь должен работать Тайный Сыск.

– Надо же, – изумился я. – Она мне еще пару дней назад что-то подобное говорила. Я не обратил внимания, думал, это такое обычное межведомственное кокетство. А она всерьез?

– Еще как всерьез! Леди Кайрена получила ключи от секретного архива генералы Бубуты Боха; я, честно говоря, давным-давно мог сам в нем порыться, замок открывается без заклинаний, любая отмычка сойдет, да руки не дошли. Думал – ну что там может быть интересного? А там отыскан важный документ, созданный в самом начале Эпохи Кодекса – что-то вроде секретного приложения к официальной служебной инструкции, подписанный, как положено, покойным Королем и тогдашним Великим Магистром Ордена Семилистника, а значит, имеющий силу закона. Так вот, там сказано, что полиция Соединенного Королевства, включая столичное подразделение, должна заниматься исключительно правонарушениями, совершенными без применения Очевидной магии. Все магические преступления находятся в компетенции Тайного Сыска; любая попытка расследовать их силами полиции оценивается как превышение полномочий и карается соответственно... Слушайте, это же на сколько пожизненных заключений я, получается, уже нагрешил?

– Неправильно ставишь вопрос. Превышение служебных полномочий не карается тюремным заключением. Обычно ограничивается устным порицанием. То есть максимум, что с тобой можно сделать, согласно этому документу – несколько лет, не умолкая, ругать за твои несомненные заслуги перед Соединенным Королевством. Впрочем, с учетом того, что ты не начальник Столичной полиции, а только его заместитель, ругать пришлось бы не тебя, а генерала Бубуту Боха; видимо, по переписке. Прекрасный вышел бы эпистолярный роман! Говорят, романы в письмах были в большой моде в Уандуке, не то пять, не то шесть тысячелетий назад. Но увы, романа у нас не выйдет: твоего начальника наказывать тоже не за что.

Потому что, на горе любителям эпистолярной литературы, существует другой секретный свод дополнений к служебным инструкциям, хронологически гораздо более поздний, чем тот, на который ссылается леди Умата. Его написали сразу после принятия поправок к Кодексу Хрембера, то есть уже на твоей памяти, сэр Трикки. Я, как ты сам догадываешься, принимал довольно активное участие в его создании, поэтому помню практически наизусть. Там, в частности, говорится, что полиция столицы Соединенного Королевства отныне должна заниматься расследованиями всех правонарушений, совершенных с применением Черной и Белой магии до двадцатой ступени, а также теми правонарушениями с применением Черной и Белой магии до шестидесятой ступени, которые не представляют прямой угрозы человеческой жизни, безопасности Соединенного Королевства, других государств и Мира в целом; далее следует подробный список исключений, позволяющий четко разграничить обязанности наших ведомств.

– Так, значит, есть более поздние поправки к служебной инструкции? – обрадовался Трикки. – Которые отменяют действие предыдущих? Слушайте, но это же просто отлично! А почему вы сразу мне не сказали? Я имею в виду, не сегодня, а еще тогда?

– Потому что мы с тобой, хвала Магистрам, всегда могли нормально договориться без всяких инструкций, – пожал плечами Джуффин. – И прийти друг другу на помощь, не сверяясь с какими-то официальными списками. Что касается самого документа, он был вручен Его Величеством генералу Боху в ходе личной встречи, в полном соответствии с требованиями регламента. Твой начальник был обязан ознакомить тебя с его содержанием, но видимо что-то пошло не так. Хотел бы я знать, куда Бубута задевал новые инструкции? Не удивлюсь, если вернувшись домой с Королевского приема, сунул в какой-нибудь шкаф и забыл. Впрочем, это совершенно неважно. Я храню у себя заверенные копии всех официальных документов, которые касаются работы Управления Полного Порядка. Поэтому брысь из моего кабинета оба. Я буду открывать сейф, а это не следует делать при свидетелях – просто из милосердия. Никогда не знаешь, какое из заклинаний против кого обратится, лучше не рисковать.

Я немного удивился, потому что Джуффин, открывающий свой сейф, – это и правда зрелище не для слабонервных, но до сих пор он никогда не объявлял всеобщую эвакуацию из кабинета. И ни один из свидетелей этого зловещего чуда так и не пострадал, зато наша лексика обогатилась уникальными бранными оборотами, которых нигде, кроме как на отдаленных окраинах графства Шимара, уже не услышишь, да и там сперва

придется приложить немало усилий, чтобы как следует разозлить пару дюжин самых дряхлых и памятливых стариков.

Но возражать я, конечно, не стал: если шеф желает нас выставить, значит, так надо. Вдруг он недавно прибавил к охраняющим сейф заклинаниям еще пару-тройку каких-нибудь особо опасных? Настоящий энтузиаст никогда не умеет вовремя остановиться, это факт.

– Только далеко не уходите, – предупредил Джуффин. – Я заказал камру в «Обжоре», ее вот-вот доставят в зал общей работы. Если все выпьете, не оставив ни капли усталому старику, я вас прокляну. Но не очень старательно, вы оба мне пока живыми нужны. За это, сэр Трикки, с тебя причитается довольная рожа, на кислую я уже налюбовался лет на двести вперед. А с тебя, сэр Макс... а вот даже не знаю. Что с тебя можно взять?

– Хочешь еще один дождь из лягушек? – оживился я.

В ответ на это заманчивое предложение сэр Джуффин Халли скорчил неподражаемую гримасу гурмана, которому предложили позавтракать объедками, оставшимися после пирушки портовых нищих. Зато Трикки сразу заулыбался до ушей, как заказывали. Великое все-таки чудо этот дождь из лягушек: чтобы принести много радости людям, его даже совершать не обязательно, достаточно просто им пригрозить.

– Представляешь, леди Кайрена послала меня шантажировать сэра Джуффина, – сказал мне Трикки, когда мы оказались в зале общей работы, одновременно с уставленным кружками подносом, любезно влетевшим туда через распахнутое окно.

– Шантажировать Джуффина? – переспросил я. И зачарованно повторил: – Шантажировать Джуффина. Шантажировать Джуффина. Шантажировать Джуффина. Мать твою, как же шикарно звучит! Даже не буду спрашивать, не сошла ли она с ума, это и так ясно. Кстати, Абилат говорил, запах безумия далеко не всегда появляется сразу, часто – только на второй-третий день.

Трикки даже не улыбнулся.

– Она, конечно, иначе выразилась, но, по сути, ее послание сэру Джуффину выглядит как шантаж. Сама к нему с этим разговором идти побоялась, отправила меня. Якобы потому, что меня он по дружбе внимательно выслушает, а ее сразу испепелит. Вот интересно, как она это себе представляет? Если бы сэр Джуффин испепелял каждого, кто говорит ему неприятные вещи, мой бывший начальник вряд ли дожил бы до сегодняшнего дня. И в целом население города заметно поредело бы. Но

эти аргументы на леди Кайрену не подействовали. Пришлось мне идти.

– Шантажировать Джуффина – прекрасное занятие, – заключил я. – Главное, оригинальное. И свидетельствует о бесконечном оптимизме автора идеи. Но лучше бы леди Кайрена сразу попросила тебя в одиночку завоевать Арварох. Дело гораздо менее безнадежное – при всем моем уважении к доблести арварохских воинов и их острым мечам из плавников рыбы рухас.

– Вот-вот. Правда, в защиту леди Кайрены следует сказать, что с ее точки зрения, она просто пытается справедливо перераспределить обязанности между нашими ведомствами. Она сама понимает, что вовсе без магии сейчас не то что преступления, а даже завтрак никто не готовит. Поэтому попросила меня передать сэру Джуффину, что если Тайный Сыск возьмет на себя все без исключения дела с превышением двадцатой ступени, она спрячет найденные документы обратно в сейф. И готова принести любую клятву, на выбор самого сэра Джуффина, что никогда больше не станет возвращаться к этой теме. Но если он откажется от ее предложения, она будет вынуждена поднять вопрос о вопиющем несоответствии следственной практики служебным инструкциям перед Королем и Великим Магистром Ордена Семилистника. Потому что таков ее гражданский и профессиональный долг.

Я не знал, плакать мне или смеяться.

– То есть леди Кайрена не представляет, насколько это безнадежная затея – бодаться с Джуффином?

Трикки отрицательно помотал головой. И, подумав, добавил:

– Я и сам не считал ее затею совсем уж безнадежной. Понятно, что сэр Джуффин никому не позволит собой командовать, а все-таки закон есть закон. И если по закону полиции не положено заниматься магическими преступлениями... Ну, я даже не знаю, что тогда делать. Видимо, пришлось бы расформировать наш штат, или хотя бы сократить его вдесятеро, потому что никакой работы у нас не осталось бы. А вам наоборот, сразу кучу народу нанять. Я бы сам тогда в Тайный Сыск попросился и взял бы с собой своих лучших людей. На самом деле не конец Мира, конечно. Как-нибудь все уладилось бы. Может, в итоге, даже стало бы лучше прежнего. Но, понимаешь, ужасно обидно было бы сейчас распускать полицию. Я как раз только-только привел ее в рабочее состояние. Собрал толковых людей и кое-чему научил. Не столько магии, в ней я, сам знаешь, пока начинающий, сколько разным сыскным приемам. Я же в прошлом довольно опытный детектив, а большинство ребят даже азов этой профессии не знали. Но теперь знают, некоторые еще и получше меня. А две дюжины моих

офицеров три года обучались магии высоких ступеней с частными преподавателями; сэр Кофа посоветовал нескольких очень толковых, а сэр Джуффин подсказал мне, как действовать, чтобы получить из казны средства на обучение. В общем, как ни крути, а здорово вышло. Жалко, если все развалится.

– Ну, теперь-то уж точно ничего никуда не развалится, – напомнил я. – Так что пей камру давай.

– Не развалится, да, – согласился Трикки. Взял в руки кружку, повертел, снова поставил на стол и добавил: – На самом деле я еще из-за самой Кайрены расстроился. Она мне сразу очень понравилась. Такая умная леди. И в обращении очень приятная. Думал: здорово будет с ней вместе работать, как же мне повезло! И вдруг – на тебе.

– Она и мне сразу понравилась, – согласился я. – А вчера показалась ужасной дурой, когда решила запретить шиншийские улады. Но Кофа мне напомнил, что в полиции она совсем новенькая. А поначалу все ошибаются, это неизбежно. Вот и леди Кайрена ведет себя так, как привыкла в Королевской резиденции. У придворных жизнь понятно какая: с утра до ночи приходится интриговать. И, кстати, нравиться всем подряд – это же просто профессиональное умение, одно из самых необходимых. Ничего удивительного, что она всем поначалу очень понравилась: обаяние опытной придворной дамы так и должно работать. Я только теперь понимаю, как тщательно она подготовилась к знакомству со мной, даже ругательство «черт» специально выучила, чтобы произвести неизгладимое впечатление. И наверняка к каждому заранее подобрала ключик, тщательно продумала первый ход. То есть не такие уж мы с тобой дураки, что очаровались. Да и сама леди Кайрена далеко не дура. Может, еще разберется, куда попала и как здесь нужно себя вести. В конце концов, генерал Бубута гораздо хуже начал свою карьеру: смертельно рассорился с Кофой. А до этого, я надеюсь, все-таки не дойдет.

Джуффин позвал нас в кабинет только через четверть часа. Это было абсолютным рекордом в его страстных отношениях с сейфом. Обычно шеф справляется с ним за две-три минуты, а тут вдруг так застрял.

С другой стороны, – внезапно подумал я, – он мог очень долго искать эту грешную копию. Найти нужную бумагу в большом сейфе непросто. Особенно если ее никогда там не было – до сегодняшнего дня.

Но я, конечно, не то что слова, понимающей улыбки себе не позволил. Демонстративно зевал, как бы от скуки, отвернувшись к окну, пока Трикки внимательно читал, а потом еще более внимательно перечитывал

инструкцию. Наконец он поднял на нас сияющие глаза:

– Получается, мы вообще все делали правильно! Я имею в виду, не только в рамках здравого смысла, но и как предписано в этом документе. Если даже леди Кайрена соберет специальную Королевскую комиссию для проверки соответствия деятельности Столичной полиции предоставленным нам полномочиям, придраться будет не к чему.

– Разумеется, – пожал плечами Джуффин. – Все-таки я сам когда-то эту грешную инструкцию составлял. А потом сам же давал тебе указания и просто дружеские советы. Противоречивой натурой меня при всем желании не назовешь. Так что работай спокойно, сэр Трикки. А леди Кайрене Умате, пожалуйста, передай, что я жду ее для ознакомления с последним сводом поправок к служебным инструкциям, который, по досадному недоразумению, был утерян ее незабвенным предшественником. Пусть зайдет, скажем, через полчаса. Хочу сперва спокойно допить камру, которой вы мне, разумеется, не оставили. Но я предвидел такой трагический поворот и сделал новый заказ. А пока я пью камру, леди Умата может немного понервничать и попрактиковаться в составлении завещания. Человеку, занимающему столь высокую должность в Управлении Полного Порядка, о таких вещах всегда следует заботиться заранее: никогда не знаешь, чем завершится очередной рабочий день... Нет, этого ей передавать, пожалуй, не надо. Леди вряд ли поймет, что я просто шучу.

– Со свойственным вам добродушием, – кивнул Трикки. – Я помню, как вы поначалу учили меня отличать ваши шутки от настоящих угроз: «Если ты все еще жив, смело можешь начинать смеяться, а если нет, у этого состояния есть свои преимущества: некому попадать впросак».

– ...С даром предвиденья у тебя сегодня как-то не очень, – заметил я после того, как довольный Трикки покинул кабинет. – Мы оставили тебе почти полкувшина, я это хочу сказать.

– Только это? – невинно осведомился шеф.

– Только. Я так рад, что ты нашел эту грешную копию, что твердо решил не спрашивать, как за какую-то несчастную четверть часа можно раздобыть Королевскую подпись? Насчет подписи сэра Шурфа вопросов у меня с самого начала не было, одна только лютая зависть к твоей удаче. Я его на месте, да еще и без посторонних свидетелей далеко не всегда ухитрюсь застать.

– Жаль тебя разочаровывать, но я не настолько шустрый, – усмехнулся Джуффин. – Для этой бумажки было достаточно получить устное согласие обоих на имитацию их подписей: кроме Трикки и леди Кайрены ее никто никогда не увидит, а для них и подделка сойдет. С копией для Королевского

Архива такой номер не прошел бы, там от поддельных Королевских подписей стены начинают кричать, но с этим и спешить ни к чему. Впрочем, уже к вечеру надлежащим образом подписанная копия поправок к тайной инструкции для начальника Столичной полиции, о которых мы, как последние идиоты, забыли на радостях, когда закончили переделывать Кодекс Хрембера, займет свое место на соответствующей полке. Его Величество твердо мне это обещал.

– Надо же, – удивился я – Думал, вы с Шурфом нарочно не стали менять полицейские правила – ну, например, чтобы Бубута не воспринял новые поправки к инструкции как официальное разрешение совать нос в магические дела и арестовывать по несколько сотен играющих школьников в день. А вы просто забыли!

– Понимаю твое удивление. И даже отчасти его разделяю – теперь, задним числом. Но, справедливости ради, работы у нас тогда было столько, что сэр Шурф далеко не всегда откликался на собственное имя. А я на свое откликался чрезвычайно охотно, зато то и дело непроизвольно проваливался на Темную Сторону, хотя был совершенно уверен, что научился контролировать себя в этом вопросе много лет назад. Подозреваю, дело вовсе не в ее магнетическом притяжении, просто мой организм пытался сбежать туда, где совершенно точно нет никакой работы... Однако леди Умата не промах! Я знал, что у нее обширные связи при дворе, но даже не предполагал, что она сумеет уговорить кого-то из служащих Королевского Архива порыться ради нее на полках с особо секретными документами и удостовериться, что никаких поправок к полицейским инструкциям, написанных позже первого года Эпохи Кодекса, там нет. Или она просто так, наугад рискнула – а вдруг выгорит? Нет, все-таки вряд ли. После стольких лет придворной службы так легкомысленно себя не ведут.

– Все-таки она странная, – сказал я. – Замутить интригу ума хватило. А заранее догадаться, что с тобой лучше не связываться – нет. По идее, у тебя такая репутация, что...

– Просто у меня несколько репутаций, – усмехнулся Джуффин. – Та, которая предназначена для населения, действительно достаточно скверная, чтобы способствовать поддержанию какого-никакого порядка на вверенной мне территории. Но моя репутация при Королевском дворе – совсем другое дело. Там я известен как человек, который уважает сильных противников и умеет с ними договариваться. Что, собственно, чистая правда. Другое дело, что мои представления о силе противника далеко не всегда совпадают с его мнением о себе. Вот и леди Умата несколько переоценила свои возможности. Решила, будто вертеть мной не намного трудней, чем,

скажем, главным Церемониймейстером Его Величества. Если она настолько умна, как о ней отзываются, через полчаса она поймет, что это не совсем так. И сделает пометку напротив моего имени: «Не связываться до кардинального изменения расстановки сил». То есть следующая попытка навязать мне свои правила игры состоится не раньше, чем через несколько лет. Ладно, пусть. Я не против мелких служебных интриг, если они происходят нечасто и достаточно остроумны и разнообразны, чтобы не надоесть уже на второй раз.

– Леди Кайрену очень мучает, что ее способности к Очевидной магии оставляют желать лучшего, – сказал я. – Даже мне успела пожаловаться, как это обидно и неприятно. Конечно, неудивительно, что она не хочет руководить расследованием магических преступлений. По дюжине раз на дню снова и снова убеждаться в своей некомпетентности на фоне блестящих успехов собственных подчиненных – для этого надо иметь очень крепкую психику. А еще лучше, непрошибаемо твердую голову. Как у генерала Бубуты, например.

– Вот об этом ей следовало подумать раньше, – отрезал Джуффин. – Никто ее на Бубутино место силком не тащил, сама добилась; причем, как я понимаю, ценой немалых стараний... С другой стороны, лично я вижу в ее положении множество преимуществ. В частности, исключительной силы мотивацию совершенствоваться в доступных ей древних магических практиках драххов, одновременно изучать теоретическую часть Очевидной магии, благо экспертом в этой области можно стать и не колдуя, перенимать у Трикки методы сыскного дела и соответствующим образом перестраивать работу ума. Все это вместе удачно компенсирует досадную неспособность леди часами бегать по потолку, изрыгая из пасти огненных драконов, для начальницы Столичной полиции, честно говоря, совсем не критичную. Никто ее этим не попрекнет.

– Мне кажется, ей хочется именно по потолку и с драконами, – невольно улыбнулся я.

– Конечно, ей хочется, – согласился Джуффин. – Но далеко не все люди непременно получают то, чего хотят. Смиряться с этим фактом совсем необязательно, однако всем нам приходится учиться с ним более-менее мирно сосуществовать. Даже тебе, сэр Макс, придется – вот прямо сейчас. Не сомневаюсь, что ты запланировал стать невидимым, усестись в дальнем углу и насладиться нашей с леди Уматой поучительной беседой, но этого удовольствия я тебя лишу. Не столько по злобе, сколько из сострадания к своей будущей собеседнице. Она пока не нагрешила на такого могущественного врага, как ты.

- Да ладно тебе, почему сразу врага-то?
- Потому что когда люди испуганы, злы, растеряны или просто смущены, они часто говорят глупости. А именно это ты почему-то прощаешь окружающим наименее охотно. Хотя слова это всего лишь слова.
- Это да, – согласился я. – На чужие глупости я до смешного злопамятен. Некоторые, особо одиозные, даже много лет спустя могу пересказать слово в слово, как буривух.
- Буривухи не бывают злопамятными, – укоризненно возразил Куруш. – Мы запоминаем вообще все, что было сказано в нашем присутствии, а не только то, что нас рассердило. Иначе как, скажи на милость, мы запоминали бы, например, номера домов? Уж они-то даже у людей не вызывают никаких эмоций.
- Еще как вызывают. Леди Тайяра рассказывала, у нее был коллега, математик, которого бесили четные числа. Говорил: «Какие-то они слишком послушные, как будто ко всем подлизываются, заранее соглашаясь по первому требованию аккуратно, без остатка поделиться на два». Но работать это ему, как ни удивительно, не мешало. Он просто представлял себе, что все математические действия с четными числами – это своего рода пытки. А с нечетными – ласки. И прекрасно проводил время за вычислениями, иной судьбы не желал.
- Все люди странные существа, но те из вас, кто нашел способ получать удовольствие от своих странностей, вызывают у меня большое уважение, – признался буривух.

* * *

Хотелось бы сказать, что после того, как жестокосердный Джуффин выставил меня из своего кабинета перед самым появлением шантажистки, я мучился любопытством до самого вечера и так извелся, что к полуночи окончательно исхудал, поседел и умер, но это будет не совсем правда. То есть любопытством я действительно мучился – первые полчаса. А потом меня милосердно отвлекли. И продолжали отвлекать, да так качественно, что к полуночи я не поседел и не умер, а просто устал – в основном от непомерно энергичного себя – до такой степени, что вернулся домой Темным путем. То есть, минуя чреватую счастьем человеческого общения гостиную, сразу на крышу, перевести дух.

Способов перевести дух я знаю немало, но, по моему опыту, на этой стадии утомления мне помогает только один: лечь на спину и смотреть в

небо. Это все. Дополнительные удовольствия следует отложить на потом: от них в голове зарождаются мысли, а это совершенно лишнее, когда устала именно голова.

Поэтому я лежал на крыше и пялился в условно звездное, а на самом деле почти сплошь затянутое низкими зимними тучами небо, наслаждаясь совершенно физическим ощущением постепенного опустошения своей башки. Мысли и впечатления вылетали из нее одна за другой и, надо полагать, смешивались с тучами, придавая тем густоты и объема; не то чтобы я действительно верю, будто покинувшие меня мысли превращаются в тучи, но это очень приятно вообразить.

Все это я рассказываю, чтобы было понятно, почему я так внимательно разглядывал тучи, что заметил некоторую странность. В любой другой момент я бы ее профукал: обычно я настолько рассеян, что, спустившись в гостиную к ужину, могу не заметить окопавшуюся там стаю ужасающих демонов, пока они не начнут вопить и кусаться. Тогда я, конечно, скажу что-нибудь вроде: «Ой!» – и вежливо поинтересуюсь, каким способом мои незваные гости предпочитают погибать в это время суток. Но не раньше, увы.

Однако сейчас я лежал на крыше и смотрел, как тяжелые темные тучи меняют форму и медленно плывут по небу, то целиком закрывая луну, то позволяя ей выглянуть в просвет между ними; так добрая, сытая кошка играет с мышью, не убивая и не калеча, но и не давая сбежать. Представлял, что в них, как соль в горячей воде, медленно растворяются оставшиеся неразрешенными вопросы, полученные ответы, догадки, сомнения, выводы – ошибочные и верные, все подряд; безапелляционные суждения, которым я сам буду удивляться буквально завтра, если не успею забыть, но я, конечно, забуду, вот прямо сейчас. Туда им всем и дорога, пусть под их тяжестью туча, похожая на крокодила, примет форму острова Муримах с озером точно посередине, как его рисуют на картах, а потом превратится в бабочку – например.

Поэтому, собственно, я и заметил, что одна из туч похожа на сказочного дракона, как их обычно рисуют на картинках, залюбовался ею, даже испытал мимолетное сожаление, что минуту спустя от изящного драконьего силуэта ничего не останется, а фотокамер в Море до сих пор почему-то не изобрели. И очень удивился, обнаружив, что, в отличие от всех остальных, эта туча не изменяет форму. А потом наконец понял, что дракон висит слишком низко даже для зимней тучи. Практически над самой моей головой.

Тут надо сказать, что когда живешь в магическом мире, объяснить

любое удивительное происшествие становится так легко, что снова почти невозможно: слишком уж много вариантов сразу приходит в голову. При этом всегда поневоле учиываешь, что примерно еще столько же версий в нее пока не пришло, по причине элементарной нехватки образования. За несколько лет невозможно изучить не то что всю магию целиком, но даже ее азы.

Вот и сейчас, глядя на тучу-дракона, я невольно начал прикидывать: это кто же такую красоту наколдовал? Кандидатов не то чтобы очень много. Манипуляции с небом требуют серьезной подготовки и огромного вложения сил. Я сам пару раз как-то пробовал и, будем честны, чуть не сдох.

А может быть, кто-то могущественный наколдовал себе такого домашнего любимца и теперь гуляет с тучей, как я с собаками, только сам идет по земле, а питомец – там, наверху?

Или туча – не результат колдовства, а самостоятельное явление? Со своей волей и разумом? Например, любопытный гость из иной реальности; бывают разные формы жизни, и почему бы где-нибудь не жить разумным драконам-облакам?

Или, что гораздо более вероятно, туча – просто чей-нибудь сон? Еще и не такие формы принимают некоторые сновидцы, а мы видим, как они выглядят в своих снах про нас. На самом деле даже удивительно, что при неограниченных возможностях трансформаций, которые дают сновидения, подавляющее большинство сновидцев мгновенно мимикрирует, сливается с окружающей обстановкой и в результате, выглядит совершенно обыденно, так что с первого взгляда не отличишь от нормальных бодрствующих горожан. Но все же некоторые преподносят удивительные сюрпризы, спасибо им за это. Очень любезно с их стороны разукрашивать своими причудливыми сновидениями нашу повседневную жизнь.

Мне понравилась версия, что кто-то неведомый спит сейчас неизвестно где, на дальнем краю Вселенной, и ему снится, как он летает тучей-драконом над незнакомым красивым городом, над всеми этими нашими плоскими и островерхими крышами, темной лентой реки, изогнутыми мостами, пригородными садами, морем оранжевых и голубых огней. Я после такого приключения, пожалуй, рыдал бы, проснувшись – от восторга и одновременно от горя, что это был только сон. Вот и этот неизвестный сновидец наверняка будет рыдать, но я ему все равно немного завидовал. Еще никогда не видел во сне, что я – парящая над ночным Ехо туча-дракон.

Не то чтобы я сознательно принял решение проверить свою догадку,

просто такая уж у меня в последнее время появилась привычка – смотреть на всех окружающих боковым зрением, чтобы отличить сновидца от бодрствующего; это не совсем безошибочный, но в большинстве случаев довольно надежный и, главное, очень простой в исполнении прием. Даже руками ничего делать не надо, зырк – и все.

Никаких особо удивительных зрелищ я не ожидал. Обычно когда я смотрю боковым зрением на сновидца, вижу, как мерцает его силуэт – вот, собственно, и все отличие. Но на этот раз меня ждал сюрприз. Туча-дракон мгновенно утратила сходство с тучей, да и от дракона осталось совсем немного. Скорее гигантский пернатый змей, сотканный из такой плотной тьмы, что любая зимняя туча по сравнению с ним сияет как солнце. Никогда прежде я не видел настолько убедительной темноты, одним фактом своего существования словно бы отменяющей возможность света. И вообще всего.

Честно говоря, я чуть сознание не потерял от невыносимости этого зрелища. Но в подобных ситуациях меня обычно спасает тот неприятный факт, что на самом деле я злой. И упрямый. И очень люблю побеждать. Характер не сахар, из-за него я приговорен к пожизненным каторжным работам: постоянно держать себя в руках. Зато моя естественная реакция на сильный страх – нападение. При моей профессии и образе жизни это скорее хорошо.

Вот и сейчас вместо того, чтобы грохнуться в обморок, я прорычал: «А ну убирайся отсюда!» – и поднял было руку, чтобы метнуть в пернатую тьму свой Смертный Шар – действие в данных обстоятельствах, скорее всего, бесполезное, но думать головой я еще и не начинал.

Однако до Смертного Шара не дошло: я просто не успел ничего сделать, поскольку туча, чем бы она ни была, исчезла, а на меня обрушилось нечто тяжелое; в первый момент я был уверен, что это меня так убивают, но почти сразу понял, что на орудие убийства пригвоздившее меня к черепице мягкое, теплое нечто совсем не похоже. И вообще оно – человек.

Не успел я ни обрадоваться этому обстоятельству, ни удивиться столь оригинальному способу нападения, как бомбардировка живыми людьми, как меня стукнули кулаком. Хвала Магистрам, не в лицо, а всего лишь по ребрам, но это было так больно, что я совершенно озверел. Схватил упавшее на меня человеческое существо – одной рукой за волосы, другой за шею – стряхнул с себя и победительно взгромоздился сверху. Вообще-то драться я толком не умею, но тут уж спасибо моему неуравновешенному характеру: когда я по-настоящему зол, могу вообще все. Правда, недолго. В

среднем, от трех секунд до минуты. За это время желательно успеть покончить со всеми обступившими меня врагами, а если по недосмотру останутся неуничтоженные, смыться от них на край Мира. Потому что от приступов боевой ярости я очень уж быстро устаю.

Но сейчас, хвала Магистрам, враг был всего один. Да и тот не то чтобы именно враг – понял я, наконец рассмотрев его повнимательней. Вернее, ее – крепко сбитую круглолицую девчонку-подростка в широченных штанах и куцей меховой курточке, с разноцветными косичками, уложенными таким замысловатым образом, что сразу стало ясно: передо мной одна из шиншийских принцесс, больше таких причесок никто не носит. Мир пока не настолько сошел с ума.

Но как следует удивиться этому факту я не успел: убедившись, что поколотить меня пока не выходит, принцесса решила не терять времени даром и применила знаменитое девчачье супер-оружие – начала реветь. А это гораздо хуже любой драки, потому что когда у меня на руках оказывается рыдающая девчонка, ни о какой злости речи уже не идет. Счастье, что никто из моих заклятых врагов, которых, впрочем, было на удивление мало – хорошо, если дюжина наберется за всю мою здешнюю жизнь – не знал, как легко на самом деле со мной покончить: достаточно отправить ко мне отряд громко ревущих девчонок-убийц. И пока я буду, сдерживая проклятия, вытирать слезы первому ряду, остальные могут зайти с тыла и нанести столько ударов, сколько им заблагорассудится. Я не стану обороняться, мне будет не до того.

Меж тем сквозь бурные рыдания моей несостоявшейся погубительницы начали пробиваться отдельные вполне связные фразы.

– Что ты с ним сделал, нелюдимый, нелепый засранец? Ты его прогнал? Или ты его убил? Лучше бы ты сам издох, как тупая лесная гадюка, сдуру укусившая себя в задницу! Он такой прекрасный! Самый лучший в Море! Он меня так любит! А я! А ты!.. – на этом месте девчонка снова захлебнулась слезами. И одновременно так энергично задергалась в моих объятиях, что я понял: долго мне ее не удержать. А что начнется, если я ее отпущу, об этом лучше даже не задумываться. Нет.

До сих пор я был совершенно уверен, будто давным-давно смирился с полной непредсказуемостью собственной жизни. И заранее готов ко всему. Но это мне только казалось. Просто в голову не приходило, что однажды мне придется спешно выбирать, кому из друзей отправить панический зов о помощи: «Спасай немедленно, меня девчонка собирается отлупить!»

Счастье, что в Море есть сэр Шурф Лонли-Локли. Который, во-первых, сразу поверит, что я его не разыгрываю: подозреваю, чего-то

подобного он ждал от меня всю жизнь. Во-вторых, если я попрошу его не слишком часто вспоминать этот эпизод с целью поднять меня на смех, он именно так и сделает; причем наши с ним представления о том, что такое «не слишком часто» примерно совпадают, по крайней мере, для Шурфа это тоже не означает «всего четырежды в день на протяжении ближайших десяти лет». А в-третьих, он достаточно сильный человек, чтобы справиться с любой девчонкой даже без применения боевой магии, с которой, впрочем, у него дела тоже обстоят несколько лучше, чем у меня.

Я надеялся, что Шурф придет очень быстро, стоит только сказать: «Срочно на помощь!», даже если для этого ему придется подниматься с морского дна. Но он превзошел мои ожидания: появился прежде, чем я успел сообщить, что нахожусь на крыше Мохнатого Дома. Причем не явился невесть откуда Темным путем, а просто вылез из окна моего кабинета, расположенного в башне, чем потряс меня до глубины души. Вообще-то он довольно часто сидит в моей башне, даже без меня – я бы сказал, особенно без меня! – но не выглянуть раньше, услышав весь этот грохот и последовавшие за ним рыдания, это на него совсем не похоже.

Одной рукой Шурф снял меня с принцессы, другой ухватил ее – практически за шкурку, как котенка. К моему изумлению, девица не стала выдираться, наоборот, обеими руками вцепилась в его шею и зарыдала так горько и, главное, громко, периодически с завываниями повторяя: «Этот подлый засранец его убил!», что я с трудом поборол искушение сбежать Темным путем куда-нибудь на край Мира, да хоть в ту же Красную пустыню Хмиро, отличное место, там можно с головой зарыться в песок и больше никогда не выкапываться, ни при каких обстоятельствах, ни за что.

Но сбежать было бы нечестно по отношению к Шурфу. В такой беде я не только ближайшего друга, а вообще никого никогда еще не бросал.

– Я все проспал, – лаконично объяснил Шурф. – Что случилось? Откуда здесь эта юная леди?

– С неба свалилась, – также лаконично ответил я. И на всякий случай добавил: – Я не шучу.

– Убил унылый мерзавец! – с новыми силами взывала принцесса.

– Постарайтесь успокоиться, юная леди, – мягко сказал ей Шурф. И – я глазам своим не поверил! – погладил ее по голове. Это, как ни странно, подействовало. Рыдания стали немного тише. С другой стороны, должна же она когда-то устать.

– Ты действительно кого-то убил? – спросил меня Шурф. Впрочем, не осуждающе, а сочувственно. Он в курсе, что убивать я совсем не люблю.

– Это вряд ли, – ответил я. – Просто не успел ничего предпринять, только сказал: «Убирайся отсюда»...

– Кому ты это сказал?

– Облаку. Точнее, туче. Нет, извини, все-таки не туче, а дракону, выглядевшему как туча, пока я не посмотрел на него боковым зрением; тогда сразу выяснилось, что он не дракон, а пернатый змей. И одновременно – тьма.

– Очень красиво сказано, – одобрил мой друг. – Но это, к сожалению, не тот случай, когда красота формулировки способствует пониманию.

– Ничего удивительного. Я и сам ни хрена не понимаю. К сказанному могу добавить только, что это зрелище – тьма в форме пернатого змея – меня испугало. Оно было совершенно ужасное, как будто специально создано, чтобы отменить вообще все. Я чуть в обморок не грохнулся – не то от страха, не то оно так специально воздействует на тех, кто его увидел. Не успел разобраться. Крикнул: «Убирайся отсюда!» – и на меня тут же свалилась эта девчонка. И сразу начала плакать и драться. Зато туча исчезла. Я имею в виду темноту, которая змей. Извини, пожалуйста. Я и сам понимаю, что это звучит как бред обезумевшего дикаря, с голодухи сожравшего целую стаю перелетных галлюциногенных жуков. Но, по крайней мере, у меня есть доказательство. Девчонка – вот она.

– Ы-ы-ы-у-у-у! – подтвердило доказательство. И чтобы я особо не расслаблялся, добавило: – Пагубный негодяй!

– Это оскорбление наивысшей степени, для настоящих непримиримых врагов, – уважительно отметил Шурф. – Я как раз сегодня выяснил, что самые обидные из традиционных шиншийских оскорблений, способные развязать войну между семейными кланами или просто довести оскорбленного до самоубийства, состоят максимум из двух-трех слов. Это означает, что неприязнь к оппоненту столь велика, что на него даже ругательства тратить жалко. Апофеоз презрения, коротко говоря.

– Не беспокойся, – утешил его я. – До самоубийства не дойдет, даже если эта девица еще триста раз назовет меня просто «негодяем», без дополнительных эпитетов. У меня, ты знаешь, сильная воля к жизни. И несгибаемый дух.

– Это то небольшое, о чем я совершенно не беспокоюсь, – серьезно ответил мой друг. И, помолчав, добавил: – На самом деле я очень рад, что ты не пахнешь безумием. И что присутствие юной леди косвенным образом подтверждает твои слова. Потому что худшего бреда я в своей жизни не слышал: «Туча, которая на самом деле тьма и пернатый змей»... Впрочем, прости за преувеличение. Конечно же, я слышал бред и похуже. Но в таких

обстоятельствах и от таких людей, что сравнение с ними тебя бы совсем не обрадовало. Ладно. Прежде, чем разбираться, что это было, надо успокоить юную леди. И тебя. И меня.

* * *

Так называемая юная леди успокоилась первой. Очень условно успокоилась, но это лучше, чем ничего. Все-таки девчонки отлично устроены: четверть часа поревут, и потом как новенькие, только и горя, что нос распух. Я бы тоже хотел так уметь.

Я-то за это время как раз успел начать волноваться по-настоящему. У меня вообще обычно замедленная, так называемая «отложенная» реакция на любой достаточно сильный стресс; в принципе это довольно удобно. К тому моменту, как я, прекратив являть чудеса героизма и стойкости, в ужасе воскликну: «Мамочки, что это было, какой кошмар, как после этого жить, всему конец», – остальные участники экстремального происшествия обычно как раз успевают успокоиться в достаточной степени, чтобы броситься меня утешать.

Впрочем, сейчас с утешениями было не очень. Девушка перестала бурно рыдать и бессвязно браниться, за что ей, конечно, большое человеческое спасибо, но все еще горько всхлипывала, обеими руками вцепившись в Шурфа. Похоже, он действовал на нее не хуже знахарских Кристаллов Смирения. То есть примерно как на меня самого.

Сам Шурф за это время успел выдуть почти полбутылки укумбийского бомборокки из моих запасов – для него это примерно как двадцать капель валерьянки тревожной музейной смотрительнице после экскурсии младших школьников, но тот факт, что эти условные капли ему вообще понадобились, кое о чем говорит.

Поэтому мне пришлось засунуть свою отложенную реакцию на стресс, а также нервы, сердце, смятенный разум и все остальное, что мешает сохранять самообладание, в задницу, где им, на самом деле, совсем не место. Но ничего не поделаешь, пусть пока полежат. И совершенно спокойным голосом, как будто мы просто поймали хулиганку, разбившую пару окон в доме, сказал:

– Давайте все-таки попробуем разобраться, что на самом деле случилось.

Шурф к тому времени каким-то непостижимым образом успел толковать принцессе, что, по его мнению, я никого не убивал. Понятия не

имею, как ему это удалось, но девица перестала изрыгать в мой адрес шиншийские оскорбления наивысших степеней. И в ответ на мое предложение она не стала рычать: «Убил несуразный засранец!», а просто заново расплакалась. Ну тоже, честно говоря, не самый продуктивный вариант.

– Юная леди сейчас испытывает очень сильное горе, – сказал мне Шурф. – Душевные страдания такой остроты обычно туманят ум. При этом она, к сожалению, не обучена контролировать свое поведение. И, тем более, чувства. Что на самом деле вполне простительно: в ее возрасте я тоже этого не умел. Поэтому внятно и последовательно изложить обстоятельства, предшествовавшие ее появлению на крыше Мохнатого Дома, юная леди сможет еще не скоро. Этому, разумеется, можно помочь. Например, успокоить ее при помощи соответствующего заклинания и попросить ответить на наши вопросы...

Я не стал его перебивать, но очень громко и страстно, так, что задребезжали оконные стекла, подумал: «Елки, конечно! Давай!»

– ...но с учетом того, что наша гостья является не только подданной другого государства, но и приближенным лицом великого халифа, нам с тобой не следует насильственно производить над ней какие-либо магические манипуляции, – закончил мой друг. – Впрочем, заручившись ее официальным согласием, тоже не стоит. Если юная леди была каким-то образом околдована, последствия любого нового колдовства непредсказуемы, ты сам это знаешь. Поэтому я предлагаю вызвать сюда сэра Джуффина. По крайней мере, он разбирается в вопросах совместимости заклинаний гораздо лучше нас. И, кстати, единственный имеет официальное право допрашивать и околдовывать, кого сочтет нужным, включая самого великого халифа...

– Ты что, бешеных жаб объелся? – не переставая рыдать, возмутилась принцесса. – Великого халифа Кутай Ан-Аруму никому околдовывать нельзя!

– Как скажете, юная леди. Если нельзя, значит, не будем, – согласился сэр Шурф.

– Ты очень хороший человек, – похвалила его принцесса.

Сэр Шурф Лонли-Локли не каждый день слышит подобные комплименты. Не то чтобы он вовсе их не заслуживал, просто его нынешнее положение Великого Магистра Ордена Семилистника не способствует свободному изъятию добрых чувств населения, да еще и в столь бесхитростных формулировках. Когда он служил в Тайном Сыске на должности Мастера Пресекающего Ненужные Жизни, то есть штатного

убийцы, со свободным изъятием добрых чувств было, пожалуй, попроще. Но ненамного, честно говоря.

В общем, Шурф не привык к похвалам из уст незнакомых девиц. Будь на его месте кто-то другой, я бы сказал, что он растерялся, а так даже и не знаю, какое слово следует употребить.

Воспользовавшись беспомощным состоянием своего надзирателя, принцесса взяла из его рук бутылку бомборокки и сделала несколько больших глотков. Вернула бутылку Шурфу и внезапно охрипшим, зато почти спокойным голосом сказала:

– Он – самое прекрасное существо во Вселенной. И любит меня больше жизни. Такое счастье мне выпало! А я...

Я сперва решил, что речь о халифе. Но принцесса добавила:

– А я даже имени его не знаю. И свое не успела ему назвать. И не сумела остаться с ним навсегда. С этого дня жизнь больше не имеет для меня смысла: все самое прекрасное со мной уже случилось. Но я не удержала это прекрасное в своих слабых, никчемных, несуразных руках.

Я думал, после такого выступления барышня разразится новой серией рыданий, но вместо этого она откинулась на спинку дивана, закрыла глаза и затихла. Неужели так быстро уснула? Ну и дела.

– Зови Джуффина, – напомнил мне Шурф. – Чего тянуть.

* * *

Надо отдать должное сэру Джуффину Халли: он умеет мгновенно оценить обстановку. Всего секунда понадобилась, чтобы злая, веселая готовность встретиться лицом к лицу с очередным неведомо чем и немедленно продемонстрировать ему столько кузькиных матерей, сколько понадобится для полного вразумления, сменилась простым человеческим облегчением. Вернее, двумя облегчениями сразу. Во-первых, шеф убедился, что нести тяжелый горячечный бред меня вынудили внешние, а не внутренние обстоятельства, а во-вторых, увидел, что здесь присутствует сэр Шурф. Я бы и сам на его месте этому обрадовался. Как минимум один гарантированно вменяемый собеседник – о чем еще и мечтать.

Неудивительно, что Джуффин сразу сказал:

– Сэр Шурф, будь любезен, изложи мне свою версию произошедшего. Обычно сэр Макс – превосходный рассказчик, но судя по тому, что я успел от него услышать, сегодня не его звездный час.

– Боюсь, что и не мой, – ответил Шурф. – Хотя бы потому, что во

время загадочного происшествия, завершившегося падением юной леди с небес, я спал неподалеку от места событий, то есть в башне. Но так крепко, что ничего не слышал, пока Макс не позвал меня на помощь. Выбравшись на крышу, я увидел эту юную леди в состоянии глубокого горя и самого сэра Макса, прикладывающего немалые усилия, чтобы удержать ее от попыток нанести ему оскорбление действием. Что касается оскорбления словом, в этом смысле юной леди довольно многое удалось. Будучи знаком с вами не первый год, сомневаюсь, что вас заинтересуют примеры выбранных ею выражений и мое экспертное заключение по этому вопросу. Но, к сожалению, это единственное, в чем я действительно мог бы быть полезен. Я хочу сказать, что пока знаю об этом деле немногим больше, чем вы. Причем только со слов сэра Макса. Так что вам, в сущности, не из чего выбирать.

Джуффин повернулся ко мне. На его лице была написана героическая решимость претерпеть ужасные муки. То есть заново выслушать ахию про облака, драконов, и пернатых змеев, сотканых из абсолютной тьмы, которую я уже один раз попытался ему втюхать. Он-то, бедняга, застав здесь Шурфа, понадеялся, что этой пытки можно будет избежать.

Я отобрал у Шурфа бутылку с остатками бомборочки, вылил их в пустую кружку из-под камры, стоявшую на столе, и вручил шефу Тайного Сыска. Джуффин укоризненно покачал головой, но от выпивки не отказался. И правильно сделал. Плохонький, а все же какой-никакой наркоз.

Я вдохнул, выдохнул и заново завел свою песню про небо, с которого, как выяснилось, иногда падают буйные красотки с косичками. Старался быть краток и излагать только сухие факты. Но даже будучи тщательно высушенными, мои факты оставались подозрительно похожи на горячечный бред.

В ходе моего выступления Джуффин нетерпеливо барабанил пальцами по подлокотнику кресла и хмурился все больше. Так, что меня подмывало сказать: «Хватит ломать комедию, я же знаю, тебя ничем не проймешь, ты на своем веку еще и не такую чушь слышал, причем добрая половина ее потом оказывалась чистейшей правдой».

Но я не давал себе воли, пусть хмурится, сколько влезет. Может, это просто новая придворная мода – хмуриться при всяком удобном случае? И шеф на этом грешном вчерашнем приеме ее подцепил?

Но тут Джуффин меня остановил:

– Ты говоришь, тьма, при взгляде на которую делается дурно? И ее форма напоминает пернатого змея?

– Насколько она вообще хоть что-то напоминает, – осторожно ответил

я. – А вот дурно мне действительно стало, это факт. Но, кстати, сразу прошло, как только оно исчезло, вообще без последствий...

Джуффин нетерпеливо кивнул:

– Ясно. Скажи мне вот что: ты в тот момент точно бодрствовал? Или все-таки начал дремать?

Я отрицательно помотал головой.

– Не начал. К тому даже не шло.

– Но тогда не сходится, – пробормотал Джуффин. – Или?.. Да нет, быть того не может. Не должно так быть...

Он подошел к окну и какое-то время стоял спиной к нам, опираясь на подоконник – как бы смотрел на ночную улицу, а на самом деле наверняка с кем-то разговаривал. Я впервые в жизни пожалел, что не умею подслушивать чужую Безмолвную речь. И, кстати, вряд ли в ближайшее время научусь: я и от обычных Безмолвных разговоров до сих пор слишком быстро устаю, куда мне еще дополнительные премудрости. Но сейчас я бы дорого дал, чтобы сразу узнать, с кем Джуффин разговаривает и какие вопросы задает. И что за ответы ложатся на его плечи таким тяжким грузом, что он явственно начал сутулиться. А когда наконец повернулся к нам, на его лице было столь безмятежное, я бы сказал, лучезарное спокойствие, что даже я, обычно до смешного доверчивый, подумал: ну и хреновые должны быть новости, если их приходится так мастерски скрывать.

Джуффин сразу понял, что провести нас своей лучезарностью ему не удалось. Криво ухмыльнулся и бодрым тоном записного картежника, только что получившего на руки худшую в своей жизни сдачу, сказал:

– Отставить панику. Во-первых, я сам еще ни в чем не уверен. А во-вторых, даже если сбудутся мои наихудшие подозрения, невелика беда. Я имею в виду, это не угрожает безопасности Соединенного Королевства, Сердцу Мира, нашим общим и персональным планам на будущее, гугландским болотным лешим и всему остальному, чем мы с вами обречены дорожить в силу служебного долга и простительной человеческой слабости. Бывают такие прекрасные плохие новости, которые не угрожают вообще ничему, а только портят мне настроение. Что, конечно, возмутительно, но совсем не такое великое несчастье, как вам, по моей милости, показалось. Извините, мальчики. Я не хотел вас пугать. А даже если бы захотел, то пока особо нечем.

Мы с Шурфом изумленно переглянулись. Все это было настолько не похоже на сэра Джуффина Халли, с которым мы до сих пор были знакомы, насколько вообще возможно. Дело даже не в том, что именно было сказано.

Просто обычно Джуффин совершенно беспардонно радуется любым плохим новостям: они означают, что впереди интересное развлечение, новая большая игра с высокими ставками. А сейчас он выглядел человеком, который, будь его воля, ни за что не стал бы играть. На моей памяти, таким шеф Тайного Сыска был только однажды, когда в столице разразилась эпидемия Анавуайны^[14]. Вот от той игры с горами трупов и нашими вполне беспомощными попытками уменьшить число обреченных хотя бы на пару тысяч Джуффин особого удовольствия не получал. И что это значит?..

Да ничего это не значит, – оборвал я себя. – Он же сам только что сказал: никому ничего не грозит, не хотел пугать, да и нечем. Вряд ли это просто вранье.

– Давно у меня не было ощущения, что я вас совершенно не понимаю, – наконец сказал Шурф. – Но сейчас это именно так.

– Потому что нечего пока понимать, – отрезал Джуффин. – Давайте сразу договоримся: я все объясню, но чуть позже. Когда буду больше знать. Для начала надо расспросить юную леди. Не беспокойся, сэр Шурф, она не околдована; по крайней мере, никаких следов чужих заклинаний я на ней не вижу. Поэтому мое вмешательство не повредит. Для начала просто ее успокою, чтобы не выслушивать до утра рыдания и бессвязные жалобы, а дальше – как пойдет.

Он коснулся рукой макушки спящей принцессы, та мгновенно проснулась и уставилась на Джуффина с такой чудесной улыбкой, что сразу показалась мне удивительной красавицей. Хотя объективно, просто нескладная девчонка-подросток: круглолицая, скуластая, курносая, как большинство уроженцев Уандука, с очень светлыми, зеленоватыми, как речная вода у самого берега глазами. И разноцветные косички, по-дурацки связанные между собой в причудливые узлы – рыжие, черные, белокурые, несколько ярко-красных, две лиловые и всего одна синяя, – зато в самом центре этой сложной, несимметричной композиции и толще всех.

– Я тебя узнала! – воскликнула она. – Говорят, ты самый главный колдун в этом городе и хитрый, как тысяча степных лис. Ты меня заколдовал?

– Немножко, – кивнул шеф Тайного Сыска. – Мне сказали, что у тебя случилось большое горе. Я применил специальное заклинание, чтобы уменьшить твою душевную боль.

Принцесса коснулась пальцами обеих рук своего лба, потом лба Джуффина, и торжественно произнесла:

– Благодарю тебя, замечательный, добрый, умелый колдун! Это было

очень уместно и милосердно. Я не люблю долго горевать.

– Счастлив, что смог помочь, – улыбнулся Джуффин.

– Ты очень хороший человек, – серьезно сказала принцесса. – Ты мне еще на приеме у вашего Короля понравился. И не мне одной! Все, кто был на этом приеме, потом весь вечер тебя вспоминали, а великий халиф Кутай Ан-Арума нам сказал: «Иногда встречаются люди, с которыми сразу желаешь заняться любовью; бывают такие, кем приятно любоваться издали, не позволяя им приближаться; случается, познакомившись с человеком, думаешь: “Мне бы такого дядю, сестру, или отца”. А с этим господином Почтеннейшим Начальником я хотел бы крепко дружить, но не сейчас, а в прошлом, когда был мальчишкой, чтобы вместе удрать из дворца в Красную пустыню Хмиро, искать Черхавлу. Заранее уверен, что мы бы ее нашли». Я так хорошо запомнила, потому что великий халиф разрешил нам записать эти его слова и пересказывать их устно и в письмах всем, кому пожелаем. А такое нечасто случается. Только когда великий халиф уверен, что сказанное прозвучало достаточно красиво, а его смысл никому не повредит.

– Спасибо, что передала мне добрый отзыв великого халифа, – церемонно отвечал шеф Тайного Сыска. – Великий халиф на редкость проникательный человек. Думаю, из меня и правда мог бы выйти неплохой попутчик для прогулок по Красной пустыне. Но жизнь сложилась иначе. Ты как себя чувствуешь, госпожа Тапута КутКаята? Есть силы продолжать беседу?

– Откуда ты узнал мое имя? – переполошилась принцесса. – Я его никому не называла! Неужели спяну сболтнула, как нелепая задница? Быть того не может, я совсем мало выпила: ровно столько, чтобы уснуть.

– Есть один очень простой магический прием, – признался Джуффин. – Чье угодно имя позволяет угадать. Ты же знаешь, мы тут все колдуны, ни шагу без заклинаний, ничего не поделаешь, привыкай. Я знаю, что у вас считается недопустимым легкомыслием назвать свое полное имя незнакомцу, которого видишь впервые. Но ты и не называла, я сам его угадал. Будь спокойна, мы никому не расскажем, что знаем, как тебя зовут.

– Ты-то, может, и не расскажешь, – согласилась принцесса. – А они?

И адресовала нам с Шурфом такой негодующий взгляд, словно мы уже, пихаясь локтями, наперегонки строчили репортажи для «Королевского Голоса»: «Экстренное сообщение! Наши корреспонденты выяснили полное имя одной из шиншийских принцесс. Той самой, которая с синей косичкой. Спешите его узнать!»

– Мои друзья тоже не болтливы, даже когда много выпьют, – заверил

ее шеф.

– Они, что ли, оба твои друзья? – недоверчиво спросила принцесса. – Этот высокий тоже хороший человек, сразу видно. Он меня успокаивал в горе, хоть и не так удачно, как ты. Наверное, просто колдовать не умеет? С ним должно быть приятно дружить, я согласна. Но вот второй... – она покосилась на меня и добавила, понизив голос до шепота: – Ты, конечно, великий человек и самый главный колдун в своем королевстве, тебе виднее, с кем связываться. Но, по-моему, этот твой друг похож на злодея. Он и есть злодей!

Сэр Шурф, до того внимательно слушавший принцессу и, не сомневаясь, запоминая все особенности ее речи, чтобы позже тщательно записать их в тетрадку и подвергнуть всестороннему лингвистическому анализу, уставился на меня с таким характерным исследовательским интересом, словно бы прикидывал, можно ли будет затащить меня в тайную Орденскую научную лабораторию, уложить под микроскоп и отыскать в моем организме неопровержимые признаки злодейства, которые он каким-то образом проморгал.

– Да, – спокойно согласился сэр Джуффин Халли, – и правда, очень похож. Но это обманчивое впечатление. На самом деле сэр Макс вполне ничего.

– Он больно дерется! – наябедничала принцесса.

– Такое с ним случается, – подтвердил шеф Тайного Сыска. – Но, по моим сведениям, довольно редко. Будем честны, госпожа Тапута Кут-Каята, ты же первая драку начала.

Принцессу этот его аргумент, похоже, удивил.

– Ну да, – кивнула она, – я всегда начинаю драки первой. А как еще? Если самой об этом не позаботиться, не будет вообще никаких драк. Но он сам виноват! Он прогнал моего прекрасного возлюбленного. Я сперва думала, что убил, но этот высокий, который твой добрый друг говорит, быть такого не может. А я ему верю: когда человек так замечательно дышит, он не может вероломно лгать. На самом деле я только рада, что твой друг-злодей не убийца: значит, мой прекрасный возлюбленный жив! Хоть и не остался со мной, – добавила принцесса упавшим голосом. – А обещал, что мы теперь вечно будем вместе. Почему он не взял меня с собой, когда убежал? Или это я сама не смогла рядом с ним остаться? Никак не пойму, кто из нас больше виноват! И можно ли еще что-то исправить? Что надо сделать, чтобы он ко мне вернулся?..

На этом месте она внезапно умолкла, некоторое время что-то обдумывала, уставившись на Джуффина, наконец ударила кулаком об

кулак, коротко, торжествующе рассмеялась и воскликнула:

– Как же мне сразу не пришло в голову попросить тебя о помощи? Готова биться об заклад, ты умеешь возвращать убежавших возлюбленных! Ты мне поможешь? Для чего еще и нужна магия, если не для того, чтобы помогать в сердечных делах?

Джуффин не стал оспаривать это сомнительное утверждение, чрезвычайно популярное среди юных барышень всех стран, материков и обитаемых миров. А деликатно сказал:

– Чтобы тебе помочь, сперва нужно понять, с кем ты связалась. Похоже, что с удивительным волшебным существом, но они бывают разные, ко всякому нужен свой подход. Ты нам расскажешь, что с тобой произошло? От начала и до конца, по порядку.

Принцесса задумалась. Ее явно раздирали два противоречивых желания: сохранить свое романтическое приключение в тайне и немедленно обсудить его с таким распрекрасным старшим товарищем, готовым выслушать и помочь.

– На самом деле я могу тебя заколдовать и заставить отвечать на любые мои вопросы, – заметил Джуффин. – Но предпочел бы так не поступать, потому что ты мне нравишься. А если я тебя заколдую, ты потом не захочешь со мной дружить.

Принцесса просияла, надула щеки и хлопнула по ним ладонями. Я уже знал, что этот жест, когда-то считавшийся у шиншийцев грубым и простонародным, но благодаря принцессам вошедший в моду при дворе великого халифа, выражает одновременно радость и большую симпатию к собеседнику: Мелифаро и Нумминорих после торжественной встречи шиншийцев весь вечер воспроизводили его наперегонки.

– Договорились, – сказала она. – Расскажу всю правду, просто так, без твоего колдовства. Я рада, что ты хочешь со мной дружить. Будь я легкомысленной дурочкой, о которых говорят: «у нее восемнадцать сердец, и все тряпичные», – я бы сейчас забыла своего прекрасного возлюбленного и тут же влюбилась в тебя!

– Спасибо, госпожа Тапута Кут-Каята, – поклонился ей Джуффин. – Подобные искренние признания я слышу нечасто и очень высоко их ценю.

А я в очередной раз изумился тому, с какой легкостью шеф находит подход к любому собеседнику. Если захочет, конечно. Далеко не всем так везет.

– А твои друзья будут сидеть здесь и слушать, что я расскажу? – спохватилась принцесса.

– Если ты пожелаешь, я могу попросить их уйти, – мягко сказал

Джуффин. – Но поскольку они не только мои друзья, но и могущественные колдуны, которые могут помочь в любом сложном деле, мне потом все равно придется пересказать им твою историю, слово в слово. Поэтому будет очень любезно с твоей стороны разрешить им остаться. Быть сплетником – плохая, недостойная судьба.

– Да, такой несуразной судьбы я тебе не желаю, – согласилась принцесса. – Ладно, если так надо, пусть слушают и завидуют. Уверена, что еще ни с кем в Мире не случалось того, что было со мной!

Она помолчала, собираясь с мыслями, наконец начала рассказывать.

– Сегодня вечером я поссорилась с несколькими подругами и очень на них рассердилась. Поэтому мне пришлось уйти на прогулку. Таковы правила: нам, ближней свите великого халифа Кутай Ан-Арумы, нельзя пребывать в плохом настроении во время дежурства, а если такое все же случилось, следует немедленно удалиться из дворца и возвращаться, когда оно исправится. Со мной такое произошло впервые за все время службы: меня трудно огорчить. У меня вообще хороший характер, все так говорят. Но эти тощие козы, пасущиеся на задворках ночлежного дома для бездомных облысевших от голода сыновей нищих охранников портовых борделей, крепко меня допекли! Говорю не затем, чтобы вас против них настроить, просто объясняю, почему находилась в некоторой растерянности и не имела никаких планов на вечер: мне еще никогда не доводилось покидать дворец великого халифа из-за испорченного во время дежурства настроения, тем более, в незнакомой, чужой стране. Мне предложили на выбор слуг с уладасом и амобилер с возницей. Я выбрала амобилер, как раз хотела на нем проехаться, у нас таких нет. Возница спросил, куда меня отвезти, я сказала, что мне все равно, лишь бы покататься. Сперва было здорово, но потом мне вдруг стало тошно, как во время сильной качки на корабле. У нас есть специальные пилюли от качки, но с собой я их не взяла. Просто не сообразила, что они могут понадобиться. Делать было нечего: я попросила возницу остановиться и вышла. Сказала, что хочу пойти обратно пешком и предложила ему медленно ехать следом. Он так и сделал. Но мне быстро наскучило ходить под его присмотром, даже настроение снова начало портиться, и тогда я, конечно, решила сбежать.

Услышав это ее «конечно», я невольно улыбнулся. Отличная девчонка эта принцесса. Практически родная душа. Но какое же все-таки счастье, что я – не шиншийский халиф, и не окружен вот такими родными душами с утра до вечера. Я бы с ума сошел.

Словно бы в ответ на мои мысли, принцесса объяснила:

– На самом деле я не сделала ничего из ряда вон выходящего. Мы часто сбегает от сопровождающих, чтобы развлечься. Это просто такая игра. Все слуги про нее знают, никто не беспокоится: где такое видно, чтобы взрослый человек сам до дома не дошел? Я пока не знаю ни города, ни ваших обычаев, поэтому воспользовалась простым приемом: увидев в стороне от дороги заведение с распахнутой настежь дверью, похожее на маленький трактир для бедняков, как их описывают те, кто бывал в вашем городе раньше, сказала вознице, что проголодалась, попросила меня подождать, а сама вошла и предложила хозяину монету, чтобы он выпустил меня через заднюю дверь. Тот сперва испугался и спросил, не нужно ли вызвать полицию, а меня пока где-нибудь спрятать, но я объяснила, что не убегать от врагов, а играю с друзьями. Он так обрадовался, что неприятностей не будет, что даже денег не взял, зато провел меня через соседский сад и помог перелезть через очень высокий забор, за которым оказались удивительные развалины. Не один большой разрушенный дом, а много разных, все увиты какими-то растениями, у некоторых на крышах даже самые настоящие деревья выросли, а между домами узкие мощеные мостовые, как будто целый заброшенный маленький город. Такая красота!

– По всем признакам, бывшая загородная резиденция Ордена Колючих Ягод, – кивнул Джуффин. – Если так, то трактир называется «Полночные уши»; я все забываю выяснить почему.

– Ну это тебе видней. Я не знаю, где тут у вас что и как оно называется. Могу только сказать, что наш прекрасный летучий дворец оттуда хорошо виден, значит, до него не больше получаса пути. Мне там очень понравилось, я такие места люблю: старые дома, где давным-давно никого нет, и можно самой придумать, какие люди тут прежде жили, чем занимались и что с ними такое случилось, что пришлось уйти. Больше всего на свете люблю придумывать такие истории! Целый час могу сидеть на месте и сочинять. И сегодня решила, что вечер еще не поздний, одежда у меня теплая, можно выбрать какой-нибудь камень поудобнее, посидеть и помечтать. Так и сделала. Сидела, представляла себе всех этих неизвестных людей из вашей старинной жизни, какие они были ужасные колдуны, одни творили злодеяния, хуже, чем в книжках описано, а другие всех от них защищали, и у кого-то из добрых с одним из злодеев была большая любовь, но потом они убили друг друга, я это так ясно видела, словно не придумала, а подглядывала за ними в окно, даже по именам всех знала – ну, это обычное дело для меня. Я так увлеклась, что забыла, где нахожусь, и когда подняла голову, удивилась, что надо мной небо, а не потолок спальни. И вдруг увидела, что с неба на меня смотрит кто-то такой прекрасный, что

все остальные мысли вылетели из головы. Он сверкал и светился, и звучал как дивная музыка, и пах, как первый весенний дождь, и грел своим взглядом, как пламя кухонного очага. Такой чудесный небесный мужчина и одновременно дракон, как с картинки, у меня в детстве такая была. Увидел, что я его заметила, обрадовался и позвал: «Иди сюда», – не только словами, а всеми способами сразу: и взглядом, и музыкой, и теплом...

– Извини, что перебиваю, – остановил ее Джуффин. – Но у меня важный вопрос: перед этой удивительной встречей ты задремала? Могло такое быть?

– Я не спала и не бодрствовала. Я мечтала и представляла, а это не то и не другое. Что-то посерединке как раз. У наших ученых есть специальное старинное слово, обозначающее это состояние, но я его никак не могу запомнить. В нем целых двенадцать слогов!

– Эширейчаушайкаруяшадая, – подсказал всеведущий сэр Шурф.

Я испытал смутное желание перекреститься, хотя, по идее, давным-давно должен был привыкнуть к его поразительной способности легко воспроизводить самые невероятные сочетания звуков, какие только могут встретиться охочему до старинных рукописей человеку на непростом жизненном пути.

– Да-да-да! – подтвердила принцесса. – Эширейчауя... чашуя... в общем, как ты сказал.

– Ясно, – невозмутимо кивнул Джуффин. – И что было дальше?

– А дальше случилось настоящее чудо, – мечтательно вздохнула принцесса. – Прекрасный мужчина-дракон протянул ко мне руки, и я взлетела навстречу ему. Он меня подхватил, обнял и сказал, вернее, подумал, но так, что мне было слышно: «Молодец, какая ты храбрая». А я молчала, как задница глупой степной гадюки, потому что еще никогда в жизни не встречала никого такого прекрасного. И не знала, как с ним говорить. Но неважно, главное, он меня обнимал. Это было так здорово и необычно, что я даже подумала: а может, это ваше магическое Сердце Мира, о котором в книгах написано столько разных удивительных непонятных вещей, влюбилось в меня и превратилось в мужчину-дракона, чтобы мне угодить?

– Это все-таки вряд ли, – мягко возразил Джуффин. – Сердце Мира не пристает к юным леди по ночам в старых развалинах. И вообще совершенно иначе себя ведет.

– Ну и ладно, значит, это был кто-то другой, но тоже волшебный, – легко согласилась принцесса. – Главное, он сумел угадать мое тайное желание. Я же с детства мечтала о драконе-возлюбленном, с тех пор, как

увидела его на картинке. Но чтобы при этом он был хоть немножечко человеком и мог меня целовать. И все было именно так! Ничего подобного я даже в мечтах не представляла: он стал для меня всем Миром, полным любви ко мне одной. С нами происходило все самое прекрасное сразу. Мы летали в небе, обнявшись, и одновременно шли по берегу моря, и лежали в степи на пахучей траве, вместе разжигали костер, танцевали, любовались призрачными дворцами Черхавлы, глотали драгоценные камни, перепрыгивали через ручьи, вкушали пэпэо^[15], любовались красотой заката, задирали прохожих на вечерних улицах Аяшайи^[16], бегали наперегонки, рвали цветы фаумхайны^[17], говорили слова любви и молчали, и слушали музыку, которой он сам и был. Жалко, что, когда великий халиф Кутай Ан-Арма приглашал ко двору учителей поэзии, у меня находились дела поважнее: если бы слушала их наставления, сейчас, наверное, сумела бы рассказать о том, что еще с нами случилось. А так могу только вспомнить для вас, как это было прекрасно. Вот так!

Она вскочила с дивана, выбежала на середину комнаты, камнем рухнула на ковер, раскинула руки и ноги так, что стала похожа на гигантскую морскую звезду, и затихла. Какое-то время больше ничего не происходило: девица неподвижно лежала на полу, а Джуффин и Шурф внимательно ее разглядывали; причем первый при этом был убийственно мрачен, а второй, напротив, выглядел несколько чересчур довольным, словно сам только что полмешка цветов фаумхайны сперва занюхал, а потом для пущего эффекта еще и сжевал.

Шурф заметил, что я сижу с озадаченным видом, и спросил:

– Неужели совсем ничего не чувствуешь? А ты попробуй...

Уж не знаю, что он собирался мне посоветовать, потому что в этот момент все случилось само: я вдруг ощутил радостное возбуждение и одновременно удивительный, ни с чем не сравнимый безмятежный покой.

Джуффин с интересом покосился на мою ошалевшую рожу:

– Ага, и тебя проняло. Интересный эффект, правда?

– Это что, шиншийский великий халиф всегда так себя рядом с ними чувствует? – спросил я. – Как же он, бедный, переговоры ведет и указы подписывает? И почему до сих пор не раздарил свою страну на сувениры всем желающим? Невозможно же работать. Я бы точно не смог.

– Все же великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума испытывает гораздо менее острые ощущения, поскольку окружающие его принцессы счастливы и безмятежны вполне умеренно, а эта юная леди любезно демонстрирует нам из ряда вон выходящий восторг, – сказал Шурф. – К тому же следует

учитывать, что это нам с тобой такое в новинку, а великий халиф к своей ближней свите с детства привык.

Чудесное настроение покинуло меня так же быстро, как и пришло. А принцесса, не поднимаясь с пола, зарыдала, обхватив голову руками, бормоча сквозь слезы: «И больше так никогда не будет? Он не вернется? И все?!»

Джуффин подошел к ней, сел рядом, коснулся рукой макушки, и рыдания понемногу утихли. Принцесса приподнялась на локте, растерянно, словно спросонок, огляделась по сторонам и печально сказала:

– Зря я это затеяла. Хотела похвастаться, как была счастлива. И поделиться радостью, чтобы вам было не очень обидно. А вместо этого заново поняла, что все потеряла. Можно, я не буду больше рассказывать? Очень горько вспоминать. И сердце рвется на части, несмотря на твое колдовство.

– Ладно, если тяжело, не рассказывай, – согласился Джуффин. – Мне и так все в общем понятно. Кроме одного: с чего ты вдруг решила, будто сэр Макс убил твоего возлюбленного? Что между ними произошло?

– Мой возлюбленный испугался, – почти беззвучно сказала принцесса. – Или я сама испугалась? До сих пор не знаю, чей это был страх – мой или его? Но наше общее счастье тогда закончилось. Нельзя быть счастливым, когда боишься, – это понятно. Страх делался все сильнее, он стал той силой, которая нас разлучила. Мой возлюбленный разжал объятия, и я рухнула вниз. Падала долго-долго, или мне просто так показалось? Не знаю. Обнимались мы наяву, на что хочешь могу поспорить, а вот падение было похоже на сон. Наконец я ощутила удар и увидела перед собой страшное лицо ужасающего злодея, который нас разлучил.

Я подумал, что из всех комплиментов, которые так щедро раздавала эта барышня, мне достался самый крутой. «Страшное лицо ужасающего злодея» – о таком я, всю жизнь полагавший себя обладателем совершенно заурядной физиономии, не смел и мечтать.

– Но с чего ты взяла, что вас разлучил именно он, а не какие-то другие обстоятельства? – спросил Джуффин.

– Мой возлюбленный точно знал: этот злодей всему виной, от его тяжелого взгляда закончилась радость. А я знала вместе с ним. Мы так любили друг друга, что у нас были общие мысли. И общий страх. И вообще все. Но его мысль про злодея была последней из тех, что мы разделили. После нее мой мужчина-дракон исчез навсегда, как будто умер. Как вы думаете, он все-таки жив?

– Боюсь, что да, – мрачно сказал Джуффин. И тут же ослепительно

улыбнулся: – Прими мои поздравления, сэр Макс, ты лучшее огородное пугало в столице Соединенного Королевства. Если бы даже ты уродился отвратительным типом, который всегда выигрывает у меня в карты, ежедневно жалуется всем вокруг на свою покойную мамашу и ворует табак из карманов коллег, я бы сейчас все равно благословил тот день, когда ты появился в Ехо. Оба дня.

– Спасибо, – растерянно поблагодарил я. – Если хочешь, я могу попробовать, но не обещаю, особенно насчет табака: какой из меня, к драным козам, карманник с руками из задницы...

Но шеф меня не слушал. Он повернулся к принцессе.

– Госпожа Тапута Кут-Каята, ты невероятно удачлива. Пережила самое удивительное приключение, какое только можно представить, и чудом осталась в живых. Из пасти Пожирателя обычно никому не удается уйти.

Принцесса удивленно моргнула и вдруг завопила: «Не-е-е-е-ет!», да так громко, что я поневоле посочувствовал своим домочадцам. Наверняка сейчас все они подскочили в своих постелях и на подстилках, проклиная тот день, когда связались со мной. Мало того, что набил гостиную самыми ужасающими демонами ада, каких только сумел отыскать, так еще и пытаться их зачем-то затеял, не дожидаясь утра. Иной версии у человека, услышавшего душераздирающий вой маленькой шиншийской принцессы, родиться не могло.

Джуффин некоторое время сочувственно слушал эту симфонию протеста, наконец легонько щелкнул принцессу по лбу. Она, хвала Магистрам, тут же заткнулась и повисла на его шее, сбивчиво бормоча: «Спасибо, ты добрый, спасибо, что так хорошо меня заколдовал, я не могу, когда так больно, я не хочу, никогда-никогда!»

Мы с Шурфом растерянно смотрели то на них, то друг на друга. Обычно полное непонимание происходящего посещает нас по очереди: где недостаточно его обширных знаний и систематического ума, могут оказаться полезны моя интуиция и, скажем так, специфический опыт. И наоборот. Но сейчас мы достигли удивительного единодушия: оба не только ни хрена не понимали, но даже не представляли, в какой стороне следует искать выход из этого когнитивного тупика.

– О каком «пожирателе» вы говорили? – наконец спросил Джуффина Шурф. – Боюсь, я ничего не...

– Конечно, ты не знаешь о Пожирателях, – согласился шеф Тайного Сыска. – О них вообще никто не знает. Потому что не о ком знать. На самом деле никаких Пожирателей нет – такова официальная версия. И в общем это правда. То есть для нас с тобой их действительно нет. Как и для

всех остальных, родившихся в этом Море. За это следует сказать спасибо Древним. Они принудили Пожирателей заключить соответствующий договор, и с тех пор об этих тварях действительно ни слуху, ни духу. Однако, судя по всему, в договоре нашлись лазейки. Мне следовало это предусмотреть. Но я не хотел даже думать о Пожирателях. Меня от них тошнит.

На это, кстати, было похоже. Я имею в виду, выражение лица у Джуффина сделалось такое, что впору засылать гонца к шиншицам с просьбой одолжить нам упаковку пилюль от качки. А лучше сразу две.

– Я не стану говорить, что обычно вы выражаетесь гораздо более ясно, – сухо сказал Шурф. – Потому что это вы и сами прекрасно знаете.

– Да уж догадываюсь, – криво ухмыльнулся Джуффин. – Но войди в мое положение, сэр Шурф. Я хочу сказать, сперва обнимись с этой красоткой, а потом я посмотрю, что останется от ясности твоих выражений. С большим удовольствием посмотрю!

Но Шурф был неумолим.

– Это мастерский комплимент достоинствам юной леди, но вряд ли он является настоящим объяснением.

– Ну почему же, отчасти является. Поскольку в первую очередь мне сейчас надо думать, что с ней делать. А уже потом обо всем остальном, включая четкие и ясные ответы на твои вопросы. Не серчай, сэр Шурф.

– Не надо ничего со мной делать! – всполошилась принцесса. – Просто объясни, что случилось. Почему ты говоришь, будто я чудом осталась живой? Что ты имел в виду? Мой прекрасный возлюбленный не убийца, я точно знаю!

– Конечно, он не убийца, – согласился Джуффин. – Он – сама смерть. Наихудшая ее разновидность, потому что хищники вроде него не оставляют от человека вообще ничего, даже крошечной искры сознания, которая после обычной смерти может продолжить путь.

Я невольно содрогнулся. Шурф, похоже, тоже не слишком обрадовался услышанному. А лицо принцессы сморщилось, как у младенца, изготавившегося заорать. Похоже, именно этому занятию она и вознамерилась посвятить ближайшие часа три, но в последний момент передумала – такова сила утешительных заклинаний сэра Джуффина Халли. Он нас всех заранее спас.

– Ты меня так сильно заколдовал, что теперь толком и не поплачешь, – обиженно сказала ему принцесса. – А я не могу спокойно слушать, как ты такие ужасные злопакостные мерзости говоришь!

– Понимаю, – согласился шеф. – Но придется тебе потерпеть, госпожа

Тапута Кут-Каята. Есть свои минусы в том, чтобы остаться живой. Но их немного. Зато плюсов более чем достаточно... И вот наконец-то явился один из самых больших!

Последним восклицанием он поприветствовал леди Сотофу Ханемер, которая, вопреки своей обычной манере появляться внезапно и с фейерверком, на этот раз просто вошла через дверь и присела на подлокотник моего кресла. Положила руку мне на плечо и ласково сказала:

– Вот кто в этом городе действительно умеет устраивать вечеринки с сюрпризами, так это ты, сэр Макс. Чего я только ни навидалась в твоём доме! Только угощение ты всегда зажимаешь, но к этому я была готова. С собой принесла.

Ее голос прозвучал столь утешительно, что в первый момент я чуть не расплакался от облегчения, а во второй – не просто подумал, а каждой частицей тела явственно ощутил: жизнь так прекрасна, что плакать не имеет смысла. Таково обычное воздействие леди Сотофы на мой впечатлительный организм.

Она поставила на стол маленькую корзинку для пикников и принялась вынимать из нее свертки и бутылки. Мы зачарованно смотрели, как растет их число – такое количество провианта поместилось бы разве что в большом заплечном мешке – а Сотофа все доставала и доставала. Наконец, когда мой здоровенный стол, рассчитанный как минимум на пару дюжин гостей, был плотно заставлен едой и напитками, она отбросила в сторону пустую корзинку и бодро сказала:

– Ну, что устались? Налетайте. Зря я, что ли, все это приволокла?

– А ты кто? – робко, даже немного заискивающе спросила принцесса, все это время взиравшая на леди Сотофу, как на свой новый, сразу затмивший всех присутствующих, идеал.

– Ко мне следует обращаться на «вы», – отрезала леди Сотофа. – С мальчишками говори как хочешь, если они разрешают, а со мной – только так.

Ну хвала Магистрам, хоть кто-то ей это сказал.

– Перед поездкой нам объяснили, как у вас принято, – смутилась принцесса. – Что обращаться к незнакомцам на «ты» невежливо, даже если они выглядят младше нас. И просили соблюдать это правило, чтобы никого не обижать. Но я не могу! От ваших обычаев чокнуться можно. У меня просто язык не поворачивается. Я чувствую себя глупой собачьей задницей, когда говорю человеку «вы», а он при этом всего один. И ты... вы – тоже одна!

– А ты присмотришься ко мне повнимательней, юная госпожа Тапута,

дочь третьего полночного стража границ Шарана Дай Лан Кут-Каяты и больше ничья, – усмехнулась леди Сотофа.

Принцесса уставилась на нее во все глаза и некоторое время смотрела, не мигая, как будто играла в «гляделки». Уж не знаю, что она там в итоге высмотрела, но поднялась с ковра, подошла к леди Сотофе и низко ей поклонилась, сцепив руки на затылке – больше похоже на спортивное упражнение, чем на приветственный жест. А та только отмахнулась:

– Да ладно тебе. Я не люблю церемоний. Лучше возьми пирожок – вон тот, треугольный, с вареньем из цветов айоххи^[18], ты такого небось никогда не пробовала. Тебе обязательно надо съесть что-нибудь сладкое, чтобы поднять настроение. Потому что дальше мы его будем только портить, тебе и друг другу. Нелегкий разговор нам предстоит.

Накормить всех ужином – это была такая простая и своевременная идея, что даже удивительно, почему никто из нас сам до нее не додумался. Ну, предположим, я – еще ладно бы, живу как во сне, какой с меня спрос; у принцессы роковая любовь, девушкам в таком состоянии обычно не до еды. Но Джуффин с Шурфом, бывалые, опытные колдуны, можно сказать, в Хумгат без бутерброда с ветчиной не выходят – они-то могли мне напомнить, что еще не ужинали. Ну или хотя бы потребовать заменить давным-давно опустевшую бутылку из-под укумбийского бомборокки, одиноко стоявшую на столе, такой же, но полной. Однако и этих двоих с какого-то перепугу вдруг обуял несвойственный им аскетизм.

Хвала леди Сотофе, после первого же куса ее пирога моя жизнь исполнилась старого доброго высшего смысла. Ну и голова наконец заработала. Она у меня в общем вполне ничего, если не забывать ее регулярно кормить.

– Объясни по-человечески, что за жуть творится? – спросил я Джуффина. – Кто такие эти «пожиратели» и почему они здесь шастают, если, как ты говоришь, их нет? Пока мне понятно только, что я – огородное пугало с ужасающим лицом злодея. Ладно, договорились, с этим знанием вполне можно жить. Но все остальное...

– Все остальное совершенно чудовищно. В первую очередь, потому, что излагалось невнятно и непоследовательно, – подхватил сэр Шурф. – Лакуны в ваших объяснениях оставляют моему уму слишком много свободы, а ваше необычное поведение и угрожающие намеки побуждают его изобретать все более мрачные версии. Боюсь, самая страшная правда не сравнится с тем, что я уже успел предположить.

– Ты, что ли, тоже всякие ужасы сочинять умеешь? – удивился я.

– Тот факт, что на твоей памяти я большую часть времени оставался довольно сдержанным человеком, вовсе не означает, будто я начисто лишен воображения, – пожал плечами мой друг. – Можешь сказать мне спасибо за то, что результаты его работы я обычно держу при себе, а не предлагаю к обсуждению в обмен на твои душераздирающие фантазии.

– Да, уж вместе мы бы, пожалуй, такого напридумывали – полный конец обеда, – согласился я.

– Извините, – кротко ответил шеф Тайного Сыска. – Просто такая уж непростая тема. О Пожирателях трудно рассказывать; я имею в виду, физически трудно – просто в силу их природы. Да и слушать тоже не подарок. Эти хищные твари – концентрация небытия. Даже не обязательно говорить о них вслух, достаточно просто подумать, и в тело проникает доза этого яда – хвала Магистрам, не настолько большая, чтобы убить, но тошнить начинает даже крепких людей вроде меня. В общем, не зря Сотофа нам еду принесла. Уж она-то знает, сколько сил понадобится для предстоящего разговора.

Он вытер вспотевший лоб салфеткой и целиком, не разрезая, отправил в рот отбивную таких фантастических размеров, что кто бы тут вообще о каких-то «пожирателях» говорил.

– А, вот оно что, – задумчиво сказал Шурф. – Это многое объясняет. Я, признаться, был обескуражен не только вашим необычным поведением, но и внезапным ухудшением своего физического состояния в ходе нашей беседы. Немного похоже на то, как иноземные мореходы в своих мемуарах описывают так называемую «морскую болезнь»: головокружение, граничащее с дурнотой. Я не знал, что и думать...

– Ты не думай, а ешь давай, – вмешалась леди Сотофа. – Сразу полегчает. Seriously тебе говорю. Метод проверенный. Когда мне Джуф про эту пакость рассказывал, мы с ним вдвоем съели завтрак, заранее приготовленный моими дежурными для всех женщин Ордена. А насчитывалось нас тогда вместе с послушницами, если память не изменяет, сто двадцать пять человек. Ну, правда, мы оба тогда были моложе, не такие крепкие, как сейчас. А разговор у нас вышел долгий, на целую зимнюю ночь.

– Я, кстати, почему-то нормально себя чувствую, – заметил я. – Нервничаю от всех этих ваших намеков на какую-то неизбежную жуть, но это дело обычное. А в остальном все прекрасно.

– Ну, ты у нас всегда был с причудами, – пожала плечами леди Сотофа. – И хвала Магистрам, что так. Ты еще, как сегодня выяснилось, Пожирателя наяву разглядеть способен, а это дело небывалое: до сих пор

считалось, что Пожирателей можно увидеть только во сне. С юной леди Тапутой в этом смысле все тоже довольно непросто, но с ней будем разбираться потом...

– А как вы со мной будете разбираться? – жалобно пискнула принцесса.

В присутствии леди Сотофы она совсем притихла. Сидела на краешке дивана и дисциплинированно жевала пирожок, судя по кислому выражению лица, без особого удовольствия.

– Придумаем, как тебя защитить, вот и все разбирательство, – сказала ей Сотофа. – Глупо было бы чудом тебя спасти и тут же снова отправить в пасть Пожирателя. Только даже не вздумай сейчас заводить песню, что готова умереть в объятиях возлюбленного! Ты не готова. К полному и окончательному исчезновению в пасти бессмысленного обжоры вообще никто не готов.

Принцесса не стала спорить. Но на ее лице было отчетливо написано: «Говорите, что хотите, а я все равно согласна хоть сто раз подряд умереть, лишь бы с ним».

– Ты пока просто посиди и послушай, – улыбнулась ей леди Сотофа. – И не бойся услышать больше, чем готова узнать. Если в конце концов окажется, что жить с этими знаниями невыносимо, имей в виду, что я могу лишить тебя воспоминаний о сегодняшней ночи, дурное дело нехитрое. Но на твоём месте я бы не стала об этом просить. Знания и опыт – единственные стоящие сокровища, а сокровищами не разбрасываются, даже когда кажется, будто их тяжесть не по плечу.

– Мне уже прямо сейчас так кажется, – вздохнула принцесса. – Но забыть все было бы жалко, ты... вы права. Я же на самом деле всю жизнь о чем-то таком мечтала. О великой любви с кем-нибудь невероятным. И чтобы у меня были тайны, обязательно много тайн! А еще – познакомиться с могущественными волшебниками, такими, как вы. И чтобы эти волшебники сами захотели со мной дружить. И вот все сбылось сегодня, за один вечер. Абсолютно все! Но как-то очень уж через пеньку задницу оно сбылось.

– Могло быть гораздо хуже, – утешил ее Джуффин. – По крайней мере, в этой твоей песьей заднице сидим мы, а не кто попало. И угощаем тебя пирожками вместо того, чтобы превратить в тряпичный мяч и пинать его до утра, как всего какие-то полторы сотни лет назад поступали со своими пленниками подвыпившие могущественные волшебники, желающие весело скоротать ночь.

– Да, вы хорошие, сердечные люди, – серьезно согласилась

принцесса. – Но мне все равно очень грустно. И это нечестно! Вместо того, чтобы радоваться, как славно мы вместе пируем, приходится горевать.

– Так иногда бывает, – кивнула леди Сотофа. – Зато ты осталась жива. Живые люди довольно часто не к месту горюют, особенно пока молодые и глупые. Это нормально, со всеми так.

– Представляешь, три заклинания на нее извел, – пожаловался Джуффин. – От любого из них здоровенный мужик часа два был бы совершенно доволен всем происходящим; впрочем, от последнего аж до утра, не меньше. А ей всего на пару минут хватает.

– Сколько раз я тебе говорила, что настоящей тяжелой жизни ты пока даже не нюхал! – рассмеялась Сотофа. – Думал, шучу? Справиться с горем одной маленькой влюбленной девчонки потрудней, чем голыми руками одолеть сотню этих твоих здоровенных мужиков, будь они хоть трижды великие страдальцы и на всякий случай вооружены до зубов, чтобы никто не помешал горевать. Ничего, пусть сама со своей болью справляется. Это трудно, зато опыт бесценный. Есть ради чего стараться.

Принцесса жалобно шмыгнула носом, но леди Сотофа оставила это робкое возражение без внимания. Сказала Джуффину:

– Не тяни, рассказывай. Все-таки ты о Пожирателях из первых уст знаешь. А я – только от тебя.

Джуффин кивнул и принялся набивать трубку. Но, вопреки своему обыкновению, заговорил прежде, чем ее раскурил.

– Моим учителем магии был Махи Аинти. Сотофа и Макс знакомы с ним лично, а ты, сэр Шурф, столько в свое время от всех нас наслушался, что, можно сказать, тоже почти знаком. Махи был родом не из нашего Мира. Откуда именно, я до сих пор не знаю. На прощание он попросил меня никогда не пытаться прояснить этот вопрос, поскольку чем меньше народу знает о тебе правду, тем ты свободней сам от себя. Я с ним скорее согласен, чем нет, хотя, на мой взгляд, тут есть нюансы: правильно дозированное знание о нас в хороших руках может стать дополнительным источником силы. Но Махи в любом случае видней, что для него лучше, поэтому совать нос в его дела я никогда не стану. Однако сам факт, что он родился в какой-то иной реальности, а к нам попал уже взрослым, опытным магом, вполне очевиден; он и сам не делал из этого великого секрета. Что еще важно знать о Махи Аинти: при всей универсальности его подходов к магии, у него была одна, можно сказать, уникальная специализация. Он очень много знал о разного рода хищных существах, рыщущих на границах между человеческими мирами и, скажем так, всем

остальным. Предполагаю, Махи какое-то время был профессиональным охотником за их головами; вполне возможно, таковым и остался, а все остальные его занятия – просто разные способы отдыхать. Собственно мое ученичество началось с того, что Махи спас мне гораздо больше, чем жизнь. Как это порой случается с очень способными, но ничего не знающими о собственных возможностях и не обученными защищаться магами, я еще в детстве стал жертвой хищной твари, из тех, кто присваивает самую драгоценную часть человеческого сознания. На самом деле мне повезло, тварь попала не из самых опасных, вполне обычный паразит. Но у меня не было шанса ни разобраться с этим самостоятельно, ни даже попросить помощи. Как почти все жертвы хищников, я ничего не знал о случившемся со мной несчастье и был уверен, что все в порядке. Сил маловато – ну, значит, таким уродился, не повезло. Радости нет – а у кого она есть? Все люди примерно так и живут, ничего особенного не чувствуя, просто некоторые зачем-то наловчились притворяться весельчаками. Если бы не Махи, ходить бы мне до конца дней живым мертвецом.

– Да, в юности ты был жутким типом, – согласилась Сотофа. – Девчонкой я часто видела тебя в городе, сразу запомнила, ты был заметный, и очень боялась – иррационально, как дети боятся некоторых чужих людей. А потом, когда я выросла, и ты начал за мной ухаживать, удивлялась: «Как этот красавчик мог показаться страшным чудовищем? Что творилось у меня в голове?» Но с головой все было в порядке: уж что-что, а мертвое от живого и живое от мертвого я всегда могла отличить.

– Именно так, – кивнул Джуффин. – Поскольку я крепко влип в самом начале пути, Махи опасался возможного повторения этой истории и при всяком удобном случае рассказывал мне о разнообразных опасностях, поджидающих неопытных магов. На мой взгляд, он даже несколько перегибал палку. Послушать его, так родиться с незаурядными способностями к магии – все равно что быть горячим пирогом: рано или поздно сожрут. Хотя по моему опыту, такое все же довольно редко случается. Разные опасные твари во Вселенной и правда водятся, а иногда их роль берут на себя вполне обычные люди – я имею в виду, некоторые слишком жадные до чужой силы колдуны. Но все равно я бы не сказал, что их много. И они не на всех подряд кидаются. Жертва, способная оказать серьезное сопротивление, мало кому нужна. Поэтому опасность грозит, в первую очередь, юным, неопытным и доверчивым. И послушным людям, не способным никому слова поперек сказать. И тем, кто не умеет совладать со страхом. И еще тем, кто жаждет любви. Уж что-что, а любовь всякий

хищник готов предложить своей будущей жертве в качестве приманки. Я, собственно, сам так попался. Понимаю, что зная меня, непросто в это поверить, но я тогда был совсем несмышленным ребенком, к тому же, довольно заброшенным. А дети физически нуждаются в любви, как в еде и тепле. Где найдут, там и возьмут, не разбираясь.

– И в этом смысле некоторые девчонки до старости не взрослеют, – невесело усмехнулась леди Сотофа. – Даже ко мне чуть ли не каждая вторая приходит учиться в надежде, что магия поможет ей в любовных делах. Но ничего, с этим тоже можно справиться. Хотя, пожалуй, потрудней, чем со всем остальным. Ясно тебе? – строго спросила она принцессу.

А та угрюмо буркнула:

– Так нечестно. Вы просто знаешь, что я не могу вас поколотить. Вот и дразнишься.

– Нет, маленькая леди Тапута, – вздохнула Сотофа. – К сожалению, не дразнюсь.

– Благодаря Махи, – продолжил Джуффин, – вышло так, что о хищных тварях, которые охотятся на необученных юных магов и сновидцев, я знаю, пожалуй, больше, чем кто-либо в Соединенном Королевстве. И как с ними следует обходиться, я тоже в курсе. За это Махи, конечно, отдельное спасибо, сделал мне прекрасный подарок. По натуре я все-таки в первую очередь охотник, а потом уже все остальное. А своей натуре следует потакать. Когда в моей повседневной жизни становится слишком мало азарта, я отправляюсь на охоту в Хумгат: и мне удовольствие, и каким-то несчастным польза. Однако на Пожирателей я никогда не охотился. Я вообще в глаза их не видел. К мало-мальски опытному магу Пожиратели близко не подойдут. Впрочем, всем уроженцам нашего Мира, даже самым беспомощным, они не угрожают, спасибо Древним Темным Магистрам, заключившим с ними соответствующий договор. Но как минимум один из Пожирателей этот договор сегодня нарушил. Нам всем крупно повезло, что сэр Макс его напугал. Как я понимаю, самым фактом своего существования, больше вроде нечем было.

– Значит, чудо-дракон, он же змей, который пернатая тьма?.. – начал я.

Джуффин кивнул:

– По всему выходит, ты видел Пожирателя, хотя до сих пор считалось, что их нельзя увидеть наяву. Но Махи именно так их описывал: невыносимая тьма в форме гигантского не то мохнатого, не то пернатого червя, или гусеницы, или змеи. Если у меня и оставались какие-то сомнения, госпожа Тапута их окончательно развеяла. Махи говорил,

Пожиратель всегда окружает свою жертву любовью, целиком соответствующей ее представлениям об идеальной любви.

– И дарит ей несказанное блаженство прежде, чем проглотить, – с неподражаемым сарказмом вставила леди Сотофа.

– Пожиратели похищают неопытных сновидцев... – продолжил Джуффин, но принцесса его перебила.

– Так нет же! – торжествующе воскликнула она. – Не сходится! Я не спала, а просто мечтала. А значит, мой чудесный дракон – просто чудесный дракон, а не этот ваш пожиратель спящих людей. Неважно, кто он, лишь бы вернулся и остался со мной навсегда!

Джуффин и Сотофа посмотрели на нее с таким сочувствием, какого на моей памяти не доставалось от них никому.

– Ты – Дочь Красной пустыни, маленькая леди Тапута, – наконец сказала леди Сотофа. – И сама знаешь, что это означает: ты не такая, как все.

– Да, я – чудесная девочка, – самодовольно подтвердила принцесса. И тут же смущенно добавила: – Папа так говорил.

– И был совершенно прав. Ты – дитя-греза, сама наполовину сновидение. И по ночам иногда исчезаешь из спальни, потому что гуляешь по пространствам своих сновидений вся, целиком. Если там поцарапаешься, наутро проснешься со свежей царапиной, а если поешь, весь день потом будешь сыта. И с некоторыми твоими подружками такое случается, верно? Слуги заранее предупреждены и связаны клятвой никому не говорить ни слова о пустых спальнях на половине ближней свиты великого халифа. Эта ваша чудесная особенность хранится в строжайшей тайне даже от остальных придворных, тем более – от иноземцев. Но я – большая охотница до чужих тайн.

– Все-то вы знаете! – удивилась принцесса. – Да, такое порой бывает со мной и некоторыми другими девчонками. Но сегодня-то я не спала!

– Леди Сотофа считает, что Пожиратель мог перепутать, – объяснил Джуффин. – Он-то смотрит на нас не человеческими глазами и в каком-то смысле видит самую суть. А по сути ты и есть сновидение, по крайней мере, отчасти. Особенно когда замечтаешься, точнее впадешь в особое состояние между бодрствованием и дремой, которое обозначается длинным словом... сэр Шурф, будь любезен, напомним каким.

– Эширейчаушайкаруяшадайя, – меланхолично сказал Шурф. И потянулся за пирогом, словно это титаническое интеллектуальное усилие целиком его истощило.

– Долгое время я не верил в существование Пожирателей, – признался

Джуффин. – Ну то есть как – не верил. Просто очень не хотел, чтобы это оказалось правдой. Из всех тварей, о которых рассказывал Махи, они самые отвратительные. Остальные, по крайней мере, используют краденое для дела. Одни – для дальних полетов через Хумгат на крыльях чужих сознаний, другие – чтобы смотреть глазами жертвы на незнакомую реальность, третьи грезят, проживая чужие несбывшиеся жизни, и так далее; речь сейчас не о них. А Пожиратели, по словам Махи, просто съедают жертву – всю, целиком, не оставляя ни единой искры. Ни малейшего шанса на продолжение пути после смерти, вот что я имею в виду. Удел жертвы Пожирателя – полное небытие. И при этом твари даже не наедаются. Вся жизнь Пожирателя – вечный голод и ничего кроме голода.

– Мертвый ноль, – вставил я.

Шеф угрюмо кивнул.

– Что-то вроде того. Суровые люди математики, если сами до такого додумались. Все мое существо протестует против этой идеи. Я не знаю, зачем Пожиратели вообще есть во Вселенной. Какой в них смысл?

– А просто для разнообразия, – подсказал я. – Не знаю, кто и зачем создавал Вселенную; может, она вообще сама как-нибудь нечаянно завелась. Но если создатель все-таки был, он явно помешан на разнообразии. Вероятно, предполагалось, что, если свалить в кучу все, что удастся придумать, и хорошенько перемешать, в какой-то момент в этой куче как-нибудь самозародится смысл. Ради этого все, собственно, и делалось: дожидаться зарождения смысла и посмотреть, в чем он будет состоять. Так гораздо интересней, чем сочинять его самому.

– Звучит достаточно абсурдно, чтобы быть похожим на правду, – заметил сэр Шурф.

Смена темы его явно приободрила. Но Джуффин не собирался нас щадить.

– Понимаю, что слушать о Пожирателях – невелико удовольствие, – сказал он. – О дурковатом творце Вселенной и поисках смысла куда как веселей говорить. Но я еще не закончил, придется вам потерпеть. Так вот, при всем моем отвращении к этой теме, она меня чрезвычайно занимала. Потому что, с одной стороны, все, о чем рассказывал Махи, рано или поздно оказывалось правдой, включая вещи настолько невероятные, что ничем, кроме абсурдного розыгрыша, я их поначалу считать не мог. Однако сколько я ни расспрашивал о Пожирателях старых опытных магов и ученых книжников, никто никогда о них не слышал. И в книгах не читал, и в секретных рукописях. И даже в кошмарных снах, где им самое место, не

видел. Впору было выдохнуть: «Все-таки Махи выдумал эту пакость», – и выкинуть Пожирателей из головы. Но я не мог не заметить, что от моих расспросов не только мне самому, но и моим собеседникам становится тошно – вот как тебе, сэр Шурф. Это казалось мне косвенным доказательством существования Пожирателей. Не может всех так дружно мутить от того, чего нет. Поэтому, когда судьба свела меня с Древними, я принялся расспрашивать их. Они не горели желанием болтать на эту тему, говорили: «Забудь, не твоя забота, для тебя никаких Пожирателей нет». Но поскольку Древние сами любопытны и очень ценят это качество в других, я их дожал и узнал правду. На самом деле это довольно смешная история. Надеюсь, хотя бы сэр Макс сумеет оценить ее по достоинству, если уж его не тошнит.

– Оценю, если выяснится, что Древние сами сожрали этих твоих Пожирателей, – усмехнулся я. – Такая версия вполне удовлетворила бы мое чувство комического.

– Я всегда говорила, что ты совершенно ужасный! – рассмеялась леди Сотофа. – Ты угадал!

– Это не я ужасный, а жизнь ужасная, – вздохнул я. – Когда настолько глупые шутки оказываются правдой, с реальностью явно что-то не так.

– Ну, по крайней мере, они не всей толпой эту пакость жрали, – утешил меня Джуффин. – Всего один такой герой нашелся. И сожрал, к сожалению, далеко не всех. Вечно у вас, одиноких героев, нелады с аппетитом в самый неподходящий момент.

Он наконец раскурил свою многострадальную трубку, которую все это время вертел в руках, и принялся рассказывать дальше.

– Все присутствующие, кроме юной леди Тапуты, имеют некоторое представление о характере так называемых Темных Магистров, с которых в глубокой древности началась наша Истинная, она же Высшая магия. Ясно, что они разные, как и мы с вами, но все же есть качества, которые можно считать общими для всех: наши Древние – храбрые, веселые люди, они всегда относились к магии, как к захватывающей игре, а к своей жизни – как к единственной стоящей ставке. Люди иного склада в эту компанию попасть попросту не могли, очень уж рискованное было начало: ложишься спать в Сердце Мира, а дальше как повезет – или проснешься магом, или никогда не проснешься, или просто исчезнешь неведомо куда. Поэтому никто из Древних не считал хищных тварей великой проблемой. Эта опасность казалась им чем-то вроде дополнительного входного билета в магию: новичок должен быть или достаточно удачлив, чтобы не встретиться ни с кем из хищников, пока слаб, или достаточно храбр и

упрям, чтобы уцелеть при встрече. Из всей их компании только один Нена, бывший моряк, получивший прозвище Босоногий за вопиющее пренебрежение к сапогам, принимал близко к сердцу опасности, грозящие будущим магам, талантливым сновидцам и просто вдохновенным мечтателям. Такой уж у него был характер, Нена всем сострадал. Самим хищникам, кстати, тоже. Говорил: «Ну что у них за жизнь? Невелика радость воровать крошки с чужих столов». Нена регулярно совершал своего рода обходы границ: проверял, не шастают ли где-то поблизости от общего пространства магических грез и сновидений любители поживиться чужой силой или украсть чужое сознание. Чтобы провести хищников, Нена выпивал глоток крови какого-нибудь слабого, беспомощного существа. Этот простой прием позволяет обмануть практически кого угодно, выдать себя за более слабого или, наоборот, сильного, в зависимости от того, чью кровь пил – не в обыденной жизни, конечно, а на ее изнанке, в Хумгате, на Темной Стороне и в сновидении; меня самого он часто выручал и, не сомневаюсь, еще не раз выручит. Но речь сейчас не о том. Важно, что Нена засыпал, прикинувшись слабым, и все хищные твари, прогуливающиеся в окрестностях нашего Мира, сбегались к нему. Нена умел их приманивать, искусно имитируя одновременно неконтролируемую панику и восторженную готовность пойти за всяким, кто позовет. Ловил, можно сказать, за шкурку, как фермер разыгравшихся котят, но не уничтожал, а пытался воспитывать. Объяснял, что губить людей нехорошо, подробно рассказывал о существовании других способов заполучить силу, не причиняя никому вреда, и отпускал с миром. Сомневаюсь, что хищная тварь способна изменить свою природу, наслушавшись чужих поучений, но таков уж Нена: верит в силу здравого смысла и мудрого слова. Особенно своего.

– Не наговаривай, – улыбнулась леди Сотофа. – Нена умеет быть убедительным. Совершенно не удивлюсь, если он кого-нибудь действительно перевоспитал.

– Все это я рассказываю, – продолжил Джуффин, – только потому, что именно Нена Босоногий первым увидел Пожирателя. Удивился: «Что за хрень такая неведомая?» – ловко его подманил и довольно долго удерживал поблизости, притворяясь беспомощной жертвой, которая вот-вот попадется, а сам внимательно изучал нового знакомого. Постигнув суть Пожирателя, он пришел в ужас. Ну, в общем, было от чего. Даже Нена сразу понял, что вразумлять тут некого – поди договорись с самим воплощением небытия. Вернувшись, он рассказал о Пожирателе остальным. Ему поначалу мало кто поверил, очень уж абсурдно все это

звучало, но желающие проверить, хвала Магистрам, нашлись. И какое-то время спустя наши древние маги были вынуждены признать, что Пожиратели, во-первых, действительно существуют, во-вторых, самим фактом своего бессмысленного голодного небытия оскорбляют их чувство прекрасного, в-третьих, должны быть уничтожены, а в-четвертых, эту пакость ничего не берет. Все попытки расправиться с Пожирателями доставляли тем явное удовольствие и даже некое подобие насыщения – на краткий миг. Видимо, когда уничтожить Пожирателей стараются по-настоящему могущественные маги, их небытие прирастает новым, дополнительным небытием.

– Сам Нена однажды чуть не погиб, увлекшись охотой, – добавила леди Сотофа. – Его каким-то чудом в последний момент отбили, и что вы думаете? Он уже был по уши влюблен! А ведь прекрасно знал, с кем имел дело, и чем всегда заканчивается такая любовь. Все-таки силу обаяния Пожирателей нельзя недооценивать. Несколько дней Нена ходил сам не свой, твердил, что зря его разлучили с любовью всей жизни, за такое счастье умереть не жалко, верните все назад – в точности, как наша юная леди Тапута. Но потом, конечно, пришел в себя.

Пока она говорила, принцесса тихонько похрюкивала, что, вероятно, должно было символизировать жалобные всхлипы. Зато Джуффин, воспользовавшись паузой, успел отправить в рот здоровенный мясной пирог – не целиком, а разломив на три части, но выглядело все равно впечатляюще.

После этого великого деяния шеф заметно приободрился и принялся рассказывать дальше.

– Когда Нена Босоногий чуть не погиб, за дело наконец-то решил взяться Ерги Отшельник. По рассказам, он был удивительным человеком даже на фоне всей остальной компании. Не столько магом, сколько живым воплощением магии. И характер, судя по отзывам, имел соответствующий, то есть совершенно невыносимый. Я-то с ним не знаком: Ерги Отшельник не то умер, не то просто бесследно пропал совсем молодым – по меркам Древних, конечно, – в те давние времена, куда мне нет хода. И вообще никому. Древние сами никогда не возвращаются в прошлое до момента строительства первого Моста Времени и другим не позволяют туда забредать, даже возвели что-то вроде непреодолимой стены, чтобы не создавать опасных парадоксов. Впрочем, это сейчас неважно, просто объясняю, почему не встречался с Ерги Отшельником и вынужден рассказывать о нем с чужих слов.

– Про стену и возможные парадоксы с Мостом Времени совершенно

удивительная информация, – сказал Шурф. – Наверное, самое невероятное из всего, что я слышал. Как жаль, что рассказать больше вы явно не намерены. И никаких упоминаний об этом даже в самых древнейших рукописях, конечно же, нет.

– Разумеется, нет, – усмехнулся Джуффин. – Древние книжек о своих делах не писали; подозреваю, нарочно, чтобы тебя подразнить. Ну и меня с тобой за компанию. Я обо всем этом, к сожалению, тоже пока ничего толком не знаю. Одна надежда, что однажды у нас с тобой будет – вернее, пару сотен тысячелетий назад была – возможность узнать все из первых рук. Благо жизнь долгая, а Мосты Времени все-таки существуют. И иногда по ним становится возможно пройти.

Шурф молча кивнул.

– А что касается Ерги по прозвищу Отшельник, которое он получил, как легко догадаться, за недостаточно компанейский характер, о нем мне рассказывали самые противоречивые вещи. Даже жил он неведомо где: не то в отдаленной лесной пещере, не то в прекрасном заоблачном замке, не то вовсе на Темной Стороне, которую покидал только когда вспоминал, что в заоблачном замке полы не метены, а в пещеру забралось семейство диких оборотней и уже доедает его уникальную коллекцию мармелада из болотных цветов. Говорят, он был бесконечно добрым человеком, «состоящим из одного сердца», и одновременно, невыносимым типом с тяжелым характером, обожающим поступать всем назло; впрочем, это как раз понятно, о любом из нас, я уверен, то же самое скажут, в зависимости от того, при каких обстоятельствах с нами встречались, и кто в какой роли выступал. Но самое удивительное – отношения Ерги с магией. По рассказам очевидцев, он был человеком, для которого не существует невозможного, как тогда выражались, «двигал Мир взмахом ресниц», но при этом предпочитал делать как можно меньше. В идеале вообще ничего. Но на то и идеал, чтобы к нему никогда не приблизиться: время от времени у Ерги Отшельника начинали чесаться руки, и уж тогда только держись. Все с самого начала надеялись, что он сумеет разобраться с Пожирателями, но его об этом не просили, даже не намекали, чтобы не отбить охоту. Ерги Отшельник был из тех людей, которых накормить досыта можно, только попросив ничего не брать со стола.

– Не человек, совершенство, – невольно улыбнулся я. – Решено, с этого дня он мой идеал. Недостижимый, как и положено идеалу. Из меня-то легко веревки вить...

– Это тебе только кажется, – на удивление слаженным хором ответили все трое.

А принцесса, все это время тихо сидевшая в углу дивана с фирменным девчоночьим выражением лица «говорите, что хотите, я все равно вас не слушаю, и вообще сами все дураки», встрепенулась и одарила меня неприязненным взглядом. Видимо, по-прежнему пребывала в уверенности, что я здесь главный злодей, которого по какой-то непостижимой причине терпят все эти добрые люди. Но, может, еще опомнятся и все-таки прибьют.

– Так или иначе, а выбранная стратегия принесла плоды, – продолжил Джуффин. – Ерги Отшельник вышел из своей заоблачной башни и устроил страшный скандал: что творится, почему меня не позвали, как допустили торжество небытия, ну я вам всем сейчас устрою! Но для начала – им. Выпустил пар, потом расспросил всех, кто имел дело с Пожирателями, внимательно выслушал и надолго исчез. Года три его никто не видел. Но и Пожирателей тоже больше никто не встречал, хотя на границу все время ходили, высматривали, подманивали – без толку. Как будто и не было их. А Ерги Отшельник потом объявился, как ни в чем не бывало. Сказал, его все это время тошнило, пришлось на Темной Стороне отлеживаться. Оно и понятно, обожрался небытия. А чему вы удивляетесь? Любого врага следует убивать его же оружием, значит Пожирателей надо сожрать, даже странно, что вы сами не догадались, – и все в таком духе. Сперва думали, он шутит, но оказалось – нет. Ерги Отшельник потом признался, что сумел проглотить всего двух Пожирателей, больше небытия в него не поместилось. Но остальные так испугались, что согласились заключить договор: они никогда не приблизятся ни к одному из людей, рожденных в Море, а Ерги за это больше никого не сожрет. Древних это совершенно устроило: все они тогда были относительно молоды и по уши влюблены в наш Мир, другие реальности вместе с обитателями их не особо интересовали. «Главное, – сказали они мне в заключение, – что для нас этой пакости больше нет. И для вас тоже нет. Забудьте». Но я, разумеется, не забыл. И вернувшись домой, сразу побежал к Сотофе. Рассказал все, что знаю и попросил ее найти способ проверить, правда ли, что для нас Пожирателей как бы вовсе не существует. Никак не мог в это поверить, все-таки с момента договора, заключенного непостижимым для меня образом – как вообще можно договориться с небытием? – столько тысячелетий прошло.

– Когда великий маг заключает договор в свою пользу с явлением, превосходящим человеческое понимание, он своей волей насильственно придает второй стороне такую конфигурацию, которая делает нарушение договора невозможным, – сказала леди Сотофа. – Никакие иные способы договориться с тем, что больше тебя самого, не работают. – И, помолчав,

добавила: – Это, конечно, только сказать легко. Сделать гораздо сложнее. Однако Ерги Отшельнику, судя по всему, удалось. По крайней мере, с тех пор о Пожирателях в Море не было ни слуху, ни духу. А если и были, нам с девочками эти слухи и духи обнаружить не удалось. Но получается, что-то в последнее время изменилось, если они вернулись охотиться в наши края.

– Ну так сновидцы же, – напомнил я. – В последнее время в Море околачивается слишком много сновидцев, которые родились не пойми где. В иных реальностях, я имею в виду. А значит, на них договор не распространяется. Чего бы не поохотиться, когда вокруг столько бесплатной жратвы? А юную леди могли просто перепутать с кем-то из них. О Дочерях Красной пустыни я вчера впервые от вас же услышал, понятия не имею, могут ли они официально считаться людьми, рожденными в нашем Море. Хрен знает, откуда их демоны Красной пустыни берут, может, как раз по иным реальностям сирот собирают? Или просто их таинственное появление не считается настоящим, полноценным рождением? А даже если не так, совершенно не удивлюсь, что Пожиратели могли перепутать. Заранее уверен, что все, кто состоит из небытия, полные дураки.

Я говорил и слышал свой голос словно бы со стороны – такой спокойный, отстраненный, снисходительный, как будто меня интересовало исключительно теоретическое решение задачи, да и то только потому, что больше нечем занять ум. На самом деле мне сейчас хотелось кричать, попутно колотясь головой об стены, просто чтобы немного отвлечься от нового духоподъемного знания о пожирающем неопытных сновидцев небытии. Но я, на свою беду, человек практичный. И уже не раз убеждался, что ни от криков, ни даже от битья об стены никакой хозяйственной пользы обычно почему-то нет.

– Спасибо, – поблагодарил меня Джуффин. – Я хотел сказать примерно то же самое, но не успел сформулировать. Хорошо все-таки, что на тебя не действуют разговоры о Пожирателях. Хоть у кого-то из нас нынче вечером ясная голова.

– Да, на этой теме почему-то трудно сконцентрироваться, – согласился сэр Шурф. – Замутненность ума – крайне неприятное ощущение; я об этом, оказывается, забыл. Уже давно привык считать способность к умственной концентрации своим неотъемлемым качеством, и вдруг...

– Ничего неотъемлемого не бывает, – заметила леди Сотофа. – Все можно утратить, а потом обрести заново. Или не обрести, как пойдет. Тебе ли этого не знать.

– Так это правда? – вдруг спросила принцесса. И, не дожидаясь ответа,

громко выкрикнула, скривившись: – Сама знаю, что правда! Он меня не любил. Он меня обманывал. А сам хотел меня съесть! Презренный неуместный предатель. Грязная задница. Яростный негодяй!

С одной стороны, я ей всем сердцем сочувствовал. А с другой, изумлялся, как быстро она сменила концепцию. Мне самому, окажись я на ее месте, потребовалось бы гораздо больше убедительных доказательств и времени. Возможно, целая жизнь.

Принцесса снова расплакалась, горько, навзрыд. Но сквозь слезы сказала:

– Вы должны научить меня, как его убить. Как этот ваш древний колдун. Что он сделал? Я буду тренироваться, сколько надо, я очень упорная. И тоже так смогу.

– Какая хорошая девочка, – сказал я леди Сотофе. – Всем пример.

Та понимающе рассмеялась:

– А то!

Села рядом с рыдающей принцессой, обняла ее крепко-крепко, сказала:

– Ничего, госпожа Тапута Кут-Каята. Мы заставим нелепого негодяя крепко пожалеть о своем поведении. Придумаем что-нибудь. А сейчас главное, чтобы он не пригрелся тебе раньше времени, пока ты не научилась его убивать.

– Для этого у нас есть отличное лекарство, – усмехнулся Джуффин. – По имени сэр Макс. Благо, его Пожиратель совершенно точно боится. Всего глоток его крови, и Пожиратель даже близко к юной леди не подойдет.

– Какая прекрасная идея! – обрадовался я. – А если юная леди сожрет меня целиком, безопасность ей гарантирована до конца дней.

– Скорее всего, – невозмутимо согласился шеф Тайного Сыска. – Но для начала обойдемся малой кровью, буквально парой капель. Надеюсь, тебе не жалко? Я бы охотно поделился своей, но Пожиратель удрал именно от тебя. В таком деле хочется хоть каких-то гарантий.

– Я должна его укусить? – деловито спросила принцесса.

На радостях она даже реветь перестала. И впервые за весь вечер посмотрела на меня с неподдельной нежностью. Примерно как я сам на Сотофин пирог.

Кусаться ей, хвала Магистрам, никто не позволил, хотя в какой-то момент я всерьез опасался, что общее желание порадовать нашу гостью окажется сильнее здравого смысла. Но обошлось гуманным хирургическим

вмешательством: я просто проткнул палец острым ножом, а принцесса слизнула выступившую кровь и прочувствованно сказала:

– Оказывается, ты тоже хороший человек.

Ничего удивительного. Многие так считают: хороший человек – это тот, кто позволяет другим безнаказанно пить свою кровь.

– А как быть с остальными принцессами? – спросил я Джуффина.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну так они же тоже Дочери Красной пустыни. Или их прямые потомки. А значит, в опасности, разве нет? – Я повернулся к леди Сотофе. – Вы говорили, за последние годы в Ехо три девчонки пропали. Не хотелось бы думать, что по той же причине, но вдруг? Может быть, всех остальных тоже моей кровью напоить? Правда, их там аж двести с чем-то...

– Без меня двести тридцать шесть, – подсказала принцесса. – Но это здесь, в вашем городе. А дома еще тысяча четыреста сорок восемь, если никто не подал в отставку, пока мы в отъезде. А сколько капель крови в одном человеке? Твоей хватит на всех? Иначе нечестно!

Я понял, что крупно влип. Главное, сам же напросился. Никто не тянул меня за язык.

– О тех, кто дома, не беспокойся, – сказал принцессе сэр Джуффин. – В любой другой реальности я не был бы так уверен в их безопасности, но в нашей всех хищных тварей тянет поближе к Сердцу Мира – чуют его силу, она для них как магнит. Уже на окраинах Соединенного Королевства и, тем более, на других материках никакие хищники ни в чьих снах не появляются. Подозреваю, с их точки зрения, ничего, кроме Угуланда, части графства Шимаро и, может быть, Комуадского леса, в Мире вообще нет; в этом смысле они похожи на бабочек, ослепленных светом большого фонаря. А вот ближняя свита, прибывшая с великим халифом, действительно...

Он не договорил, принцесса его перебила.

– Я как-то странно себя чувствую, – сказала она. – Как будто холодно, хотя на самом деле не холодно. И как будто голодная, хотя больше не могу есть... Ой, поняла! Я хочу за тебя подержаться! – удивленно воскликнула она, обернувшись ко мне. – Можно?

Не дожидаясь ответа, принцесса плюхнулась на пол возле моего кресла, обеими руками ухватила меня за ногу и расплылась в довольной улыбке.

– Вот теперь хорошо!

– Чего-то такого я с самого начала и опасалась, – вздохнула леди Сотофа. – То есть не конкретно этого, а просто любых непредсказуемых

последствий. С детьми-грезами никогда заранее не угадаешь, как обернется, а кровью их до сих пор, вроде бы, никто не поил. В Уандуке такое вообще не принято, это мы, угуландцы, простые, грубые люди, и магические приемы у нас соответствующие... Ладно, зато теперь мы знаем, что будет, если Дочь Красной пустыни попробует человеческую кровь.

– И что будет? – мрачно спросил я. – Юная леди теперь всегда должна держаться за мою ногу? До конца наших с ней дней?

– Во-первых, не обязательно именно за ногу, – невозмутимо ответила леди Сотофа. – Уверена, любая часть твоего тела прекрасно подойдет. А во-вторых, обманный эффект выпитой крови обычно длится около дюжины часов. И все остальные сопутствующие изменения, надеюсь, не дольше. Думаю, уже завтра после обеда леди Тапута сможет прекрасно обходиться без тебя.

– Но тогда ей придется снова выпить моей крови, чтобы не остаться без защиты?

– Да, пожалуй, – согласилась Сотофа. – Ну ты и влип, мальчик. Замкнутый круг!

Махнула рукой и расхохоталась. Джуффин тоже ухмыльнулся. Моя последняя надежда на сострадание в лице сэра Шурфа постаралась сдержать улыбку; у него даже, можно сказать, получилось. Почти.

– Вообще не смешно, – укоризненно сказал им я. – Если за меня ухватятся двести тридцать семь девиц одновременно, будет давка. И я – в самом низу. Лично я не знаю ни одного заклинания, позволяющего выжить в таких условиях. А вы?

– Из тех, что мне известны, четыре вполне могут дать нужный эффект, – совершенно серьезно сказал Шурф.

– Ишь, размышлялся, – хмыкнул Джуффин. – Нет уж, сэр Макс, больше никому твоей крови мы не дадим. Если вся ближняя свита великого халифа Мураны Кутай АнАрумы в одночасье уйдет к тебе, это может привести к политическому конфликту.

– Ну и как тогда мы их защитим?

– Хороший вопрос, – вздохнул шеф Тайного Сыска. – Для начала попрошу великого халифа о личной встрече. Надеюсь, мне удастся убедить его, что принцессам угрожает опасность. Если великий халиф действительно попросит свою ближнюю свиту до отъезда из Ехо ни во сне, ни в грезах, ни наяву не откликаться ни на чьи любовные призывы, риск будет сведен к минимуму.

– Да ладно вам. В таких вопросах девчонки не слушают никого.

– Такой хороший, добрый злодей, а рассуждаешь, как глупая песья

задница, – укоризненно сказала мне принцесса. – Как можно не выполнить личную просьбу великого халифа Кутай Ан-Арумы? Если бы он попросил, я бы к этому негодяю-дракону и близко не подошла, даже смотреть в его сторону не стала бы, хотя очень трудно на такую красоту не смотреть. Но просьба великого халифа Кутай Ан-Арумы гораздо важней!

– Вот и я так подумал, – кивнул сэр Джуффин. – Жалко, не сразу сообразил. Извини, госпожа Тапута КутКаята, что подверг тебя столь суровому испытанию.

– Какому испытанию? – удивилась принцесса, покрепче вцепившись в мою ногу. – Мне все очень нравится. Мне хорошо!

– Ладно, – сказал Джуффин. – По крайней мере, юная леди теперь в безопасности. А ты, сэр Макс... ну, в общем, как-нибудь переживешь. Я уже связался с ночным секретарем великого халифа Мураны Кутай Ан-Арумы; аудиенция назначена на полдень. Надеюсь, великий халиф согласится с моими доводами и лично попросит принцесс вести себя предельно осторожно. А прочим шиншийцам, нашим горожанам и всем остальным обитателям Мира Пожиратели, как я понимаю, по-прежнему не грозят. Так что вопрос закрыт.

– Ни хрена себе закрыт! – возмутился я. – А как быть со сновидцами? Их же тут толпы. И все в опасности.

– А сновидцам придется положиться на свою удачу и силу духа, как это было и раньше, – сухо ответил Джуффин. – Ничего не поделаешь, Ерги Отшельник не позаботился о них, когда заключал договор. Его можно понять: в древние времена гости из других реальностей толпами по лесам не бегали. Наш Мир никому не снился, когда был молодым. Справедливости ради, те, кому снятся какие-то другие реальности, находятся ровно в такой же опасности: Пожирателя можно встретить в любом пространстве сновидений. К счастью, вероятность подобной встречи совсем невелика.

Он отвернулся к окну, помолчал и уже совсем другим тоном добавил:

– Я и сам бешусь от бессилия. Не представляешь, насколько бешусь. И не собираюсь всю жизнь сидеть сложа руки. Но вот прямо сейчас у меня нет никаких идей. Глупо было бы морочить вам всем головы, обещая разобраться с Пожирателями буквально на днях. Это, честно говоря, вряд ли.

– Но зачем-то вы нам о них рассказали, – заметил Шурф. – То есть как раз вполне понятно зачем. Мы с вами оба не первый день знакомы с сэром Максом и знаем, что он теперь не успокоится, хоть Кристаллами Смирения с ног до головы его обложи. Рассказать ему о Пожирателях – все равно, что

произнести соответствующее заклинание над мечом из древних легенд, который сам поражает противника, а потом стоять и смотреть, что будет. У вас это обычно неплохо срабатывает, даже когда не должно бы, и я давно зарекся лезть в ваши с Максом дела. Но сейчас – это уже ни в какие ворота. Пойди победи неведомо что неизвестно как, один Древний Магистр однажды сумел непонятным нам способом, а ты что, хуже? Нельзя так.

– Возможно, ты прав, – усмехнулся Джуффин. – Однако, зная меня столько лет, ты мог бы предположить, что на самом деле я рассказал о Пожирателях, чтобы раскрутить Сотофу на такой роскошный ужин. Эта версия гораздо остроумней. И вполне похожа на правду: Сотофа далеко не каждый день соглашается меня кормить.

– Все бы тебе наговаривать и клеветать. Когда это я еды для тебя жалела? – улыбнулась леди Сотофа. Ее безмятежность ничто не могло сокрушить.

– На самом деле... – упрямо продолжил Шурф, но Джуффин его перебил.

– На самом деле я просто играю теми картами, которые сдала мне судьба. Потому что других у меня нет. А отказаться от игры – это не мой выбор. И вообще не выбор, а самообман. Когда в дом пришли разбойники, худшее, что можно сделать, – закрыть глаза и говорить себе, что пока ты их не видишь, их нет. Разбойники, сколько ни жмурься, быстро тебя переубедят. А сдача на этот раз такова: сэр Макс своими глазами увидел неведомо что, по описанию похожее на Пожирателя. И ему же на голову свалилась юная леди Тапута – надеюсь, сэр Шурф, ты не думаешь, будто я сам это подстроил?

– Не думаю, – сухо ответил Шурф.

– Ну и зря, кстати, не думаешь. На будущее имей в виду: я вполне мог бы что-то такое организовать, если бы с утра до ночи беспокоился о Пожирателях и прикидывал, чьими бы руками с ними покончить, раз уж мои слишком коротки. Другое дело, что я о них уже давно не вспоминал. Древние и Сотофа меня, в конце концов, успокоили: нет их, значит нет. Не думать о Пожирателях легко и приятно; к тому же всегда находились дела поважней, чем эта теоретически несуществующая опасность. И тут вдруг – бабах! Макс каким-то до сих пор непонятным мне образом увидел и напугал Пожирателя, ты оказался рядом, вы решили обратиться ко мне за помощью. Что я, по-твоему, должен был делать? Сказать: «Забудьте, чего только не примерещится», – и отправить юную леди назад во дворец, заключив пари с кем-нибудь сведущим вроде Сотофы пропадет она без вести или уцелеет? Да, наверное, так тоже можно. Но это был бы не я.

– Пожалуй, вы правы, – неохотно согласился Шурф. – На вашем месте я бы и сам в конце концов пришел к заключению, что должен рассказать все, что знаю о Пожирателях, всем, кто волей судьбы оказался втянут в эту историю, нравится мне это или нет.

– То-то и оно. Я и сам не в большом восторге, что сэр Макс тут сидел и все это слушал. Будет теперь сходить с ума, что мы всякой ерундой занимаемся, пока его подопечных сновидцев бесконтрольно и безнаказанно жрут. Я его, между прочим, чаще вижу, чем ты. Мне больше этого счастья достанется.

– С другой стороны, все-таки Пожиратель его испугался, – оптимистически заметила леди Сотофа. – Может, не зря? У всех хищных тварей очень хорошее чутье на опасность. Не удивлюсь, если их гибель – сэр Макс.

Все это время я ошеломленно молчал, ощущая себя умирающим, внезапно очнувшимся в самый разгар консилиума приглашенных к его одру врачей. Наконец сказал:

– По-моему, вы все несколько переоцениваете мой героизм. Если снова увижу в небе нечто, напоминающее пернатого змея, я, конечно, постараюсь его шугануть – самым фактом своего существования, больше, похоже, нечем. Но даже не представляю, что еще я могу сделать. Я все-таки не какой-нибудь Древний Темный Магистр.

– Это ты сейчас так говоришь, – отмахнулся сэр Шурф.

Он слишком хорошо меня знает, вот в чем его беда.

– Но, кстати, регулярно внимательно осматривать небо – лучшее, что ты пока можешь сделать, – серьезно сказал Джуффин. – Если уж ты один раз увидел Пожирателя наяву, такое может случиться снова. Только вспомни, пожалуйста: перед тем, как его увидеть, ты ничего из ряда вон выходящего не делал? Даже не обязательно именно делал, может быть, о чем-то необычном вспоминал? Или чего-то хотел? Или просто замечтался?

Я развел руками.

– Вообще ничего необычного. Устал за день, как собака. Поэтому просто лежал и разглядывал облака. Наверное, это можно назвать «замечтался». Но это, честно говоря, мое нормальное состояние, я в нем примерно полжизни провожу.

– То-то и оно, – веско сказала леди Сотофа. А Шурф добавил:

– Особое состояние сознания, подробно описанное в древних кейифайских книгах о так называемой естественной магии Мира и обозначенное термином «эширейчаушайкаруяшадайя», и правда характерно для тебя в большинстве ситуаций, не требующих активных

действий. Ты сам, мне кажется, это вполне осознаешь, поэтому довольно часто говоришь: «Я живу как во сне». А иногда жалуешься, что не можешь до конца поверить в реальность происходящего, отделаться от ощущения, будто твоя жизнь тебе всего лишь мерещится. Я только сейчас сообразил, что дело, похоже, именно в этом. Ты обычно пребываешь на границе между обычным восприятием реальности и грезами и чувствуешь это. Вот и все. Собственно, для мага это довольно удачное устройство: древние обитатели Уандука называли состояние эширейчаушайкаруяшадайя «парадным входом в поток воли Мира» и специально учились его достигать. Для повседневной жизни оно, судя по всему, не слишком удобно; с другой стороны, как-то же ты справляешься. Ну и хорошо.

– То есть выходит, это мое неотъемлемое свойство – видеть Пожирателей? Именно потому, что я живу как во сне, и это не настолько метафора, как я до сих пор думал? Просто раньше Пожирателей поблизости не было, только этот один, как дурак к нам забрел? Ну или до сих пор я не вовремя на небо смотрел? Или не с того места?

– Вот что-что, а место точно не имеет значения, – улыбнулась леди Сотофа. – Не думаешь же ты, что Пожиратели летают над городом, как полицейский патрульный пузырь^[19], туда-сюда? Они – по ту сторону реальности.

– А, – растерянно кивнул я. – Ну да.

– Возможно, дело вообще только в том, что накануне я просила тебя присматривать за шиншийскими девчонками, и ты принял мою просьбу достаточно близко к сердцу, – задумчиво сказала она. – А дальше все пошло как обычно: ты ничего специально не делал, однако первая же попавшая в беду принцесса оказалась под твоей защитой, вернее, ты сам вовремя оказался в пространстве, где ее можно было спасти. Если начистоту, на что-то подобное я и рассчитывала. С тобой всегда получается как-нибудь так.

– При всем уважении к леди Сотофе это всего лишь одна из возможных гипотез, – заметил Джуффин. – Вряд ли будет разумно считать ее единственным правильным объяснением, просто потому что о Пожирателях толком неизвестно вообще ничего. До сих пор никто никогда не видел Пожирателей наяву, Древние тоже только в сновидениях на них охотились, но мало ли что было до сих пор. Поэтому на небо над городом ты, пожалуйста, все равно смотри почаще. Уставшим и бодрым, в разное время суток, в разном настроении, в разных местах. Что бы там ни говорил сэр Шурф, но ты – не заколдованный меч. И я не читал над тобой никаких заклинаний. Поэтому давай договоримся: пока больше ничего делать не

надо. Только наблюдать.

– Боюсь, больше ничего я при всем желании не сделаю.

– Ну и хвала Магистрам, – твердо сказал шеф.

На этой оптимистической ноте Джуффин нас покинул. Принцесса к тому времени мирно спала на ковре, примостив голову на мою многострадальную ногу, которая уже начала затекать. Но пошевелить ею я не решался: жалко девчонку будить.

Леди Сотофа сказала:

– Присмотри за юной леди, сэр Макс. Понимаю, что не о таком развлечении ты всю жизнь мечтал, но ничего не поделаешь. О Пожирателях я пока осведомлена не больше твоего, но точно знаю: ни один хищник не согласится вот так сразу отказаться от жертвы, которая уже была в пасти и каким-то чудом удрала в последний момент. В любой другой ситуации забрала бы леди Тапуту в Иафах, под свою защиту. Но сейчас настолько ни в чем не уверена, что лучше оставить как есть, положившись на милость судьбы, сбросившей девчонку тебе на голову. Авось рядом с тобой будет целей.

– Правда, что ли, ни в чем не уверены? Вы?!

– Правда, правда, – вздохнула леди Сотофа. – А откуда, как ты думаешь, берутся наши самые сокровенные знания? Прорастают из неуверенности и растерянности, с которыми мы не захотели смириться. Просто всякому знанию требуется время, чтобы прорасти.

– Но... – начал было я, сам не зная, что собираюсь сказать. «Вы тут самая главная, вы должны все знать»?

Впрочем, говорить не понадобилось.

– Ладно бы я. Но даже само Сердце Мира явно не знает, как справиться с Пожирателями и остальными хищными тварями, – перебила меня леди Сотофа. – А то бы их здесь никогда не было. Однако они есть. И это нормально. У всякого свой предел возможностей, о человеке ли речь, о целом ли Море. А жизнь в хороших руках становится непрекращающейся чередой попыток выйти за этот предел, удачных и не очень. К чему они приводят, не имеет большого значения. Главное, что мы их предпринимаем. В частности, вот прямо сейчас, – она ослепительно улыбнулась и добавила: – Если твоя гостя проснется в плохом настроении и полезет драться, зови меня, не стесняйся, я быстро вас разниму.

С этими словами леди Сотофа исчезла. А я с заслуживающей лучшего применения ясностью внезапно осознал, что если еще и Шурф сейчас куда-то намылится, вспомнив про заброшенные на несколько часов дела, мне

трындец. Потому что наедине со всем услышанным и спящей принцессой в нагрузку я оставаться пока не готов. Но останавливать его, конечно, не стану. Совесть у меня, к сожалению, есть.

Однако мой друг сказал:

– Я помогу отнести юную леди в спальню. Если ей необходимо за тебя держаться, значит, в твою. Не будешь же ты сидеть до утра в гостиной. Тебе самому не помешало бы поспать.

– Поспать? Сейчас? Со всеми вот этими вот интересными новыми знаниями в голове?! Ты явно переоцениваешь мои возможности.

– Скорее ты недооцениваешь мои. Убедившись, что известные мне усыпляющие заклинания на тебя не особо эффективно воздействуют, я отыскал в библиотеке еще несколько старинных, забытых и, если верить описанию, очень мощных. Так что, можно сказать, вооружен до зубов.

– Наконец-то хотя бы одна хорошая новость. Не представляешь, как я ее ждал.

– Да почему же, как раз вполне представляю, – пожал плечами сэр Шурф и сгреб в охапку принцессу.

В разлуке с моей ногой та, как и следовало ожидать, немедленно проснулась и заверещала:

– Ты куда? Мне без тебя страшно! Не вздумай уходить, Сэромакс!

В принцессином исполнении «сэр» и «Макс» слились воедино, образовав настолько смешное имя, что я не стал ее поправлять. Сказал:

– Да вот он я, тут, никто никуда не уходит, – протянул ей руку, принцесса вцепилась в нее мертвой хваткой, и такой сложносочиненной конструкцией мы проследовали на второй этаж.

* * *

– Отговаривать тебя делать глупости – все равно, что дрова в печь подбрасывать, это я уже давно понял, – сказал сэр Шурф. – Я и не стану. Только хочу напомнить: когда, не подумав, идешь на неоправданный риск, можешь угробить не только сегодняшнего себя, но и того человека, у которого появились бы неплохие шансы справиться с непосильной пока задачей – когда-нибудь, например, через год. Или сотню-другую лет.

Он сидел на полу в изголовье моей кровати, которая, строго говоря, тоже пол, только очень мягкий, на таком особо не посидишь. Но мне пришлось кое-как там устроиться, подперев себя со всех сторон подушками, поскольку снова уснувшую принцессу мы уложили на кровать,

за принцессой вынужденно последовала моя нога, с которой девчонка успела сродниться, а за ногой – весь остальной я. И было у меня опасение, что это еще самое незначительное из грозящих мне в ближайшее время неудобств.

– Насчет будущего человека красиво сказано, – ответил я. – Хотя кто знает, что бы из нас с тобой получилось, если бы прошлые глупые, неумелые мы не рисковали с утра до ночи, как последние дураки? Подозреваю, ничего особенно выдающегося. Но сейчас ты напрасно беспокоишься. Правда. Мне даже немного стыдно в кои-то веки не оправдывать твои наихудшие опасения, но это так. Чтобы делать глупости, надо иметь иллюзии, будто можешь хоть что-нибудь сделать. А таких иллюзий у меня нет.

– Прямо сейчас нет, завтра появятся, – пожал плечами мой друг. – С чем, с чем, а с иллюзиями у тебя на моей памяти никогда не возникало проблем. Ладно, неважно. Я не это хотел сказать. А просто в очередной раз попросить: когда тебе в голову внезапно придет какая-нибудь идея, обсуди ее со мной. Даю слово, я не буду останавливать тебя силой. И ни в одном из Орденских подвалов, откуда ни Темным путем, ни даже на Темную Сторону нет выхода, не запру – до сих пор же не запер. Хотя знал бы ты, как велико иногда было искушение.

– Ну, в общем, могу представить, – невольно улыбнулся я.

– Я не могу целыми днями ходить за тобой следом, как эта юная леди, – сказал Шурф. – У меня, к сожалению, есть другие дела. Но если тебе понадобится моя помощь или просто еще одна голова, зови, я их отложу. И постараюсь не слишком настойчиво отговаривать тебя от безумных затей. Может быть, чем только Темные Магистры не шутят, вообще слова поперек не скажу.

– И драться не будешь? – усмехнулся я. – И прятать меня в пригоршню? И даже «нелюдимым нелепым засранцем» не назовешь?

– «Нелюдимый, нелепый засранец»? – заинтересованно повторил мой друг. – погоди, это шиншийская юная леди так сказала? Ты уверен? Ничего не перепутал? Как же я мимо ушей пропустил?

– Эту часть ее выступления ты проспал. Кроме нелюдимого нелепого засранца еще была гадюка, укусившая себя в задницу, или что-то вроде того. А уже потом ты пришел. За что, кстати, большое спасибо. Вот смеху было бы, если бы она меня поколотила. А колдовать как-то рука не поднималась, думал, она и так уже заколдована по самое не могу. И вот такого великого героя ты сейчас пытаешься уговорить не делать глупостей. Размечтался. Куда уж мне. Пока вас с Джуффином мутило от разговоров

про Пожирателей, меня тоже мутило – от ужаса, что я своими глазами видел это воплощенное небытие. И заранее страшно подумать, что когда-нибудь снова увижу. А ты говоришь – сражаться. Ну уж нет. Извини.

– Я бы сейчас, пожалуй, обрадовался, если бы знал тебя хоть немного хуже. Но ты всегда так себя ведешь: рассказываешь, как тебе страшно, а сам уже понемногу прикидываешь, за какой хвост это страшное ухватить.

– Ну, предположим, прикидываю, – неохотно согласился я. – Только что-то мне подсказывает, у Пожирателей и хвоста-то не отыщешь. Какой может быть хвост у небытия... Но кстати, слушай! Твои Перчатки Смерти, которые ты носил, пока служил в Тайном Сыске – где они сейчас?

– Лежат в сейфе Джуффина, – пожал плечами мой друг. – Подписав прошение об отставке, я их ему отдал. Но это и правда очень плохая идея. Худшая из всех твоих неудачных идей. И не потому что опасная, скорее наоборот. Перчатки Смерти действуют только наяву. А наяву никаких Пожирателей не существует, если я правильно понял объяснения. Некого испепелять.

– Да, – вздохнул я. – И правда. Ладно, тогда пристрели меня. В смысле усыпи, как грозился. Я сейчас плохой собеседник, мрачный и туповатый. И даже этого достигаю колоссальным усилием воли. На самом деле, мне уже пару часов хочется заорать. Не думаю, что вы с юной леди заслужили такой ночной концерт. Хотя она, конечно, сама виновата. Первая начала.

– Я понимаю твоё желание, – неожиданно согласился сэр Шурф. – Хотя до сих пор никогда не мог взять в толк, какая может быть польза от крика. Но когда хочешь отвлечься от чего-то совершенно невыносимого и собственной неспособности немедленно с этим покончить, видимо, самое то.

– Эй, – встревожился я, – а тебя самого, часом, не пора отговаривать делать глупости?

– Нет, – флегматично ответил мой друг. – Пока, к сожалению, не пора.

* * *

Со сном и сновидениями у меня довольно нелепые отношения. Положа руку на сердце, то же самое можно сказать и обо всех остальных сферах моей жизни, но со сновидениями дела обстоят особенно смешно. С одной стороны, считается, будто я – выдающийся мастер магического сновидения; отчасти это справедливо, потому что добрую половину самых невероятных поступков я совершил именно во сне. С другой стороны,

хорош мастер, который больше всего на свете любит просто по-человечески дрыхнуть без задних ног и при этом не способен обеспечить себе такую возможность по собственному желанию. Пульт управления не у меня. Все, что я могу сделать, – лечь, заснуть и посмотреть, что из этого выйдет. Командую этим парадом не я, а его величество случай. И еще куча народу, кто во что горазд.

Вот и на этот раз я всем сердцем надеялся на несколько часов безмятежного забытья. Можно даже со сновидениями, но какими-нибудь дурацкими, суматошными, неконтролируемыми. И, самое главное, без намека на память о том, что случилось наяву. Как будто вовсе нет никакого «наяву», и никогда не было, зачем оно нам.

Однако не тут-то было. Вместо безмятежного забытья меня ждало абсолютно рабочее сновидение, в ходе которого я, правда, парил в облаках изумительного изумрудно-зеленого цвета, но это приятное занятие, к сожалению, не затмевало мой разум. Напротив, этот неугомонный гад был гораздо ясней, чем наяву. Так что, паря в облаках, я продолжал обдумывать полученную информацию о Пожирателях. Только и счастья, что теперь был не столько растерян, сколько зол.

Рядом со мной в означенных облаках парила леди Меламори Блимм, которую я, надо сказать, давненько не видел. Она уже почти год учится искусству сновидения у арварохских буривухов, и поначалу снилась мне чуть ли не ежедневно, потому что присниться – это теперь единственная возможность повидаться. Но потом в ее жизни начались такие интересные сны, что до меня просто руки не доходят. Ну или крылья, когда Меламори снится, что она сама – буривух. Мне ее временами здорово не хватает, но я не сержусь: сам такой же. Помани меня чем-нибудь новым и интересным, и привет.

Я был рад, что Меламори наконец-то выбрала время мне присниться, и одновременно жалел, что это случилось именно сегодня, когда я настолько не в настроении. Вернее, как раз в настроении. Но в очень плохом.

– Ты сегодня спишь не один! – не поздоровавшись, сказала Меламори. – Оказывается, когда встречаешься во сне, можно учуять чужое физическое присутствие. Вот интересно, с кем?

– С одной шиншийской принцессой, – честно сказал я. – И еще, возможно, с сэром Шурфом. Но это все-таки вряд ли. Думаю, он уже ушел.

– У вас там что, оргия? – восхитилась Меламори. – Ну вы даете! Я думала, вам такое неинтересно.

Все-таки воспитание в старой аристократической семье дает себя знать. В смысле сцены ревности мне не светят, даже если очень для этого

постараюсь, а не как сейчас, спустя рукава. Теоретически это отлично, а на практике бывает немного обидно. Иногда.

– Что-то вроде того, – подтвердил я. Но поскольку в сновидении врать гораздо труднее, чем наяву, признался: – Просто принцесса выпила мою кровь...

– Всю?! – в голосе Меламори звучал неподдельный восторг с оттенком здоровой зависти. Похоже, ее воображение уже рисовало какую-то невиданную доселе оргию, в ходе которой из всех участников фонтанами льется кровь.

Я почувствовал себя распоследним филистером, когда честно сказал:

– Всего несколько капель, чтобы защититься от... скажем так, крайне неприятного сновидения, которое ее преследует, а меня почему-то боится. Старый проверенный способ обмануть по ту сторону практически кого угодно, сэр Джуффин Халли – великий его адепт и пропагандист. Но у этого лекарства оказался неожиданный побочный эффект: юная леди не может без меня обходиться. В смысле, ей все время надо за меня держаться, иначе сразу становится дурно. Поэтому теперь она спит, ухватив меня за ногу. Кстати, если внезапно исчезну, не сердись: ногу она мне знатно отдала, даже во сне это чувствую. Могу проснуться в любой момент.

– Постарайся все-таки не просыпаться, пожалуйста, – попросила Меламори. – Я соскучилась. И умру от любопытства, если не узнаю подробностей. Что у вас происходит?

– Да ничего особенно интересного, – неохотно сказал я, прикладывая немислимые усилия, чтобы не начать рассказывать правду. Но не удержался и добавил: – Вернее, пока просто ни хрена не понятно. Мне и, кажется, вообще никому.

– Так нечестно! – возмутилась Меламори. – У меня и так навязчивая идея, что все самое интересное происходит сейчас без меня. А ты еще и рассказывать не хочешь.

– Потому что сплю. По-моему, нелепое занятие: пересказывать во сне события дня.

– Ничего не нелепое. В большинстве сновидческих школ это обязательное упражнение для начинающих. И даже мои бурибухи, когда я вернулась, первым делом уложили спать и заставили подробно пересказать, как жила все эти годы. Пока не смогла все вспомнить, не просыпаясь, почти ничем больше не занимались.

– Ну так, наверное, им просто интересно, как люди живут.

– Конечно! – согласилась Меламори. – Вот и мне тоже интересно, как вы, люди, живете в своих смешных неудобных огромных гнездах. И какими

глупостями занимаетесь вместо того, чтобы круглосуточно спать.

И тут меня осенило. Кого и расспрашивать о сновидениях, если не буривухов? Они – великие мастера. И неизвестно, какие у них хранятся секреты, потому что это только наши буривухи из Большого Архива вдали от родины и сородичей такие дружелюбные, а арварохские обычно ни о чем не желают говорить с людьми. Мы им нравимся, но не очень. Да и то исключительно издалека. Меламори первая, кому арварохские буривухи предложили у них учиться, так уж ей повезло. И мне тоже – что я с нею знаком.

– Скажи, а буривухи отвечают на твои вопросы? – спросил я. – Или рассказывают тебе только то, что сами сочтут полезным, а об остальном молчат?

– Обычно отвечают. Правда, расспрашивать их можно только во сне. Но у меня сейчас вообще все происходит во сне, даже поесть почти не просыпаюсь с тех пор, как научилась находить в сновидениях подходящую для тела еду.

– Тогда спроси их, что они знают о хищных существах, обитающих в сновидениях и похожих на пернатого змея, сотканного из невыносимой тьмы.

– Что-то мне как-то нехорошо стало, – пожаловалась Меламори. – А ведь было такое отличное настроение! И куда, интересно, подевались наши облака?

Зеленых облаков вокруг и правда больше не было. Вместо того, чтобы свободно парить в небесах, мы сидели на большом сером камне среди таких же серых угрюмых скал. Ну, спасибо хоть не бултыхались в болоте. Снов про болота я очень не люблю.

Меламори явно была не в восторге от перемен.

– Это я за пространством сновидения не уследила, или просто твои пернатые змеи такие... неприятные, что от разговоров о них все испортилось? – спросила она.

– Неприятные – не то слово, – подтвердил я. – Наяву от разговоров от них даже Джуффина мутило. Извини, не подумал, что тебе тоже станет дурно... Ай, кого я хочу обмануть? Если бы и подумал, все равно бы спросил.

– И вы все там теперь в опасности? – не то встревожилась, не то восхитилась Меламори.

– Да не то чтобы. Как я понял, тем, кто родился в Мирах, эти твари не вредят. Но всем остальным – очень даже могут. Например, тем, кто видит нас во сне. Может, буривухи знают, как их уничтожить? Или прогнать

подальше? Ну или просто хоть что-нибудь. Расспроси их, пожалуйста. Ты мне очень поможешь. В знак благодарности могу воздержаться от оргий. Например, на целых три дня.

Хорошо, что я успел ее насмешить прежде, чем проснулся. Что совершенно неудивительно: даже какой-нибудь матерый тубурский Сонный Наездник наверняка подскочил бы как укушенный, если бы его так зверски трясли.

Трясла меня, конечно, принцесса. Для того, чтобы сообщить:

– Я уже проснулась, Сэрмакс! И очень проголодалась. Что будет на завтрак? И когда его подадут?

Сказать, что я рассердился, означало бы здорово приуменьшить проблему. Все равно что бешеный ветер Пустой Земли Йохлимы обозвать безобиднейшим сквозняком. Я не просто рассердился, а стал живым воплощением ярости. Но, надо сказать, довольно разумным и гуманным ее воплощением. То есть никого не убил и даже не превратил в половую тряпку, а просто уменьшил нахалку, спрятал ее в пригоршню, обругал себя последними словами за то, что не догадался сделать это раньше, и снова уснул. Но Меламори во сне больше не увидел. И вообще ничего интересного. Зато более-менее выспался, как с самого начала и хотел.

Проснувшись, я сперва бесконечно долго по моим меркам, то есть секунд пятнадцать пялился в потолок. Под потолком не обнаружилось ни единого пернатого змея; это вселяло бессмысленный утренний оптимизм, обычно совершенно для меня нехарактерный. Потом я добыл из Щели между Мирами чашку кофе, в очередной раз благословив этот магический трюк, словно бы специально придуманный для моего удовольствия. Сделал первый обжигающий горький глоток, и на этом счастье закончилось. Потому что во мне одновременно пробудились память и совесть, а в таком соседстве никакое счастье долго не проживет.

Я вспомнил, что спросонок спрятал принцессу в пригоршню, и у меня волосы встали дыбом при мысли: как там она? Трюк, конечно, совершенно безопасный и даже приятный для тех, с кем его проделывают. Лично мне бы, пожалуй, хотелось, чтобы со мной самым так поступали почаще – еще нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах я так замечательно не отдыхал, как в сладком полузабытии, обычно сопутствующем уменьшению. Но для неподготовленного человека, который ничего не знает о существовании такого магического приема и не готов к неожиданным ощущениям, потрясение может быть очень велико. Ну я и...

– Презренная задница! Угрюмый мерзавец! Непритязательный негодяй! – завопила принцесса после того, как я поспешно вытряхнул ее из пригоршни, вернув обычный размер.

Но за меня при этом держалась очень крепко, обеими руками. Так вцепилась, что потом остались здоровенные синяки.

– Ты меня заколдовал, мятежный вероломный похабник! – яростно выкрикнула она и зарыдала так горько, что я даже не улыбнулся в ответ на «мятежного вероломного похабника», хотя он, безусловно, стоил того.

– Конечно, заколдовал. У нас, угуландских колдунов, принято так поступать, когда нас невовремя будят, – объяснил я и осторожно погладил принцессу по голове. Решил, что это не помешает. Если повезет, может, даже реветь прекратит. А если начнет кусаться, так мне и надо. Заслужил.

Кусаться она, хвала Магистрам, не начала. Но и плакать не перестала. Похоже, юная леди могла предаваться этому занятию бесконечно долго.

С горя я допил кофе и закурил. Потом послал зов сэру Шурфу и сказал: «Непритязательный негодяй и мятежный вероломный похабник. Запиши, пока я не забыл».

Надо же как-то скоротать время, пока вокруг бушует этот невыносимый девчачий рев.

«У тебя все в порядке?» – осторожно поинтересовался мой друг.

«Более чем, как видишь. А что обзывают последними словами, будем честны, это далеко не худшее из того, что может случиться с утра».

Принцесса явно почувствовала, что я как-то слишком уж хорошо провожу время, пока она страдает. И решила исправить эту несправедливость.

– Мне было страшно! – сказала она, не прекращая рыдать. – Ты меня так напугал! Во что ты меня превратил? Но если во что-нибудь... оскорбительное, тогда лучше не говори. Не хочу этого знать.

– Вообще ни во что не превратил, – ответил я. – Просто сделал очень маленькой. Такой, что невооруженным глазом не разглядеть. И спрятал в кулак, вернее, между большим и указательным пальцами. Смотри внимательно, покажу. Вот так.

Девчонка есть девчонка. Демонстративно закрыла глаза ладошкой, но растопырила пальцы так, чтобы можно было подсмотреть, как я показываю фокусы, поочередно уменьшаю и прячу в пригоршню все, до чего удалось дотянуться: подушку, пустую чашку, сапог. На сапоге она окончательно перестала плакать, отняла руку от лица и потребовала: «Давай еще!» Пришлось вставать, потому что до единственного в спальне предмета мебели, большого одежного шкафа, иначе не дотянуться. А чем больше

уменьшаемый предмет, тем сильней произведенный эффект.

– Как ты это делаешь? – восхищенно спросила принцесса. – Научи!

– Ладно, – согласился я. – Смотри внимательно. В этом фокусе самое главное – правильно сделать жест. И при этом представить, как предмет становится крошечной точкой и укладывается между твоими пальцами. Вот здесь. А чтобы вернуть ему нормальный размер и поставить на место, встряхиваем кистью вот так, – завершил я, возвращая шкаф на место. Наградой мне стало восхищенное «ах».

Я повторил фокус со шкафом три раза. На четвертый принцесса спросила: «Вот так?» – и шкаф снова исчез. Но не в моей пригоршне, вот в чем беда.

Я глазам своим не поверил. Не ожидал, что она вот так сходу сумеет провернуть этот трюк. Я сам гораздо дольше ему учился; уж точно не с первой же попытки сумел повторить. А ведь считается, будто я очень способный, все хватаю на лету.

– Похоже, у тебя получилось, – наконец сказал я.

– У меня получилось, – растерянно повторила принцесса. Поднесла свою руку к самому носу и некоторое время изумленно ее рассматривала, восклицая: – У меня в руке шкаф! Я ничего не чувствую, а там шкаф! Страшная мать моя пустыня, целый огромный, тяжеленный шкаф! А как вернуть его на место? Это я не успела запомнить. Покажи!

Общими усилиями мы избавили принцессу от шкафа, а шкаф от принцессы. Правда, он не встал на место, а рухнул плашмя на кровать, но это как раз полная ерунда.

– Ой, как плохо! – огорчилась принцесса. – Я все испортила, да?

– Да ничего ты не испортила, – утешил ее я, водворив шкаф на место. – Видишь, стоит, целый и невредимый. И не зашиб никого. Для первого раза просто отлично вышло. Я тоже все как попало ронял, когда учился, это нормально. Главное, у тебя получилось. Ну ты даешь! – и, спохватившись, поспешно добавил: – Только смотри, с людьми так не вздумай. Это очень опасно для жизни, когда за дело берется новичок. Практически покушение не убийство, такого даже почетной гостье, вроде тебя не простят. Запрут в тюрьме Холоми на долгие годы, а там очень скучно. Вечный выбор: поспать, почитать, или еще поспать.

Насчет опасности для жизни и вероятного тюремного заключения я, конечно, приврал. Но надо было как-то минимизировать угрозу, которая теперь, по моей милости, нависла над жителями столицы Соединенного Королевства. Начиная, собственно, с меня самого.

– Ладно, – серьезно сказала принцесса. – Не буду людей уменьшать.

Но, чур, тогда и ты меня больше не уменьшай! Знаешь, как страшно было? Вроде живая, а вроде уже умерла: ничего сделать нельзя, и никуда уйти не получается. И даже закричать невозможно. Полная беспомощность, и все непонятно. И темно, как в собачьей заднице. Я чуть с ума не сошла.

– Извини, – сказал я. – Мне сейчас самому стыдно. Конечно, нельзя было так с тобой поступать. Это я погорячился спросонок. Просто очень сержусь, когда меня будят. И соображаю при этом неважно. Надо было сразу тебя предупредить, что будить меня ни в коем случае нельзя.

– Я проголодалась, – буркнула принцесса. И, помолчав, добавила: – На самом деле просто не хотела оставаться одна. Мысли всякие в голову лезли про... Ну, обо всем, что случилось. И грустно, и страшно, и злость разбирала, и жалко, что все так вышло. Что я ему поверила и влюбилась, как дура, а он... оно просто хотело меня сожрать. И отомстить ему за это прямо сейчас не получится! И комната незнакомая, чужая, неудобная, слишком большая для спальни, я к таким не привыкла. И ты спишь так крепко, что кажешься мертвым. И совершенно не с кем поговорить. И отойти от тебя нельзя. Я не привыкла быть настолько беспомощной. В жизни никогда ничем не болела, а это даже хуже, чем быть больной.

– Понимаю, – кивнул я. – И всем сердцем сочувствую. Но это сейчас, потому что выспался. А спросонок снова наверняка заколдую, если начнешь будить. Такой уж я страшный человек. Лучше не рисковать.

– Ладно, – вздохнула принцесса. – Если мне придется снова у тебя ночевать, возьму с собой в спальню еду и книжку. А сейчас можно пойти позавтракать? Никаких сил нет терпеть!

* * *

Из всех известных мне способов быстро поднять себе настроение самый безотказный – бессмысленный выпендрейж. Я люблю устраивать балаган, причем способен устроить его практически в любых обстоятельствах. Потому, вероятно, и жив до сих пор. И безумен настолько в меру, что даже намека на запах, говорят, нет.

Так что в полдень я отправился в Дом у Моста в сопровождении шиншийской принцессы, которая крепко держала меня за руку и не намеревалась отходить ни на шаг. Вероятно, именно ее благотворным воздействием объясняется тот удивительный факт, что настроение у меня еще до выхода из дома стало вполне ничего. С учетом всех обстоятельств, оно могло считаться отличным. По крайней мере, я не впал в глухое

отчаяние, как это у меня принято. Наоборот, начал вполне оптимистически думать, что все даже к лучшему. В конце концов, Пожиратели не вчера появились. Они всегда существовали, просто раньше я о них не знал. Зато теперь знаю. А знать всегда лучше, чем не знать.

– По-моему, ты поднимаешь мне настроение, юная леди Тапута, – честно сказал я принцессе.

Она кивнула:

– Наверняка. Я его всем поднимаю. Чем ты хуже других? Может, перестанешь быть похож на злодея, если я подольше с тобой поживу?

– А я что, правда похож? Думал, ты так говоришь, потому что на меня сердишься.

– Я, конечно, сердилась, – призналась принцесса. – Но на злодея ты и правда похож. У великого халифа Кутай Ан Арумы есть любимый военачальник, повелевающий всеми стражами границ с Красной пустыней. Такой красивый, веселый, всегда приезжает с подарками, все говорят, хороший человек. А мне все равно видно, что он злодей каких мало, такого лучше не сердить. Ты на него похож.

– Да, сердить меня совершенно точно не надо, – согласился я. – Но если все-таки очень захочется, лучше делать это вечером, чем с утра. Целее будешь.

– Я уже поняла, что тебя нельзя будить, – нетерпеливо отмахнулась принцесса. – А можно я уменьшу и спрячу вон тот фонарный столб?

– Не стоит. Сама посмотри: он же вкопан в землю. Как, интересно, ты собираешься возвращать его на место? Начни с чего-то попроще.

– Ладно, – разочарованно вздохнула она. – Тогда пусть будет вон тот горшок с белыми цветами.

– Валяй, – согласился я.

Вообще-то идея с горшком мне тоже не нравилась: наверняка расколотит, вытряхивая из пригоршни, а мне потом разбираться с хозяевами загубленного имущества. В смысле вламываться к ним в дом с криком: «Тайный Сыск столицы Соединенного Королевства», – и силой всучивать деньги за нанесенный ущерб. Но нельзя слишком часто говорить «нет» начинающим, если хочешь, чтобы они не утратили интерес к учебе. Или, что гораздо более вероятно, не перестали спрашивать у тебя разрешения.

Справедливости ради, горшок принцесса не разбила, только вернула его не на подоконник, где он стоял, а на тротуар. Но это как раз совсем не беда.

Пока я, воровато оглядываясь, водворял горшок с цветами на место,

принцесса нетерпеливо дергала меня за полу лоохи.

– А вон тот амобилер можно уменьшить? Он большой, но в землю не вкопан!

– Буквально в квартале от Управления Полного Порядка стоит мой амобилер, с ним можешь делать, что хочешь, переживу. А пока потренируйся на чем-нибудь помельче, ладно?

К счастью, принцесса не стала спорить, а с энтузиазмом кивнула и потянула меня к забору, возле которого кто-то оставил пустое ведро.

В итоге дорога в Дом у Моста, обычно отнимающая у меня минут двадцать, заняла у нас два с лишним часа: принцесса желала уменьшать и прятать в пригоршне буквально все, что попадалось ей на глаза. А я старался, чтобы на два-три «ни в коем случае» приходилось хотя бы одно «давай». В результате мой амобилер, с которым я заранее попрощался и даже успел прикинуть, где буду покупать новый, от принцессиних действий совершенно не пострадал. Юная леди Тапута стала настоящим мастером – пока только отдельно взятого трюка, но, елки, всего за одну прогулку! Все бы так.

Нечего и говорить, что все это время мы оставались в центре всеобщего внимания: зеваки высовывались из окон, простодушные школьники застывали столбом, а некоторые прохожие специально переходили улицу, чтобы на нас поглазеть. Я этого не люблю, однако сегодня горожане разглядывали не меня, а мою спутницу. К облику шиншийских гостей у нас пока не привыкли, поэтому ее разноцветные косички и широченные штаны, каким-то чудесным образом не измявшиеся после всех приключений, производили настоящий фурор. В общем, мне даже понравилось: находиться в тени чужой славы куда приятней, чем пожинать плоды собственной. Подумаешь – сэр Макс из Тайного Сыска, эка невидаль. Зато с какой девчонкой по городу идет!

В коридоре Дома у Моста нам навстречу попалась леди Кайрена Умата. Я еще вчера дал себе честное слово, что постараюсь ее щадить, в смысле обойтись без нотаций и даже укоризненных взглядов; в конце концов, Джуффин любит интриги, а значит, она молодец, организовала шефу внеочередное развлечение, тут не ругаться, а спасибо надо сказать. Поэтому здороваясь, постарался вложить в улыбку двойную порцию обычной приветливости. Но леди Кайрену это почему-то не проняло. Сухо кивнула, глядя при этом не на меня, а на принцессу – по-человечески, ее можно понять, у меня-то ни косичек, ни таких роскошных штанов – и отправилась на свою половину Управления.

– Такая прекрасная кудрявая дама! С таким красивым носом! – восхищенно вздохнула принцесса. И обиженно добавила: – А я ей почему-то совсем не понравилась. Как такое может быть?

– Просто эта прекрасная дама с носом – начальница Столичной полиции, – объяснил я. – Наверное, решила, что я арестовал тебя за хулиганство.

– Арестовал за хулиганство? – изумилась принцесса. – Меня?! Это какой же несурзной, смятенной, пышущей жаром задницей неудачливого демона убогой, засаженной сорняками пустыни надо быть, чтобы такое подумать! Я же из ближней свиты великого халифа Кутай Ан Арумы, нас арестовывать нельзя!

– Ну, вообще-то можно, если больших бед натворите. А у нас ходят слухи, что вы – отчаянные хулиганки. Стоит вам получить выходной и отойти подальше от дворца, сразу напиваетесь и устраиваете драки.

– Такое случается, – согласилась принцесса. – Но, во-первых, нечасто и не со всеми; я, например, с незнакомцами на улице всего трижды дралась, и видел бы ты этих незнакомцев! Сам бы с ними сразу подрался, точно тебе говорю. А во-вторых, что такого плохого в драках? Все, что мы делаем, приносит радость. И наши драки тоже веселят людей.

– Веселят, конечно, – подтвердил я. – Но не всех и не всегда. Некоторые люди почему-то не очень любят получать в глаз сразу после завтрака или, например, на закате. Странные такие, правда? Никак им не угодишь. В общем, вся наша полиция во главе с начальницей наслушалась сплетен о том, как вы с подружками обычно проводите время в отпуске, и теперь ждет от вас всевозможных бед.

– Ну надо же, – помрачнела принцесса. – Сплетни какие-то ходят, оказывается. Полиция ждет бед. А я-то думала, нас все очень любят. Ты меня огорчил, Сэрмакс!

– Быть такого не может, – отмахнулся я. – Все, что я делаю, приносит радость, точно тебе говорю.

И показал ей язык. Просто не удержался от искушения. Одно удовольствие дразнить таких вредных девчонок. Даже приятней, чем серьезных зануд.

– Что натворила эта прекрасная юная леди, что аж тебя пришлось вызывать? – спросил Нумминорих. – Или ты просто случайно мимо проходил?

Нумминорих сидел на потолке зала общей работы. Кроме него там не было никого; кабинет сэра Джуффина Халли тоже пустовал, если только

шеф не решил вдруг заделаться невидимкой, чтобы тайно подсматривать, как Нумминорих в полном одиночестве сидит на потолке и курит длинную шиншийскую трубку, которые, как это заведено в столице Соединенного Королевства, вошли в моду примерно четверть часа спустя после прибытия наших гостей, станут считаться признаком дурного вкуса на следующий день после их отъезда, а потом, лет двести спустя, внезапно вернутся и снова всех покорят.

Это было довольно досадно – не мода на шиншийские трубки, а одиночество Нумминориха. Я тут явился такой красивый, в сопровождении шиншийской принцессы, приготовившись рассказывать, что вдохновился примером халифа и тоже решил завести себе ближнюю свиту; правда, пока переманил на службу только одну девчонку, ну да лиха беда начало, пару дюжин быстро небось соберу, а больше мне пока и не надо, я – великий аскет. И где, спрашивается, восхищенная публика? Публика где?!

– Эта юная леди меня поколотила, а потом попыталась выпить всю мою кровь, – сказал я Нумминориху. – А больше, хвала Магистрам, вроде бы ничего не...

Я еще долго мог бы продолжать в том же духе, но принцесса, все это время восхищенно разглядывавшая Нумминориха, меня перебила.

– Как он это сделал? А ты так умеешь? Я тоже хочу!

Ее можно понять. Простые эффектные трюки вроде сидения на потолке словно бы специально созданы для рекламы возможностей Угуландской Очевидной магии среди восторженной молодежи, начиная, собственно, с меня самого. Я в свое время тоже не мог успокоиться, пока не освоил этот прием, хотя особой практической пользы от него нет. Для дела всего пару раз пригодился, да и то вполне можно было обойтись.

– Научите меня, пожалуйста! – умоляла принцесса, поочередно взывая то ко мне, то к Нумминориху. – Я всю жизнь об этом мечтала! Чтобы утром папа вошел в мою комнату, а я такая ему с потолка: «Привет!» На самом деле не обязательно именно папа. Всех хочу удивлять!

Нумминорих, добрая душа, не выдержал ее напора. Спросил меня:

– Ты не против, если я ей покажу?

Ну, в общем, ясно, чем мы все потом занимались. Принцесса так увлеклась, что даже мою руку отпустила. Правда, оказавшись на потолке, тут же взвыла:

– Ой, Сэрмакс, пожалуйста-пожалуйста, иди сюда!

Пришлось сигать за ней туда и обратно. Но не стану врать, будто это причинило мне немыслимые страдания. Скорее наоборот.

Принцесса училась фантастически быстро; по крайней мере, уже через час она объявила, что ужасно устала и хочет полежать, но разлеглась при этом не на ковре и не в кресле, а прямо на потолке. Привычно ухватила за мою ногу и почти сразу уснула, а это уже какой-то запредельный уровень мастерства, лично я спать на потолке не умею. Правда, никогда и не ставил перед собой такую задачу, но сам факт.

– Такая молодец эта юная леди! – уважительно сказал Нумминорих, снова раскуривая трубку. – А она действительно пыталась выпить всю твою кровь?

– Не всю, а только пару капель, – отмахнулся я. – Зато не пыталась, а взяла да и выпила.

– Зачем? – удивился Нумминорих, явно прикидывая, не надо ли и ему.

– Джуффин решил, что это полезно для ее здоровья; потом как-нибудь расскажу... А собственно, где он? Куда вообще все подевались? Что за зловещая пустота?

– Да не особо она зловещая, – возразил Нумминорих. – Я же тут сижу. И Куруш в кабинете. Остальные то ли помогают полицейским, то ли, наоборот, мешают им наломать дров. А сэр Джуффин еще около полудня отправился с визитом к шиншийскому халифу...

– Великому халифу! – сквозь сон пробормотала принцесса.

– Великому, – согласился Нумминорих.

Он вообще на диво покладистый человек.

– И до сих пор там сидит? – изумился я. – С полудня?

– Понятия не имею, там или еще где-то, я же за ним не слежу. Факт, что ушел и не возвращался. Попросил меня подежурить и, если что-то стрясется, прислать ему зов. Но ничего не стряслось, как видишь. Только ты привел юную леди. Но вряд ли это следует считать происшествием, угрожающим безопасности Соединенного Королевства.

– Ты недооцениваешь нас обоих, – невольно улыбнулся я.

– Такое вполне возможно. Просто к тебе я давно привык, а юными леди меня особо не напугаешь. Почему-то с детства их не боюсь. Кстати, совершенно удивительный у нее запах. Жители Уандука и вообще все, у кого в роду были кейифайи, пахнут... ну, условно говоря, медом. Запах и правда похож, сладкий, отчасти даже цветочный. Понятно, что у всех эта медовая нота выражена по-разному, но она непременно присутствует, по ней я могу безошибочно определить, что у человека были кейифайские предки, даже если он сам о них ничего не знает. Но некоторые женщины из ближней свиты шиншийского халифа, включая эту юную леди, пахнут совсем иначе. Никакого намека на сладость, скорее похоже на дым и... еще

что-то, чему нет аналогов. Ничего подобного я раньше не обонял.

Я не стал рассказывать Нумминориху о происхождении Дочерей Красной пустыни, а только сказал:

– Возможно, это как-то связано с их удивительной врожденной способностью успокаивать своего повелителя и вообще всех подряд. Юная леди, кстати, и меня успокоила, хотя большую часть времени вполне безобразно себя вела, как в ее возрасте и положено. Она молодец.

– То-то я смотрю, какой-то ты сегодня подозрительно всем довольный, – кивнул Нумминорих. – Почти как на Темной Стороне.

– Да не то чтобы вот прямо всем, – возразил я. Но не слишком уверенно. Потому что настроение у меня и правда было отличное. Как ни пытался сам себе его отравить размышлениями об ужасных Пожирателях, грозящих ни в чем не повинным сновидцам, пока я тут, развалившись, сижу на потолке и ничего не предпринимаю, эти мрачные мысли почему-то совершенно не влияли на мое настроение. А ведь прежде испортить его могло все что угодно, включая скомканный пересказ недостаточно жизнеутверждающей чужой галлюцинации трехсотлетней давности – например.

– Ого! – сказал сэр Джуффин Халли.

Он внезапно возник на пороге и сразу уставился на потолок, где мы так уютно расположились.

– Ваша работа или юная леди сама справилась? – наконец спросил он.

– Сама! – отрапортовал Нумминорих. – Я только объяснил и показал.

– Она еще и мой любимый грузицкий прием освоила, – добавил я. – Прямо с утра пораньше. Буквально с третьей попытки. Я сам в свое время гораздо дольше учился...

– Разве дольше? – удивился Джуффин. – По-моему, ты тоже все с лету хватал. Но это не отменяет того факта, что юная леди – большая молодец.

– Это ты обо мне говоришь? – сонно переспросила принцесса. – Да, я теперь умею по-вашему колдовать!

Хороший вечер, госпожа Тапута, – вежливо сказал ей Джуффин. – Великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума попросил меня передать тебе привет и подарок. Он знает, что ты попала в беду, рад твоему спасению, счастлив, что мы взяли тебя под защиту и милостиво дарует тебе позволение не появляться на службе до тех пор, пока я не сочту, что тебе больше ничего не грозит.

– Как же это приятно! – обрадовалась принцесса. – Великий халиф Кутай Ан-Арума такой добрый, заботливый человек... – она открыла глаза

и тут же пронзительно заверещала: – Ой, моя страшная мать пустыня! Почему все стало вверх ногами? Помогите! Не хочу так!

– Просто ты уснула на потолке, – напомнил я. – А перед этим сама сюда залезла. И можешь сама же спуститься обратно на пол, как уже много раз проделала. Зачем тебе помогать?

– Ой, правда же! – звонко рассмеялась принцесса. – А я и забыла, что забралась на потолок.

Она одним ловким движением переместилась на пол и тут же недовольно скривилась. Сказала мне:

– Без тебя очень плохо. Скорей иди сюда!

– До сих пор не можешь обходиться без сэра Макса? – нахмурился Джуффин. – Уже столько времени прошло, что пора бы этому закончиться. Или ты еще раз пила его кровь?

– Нет! – хором ответили мы с принцессой.

Я спустился с потолка, девчонка вцепилась в мою руку и тут же заулыбалась:

– Совсем другое дело! – и нетерпеливо спросила Джуффина: – А где мой подарок? Ужасно интересно, что там!

Джуффин вручил ей крошечный сверток, и принцесса тут же принялась разворачивать блестящую не то бумагу, не то ткань. Внутри оказалось что-то вроде конфеты, принцесса сунула ее в рот, проглотила, не прожевав, мечтательно зажмурилась и вдруг произнесла негромко, нараспев, как некоторые поэты читают свои стихи:

– Как солнце, сияя, выходит из-за облаков, как прибрежные камни обнажаются во время отлива, как проступают из тумана знакомые очертания городской стены, так вернешься ты к нам однажды в синеве сумерек, на пороге ночи, сама, как ночь, исполненная немислимых тайн.

На этом месте принцесса умолкла. Мы озадаченно уставились на нее: что это было? Откуда вдруг взялись облака, туманы, отливы и ночи, полные тайн?

– Извините, – наконец сказала принцесса. – Я не очень-то благородно поступила: похвасталась перед вами подарком великого халифа Кутай Ан-Арумы. По правилам этикета, такие послания следует получать в уединении, чтобы остальным, не удостоившимся личного обращения великого халифа, не было обидно. Радость одного человека не должна становиться источником страданий для остальных. Но я не смогла удержаться. Я люблю хвастаться, такой уж родилась.

– Не беда, – утешил ее Джуффин. – Не беспокойся о нас, мы не очень невыносимо страдаем. По крайней мере, я.

– Ну да, ты-то сам провел много времени в обществе великого халифа Кутай Ан-Арумы, – понимающе кивнула принцесса. – Правда, рядом с ним хорошо?

– Так хорошо, что мой короткий деловой визит, как видишь, затянулся до вечера, – покаялся Джуффин. – Просто невозможно было заставить себя встать и уйти.

На этом месте я заподозрил, что шиншийский халиф – завзятый картежник и любитель делать крупные ставки. Иных способов поработить волю шефа Тайного Сыска, насколько мне известно, пока не изобрели.

– Сэр Нумминорих, тебя ждут в Канцелярии Скорой Расправы, – внезапно сказал Джуффин. – Им позарез приспичило определить происхождение одного важного документа, то есть выяснить, откуда именно его прислали; будучи под воздействием чар шиншийского двора, я поленился вникать в суть дела, но обещал любезно предоставить посильную помощь в твоём лице. Ты же сможешь определить это по запаху, я правильно понимаю?

– Если посылку не обработали какими-то специальными зельями, уничтожающими запахи, наверняка смогу, – кивнул Нумминорих.

Судя по выражению лица, его раздирали противоречивые чувства – с одной стороны, на горизонте появилась потенциально увлекательная задача, а с другой, не хотелось покидать нас в такой интересный момент. Но выбора у него не было, послали – иди. В некоторых случаях отсутствие выбора – благо. На мой вкус, одно из самых малопрятных благ.

– Постой, пожалуйста, смирно, госпожа Тапута, – сказал Джуффин принцессе после того, как мы остались одни. – Мне нужно очень внимательно на тебя посмотреть.

– Ты собираешься меня заколдовать? – взволнованно спросила принцесса. И поспешно добавила: – Только, пожалуйста-пожалуйста, ни в коем случае меня не уменьшай!

– Да я и не собирался, – удивился Джуффин. – С чего ты взяла? Зачем мне тебя заколдовывать?

– Затем, что, когда умеешь колдовать, очень трудно от этого воздерживаться, – объяснила принцесса. – Это я уже по себе поняла.

Я невольно содрогнулся. Трудно, значит, воздерживаться от колдовства. Похоже, я выпустил из бутылки джинна. И этот джинн всем нам еще задаст.

Примерно минуту Джуффин разглядывал принцессу с разных сторон и даже тщательно ощупывал, но не её тело, а пространство вокруг него.

Наконец с настораживающей жизнерадостностью объявил:

– У меня есть три новости. Первая – чрезвычайно интересная для теоретиков магии, которых здесь, как назло, нет, вторая просто очень хорошая, а третья, скажем так, довольно забавная. Но только с моей точки зрения, вам обоим вряд ли понравится. Все-таки я не зря посвятил почти половину жизни изучению боевой магии: теперь вы даже объединив усилия, не сможете меня поколотить.

У меня натурально камень с сердца свалился: если Джуффин дразнится, значит, по большому счету, все у нас хорошо. Зато принцесса вызывающе подбоченилась.

– Ну попробовать-то все равно можно, – сказала она.

Мы с Джуффином восхищенно переглянулись. «Отличная девчонка!» – читалось в его глазах. В моих, уверен, тоже. Таково обаяние настоящего боевого духа. Даже когда он – обычная дурь.

Принцесса истолковала наше умиление по-своему.

– Ладно уж, – сказала она, – выкладывай свои новости. Обещаю, что не полезу драться. С тобой – вообще никогда!

– Первая новость заключается в том, что я несколько поторопился, когда велел тебе выпить крови сэра Макса, – признался Джуффин. – Не учел, что в силу твоей чудесной природы ее воздействие может продлиться не несколько часов, а гораздо дольше. Старые угуландские колдуны сейчас бы от зависти полопались: сколько крови друг у друга выпили в надежде обрести дополнительное могущество, но получали только кратковременный эффект.

– А насколько дольше? – настороженно спросил я, хотя, в общем, уже предвидел ответ.

Джуффин, лучезарно улыбнувшись, объявил:

– Если бы не привычка тщательно взвешивать свои слова и, по мере возможности, воздерживаться от излишне драматических формулировок, я бы сейчас сказал, что это навсегда. Зато – и это уже вторая новость – ты, госпожа Тапута, не только до конца жизни защищена от нападения каких бы то ни было хищных тварей, подстерегающих мечтательниц вроде тебя в грезах и сновидениях, но и получила в нагрузку способности сэра Макса. Большая удача! Он – очень могущественный колдун. Поэтому ты так быстро всему учишься... Ну и еще, конечно, потому, что сама по себе тоже молодец и очень стараешься, – дипломатично добавил шеф, но принцесса не обратила внимания на похвалу.

– То есть я теперь могущественная колдунья? – звенящим от волнения голосом переспросила она. – Такая же, как вы?

– Пока еще не совсем такая. Но можешь когда-нибудь стать, если не будешь лениться, – начал было объяснять Джуффин, но принцесса, не дослушав, восторженно завизжала и повисла на его шее. Мою руку, впрочем, не отпустила, так что мне тоже пришлось с ними обниматься, хотя я не то чтобы горел.

– А держаться за меня она тоже до конца жизни будет? – обреченно спросил я Джуффина.

Тут и до принцессы начало доходить.

– Ой, да! Мне что, теперь всегда придется быть рядом с Сэромаксом? – всполошилась она. И поспешно добавила: – Я-то, если что, не против, но он, по-моему, не очень этому рад.

– Тебе и самой быстро надоест постоянно всюду за ним ходить, – сказал Джуффин. – Это только первые пару дней увлекательно, а потом захочется жить своей жизнью. Да хотя бы великого халифа и подружек навестить. А если однажды снова влюбишься по уши, разнообразия ради, не в чудовище, а в нормального человека, что тогда?

– Даже и не подумую! – возмутилась принцесса. – Хватит с меня этих глупостей! Лучше буду учиться вашему колдовству, чем влюбляться. Во-первых, это весело. А во-вторых, точно никто не съест.

Я подумал, что на самом деле еще как могут. Еще недавно ритуальное людоедство считалось в Угуланде вполне надежным способом присвоить силу могущественного противника; колдуны старой школы, собственно, до сих пор с уважением отзываются об этом методе, просто безнаказанно жрать людей закон не велит. К тому же, поди еще поймай и съешь кого-нибудь по-настоящему могущественного, так он тебе и дался. А от более слабых, чем ты сам, никакого проку, хоть до икоты ими обожрись.

Но говорить я, конечно, ничего не стал. Грех это – запугивать новичков. Нет уж, пусть сперва как следует втянется, чтобы назад ходу не было. А потом можно и попугать всласть.

– Слышала бы тебя сейчас Сотофа! – усмехнулся Джуффин. – Она всю жизнь мечтала в первый же день услышать от своей ученицы, что колдовать веселей, чем влюбляться, а повезло почему-то нам с сэром Максом. Вечно так! Но будешь ты влюбляться, или не будешь, все равно нет ничего хорошего в том, чтобы всю жизнь тенью следовать за кем-то другим.

– Ну может быть, – неохотно согласилась принцесса. – Мне пока нравится ходить за Сэромаксом. С ним очень интересно, хоть он у вас и злодей. Но ничего! Со злодеями тоже можно договориться. Даже великий халиф Кутай Ан-Арума с одним злодеем дружит, значит, и я смогу.

– Ты много чего сможешь, – заверил ее Джуффин. – Но первым делом тебе все-таки придется преодолеть свою потребность постоянно быть рядом с сэром Максом. Поначалу будет нелегко. Но ничего, деваться некуда, как-нибудь справишься. Я верю в тебя.

– Хороша колдунья, которую всюду водят за ручку! Как ты себе это представляешь вообще? – добавил я.

– Ну, я же пока не знаю, как у вас все устроено, – рассудительно заметила принцесса. – Может, многих колдунов всюду за руку водят, и ничего?

– Не водят, – твердо ответил Джуффин. – Поверь мне. Я в этом вопросе крупный эксперт.

– А может, просто отрезать ей кусок?..

Я хотел сказать «кусок моей одежды», но шеф не дал мне договорить.

– Отрезать кусок тебя? – восхитился он. – Гениально. Такое даже мне в голову не пришло. И между прочим, совершенно напрасно. При всей абсурдности этой идеи, она вполне может сработать. Кромсать тебя на куски, пожалуй, пока повременим, но, скажем, прядь волос в качестве амулета вполне может помочь.

С этими словами он ухватил меня за волосы, уже изрядно отросшие и связанные в хвост, прическу чрезвычайно немодную, но все же вполне допустимую, особенно если тщательно прятать ее от укоризненных взоров общественности под капюшоном зимнего лоохи, чиркнул ногтем, острым, как нож, и вручил принцессе – хотелось бы сказать «локон», но врать не буду, все-таки клочок. А мне сказал, лучезарно улынувшись:

– Извини, что испортил прическу. Но хуже, чем есть, будем честны, все равно уже некуда. Я имею в виду, к цирюльнику тебе давным-давно пора.

– Спасибо, хоть не ухо, – вздохнул я.

Принцесса тем временем растерянно вертела подарок в руках, явно не понимая, что делать с таким богатством.

– Заплети как-нибудь или просто узлом свяжи, чтобы не разлетелась, и всегда носи при себе, – посоветовал Джуффин. – Лично я бы на твоём месте смастерил бы браслет...

– С чего ты взял, будто я умею делать браслеты? – возмутилась она. – Я – принцесса из ближней свиты великого халифа Кутай Ан-Арумы, а не какой-нибудь ремесленник!

– Дело хозяйское, – пожал плечами шеф. – Не умеешь – не плети. Главное, чтобы ты всегда носила эту прядь волос при себе. С ней тебе будет гораздо легче обходиться без всего остального сэра Макса.

– Ладно, – согласилась принцесса. – Свяжу шнурком и повешу на шею. Буду носить под одеждой, чтобы никто не заметил, а то на смех поднимут. Так поступают с волосами врагов дикие людоеды, я на картинках видела. В детстве я им немножко завидовала, думала, это ужасно весело – быть дикарем. Хотя на самом деле не очень-то. Но это я уже потом поняла.

– Так просто все решается? – обрадовался я. – И теперь я снова свободен?

Джуффин посмотрел на меня с неподдельным сочувствием.

– «Просто» не означает «быстро». В первое время тебе все-таки придется постоянно находиться рядом с леди Тапутой. Амулет ей поможет, но привыкать снова жить без тебя она будет понемножку. Сперва несколько минут, потом полчаса, потом час...

– Ладно, – кивнул я. – Тогда попрошу Абилата придержать мне хорошее место в приюте безумных. Ясно уже, что я окончательно чокнусь буквально на днях, и будет обидно, если меня придется разместить в больничном коридоре. Вернее, нас обоих. Вряд ли юная леди согласится оставить меня в беде. Не с моим счастьем.

– Я тебе правда настолько сильно мешаю, что ты скоро с ума сойдешь? – огорчилась принцесса. – Ты не просто из вредности так говоришь?

Я понял, что перегнул палку. Все-таки девчонка не по своей воле ко мне привязалась. А осознавать себя тяжелой обузой никому не на пользу. Поэтому я сказал:

– Конечно, просто из вредности. Извини. На самом деле ты отличная. И поднимаешь мне настроение. Я рад, что мою кровь выпила именно ты, а не кто-нибудь другой, с кем и полчаса рядом не выдержать. Проблема только в том, что любому человеку иногда надо побыть одному – как минимум в ванной. И в туалете. Не знаю, как у вас в Шиншийском Халифате принято, но лично я – довольно стеснительный злодей.

– У нас можно раздеваться при ком угодно, – заверила меня принцесса. – Никто и внимания не обратит. Но я знаю, что во многих других странах из раздевания почему-то делают великий секрет, поэтому поутру даже не стала проситься в ванную, хотя очень люблю мыться, и ваши большие бассейны мне по душе.

– Ну и отлично, – заключил шеф. – По крайней мере, понятно, с чего начинать тренировки. Можете отправляться домой и принимать ванну, строго по очереди. Имей в виду, госпожа Тапута, это сейчас важнее любого колдовства.

– Почему это важнее? – удивилась принцесса. – Я еще не настолько грязная!

– Потому, что учиться магии, не развивая в себе самообладание и не закаляя волю, дурная затея, – серьезно объяснил Джуффин. – Ничего хорошего из этого не выйдет. Безвольного колдуна, который не умеет держать себя в руках, любой дурак с твердым характером победит.

– У меня очень даже твердый характер! – заявила принцесса. – Вы все еще удивитесь, когда узнаете насколько!

Она отошла от меня на несколько шагов и приняла демонстративно независимую позу: задрала нос и скрестила руки на груди. Постояв так несколько секунд, неуверенно сказала:

– Ну и ничего особенно страшного. Мне, конечно, не очень-то нравится, но вполне могу без тебя обойтись.

Такая молодец. А что потом снова вцепилась в меня мертвой хваткой – ничего не попишешь, дело житейское. Еще неизвестно, как бы на ее месте справлялся я сам.

* * *

Характер у принцессы и правда оказался твердый: благодаря ее исключительному мужеству я провел в ванной почти четверть часа. Впрочем, не могу сказать, что это пошло мне на пользу. Вытирался я, скрежеща зубами от бессильной ярости: Пожиратели! Всюду! Невидимые и неумолимые! Жрут! А мы ничего не можем с ними поделать! И всем сновидцам трюндец!

Однако, воссоединившись с принцессой, я немедленно успокоился. Ну Пожиратели, подумаешь, великое дело. Какой только пакости нет во Вселенной. К тому же мы непременно придумаем, как с ними расправиться. Очень скоро придумаем, может быть, прямо завтра. Не денутся они от нас никуда.

Это безмятежное спокойствие было настолько же приятно, насколько совершенно для меня нехарактерно. Вот тогда я полной мере оценил эффект принцессино присутствия. И впервые подумал, что жалко будет ее отпускать.

– Большая радость находится рядом с тобой, госпожа Тапута Кут-Каята, – сказал я принцессе. – Я рад, что судьба нас свела. Извини, если вел себя по-свински. И наверняка еще не раз буду. Все-таки ты права, я – типичный злодей.

Она просияла, но тут же строго сказала:

– Только не вздумай теперь в меня влюбиться! Вот просто ни в коем случае! А то нам придется сразу поссориться. Я не шутила, когда говорила, что заниматься такими глупостями больше не хочу.

– Ладно, – кивнул я, – договорились. – И, чтобы не разочаровывать ее столь поспешным согласием, добавил: – Я вообще-то как раз прикидывал, а не влюбиться ли в тебя, такую прекрасную, если уж все так удачно сложилось. Но раз ты говоришь нельзя, значит нельзя.

Зато остальные обитатели Мохнатого Дома такого зарока не давали. И влюбились в нашу гостью с первого взгляда, как только она появилась в гостиной. Армстронг и Элла без колебаний забрались ей на колени, Друппи каким-то немыслимым образом ухитрился пристроить на эти же самые колени свою здоровенную башку, а Дримарондо выступил перед ней с прочувствованной речью и покори́л навек: мало кто может противиться обаянию говорящего пса, обильно цитирующего классиков угуландской литературы.

Но больше всех принцессе обрадовалась Базилио, жадная до новых знакомств и впечатлений. К тому же девчонок в некотором смысле объединяло происхождение: обе не столько люди, сколько волшебные иллюзии. Правда, овеществленные и одухотворенные разными способами, в разных магических традициях – но сам факт.

Они об этом пока не знали, но сразу почувствовали родство и едва познакомившись, принялись с энтузиазмом пересказывать друг дружке всю свою непростую девчоночью жизнь, то и дело восклицая: «Да, у меня тоже так бывает!» и обнимаясь от избытка чувств.

Все это было бы просто прекрасно, если бы я мог их оставить и заняться своими делами, но после моего похода в ванную принцесса честно заслужила передышку, в смысле, возможность крепко держаться за меня. Поэтому я поневоле оказался в эпицентре этой счастливой кучи-малы из кошек, собак и без умолку трещащих девчонок, так что даже дотянуться до кружки камры смог только при помощи Малого Заклинания Призыва – она сама ко мне в руки пришла. Опытным путем я выяснил, что ежесекундно рвякая: «Если кто-то толкнет меня под руку, оболью горячим сразу всех!» – вполне можно не только укрепить свою репутацию злодея, но и почти не заляпаться даже в невыносимой обстановке всеобщего согласия и взаимной любви.

– Я, наверное, невовремя? – деревянным голосом спросила леди

Кайрена Умата.

Она стояла на пороге гостиной с большим свертком в руках. И так укоризненно взидала на присутствующих, словно мы все, включая кошек, не сделали уроки и не помыли посуду, но при этом почему-то до сих пор не стоим в углу.

Впрочем, недовольство леди Кайрены можно было понять. Я бы и сам не обрадовался, обнаружив, что человек, к которому я пришел в гости, уже так плотно обложен другими прекрасными существами, что даже на голову ему особо не сядешь: там тоже свободного места нет.

– Наоборот, очень вовремя! – заверил я гостью. – Во-первых, я, сами видите, дома, что само по себе выдающееся событие. А во-вторых, бесконечно вам рад. Это, наверное, не слишком заметно, потому что вот прямо сейчас у меня в носу кошачий хвост, а ко рту угрожающе приближается чей-то рукав...

– Не мой! – хором сказали обе девчонки, одна из которых, по идее, была обучена придворному этикету, а вторая до сих пор являла собой образец деликатности без всякого дополнительного обучения. Но это совершенно не мешало им размахивать широченными рукавами перед самым моим лицом, заботливо созданным природой для совсем иных наслаждений. Например, для поедания пирогов, которых, впрочем, на столе все равно почему-то не было. То ли повара после ночных принцессиных воплей, поразмыслив, сбежали из нашего дома, прихватив с собой весь запас провианта, то ли просто время ужина еще не пришло. Я, честно говоря, до сих пор не знаю, когда в нашем доме наступает это самое время ужина и есть ли оно вообще.

– Я вам больше скажу, – сообщил я леди Кайрене, ловко уворачиваясь от рук и хвостов. – В данный момент вы – моя единственная надежда на спасение. Потому что если в связи с вашим визитом кому-нибудь придет в голову накрыть на стол, возможно, мне тоже что-нибудь перепадет. И тогда я не погибну от истощения в самом расцвете сил. И заодно в цвете лет. И в каком еще цвете обычно погибают герои самых нелепых опер и древних поэм.

– Вряд ли шедевры оперного искусства и образцы старинной литературы допустимо называть нелепыми, – строго сказала леди Кайрена. И, смягчившись, добавила: – Если вы и погибнете от истощения, то вряд ли сегодня. Я испекла для вас торт.

С этими словами она водрузила свой сверток на стол. В гостиной воцарилась звенящая тишина – таково магическое воздействие слова «торт» на собак и девчонок. Кошки к тортам совершенно равнодушны, но

они и не особо шумят.

– Юные леди, – строго сказал я облепившим меня барышням, – вы даже не представляете, какого масштаба событие только что произошло. О тортах леди Кайрены ходят удивительные слухи. Говорят, что, попробовав их, лучшие из поваров впадают в глубокую меланхолию, осознав свое профессиональное несовершенство, зато обычные, несведущие в кулинарном искусстве люди просто теряют сознание от восторга, и все. Самое время выставить вас из-за стола за разнузданное поведение, чтобы избавиться от конкуренции, но я не таков. В смысле ладно уж, оставайтесь. Но, чур, мне – самый большой кусок. Если, конечно, он без яда, потому что кое-кто недавно грозился меня отравить. А у меня куча незаконченных дел, да и жизнь пока, невзирая на ваши совместные усилия, вполне хороша.

– Никакого яда, сэр Макс, – без тени улыбки сказала леди Кайрена. – Это была глупая... даже не угроза, просто реплика в споре. Попытка оставить последнее слово за собой. Мне жаль, если вы приняли мои слова хоть сколько-нибудь всерьез. Я вообще довольно неловко себя чувствую: сколько ни пытаюсь с вами подружиться, получается неудачно, не знаю почему. Наверное, просто плохо вас понимаю. Вот и сегодня зашла без приглашения, запросто, как вы не раз предлагали, и опять получилось некстати, вы заняты, а я...

На этом месте Базилио и принцесса наконец осознали, что на их глазах и отчасти по их вине страдает от недостатка внимания живая трепетная гостья, а на столе при этом стоит принесенный ею и до сих пор не распакованный торт. Опомившись, они вскочили с дивана, роняя кошек, и, не обращая внимания на недовольный мям, кинулись к леди Кайрене, наперебой тараторя, как ей здесь рады; причем Базилио попутно предлагала на выбор все мыслимые и немыслимые напитки, включая мои коллекционные вина из тайника в кабинете, о которых ей, по уму, вообще не положено знать, а принцесса красочно расписывала свои впечатления от мимолетной встречи в коридоре Управления и простодушно признавалась, что даже не надеялась увидеть столь прекрасную, серьезную леди в доме такого отъявленного злодея, как я.

Впрочем, не имеет значения, что именно она говорила. Главное, что под воздействием неотразимых принцессиних чар леди Кайрена Умата постепенно расслабилась, заулыбалась, уселась в предложенное ей кресло, и они все вместе принялись разворачивать торт, а я наконец-то перевел дух. И заодно допил остывшую камру. И даже заметил встревоженный взгляд Дримарондо, в котором иногда посыпается вечно голодная дворняга, не уверенная в человеческом благородстве, и шепнул ему: «Ну естественно,

собакам тоже достанется по куску торта. За кого ты меня принимаешь? Когда это я зажимал еду?»

Принцесса вернулась ко мне через несколько минут. Села рядом, вцепилась в руку несколько крепче, чем следовало бы, гордо сказала:

– Видишь? Я уже подолгу прекрасно без тебя обхожусь.

– Не сказал бы, что так уж подолгу, – усмехнулся я. – Да и не то чтобы вот прямо-таки прекрасно. – И скорчил такую противную по внутренним ощущениям рожу, что пожалел об отсутствии зеркала. Хотел бы я на это поглядеть.

– Умопомрачительный, несомненный, неистовый, затрапезный негодяй, – резюмировала принцесса. И показала мне язык.

И ведь даже не спросишь строго, кто научил ее таким отвратительным манерам. Сам же сегодня и научил.

– Смотрите, как я теперь умею разрезать пироги, – сказала Базилио, простирая руку над тортом. – Один жест, и любой пирог, торт, омлет или каравай – в общем, все что угодно, лишь бы круглое, – разделяется на семнадцать совершенно одинаковых частей. Даже если на аптечных весах взвешивать, ни один кусок не будет больше или меньше остальных, ни на миллиграмм!

– Но почему именно на семнадцать? – спросили мы дружным хором.

– Нас же гораздо меньше, – добавил я.

– Ну так разрезать пироги меня научила леди Тайяра, – объяснила Базилио. – А у нее семнадцать – самое любимое число. Ни на какое другое количество частей пироги этим способом почему-то не делятся; если семнадцать не подходит, лучше резать ножом. Но так гораздо аккуратней получается. По-моему, красота!

– Красота-то красота, но нас здесь сейчас шестеро, – трагически объявил Дримарондо. – Четыре человека и две собаки. Это означает, что почти все присутствующие получают по три куска торта, а кому-то одному третий кусок не достанется.

Для гуманитария он совсем неплохо считает. По крайней мере, быстрее меня.

– Этот обездоленный будет не собакой, а человеком, – твердо сказал я. И примирительно добавил: – Все равно я много сладкого за один присест, хоть стреляй, не сожру.

Положа руку на сердце, в людях я разбираюсь неважно. И настолько не интриган, насколько это вообще возможно для живого мыслящего существа. Однако причина внезапного визита леди Кайрены с тортом была

настолько очевидна, что даже я догадался. И когда она, воспользовавшись Безмолвной речью, сказала: «Сэр Макс, вынуждена признаться, что пришла к вам с просьбой», – я сразу понял, с какой.

«Хотите узнать, как помириться с сэром Джуффином Халли? – прямо спросил я. – Правильный ответ: вообще не надо мириться. Потому что, с его точки зрения, он с вами не ссорился. Просто поговорил в свойственной ему манере. Подробностей вашей беседы я не знаю, но совершенно уверен, что для него вопрос на этом закрыт».

Леди Кайрена помрачнела, но тут же вежливо улыбнулась Базилио, подавшей ей бокал какого-то фиолетового напитка, о существовании которого не только в нашем доме, но и вообще в природе я до сих пор даже не подозревал. Наконец сказала: «На самом деле, я хотела не столько выяснить, как помириться, сколько расспросить вас, как вообще с ним договариваться. Никогда прежде не доводилось работать с такими людьми, как он... и как вы все. По неопытности я уже совершила много ошибок; надеюсь, не роковых. Вы мне поможете, сэр Макс? Объясните, как сотрудничать с сэром Джуффином? Только, если можно, наедине. Не хотелось бы обсуждать нашу работу и лично сэра Джуффина Халли в присутствии юных леди, а Безмолвная речь, на мой вкус, хороша только для коротких бесед».

По этому пункту я был совершенно с нею согласен. Сущее наказание эта Безмолвная речь! Но уединение нам с леди Кайреной пока не светило. Вряд ли принцесса сможет обходиться без меня хотя бы полчаса кряду, ей пока и несколько минут трудно терпеть.

Пришлось сказать как есть: «К сожалению, обстоятельства таковы, что я сейчас не могу отойти от нашей шиншийской гостьи больше, чем на пару минут. Для нее мое отсутствие невыносимо. Так получилось. Это не каприз».

Мое чистосердечное признание шокировало леди Кайрену куда больше, чем я того ожидал. Уж не знаю, поверила она или нет, но уставилась на нас с принцессой, словно впервые увидела. И с такой неприязнью, будто мы только что подожгли ее дом.

«Но можно поговорить прямо здесь, – на всякий случай сказал я. – Мои домашние не болтливы, а шиншийцы считают, что уродиться сплетником – очень плохая, недостойная судьба. А если вы им не доверяете, можно продолжить Безмолвный разговор. Или отложить беседу до того момента, когда мы с юной леди найдем в себе силы надолго расстаться, но этот момент, боюсь, наступит не раньше, чем через дюжину-другую дней...»

Леди Кайрена отвернулась и печально ответила: «Ладно, нет, так нет».

Я возвел глаза к потолку. Вот же беда с этими бывшими придворными! Даже мою простодушную откровенность можно, оказывается, принять за вежливый отказ. Как, интересно, Король в таком окружении до сих пор ума не лишился? Он-то – совершенно нормальный человеческий человек. Правда, большой любитель головоломок. Возможно, это и есть ответ.

«Ну и какой смысл обращаться ко мне за помощью, если вы все равно ни одному моему слову не верите?» – укоризненно спросил я.

«Да почему же, верю, – сказала леди Кайрена. – Верю, что вы не можете даже на полчаса расстаться со своей новой подружкой ради важной беседы; впрочем, важной, разумеется, только для меня. Это вполне понятно».

Я повторно возвел глаза к потолку, прикидывая, что будет, если я сейчас назову леди Кайрену Умату «свирепой неприязательной задницей». Или «неистовой нелюдимо мерзавкой» – например. Не окажется ли это совсем уж черной неблагодарностью по отношению к гостье, чей превосходный торт вот прямо сейчас доедают мои собаки? Или, наоборот, ее рассмешит? Или просто укрепит во мнении, что я – самый обычный псих, которого лучше обходить десятой дорогой? Определенный смысл в этом действительно есть.

Базилио, почуявшая, что за внезапно наступившим молчанием таится что-то неладное, сразу сникла: она любое неладное на дух не переносит.

– Вам с нами неинтересно? – спросила она гостью.

Леди Кайрена сухо ответила:

– Ну что вы, не беспокойтесь. Мне, можно сказать, интересно как никогда.

От необходимости как-то исправлять положение меня избавил сэр Шурф. У него вообще прекрасное чувство времени: не было еще такого, чтобы я пропал пропадом, а он меня не спас. Вот и сейчас прислал зов в самый нужный момент и сказал: «У меня есть полчаса, почти полный кувшин камры и негибкое намерение выпить ее на твоей крыше. А с тобой или без, решай сам».

К моей чести следует сказать, что я не сразу принял простое и приятное решение, а сперва мучительно колебался на протяжении примерно двух с половиной секунд. Для меня это довольно серьезный срок, свидетельствующий о наличии чувства долга и смутных воспоминаний о правилах хорошего тона, которые я когда-то честно пытался изучить. Но, к счастью, этих свирепых противников всегда побеждает мой здравый смысл.

«Поступай, как хочется, и будь что будет», – примерно так он всегда говорит.

– Извините, у меня срочное дело, – сказал я, стараясь придать своей роже соответствующее выражение. То есть не сиять от радости, а озабоченно хмурить хотя бы одну бровь. У левой это почему-то гораздо лучше получается, правая никакого сравнения с ней не выдерживает, сколько ее ни тренируй.

– Если не очень долго, я могу подождать тебя здесь, – сказала принцесса с таким неподдельным отчаянием, словно я уже выпрыгнул в окно и скрылся за углом соседнего дома, оставив ее одну.

– Не очень долго, – подтвердил я. – Всего полчаса. Столько ты без меня однозначно не выдержишь. Зато все остальные – запросто. – И, обращаясь к леди Кайрене, сказал: – Если вы уйдете, не дождавшись меня, разобьете мне сердце. А оно у меня с недавних пор снова всего одно, никак к этому не привыкну. И очень им дорожу.

– Я могу принести отличные головоломки, чтобы вам не было скучно ждать, – оживилась Базилио.

Леди Кайрена вымученно улыбнулась и сказала:

– Это замечательно.

Я предпочел сделать вид, будто верю в ее энтузиазм. Поднялся, взял принцессу за руку, сказал ей:

– Закрой глаза и не открывай, пока я не скажу, что можно.

Решил, если уж Джуффин уверен, будто девчонке достались мои способности, значит Темным путем она запросто пройдет. По крайней мере, стоит попробовать, а то пока мы будем подниматься по лестнице, сэр Шурф всю свою камру выпьет. Он шустрый. К тому же пессимист, каких Мир не видывал. В смысле, зная меня столько лет, вполне способен допустить, что я не приду.

* * *

– Открывай глаза, – сказал я принцессе после того, как мы благополучно оказались на крыше.

– Ого! – удивился Шурф. – Ты привел сюда юную леди Темным путем?

– Это мы где? – спросила принцесса, оглядываясь по сторонам. – На крыше, что ли?

– Как видишь, – ответил я обоим сразу.

– А как мы тут оказались? Мы же только что были в гостиной. И не поднимались по лестнице. Вообще не ходили! Я зажмурилась, ты потянул меня за руку, так дернул, что я едва на ногах удержалась, и все! – затараторила принцесса. – Это что, новое колдовство?

– Именно так, – подтвердил я.

– Довольно неосмотрительно ставить столь смелые эксперименты над юной леди, – укоризненно заметил Шурф.

Я хотел было возразить, что в данном случае эксперименты только на пользу, но не успел. Принцесса наконец опознала старого знакомого, обрадовалась и затрещала, как пулемет.

– Ой, как здорово, что ты пришел! Я соскучилась! Ты такой замечательный! Никогда не забуду, как ты меня вчера утешал. Тогда я думала, что моя жизнь закончилась, и ничего хорошо уже никогда не будет. А сегодня был такой чудесный день! Столько всего интересного успело случиться! Я стала настоящей колдуньей, спала на потолке, познакомилась с говорящей собакой и ела очень смешной, почти совершенно несладкий торт! И теперь понимаю, почему такой хороший человек, как ты дружит с этим злодеем. Я и сама с ним уже дружу.

– Да, это было неизбежно, – совершенно серьезно согласился сэр Шурф. – Всякий, кому не хватило ума убить сэра Макса сразу, в момент знакомства, навек обречен с ним дружить.

– Да ладно тебе, – улыбнулся я. – У меня в гостиной вот прямо сейчас сидит леди, которая вовсе не выглядит обреченной. Скорее наоборот. Впрочем, в гости пока исправно заходит. А сегодня даже торт притащила. Собственного приготовления! Такая молодец.

Эта новость Шурфа совершенно не заинтересовала. Человека, которого кормит главный повар Ордена Семилистника, рассказами о чужих тортах не проймешь. Он протянул мне кружку с камрой, а остатки своей порции великодушно отдал принцессе. Спросил:

– Как у тебя вообще дела?

– Сам видишь как, – ответил я, указывая на принцессу. – Вот мое главное дело на хренову прорву дней. Сегодня выяснилось, что моя кровь пошла юной леди, я бы сказал, несколько чересчур впрок.

– Что ты имеешь в виду?

– Что для леди Тапуты сбылась вековая мечта колдунов старой школы: один глоток чужой крови, и могущество ее обладателя твое навсегда.

– Навсегда? – изумился мой друг. – Не на сутки? Даже не до начала новой луны? Без заклинаний? Без намека на ритуал? До сих пор был уверен, что такой примитивный способ годится исключительно для того,

чтобы обмануть врагов в сновидении. И только на один раз.

– Ничего удивительного. Джуффин, как ты помнишь, тоже был в этом уверен. И даже леди Сотофа особо не сомневалась, что максимум через двенадцать часов эффект пройдет. А получилось – вот так.

– Поэтому я теперь могущественная колдунья! – похвасталась принцесса. – Такая же, как вы все. Осталось только выучить побольше разных чудес, но это как раз легко. Гораздо трудней обходиться без Сэромакса, мне без него сразу становится грустно и холодно, даже если в доме тепло. И еще как будто внутри совершенно пусто, хотя на самом деле там кости и кишки, уж они-то никуда не делись, я точно знаю, без внутренностей долго не проживешь. А Сэромакс и ваш самый главный колдун твердят в один голос, что я должна привыкать справляться сама.

– Сочувствую тебе, госпожа Тапута, – сказал сэр Шурф. – Оказаться в таком положении, должно быть, очень нелегко.

– И не говори! – горячо подтвердила принцесса. – Но ничего, я справлюсь. Сперва даже пробовать не хотела, но потом поняла: так действительно лучше. Потому что Сэромакс в любой момент может надолго запереться в уборной, влюбиться или умереть. И что ж мне тогда, пропадать? Ну уж нет!

– У юной леди железная выдержка, – заметил я. – Сегодня отпустила меня в ванную на целую четверть часа. Я бы сам на ее месте, пожалуй, так долго не вытерпел. А она и бровью не повела.

Одна из самых важных вещей, которым я научился у сэра Джуффина Халли: новичков надо хвалить за всякое достижение, сколь бы мизерным оно ни казалось с высоты твоего опыта. А если уж приходится их ругать, вставлять почаше: «При твоём могуществе это непозволительно» или: «Не ожидал подобного безрассудства от такого умного человека, как ты». В общем, хвалить – первоочередной долг любого учителя, опекуна и просто старшего товарища. Магия любит уверенных в своих силах; впрочем, далеко не только она.

Поэтому я не остановился на достигнутом и добавил:

– Видел бы ты, как быстро она всему учится! После какого-то несчастного часа тренировок спрятала в пригоршню мой амобилер и, самое главное, аккуратно вернула его на место, не повредив. А потом сидела с нами на потолке Управления Полного Порядка. И даже уснув, оттуда не свалилась, а это уже высший пилотаж. Впрочем, я тоже не терял времени зря: усердно постигал тайные знания. И теперь знаю отличное новое оскорбление, специально для тебя наизусть выучил: «Умопомрачительный, несомненный, неистовый, затрапезный негодяй».

– Надо же, ты запомнил! – изумилась принцесса. – Неужели так сильно обиделся? Ты учти, я не всерьез на тебя ругаюсь. Не как на настоящего врага, а просто для смеху.

– То есть на самом деле ты не считаешь меня неистовым затрапезным негодяем? – огорчился я.

– Конечно, нет! – рассмеялась принцесса. – Просто у нас в ближней свите так принято: друг дружку плохими словами дразнить. Для этого даже не обязательно ссориться или спорить. Можно ругаться просто так!

– Правда? – заинтересовался Шурф. – Я несколько раз беседовал с господином Шурани Ум-Учиени о тонкостях придворного этикета, и он утверждал, будто употреблять оскорбления в шутку у вас не принято. Такими вещами, по его мнению, нельзя шутить.

– Ай, – отмахнулась принцесса, – нашел кого слушать! Мастер Шурани хороший, сердечный человек, но шуток совсем не понимает. И никаких новшеств не признает. На самом деле так, как он, ругались... ну, точно даже не знаю. Но очень, очень давно. Великий халиф Кутай Ан-Арума именно за это и ценит мастера Шурани: говорит, его старомодные оскорбления звучат, как цитаты из литературных памятников, услаждают слух и настраивают ум на возвышенный лад. Но ни при дворе, ни, тем более, на городских улицах так уже давно не выражаются.

– Спасибо, – поблагодарил ее Шурф. – Буду иметь это в виду. Всегда знал, что для полного прояснения любого вопроса следует побеседовать с несколькими экспертами, одного, даже самого компетентного мнения не бывает достаточно. А тут почему-то оплошал. И чуть было не стал жертвой ложной концепции, которую сам же и создал, опираясь на недостаточно объективную информацию...

Он бы мог еще долго предаваться интеллектуальному самобичеванию, но принцесса не дала.

– Между прочим, ругаться для смеха мы первыми придумали! – похвасталась она. – То есть не я лично, а другие девчонки из ближней свиты, гораздо раньше, задолго до меня. Причем поначалу говорить вслух любые оскорбления без веского повода – это была только наша высочайшая привилегия, как и право не произносить первое из трех публичных имен великого халифа в знак особой, почти родственной близости. Но теперь эту моду уже все подхватили – я имею в виду, ругаться не всерьез. С именами великого халифа у нас как раз до сих пор очень строго! Если кто-нибудь опустится до такой фамильярности, не имея на то права, у этой нелепой задницы пасынка невзрачного вялого негодяя потом целый день будут слезиться глаза, как у старого больного куфага.

– Потрясающе, – вздохнул Шурф. Лицо его сделалось мечтательным, как это случается всякий раз, когда мой друг припадает к очередному источнику тайных знаний, в том числе совершенно бесполезных. Собственно, по моим наблюдениям, бесполезные окрыляют его больше всего.

Потом принцесса ругалась, как это принято среди ближней свиты шиншийского халифа, среди военных и среди школьников – по понятным причинам, бранная лексика именно этих сообществ была знакома ей лучше всего. Шурф записывал, а я пил камру и наслаждался происходящим. Нет более умиротворяющего зрелища, чем сэр Шурф Лонли-Локли, записывающий чужие ругательства под диктовку. Словно вернулись старые добрые времена.

Не то чтобы новые времена нравились мне меньше старых. Пожалуй, даже наоборот. И ностальгия по прошлому никогда не была мне свойственна – зачем вообще какое-то прошлое, когда есть прекрасное здесь-и-сейчас? Но приступов сентиментальности это почему-то не отменяет. Удивительно все-таки устроен человек.

– Удивительно все-таки устроен человек, – внезапно сказал Шурф, оторвавшись от своих записей. – Может ходить весь день сам не свой, узнав ужасную тайну, не имеющую никакого отношения к нему лично, а потом мгновенно утешиться таким незначительным пустяком, как чужая бранная речь. И самое поразительное, что этот человек – не кто-нибудь, а я сам. До недавнего времени я был уверен, что очень хорошо знаю, чего от себя ожидать. И вдруг обнаруживаю на своем месте незнакомца – на мой взгляд, довольно нелепо устроенного. А кроме него здесь никого больше нет.

– А из-за какой ужасной тайны ты огорчился? – спросила принцесса. – Из-за... – она замялась, даже зажмурилась, но решительно взмахнув кулаком, продолжила: – Из-за чудовища, которое прикинулось прекрасным юношей-драконом, чтобы меня съесть?

Шурф молча кивнул.

– А я о нем даже не вспоминала, представляешь? – призналась принцесса. – Вернее, вспоминала, но только с утра, пока Сэромакс спал, а мне было нечем заняться и вообще здорово не по себе. Но потом случилось столько всего интересного, что стало не до него. А так не годится. Я должна отомстить!

– Я читал, что в Шиншийском Халифате нет обычая лично мстить врагам за оскорбления словом, действием или намерением; такие вопросы

уже несколько тысяч лет решает специальный суд, – оживился Шурф. – На самом деле это не так?

– Так-то оно так. Но я из семьи стража границ, а у военных свои традиции. Зачем бегать по судам, когда у тебя есть меч? Об этом особо не болтают, просто стараются с нами не связываться, поэтому нам обычно некому и не за что мстить. А чудовище, подло притворившееся моим возлюбленным, на суд и не приведешь, оно же волшебное существо. Получается, оно останется безнаказанным, а так нельзя. Все-таки оно совершило страшное, вероломное предательство! За такое даже семи казней мало; хотя за преступления перед честью и совестью у нас вообще никого не казнят. Самое большее, могут рекомендовать наложить на себя руки, но силой заставлять не станут, просто того, кто не последует рекомендации, будут всю жизнь презирать. В старину самых неисправимых негодяев изгоняли в пустыню, но теперь так больше не делают, соблюдая интересы духов Красной пустыни. Никому бы не понравилось, если бы в его дом со всей страны сгоняли всяких ненужных вероломных мерзавцев, а духи пустыни чем хуже? Нечестно им так досаждать.

– Очень разумно с вашей стороны оберегать покой духов Великой Красной пустыни Хмиро, – согласился сэр Шурф.

– Ну так они же самые настоящие злодеи, вроде Сэромакса, – объяснила принцесса. – А покой злодея лучше оберегать, а то потом проблем не оберешься.

– Это точно, – со знанием дела подтвердил мой друг.

– А вот я совсем, ни капельки не злодейка! – пожаловалась принцесса. – Даже драться в детстве не хотела учиться, согласилась только потому, что папа очень просил: он считает, что таким хорошим девочкам, как я, трудно живется, если не умеют вовремя дать кому надо по башке. Драться я в конце концов научилась, а сердиться по-настоящему – нет. Вот и сейчас должна быть в ярости, а не получается. Вчера немножко посердилась, и все, больше не могу. Столько всего разного происходит! И все гораздо интересней, чем испытывать гнев.

– Это только к лучшему, – сказал я. – Мы же пока не знаем, как уничтожить Пожирателя. Даже удастся ли снова его увидеть – большой вопрос. Что толку приходить в ярость, когда ничего не можешь сделать? То еще удовольствие – корчиться от бессильного гнева. Я много раз пробовал, мне не понравилось. Никому бы не пожелал.

– Так удивительно все это от тебя слышать, – усмехнулся сэр Шурф. – Я-то шел сюда в полной уверенности, что мне придется тебя успокаивать – примерно вот такими речами. И заранее сокрушался, что буду недостаточно

убедителен. Потому что я-то как раз испытываю тот самый бессильный гнев, в котором нет никакого практического смысла. Он, конечно, не имеет власти над моим поведением, уж настолько-то я владею собой. Но перестать его испытывать я пока не могу. Вернее, не мог до вашего прихода. Сейчас я снова спокоен и даже отчасти доволен жизнью. Слишком много интересного происходит, чтобы сердиться впустую, юная леди совершенно права.

– Подозреваю, успокоился ты именно под ее влиянием, – заметил я. – Общество леди Тапуты кого хочешь умиротворит. Уж на что я любитель впадать в отчаяние по всякому поводу, а за весь день всего минут десять как следует пострадал – собственно, когда заперся в ванной.

– Да, – согласился мой друг. – Общество юной леди и правда способствует восстановлению душевного равновесия. Именно то, чего тебе всегда не хватало. Впору сокрушаться, что она не кошка и не собака, а человек со свободной волей, и нельзя оставить ее здесь навсегда.

– Совсем навсегда, пожалуй, нельзя, – кивнула принцесса. – Хотя мне очень нравится с Сэрмаксом. И все остальные вокруг такие хорошие, начиная с тебя. И учиться колдовать оказалось так здорово! Но все-таки я состою на службе при дворе великого халифа Кутай Ан-Арумы. И папа будет очень скучать, если я никогда не вернусь. – И помолчав, добавила: – Вообще-то, это я специально заранее себя уговариваю, чтобы не очень огорчаться, когда приключения закончатся, и надо будет возвращаться домой.

– Твои приключения уже никогда не закончатся, куда ни уезжай, – сказал я. – Кто один раз вот так с головой вляпался в магию, считай, навсегда промок.

– Вот сразу видно масштабную личность, – усмехнулся сэр Шурф. – Обычно магию сравнивают с бескрайним бездонным океаном, окунувшись в который или сумеешь отрастить жабры, или утонешь, а для тебя она – просто лужа, в которую можно «вляпаться» и «промокнуть».

– «Бескрайний бездонный океан» – это слишком похоже на правду. Не хочу раньше времени ребенка пугать.

– Сам ты ребенок! – обиделась принцесса. – Я, между прочим, уже почти четыре года состою в ближней свите великого халифа Кутай Ан-Арумы. А детей на придворную службу не берут.

То ли моему другу на этот раз изменило его хваленое чувство времени, то ли он наконец-то достиг наивысшей ступени духовного совершенства, на которой человеку открывается сокровенная суть священной мантры «Ай-Да-Пошли-Они-Все», – но вместо заранее обещанного получаса мы просидели на крыше все полтора. И вернувшись в гостиную, конечно, уже не застали там леди Кайрену Умату, которая давным-давно отчаялась меня дожидаться.

Зато все остальные были на месте и в восхищении: Базилио – от способности леди Кайрены к решению головоломок, собаки – от сладких воспоминаний о честно поделенном торте, а кошки – от неожиданного изобилия приятных человеческих существ. До появления в доме Базилио они вообще были от нас не в восторге, а теперь к ней прибавилась шиншийская принцесса. Да и начальница Столичной полиции, на их взгляд, была вполне ничего. На мой, впрочем, как ни странно, тоже, невзирая на нашу с ней фатальную неспособность друг с другом договориться. А может быть даже отчасти благодаря ей. Я так привык легко находить общий язык со всем, что шевелится, что внезапная череда коммуникативных провалов разбудила во мне что-то вроде азарта. По крайней мере, я думал о леди Кайрене Умате практически весь остаток вечера, запоздало ругал себя, что не выполнил ее просьбу, не поговорил с нею наедине хотя бы четверть часа, уж столько-то принцесса без меня бы спокойно высидела, подобные испытания ей только на пользу – ну и какого черта я так уперся? Просто чтобы рассердить бедную леди Кайрену, которой и так несладко? Но, ради последней ласковой бездны, зачем?!

Даже внезапный визит сэра Джуффина Халли с новенькой, нераспечатанной колодой карт не отвлек меня от этих мыслей – до тех пор, пока я не продул полдюжины партий кряду. Пришлось сконцентрироваться на игре, и тогда леди Кайрена наконец-то вылетела из моей бедной головы, измученной карточными комбинациями, шиншийскими оскорблениями, магическими заклинаниями и традиционными собачьими жалобами на отсутствие ужина – то ли третьего, то ли четвертого по счету, поди уследи.

* * *

Следующие несколько дней промелькнули так незаметно, что, если бы не регулярные перерывы на сон, все как один заполненные теми самыми бестолковыми нерабочими сновидениями, которые кажутся мне наилучшей разновидностью отдыха, я бы считал их одним затянувшимся днем.

Принцесса всюду следовала за мной хвостиком и по-прежнему спала, уложив голову на мои ноги, хотя следует отдать должное ее мужеству и силе дикарского амулета, в ванной я уже мог запереться на целые полчаса. Очевидной магии она училась так легко, что завидки брали: теоретически ей достались не чьи-нибудь, а мои способности, но на практике рядом с ней я чувствовал себя обычным троечником, старательным, но туповатым. Однако виду, конечно, не подавал, напротив, хвастался и задибался, старательно укрепляя свой авторитет теми методами, которые производили на мою гениальную ученицу наиболее убедительное воздействие.

В Дом у Моста я заходил ежедневно, но пользы от меня там было, мягко говоря, немного. Одна бескорыстная радость, да и то не столько от меня самого, сколько от принцессы, которую я с собой приводил. Единственный человек, который не особо нам радовался – леди Кайрена Умата, регулярно попадавшаяся навстречу в коридорах Управления Полного Порядка, как бы специально для того, чтобы обдать укоровизненным холодом и пожелать хорошего дня таким тоном, каким в старину вызывали на дуэли.

Но смотреть на нее все равно было чистое счастье, как на шедевр живописи или архитектуры: все-таки на удивление изящная женщина, даже плотная ткань зимнего лоохи не могла скрыть соблазнительных изгибов ее маленького тела. И пышные рыжие кудри под старомодным тюрбаном, и эти невероятные голубые глазищи в пол-лица. И нос безупречной лепки, хоть на монетах ее профиль вместо Королевского чекань, а потом рыдай, как скупец над каждой горстью, не в силах добровольно расстаться с такой красотой. Пару раз я чуть не предложил леди Кайрене заходить в гости почаще, можно даже без тортов, но вовремя прикусывал язык, понимая, что новый визит в наш бедлам, скорее всего, окончательно превратит прекрасную начальницу Столичной полиции в моего лютого врага. А я все еще надеялся с нею поладить – не сейчас, так когда-нибудь потом, например после отъезда шиншийцев; наверняка к тому времени все наши недоразумения забудутся, как глупый предутренный сон.

По вечерам в Мохнatom Доме постоянно толклись гости: мои коллеги, сокурсники Базилио, студенты Дримарондо, который, уважая стремление своих студентов познакомиться с настоящей шиншийской принцессой, любезно согласился принимать зачеты на дому, ученики леди Тайяры, не спешившие расходиться после занятий, и подружки юной леди Тапуты, при всякой возможности прибегавшие ее навещать. Сэр Кофа Йох мог ликовать: теперь получив выходной, девицы из ближней свиты халифа не разбредались по столичным трактирам в поисках хоть какого-нибудь

завалившего повода для драки, а стекались в мою гостиную, где их поджидали все чудеса Мира в лице говорящей и просто очень большой собак, толстых насупленных кошек, охотно залезавших им на колени, напитков, которые я эффектным жестом ярмарочного фокусника доставал для них из Щели между Мирами, и, чего уж там, симпатичных студентов, готовых на любые безумства ради возможности их поцеловать.

Впрочем, вместо того, чтобы ликовать, Кофа как угорелый носился по городу, я его почти не видел. И Мелифаро совсем пропал, хотя работы у Тайного Сыска сейчас особо не было. Зато она была у Столичной полиции – собственно, как всегда. В отличие от нас, отрывающих задницы от кресел только в случаях исключительной важности, полицейские, занятые повседневной рутинной работой, после всякого успешно завершеного дела почивают на лаврах, самое большее, четверть часа.

Мы и раньше регулярно помогали полиции, но до такого самозабвенного альтруизма даже у меня обычно не доходило. То есть в итоге, леди Кайрена Умата добилась своего: Тайный Сыск взял на себя чуть ли не половину полицейской работы, просто не согласно переписанным по ее разумению служебным инструкциям, а исключительно по сердечной доброте.

В глубине души я немного завидовал Кофе и Мелифаро. Я бы сейчас тоже с превеликим удовольствием как следует поработал на эту голубоглазую красотку. Заодно отдохнул бы от бесконечного праздника, бушевавшего вокруг принцессы и, соответственно, приставленного к ней меня. Я, конечно, мог бы в два счета покончить с весельем в своей гостиной, а принцессу, к примеру, засадить за книжки, чтобы изучала теорию магии и особо не мельтешила, но к сожалению, у меня есть сердце. В отличие от всего остального меня, оно – скандальный сентиментальный дурак, убежденный, что нельзя лишать радости столько народу сразу. А я, по его мнению, могу и потерпеть.

Иногда следовать велению сердца – самый тернистый из путей.

Впрочем, в сложившейся ситуации были определенные преимущества. У меня настолько не оставалось времени и внимания на собственные дела, что о Пожирателях, которые, по идее, должны были бы лишить меня покоя, я почти не вспоминал. А когда все-таки вспоминал, рассудительно говорил себе: вот прямо сейчас, этой дурацкой головой, ошалевшей от бесконечного праздника жизни, я все равно ничего умного не придумаю, нечего и пытаться. Как только девчонка сможет без меня обходиться хотя бы пару часов кряду, тогда и начну думать о Пожирателях. А пока – ну, извини.

Просто представь себе, что узнал бы о них на дюжину дней позже. Или лет, или столетий, или вообще никогда. И жил бы себе спокойно, и Мир стоял бы как миленький, если уж до сих пор не рухнул. Вот и живи спокойно – прямо сейчас.

Все это было чрезвычайно разумно, и при этом настолько на меня не похоже, что я иногда подолгу с интересом смотрелся в зеркало, пытаясь понять, в кого превратился. Но ничего нового там не обнаруживал. Самый обычный сэр Макс, так до сих пор и не выбравшийся к цирюльнику. Хотя в чем-то остался верен себе.

Я, конечно, добросовестно пялился в небо над городом при всякой возможности, то есть каждый раз, когда оказывался на улице. Мог бы от усердия набить несколько дюжин шишек, но принцесса, в придачу ко всем прочим достоинствам, оказалась отличным поводырем и зорко следила, чтобы на моем пути не оказалось ни фонарных столбов, ни стен, ни заборов, ни движущихся амобилеров; в общем, она неоднократно спасала предметы материальной культуры от не в меру рассеянного меня.

По ночам мы с принцессой вылезали на крышу, прихватив с собой бутылку бомборокки и стопку одеял. Зима в этом году выдалась довольно холодная; до заморозков, к счастью, пока не доходило, но ветер ночами дул ледяной.

После глотка крепкого бомборокки лежать на крыше, завернувшись в три одеяла, уставившись в небо, слушать рассказы неутомимой принцессы о детстве, проведенном на границе с Красной пустыней Хмиро, страстно любимых сказках, придворных нравах и их с подружками приключениях, было так приятно, что я совсем не сокрушался об отсутствии среди обложивших небо облаков темной тучи, хоть сколько-нибудь похожей на пернатого змея. Нет Пожирателей – и хорошо. Испугались, ушли, больше никогда не вернутся, – говорил я себе. И не то чтобы врал, просто выдавал желаемое за действительное, каковым оно вполне могло быть.

Иногда к нам присоединялся сэр Шурф, вконец измотанный не то избытком срочной работы, не то внутренней борьбой, но рядом с нами он сразу оттаивал. И мечтательно повторял за принцессой, обращаясь к звездному зимнему небу: «жалкая несусветная задница», «пустоголовая мать трех дюжин нелепых, беспутных мерзавцев», «неубедительный, вычурный негодяй». Небо не обижалось, оно было в курсе, что ругаться можно просто так, в шутку. Слова – это всего лишь слова.

Все это в целом вряд ли можно назвать настоящей идиллией. Но с учетом обстоятельств – вполне. Душевный покой в сочетании с

неподъемным, невыполнимым делом, которое само себя ежедневно откладывает на неопределенное туманное будущее, та еще смесь, не хуже сладкого дыма куманских притонов. И дает, по сути, примерно тот же эффект.

Тем неожиданней было пробуждение. Причем наступило оно во сне; впрочем, с учетом того, как все в моей жизни обычно складывается, это даже не особо смешно.

* * *

Я так привык, что в последнее время мне снится всякая бессмысленная чепуха, не имеющая никакого отношения не только к реальности, но даже к моим представлениям о ней, что, увидев во сне обступивших меня гигантских, ростом, как мне показалось, почти до неба, угольно-черных птиц, угрожающе размахивающих крыльями, я только восхитился их сходством с буривухами и умиленно спросил: «Это кто же такой хороший пришел меня заклевать?» А когда до меня дошло, что это и есть самые настоящие буривухи, просто почему-то черные, и не наши миляги из Большого Архива, а их могущественные арварохские родичи, выдающиеся мастера искусства сновидения, которые вряд ли могут присниться случайно, без определенной цели, был уже поздно. В том смысле поздно, что к тому времени я уже успел добраться до ближайшего ко мне буривуха и фамильярно гладил мягкие пушистые перья, растущие под крылом, тот жмурил от удовольствия полыхающие адским пламенем круглые совиные глаза, а остальные гиганты озадаченно переглядывались, переминаясь с лапы на лапу.

– Что ты за человек такой нелепый? – наконец спросила одна из птиц. – Когда мы насылаем боевое угрожающее сновидение третьей ступени устрашения, нас все боятся! А ты почему нет?

– Извините, пожалуйста, – вежливо сказал я. – Просто я очень люблю буривухов – тех, которые живут у нас в Ехо, вас-то я до сих пор никогда не видел. Наши гораздо меньше ростом, но все равно, буривух он и есть буривух. Невозможно бояться тех, кого любишь, вот в чем проблема. Так-то я вполне себе трус. Очень жаль, что разрушил ваши планы своим невольным бесстрашием. А почему вы решили меня напугать? Леди Меламори, которая у вас учится, рассказала, что испугавшись, я выгляжу очень смешно, и вам захотелось проверить? Тогда вы ничего не потеряли: перепуганным я выгляжу вполне обыкновенно, просто у леди Меламори

довольно своеобразное чувство юмора. Пожалуй даже хуже, чем у меня самого...

– И трещишь, и трещишь без умолку, – недовольно проворчал тот бурибух, чьи перья я гладил. – Ты всегда такой болтливый во сне?

– По-разному бывает, – ответил я. – Смотри, что приснится. Просто вы такие прекрасные, что меня на радостях понесло.

– На радостях! Видите ли, на радостях! Мы, оказывается, прекрасные! Да что ты понимаешь в красоте? Все люди безумны, но ты хуже прочих! Мы не прекрасные! Мы угрожающие! Всякого, кому мы такими приснимся, охватывает неодолимый страх! – возмущенно загомонили бурибухи.

У них были громкие, пронзительные голоса, как у приморских чаек. Как я от этого адского гвалта не проснулся, до сих пор не пойму.

Наконец одна из птиц, до сих пор молчавшая, перебила своих товарищей.

– Он сказал, что любит бурибухов. Тут ничего не поделаешь. Каждый имеет право на любовь. Значит, придется договариваться, не утрущая. Мой эксцентричный прапрадед, друживший с человеческими сновидцами, рассказывал, что некоторые люди вполне способны прислушаться к разумным аргументам. Будем надеяться, этот один из них.

Бурибухи, не прекращая галдеть, дружно взлетели, причем тот, которого я гладил, сперва сердито рявкнул: «А ну, пусти!» – но тут же ласково добавил: «Не печалься, я скоро вернусь, только сон сменю».

Какое-то время я стоял, задрав голову и любовался полетом гигантских птиц, которые не просто заслонили небо, а заполнили собой весь мир. Наконец бурибухи исчезли, и все остальное тоже исчезло, как это порой случается во сне, когда сновидение уже закончилось, а ты почему-то так и не проснулся. И стоишь дурак дураком посреди полного, абсолютного ничего, прикидывая, как лучше: подождать, пока начнется что-нибудь новое, или попробовать проснуться.

На этот раз такого вопроса у меня не было. Если бурибухи обещали вернуться, значит надо ждать. Бурибухи не способны обманывать; кажется, это единственное, в чем люди их превзошли.

Поэтому я терпеливо ждал. И, надо сказать, получил гораздо больше, чем рассчитывал. Новая реальность сновидения родилась у меня на глазах. Сперва в пустоте появились тонкие бесцветные нити, потом они задрожали и стали переплетаться, одновременно обретая цвет, свечение и объем. Я стоял посреди всего этого и смотрел, как из сияющих нитей сплетается видимый мир – вот заблестел серебристый песок у меня под ногами, из него проросла трава, появились кусты, деревья, огромные камни, быстрый

звонящий ручей, по стремительно светлеющему небу медленно поползли облака, а на горизонте вдруг возникла окутанная прозрачной лиловой дымкой горная гряда. Через несколько минут дело было сделано, окружающая реальность выглядела достоверно, как наяву, но я по-прежнему видел пронизывающие ее сияющие нити, связывающие все со всем.

С растущего неподалеку дерева слетел буривах. Он больше не был ни черным, ни даже гигантом, просто очень крупная птица, почти человеческого роста. По рассказам очевидцев, арварохские буривахы примерно такие и есть. А наши, живущие в столице Соединенного Королевства, вдали от родного материка, гораздо мельче, размером с упитанную сову. Мне объясняли, это потому, что у нас их слишком мало; при этом любой буривах из Большого Архива, вернувшись в Арварох и поселившись среди своих, за несколько лет подрастет до обычных размеров. Так уж устроены буривахы: питают друг друга своим присутствием. А орехи, пирожные и прочие лакомства нужны им только для удовольствия и развлечения, физической необходимости в пище у этих удивительных птиц нет.

– Понравилось? – спросил буривах, опустившись на землю рядом со мной.

– Королевский подарок! – подтвердил я.

– Это за то, что ты нас любишь, – объяснила птица. – Надо отвечать благодарностью за любовь.

– Но мы все равно на тебя сердиты, – сказал другой буривах, устраиваясь рядом с первым. – Нельзя нашу девочку обижать!

В таких случаях говорят: «я так и сел». И я действительно сел – в траву. Теперь буривахы, один за другим приземляющиеся на поляне, снова смотрели на меня сверху вниз.

– «Ваша девочка» – это, что ли, Меламори? – наконец спросил я. – Но чем я ее обидел? Тем, что внезапно проснулся во время нашей последней встречи? Ну так меня разбудили. И я ее, между прочим, заранее предупредил, что такое может случиться...

– Кто из вас раньше кого проснулся, что при этом сказал и куда исчез, нам неинтересно, – отрезал ближайший ко мне буривах. – Это ваши человеческие глупости, сами разбирайтесь. Но нельзя пугать молодых, чутких сновидцев, рассказывая им про Пустых!

– Про кого? – опешил я. Но тут же сам догадался: – А, про Пожирателей? Но я вообще-то особо о них не рассказывал, потому что сам почти ни черта не знаю. Только попросил Меламори расспросить вас при

случае, вдруг согласитесь меня научить, как избавиться от этой напасти. Вот и все.

– Ты рассказал девочке, как выглядят Пустые, – укоризненно сказал буривах. – Зачем было в ее сне про пернатых змеев болтать? От этих разговоров наша девочка впала в меланхолию и теперь вместо приятных обучающих сновидений ей снится только печальная серая муть. Меланхолия – страшная напасть для сновидца! Бодрствующий посидит, погрузит, а потом непременно что-нибудь случится и его отвлечет. Такова жалкая участь бодрствующего: он почти целиком зависит от внешних обстоятельств. А сновидец творит реальность сам. Это наше сильное место. Но и самое уязвимое – когда мы грустим, никакие внешние события не отвлекут нас от грусти, потому что внешних событий для нас нет, пока не разбудят. А это совсем не дело – сновидца будить!

Все собравшиеся буривахы сердито загомонили, дружно осуждая дурную манеру будить спящих. В любое другое время я бы охотно присоединился к стихийному митингу в защиту священного права всякого живого существа дрыхнуть, сколько заблагорассудится, но сейчас мне было не до того. Я испугался за Меламори.

– И что теперь? – спросил я. – Она так и будет видеть во сне «серую муть»? Это можно исправить? Я могу чем-то помочь?

– Хорошо, что ты об этом спрашиваешь, – сказал один из буривахов. – Помогать не надо, сами справимся. Мы знаем, что делать! Развеселим нашу девочку, разгоним серую муть, все будет хорошо. Но твоё желание исправить ошибку свидетельствует о раскаянии. Значит, ты хороший, рассудительный человек, и мы сможем договориться.

– То есть с Меламори все будет в порядке? – спросил я.

– Будет, если не болтать при ней о Пустых, – ответил буривах. – Мы пришли, чтобы запретить тебе упоминать эту пакость при нашей девочке, если она когда-нибудь снова тебе приснится. Но похоже, тебя достаточно попросить.

– Даже просить не надо. Меньше всего на свете я хочу, чтобы Меламори снилась какая-то серая муть. Просто не знал, что этот разговор так на нее подействует. Теперь знаю. Больше ни ей, ни любому другому сновидцу никогда ни слова о Пожирателях не скажу.

– Опытным и умелым сновидцам можешь рассказывать, что захочешь, они все стерпят, – сказал один из буривахов. – Нам, например, от разговоров о Пустых ничего не сделается. Ни на минуту не загрустим! Хотя песню о них сочини и исполняй в наших сновидениях, гроыхая боевым барабаном, нам все равно.

– До таких вершин мастерства я пока не вознесся, – признался я. – Но если однажды начну сочинять специальные песни для исполнения в сновидениях, непременно их вам спою.

– Нет уж, спасибо, – отказался буривах. – Жили мы до сих пор без твоих песен, и еще проживем.

– Ну что, – нетерпеливо спросил другой буривах, – мы договорились? Ты больше не станешь рассказывать нашей девочке про Пустых?

– Не стану, – пообещал я.

– А ты не обманываешь? – поинтересовалась одна из птиц. – Мы знаем, что люди так умеют: думать одно, говорить другое, обещать, а потом не делать. И не умирают от этого, даже голова от вранья не у всех болит.

– Это так, – признал я. – Мы, люди, умеем обманывать. Но в сновидениях, кстати, это мало у кого получается, тут нужен особый талант. Гораздо проще врать наяву. Однако на мой счет можете быть совершенно спокойны. В моих же интересах, чтобы Меламори не снилась всякая серая муть вместо магических сновидений. А то не сможет учиться дальше, вернется домой с навеки разбитым сердцем и как даст мне по башке!

Этот аргумент оказался чрезвычайно убедительным. Буривахи удовлетворенно загомонили:

– Она может! Наша девочка может! Еще как может! Она такая! Ка-а-а-а-ак даст!

Восславив таким образом боевой дух леди Меламори, буривахи начали взлетать, один за другим. К тому моменту, как я сообразил, что возвращаться они не собираются, рядом со мной остались только два буривах.

– И что, и все? – растерянно спросил я. – Вы уходите? Больше не будете мне сниться?

– Ну так мы же обо всем договорились, – ответила одна из птиц. – Чего тянуть?

А вторая добавила:

– Ты уже и так долго спишь по вашим человеческим меркам. Хватит с тебя.

– А про Пожирателей вы мне не расскажете? Ну, то есть, про Пустых, как вы их называете. Мне очень нужно побольше о них узнать.

– Не нужно тебе о них знать. И никому не нужно. Нечего тут знать. Пустых вообще нет! – наперебой заговорили буривахи.

– Ни хрена себе «нет»! – возмутился я. – От одних разговоров о них людям плохо становится, вон, сами говорите, серая муть начинает сниться. Как может стать плохо от того, чего нет?

– Так это смотря насколько нет, – рассудительно сказал один из буривухов. – Если просто нет, как ножа у тебя в кармане, такое «нет» никому не причинит вреда. Но Пустые потому и Пустые, что целиком состоят из одного только полного отсутствия. Вот насколько их нет!

А второй добавил:

– А песен о них ты все-таки лучше не сочиняй. Не надо петь о Пустых. И говорить тоже старайся поменьше. Когда слишком много говоришь о зле, ему становится легче проявиться. Зло любит, когда ему уделяют внимание. Особенно зло, которого нет.

Огоротив меня этим удивительным рассуждением, оба буривуха взлетели, и я остался один в созданном ими сне, таком умиротворяюще прекрасном, что грех просыпаться. Но все равно пришлось.

– ...Только не вздумай меня уменьшать! – сразу сказала принцесса. – Первые два дня я тебя по-честному не будила, но...

– Первые – чего?! – я ушам своим не поверил.

– Первые два дня, – повторила она. – Между прочим, я распрекрасно без тебя обходилась. Много раз уходила поесть и помыться, иногда на целый час. И амулет помогает! Подержишься за него и, вроде, ничего.

– Ты настоящий герой, – согласился я. – Так сколько я в итоге проспал?

– Почти три дня. Я так за тебя боялась! Нормальные люди столько не спят! К тому же ты почти не дышал. И не двигался. И не слышал шума, хотя я нарочно впустила в спальню собак, чтобы они тебя разбудили, а не я. Но не помогло, хотя собаки здорово шумели, особенно господин профессор. Кто угодно подскочил бы от его лая, но только не ты!

– Ну надо же, а. Спасибо, что разбудила, три дня это действительно перебор, – растерянно сказал я, растирая лоб и виски, потому что чувствовал себя не то чтобы отдохнувшим, скорее наоборот. Хоть заново спать ложись.

– Вот и я решила, что перебор. А остальным было все равно! – пожаловалась принцесса. – Я всем твоим друзьям говорила, что надо тебя спасать, а они отмахивались: это же Сэромакс, с ним еще и не такое случается, может и год проспать, если ему зачем-то понадобилось, ничего не поделаешь, привыкай.

– Это называется «репутация», – вздохнул я. – На самом деле, никогда прежде такого не было, чтобы я почти трое суток просто так, в незаколдованном состоянии взял и проспал. Но все заранее уверены, что от меня можно ожидать чего угодно. С одной стороны, это приятно. А с другой, никто не спешит спасать. С третьей, на хрена меня спасать, такого

злодея, правильно? Я сам кого хочешь спасу, и рука не дрогнет. Кто не спрятался, я не виноват.

* * *

– Арварохские буривухи называют Пожирателей «Пустыми», – сказал я.

Сэр Джуффин Халли заинтересованно поднял бровь и одновременно поморщился.

– Ты говорил с арварохскими буривухами? Вот уж повезло так повезло. Они редко соглашаются сниться людям. Даже тубурских Сонных Наездников игнорируют, хотя, по идее, у них много общего, могли бы отлично дружить. Но нет. Я слышал, больше всего на свете арварохские буривухи любят сниться другим птицам, особенно из иных миров. Потому что, с одной стороны, тоже птицы, а значит, какая-никакая родня, а с другой, такие глупые, что удержать свой образ в их помраченном сознании – одна из самых трудных задач для мастера сновидений, как ты сам выражаешься, высший пилотаж. Но для тебя, получается, сделали исключение? Вот что значит иметь личные связи! Леди Меламори замолвила за тебя словечко?

– Что-то вроде того, – усмехнулся я. – Сказала, что я глуп, как птица из иного мира, буривухи заинтересовались и пошли проверять. Разочаровались, конечно. Ни крыльев, ни клюва, ни даже какой-то особой выдающейся глупости у меня нет.

– А на самом деле? – нетерпеливо перебил меня шеф.

– Ну а как ты думаешь? На самом деле я хотел расспросить их о Пожирателях. Прекрасная, на мой взгляд, тема для светских бесед во сне. Но ничего интересного я не выяснил. Арварохские буривухи называют Пожирателей «Пустыми» и считают, что их как бы нет. В том смысле, что Пожиратели состоят из сплошного отсутствия, если я правильно понял этот парадокс.

– Да, можно и так сказать, – задумчиво согласился Джуффин.

– Да ну, ерунда какая! – возмутилась принцесса, все это время вынужденно слушавшая нашу беседу, куда ей было от меня деваться. – Злонамеренный пакостник, который хотел меня съесть, вовсе не состоял из какого-то там «отсутствия». Он казался живым и теплым. И полным любви. Да, я помню, что он меня обманывал. Просто прикидывался, окончательный негодяй. Но для того, чтобы врать, хитрить и притворяться

влюбленным, все-таки надо хоть кем-нибудь быть.

– К сожалению, нет, – мягко возразил Джуффин. – Это была твоя собственная жизнь. И твое тепло. И твоя готовность к любви. В том-то и фокус. Поэтому Пожиратели так убедительны: они предлагают своей жертве не себя, а самое лучшее из того, что есть у нее самой.

– Я не понимаю, но звучит почему-то очень жутко, – вздохнула принцесса. – Так жутко, что хочется плакать. И как-то сразу не очень хочется жить.

– Арварохские буривухи считают, что от разговоров о Пожирателях у начинающих сновидцев развивается черная меланхолия, – сказал я. – Судя по всему, не только у них. Кроме того, по мнению буривухов, о Пожирателях вообще лучше помалкивать, чтобы разговорами не прибавить им силы.

– Это до известной степени правда, – согласился шеф. – Но дело не в самих разговорах, а в том, что им достается наше внимание; все хищные твари им так или иначе подкармливаются, как ни крути. Поэтому знать о Пожирателях и постоянно думать о них, но молчать – гораздо хуже. Древние, кстати, изобрели отличный метод: говорить обо всем, что страшит, насмешливо и пренебрежительно. Такая разновидность внимания уж точно никому не прибавит сил, даже небытию. Особенно ему! Кстати, госпожа Тапута, тебе этот способ отлично подойдет, что-что, а ругаться ты умеешь. Можешь начинать прямо сейчас. Не стесняйся, я тебя с удовольствием послушаю, может быть чему-нибудь путному научусь.

– Насмешливо и пренебрежительно? – переспросила принцесса. И приободрившись, воскликнула: – Глупая дырка в грязной заднице, вот он кто!

– Глупая дырка в грязной заднице, – эхом повторил Джуффин. – Да, очень хорошо. Продолжай в том же духе всякий раз, когда вспомнишь об этом неприятном знакомстве. И я, пожалуй, возьму с тебя пример.

– Ну наконец-то в нашем арсенале появилось по-настоящему грозное магическое оружие, – мрачно сказал я.

Джуффин не оценил моего сарказма.

– Не оружие, а что-то вроде целебного зелья, приносящего облегчение. Разумеется, этого недостаточно. Но если бы тебя тоже тошнило от разговоров о Пожирателях, ты бы согласился, что это гораздо лучше, чем ничего.

– Зато меня тошнит от собственного бездействия. И от собственного спокойствия тоже. Особенно от него. Ругать себя «безмятежной надменной задницей» или «вялым неповоротливым супостатом» от этого не помогает,

я уже сто раз проверял.

– Интересно, а как ты представляешь себе действие? – заинтересованно спросил Джуффин. – Что, по-твоему, можно предпринять?

– Понятия не имею, – вздохнул я. – В том и беда. Но для начала можно просто немного побиться головой об стенку, в конце концов, именно с этого ритуала я начинал большинство своих самых удачных дел. Правда сейчас биться об стенку совершенно не хочется. Но ничего, как-нибудь через силу побьюсь. На то и дана человеку воля, чтобы сходить с ума по собственному осознанному решению, а не потому, что внезапно припекло.

– Вообще-то сохранять хладнокровие и здравый смысл в любых обстоятельствах, включая те, с которыми не можешь справиться, не преступление, а чрезвычайно полезный навык, – заметил Джуффин. – Значительно повышающий как эффективность, так и шансы выжить для самого мага и всех, кто его окружает. Так что я скорее рад за тебя.

– Теоретически я с тобой совершенно согласен. А на практике, хладнокровным и здравомыслящим в обстоятельствах, с которыми не могу справиться, я уже был. В Тихом городе. Таким лучезарно спокойным несколько лет там прожил, ты бы на меня посмотрел. Глазам бы не поверил. Однако справиться с обстоятельствами смог только после того, как взбесился^[20]. Видимо, это мой персональный метод. Сомнительный, согласен, но уж какой есть.

– Это ты до сих пор был считается, что спокойный? – встревожилась принцесса. – А теперь еще больше взбесишься? Ой, моя страшная мать пустыня! Ой-ой-ой!

– К сожалению, все-таки вряд ли, – усмехнулся я. – Просто попробую вести себя так, будто взбесился... ладно, для начала хотя бы как человек, которому не совсем все равно. Например, искать полезную информацию. Найду – хорошо, не найду – может, взаправду взбешусь.

* * *

– Как же тут красиво! – сказала принцесса.

Она была совершенно права. Эта часть побережья Ариморанского моря – одно из красивейших мест в Море; впрочем, будем честны, то же самое я в соответствующем настроении готов сказать практически о любом пейзаже. И, что самое смешное, не совру.

Мы сидели на светлом как пепел песке под бледно-розовым предвечерним небом. Невдалеке умиротворяюще рокотал прибой, по

пустынному пляжу бродили мелкие птицы, пестрые, как камешки с морского дна. С вдумчивого созерцания этого пейзажа обычно начинаются все визиты к моему другу Иллайуни, такие уж он завел порядки: если приспичило повидаться, надо прийти на берег, сидеть и ждать.

– А куда мы с тобой попали? – спросила принцесса. – Это у вас в Соединенном Королевстве? Или где-нибудь далеко?

– Очень далеко. Мы сейчас на окраине города Ачинадды, в стране Суммони. Никогда раньше здесь не бывала?

– Никогда. Я вообще мало путешествовала. Просто еще не успела. Сперва жила с папой в Хайкши, потом поступила на службу к великому халифу Кутай Ан-Аруме. Двор тогда располагался в Шаришите, а через год мы все переехали в Аяшайю. Два отпуска я провела у папы, один раз съездила с девчонками в Капутту и Кумон, а потом мы отправились к вам смотреть Дворец Ста Чудес. Получается, это всего второе в моей жизни настоящее большое путешествие, и сразу на другой материк, да еще и в страну колдунов! Я так об этом мечтала и волновалась, думала: как приеду, тут же начнутся настоящие чудеса. В общем, так и получилось. Я угадала. Хотя мне, конечно, даже в голову не приходило, что я сама научусь так здорово колдовать. И ходить, как мы с тобой – одним-единственным шагом из Хонхоны аж в Уандук! Здорово вышло, мне теперь все девчонки ужасно завидуют. Но, знаешь, все равно обидно, что именно так сложилось. Я имею в виду, с чего все началось. Я влюбилась с первого взгляда, как только в сказках бывает, а этот... эта смешная глупая дырка от грязной задницы меня обманула и чуть не съела. А я потом горевала и плакала. Наверняка со стороны это выглядело даже более жалко, чем я могу представить. И вы все меня такой запомнили навсегда. Плохое начало! Не хочу, чтобы было так.

– Понимаю, – кивнул я. – Мне бы на твоём месте тоже было обидно. С другой стороны, помнишь, сэр Джуффин рассказывал, как начался его путь в магию? Или ты эту часть проспала? Или просто прослушала? Ладно, неважно. Факт, что его в детстве какое-то хищное чудовище в сне подманило и слопало. Правда, не целиком, а только отчасти, но тоже хорошего мало. А потом нашелся человек, который его спас и начал учить магии. И сама видишь, как замечательно выучил.

– Ну да, – согласилась принцесса. – Он же теперь у вас самый главный колдун.

– Вот именно. А не случилось бы с ним такого же несчастья, как с тобой, учитель прошел бы мимо, и была бы у сэра Джуффина совсем другая судьба, вряд ли настолько же интересная. Так что сама видишь,

совсем неважно, какое было начало, главное, каким получился путь.

– Слушай, спасибо, что ты мне это рассказал! – воскликнула принцесса. – Если даже такого прекрасного и знаменитого человека когда-то тоже поймали и чуть не съели, значит это не такой уж великий позор?

– Несчастье вообще не может быть позором. Кто угодно может попасть в беду. Я знаешь сколько раз попадал? Вспомнить страшно! Но мало кому так везет, как вам с Джуффином: и живы остались, и получили новую прекрасную судьбу. Вы двое – самые удачливые люди, каких я когда-либо встречал.

– Ой, как здорово! – обрадовалась она. – Теперь я так и буду про себя думать: я – очень удачливая. Как самый главный колдун.

Все-таки что я действительно умею, так это договариваться с девчонками. Все остальные мои способности меркнут на фоне этого выдающегося достижения.

– Это ты?! Нет, правда, что ли? – изумленно спросил высокий загорелый старик, окутанный длинной, до пят, пышной гривой белокурых волос, как дополнительным плащом.

Сел рядом и обнял меня крепко-крепко; я уже давно привык к подобной бесцеремонности. В исполнении моего друга Иллайуни объятия – всего лишь самый простой способ быстро узнать, как у меня дела.

– Теперь вижу, что ты. И уже понимаю, почему сам на себя не похож. Нашлась и на тебя управа! – одобрительно сказал он и одним стремительным движением, как подхваченный ветром сухой лист переметнулся к сидевшей с другого боку принцессе.

Та даже пискнуть не успела, а ее уже обнимала пришедшая на смену старику девчонка-ровесница, такая же круглолицая и светлоглазая, только вместо косичек копна кудрявых волос. Наяву Иллайуни не любит подолгу оставаться одним и тем же, его облик течет, как быстрая река, и только прическа остается неизменной. Во что ни превратится, а все равно на диво лохмат.

– Какая ты! – наконец сказала принцесса, не то восхищенно, не то укоризненно, поди разбери.

– На себя посмотри! – звонко рассмеялась вторая девчонка, то есть, Ба Шумбай Иллайуни Горда Ойян Цан Марай Абуан Найя, бессмертный из рода Хранителей Харумбы, пожалуй, самый эксцентричный тип из моей коллекции особо невыносимых психов, на фоне которых я сам начинаю казаться себе тишайшим из обывателей. Очень таких люблю.

– Давненько я не встречал Дочерей Красной пустыни! – одобрительно

сказал Иллайуни, успевший, пока смеялся, стать лет на триста старше, а потом заново помолодеть, на этот раз приобретя убедительное сходство с мальчишкой. – И теперь понимаю, что зря. Рад тебя здесь приветствовать, девочка. Спасибо, что пришла. А что связалась с неподходящей компанией, так это дело житейское. Я и сам с этим типом, как видишь, связался. Горькая жизнь моя!

И улыбнулся столь ослепительно, что поглядев на него, каждый захотел бы себе такую же горькую жизнь. Неподходящая компания в моем лице, и та обзавидовалась.

– А ты кто такой? Или такая? – неуверенно спросила принцесса. – Прекрасней тебя я вообще никого не видела! Ты даже прекрасней, чем великий халиф Кутай АнАрума, хотя за такие слова я должна бы сама откусить свой язык. Но правда есть правда, иногда бывает невозможно ее не сказать.

– Спасибо на добром слове, моя хорошая, – улыбнулась белокурая женщина. – Твой великий халиф – прапраправнук моих дальних родичей. И унаследовал наше семейное очарование, правда, только отчасти. Но и это тоже немало. Он большой молодец.

– Ой, тогда понятно, кто ты! – обрадовалась принцесса. – Ты – великий древний бессмертный! Я никого из ваших еще никогда в жизни не видела, только в книжках о вас читала. И мечтала однажды встретить. Вот это мне повезло! Вот это тебе спасибо, Сэромакс! Умеешь ты все-таки делать чудесные подарки, хоть и злодей...

Договорить ей не удалось, потому что Иллайуни торжествующе расхохотался сразу несколькими голосами; вышел чрезвычайно убедительный сводный хор. Его радость можно понять. Небось с момента знакомства со мной ждал, когда кто-нибудь назовет меня «злодеем». И вот нашлась наконец родная душа.

– Не знаю, зачем ты сбил эту славную девочку с толку, и знать не хочу, – отсмеявшись, сказал он. – Но мне ваш союз только на руку. Никогда прежде твое общество не было настолько приятным. Теперь всегда приходи ко мне вместе с ней!

– Всегда вряд ли получится, – честно сказал я. – Госпожа принцесса временно под моей защитой. Рано или поздно придется ее отпустить.

– Тем хуже для меня, – усмехнулся Иллайуни. – Но тем лучше для нее! Отрадно знать, что такое несчастье, как ты, не растянется на всю ее жизнь.

– Мне вообще-то нравится Сэромакс, – заступилась за меня принцесса.

– Еще бы! Он и мне тоже нравится, – признался Иллайуни. – Но все-таки невыносимо звонкий. А рядом с тобой – совсем другое дело. Я, почуяв

чужое присутствие на берегу, его даже не узнал. Думал: интересно, что за удивительный человек объявился поблизости? Звучит, как будто озабочен каким-то скверным вопросом, но сам при этом такой приятный, что все равно хочется посмотреть на него поближе. Почему приятный, мне теперь ясно. За это тебе спасибо. Рядом с тобой кто угодно приятно зазвучит. Осталось выяснить, что за скверный вопрос он с собой притащил.

– Ну, может, вопрос только с моей точки зрения скверный, – дипломатично сказал я. – А тебе наоборот, понравится. Или просто покажется ерундой.

– Ерундой не покажется, даже если ты начнешь нести полную околесицу, – отрезал Иллайуни. – Важно не что говорят, а кто это говорит. В твоих устах любой вопрос становится важным, пора бы тебе это понять.

– Ладно, – кивнул я. – Тогда не буду тянуть. Меня интересуют Пожиратели, которых арварохские буривухи называют «Пустыми». Ты что-нибудь о них знаешь?

– Вообще не понимаю, о чем ты, – равнодушно сказал Иллайуни. – Мало ли, кто кого как называет. Если хочешь, чтобы я тебя понял, опиши мне суть.

– Абсолютная тьма в форме пернатого зме...

– Все, хватит! – рявкнул Иллайуни так яростно, что принцесса от него отпрыгнула.

А я остался на месте, но оно и понятно: я – человек искушенный и опытный. В смысле кто только на меня не орал.

– Я уже понял, о чем речь, – совершенно спокойным тоном завершил Иллайуни. И ласково сказал принцессе: – Эй, давай, возвращайся. Не буду больше тебя пугать.

– А я и не испугалась, – надменно ответила принцесса, задрав к небу курносый нос. – Просто не ожидала от тебя подобного несносного поведения. Великий халиф Кутай Ан-Арума никогда так не орет!

– На то он и великий халиф, ваш мудрый правитель, чтобы всегда вести себя прилично, – заметил Иллайуни. – Я – совсем иное дело. Мне можно все.

– И то верно, – неожиданно легко согласилась принцесса. И вернулась к нам.

Правда села рядом со мной с той стороны, где не было Иллайуни, которому можно все. Похвальная предосторожность.

После этого между нами воцарилось довольно напряженное молчание. Принцесса ждала подвоха, я – полезной информации, а Иллайуни, вероятно, прикидывал, послать нас подальше, или все-таки удовлетворить

мое любопытство. Но на этот счет я особо не волновался. Поводов послать меня подальше у него уже было предостаточно, примерно по дюжине на каждую нашу встречу, но Иллайуни до сих пор ни разу не воспользовался ни одним из них.

– Мы никак не называем это явление, – наконец сказал Иллайуни. – Не в наших обычаях давать имена злу, выходящему за пределы разумных представлений о допустимом. По той же причине, мы о нем почти никогда не говорим. Однако меня самого предостерегали от встречи с чем-то подобным, когда я был ребенком. То есть, по вашим меркам, очень давно. Предостережения оказались напрасны: я так и не встретил ничего подобного, хотя с детства любил странствовать по разным пространствам сновидений, как недолговечным иллюзорным, так и более-менее стабильным, общим для большого числа желающих их посетить. И куда только не забредал. Однако судьба всегда берегла меня от встреч с неведомым того сорта, которому следует оставаться неведомым. С тех пор у меня не было нужды вспоминать об этом явлении и, тем более, о нем говорить.

– А почему ты закричал, когда я начал описывать Пожирателей? – со свойственной мне бестактностью спросил я.

Иллайуни недовольно поморщился, но, как ни странно, ответил:

– Потому что, когда ты сказал о пернатой тьме, я сразу вспомнил, как однажды в детстве мне приснился мой дядя Ба Шумбай Арри Горда Йоннай Вурубан Сай Оренди Имшала. Наяву он всегда был весел и ласков, а в том сне говорил таким суровым тоном, каким даже за самые серьезные провинности не бранят: «Всякое прельстительное, манящее зрелище, следует сперва вывернуть наизнанку и осмотреть ясным взором, чтобы открылась его подлинная природа; какова бы она ни была, оставайся спокоен и делай, что пожелаешь, но если увидишь тьму в форме многокрылого, оперенного червя или змея, сразу уходи, беги, просыпайся, иначе случится вот что», – с этими словами он положил руку на мой затылок, и все исчезло. И, что гораздо хуже, исчез я сам. Ничего от меня не осталось. А потом я проснулся, в первый и последний раз в жизни в слезах – от ужаса перед небытием и одновременно от радости пробуждения. И еще долгое время ходил сам не свой. Дядя Йоннай пришел ко мне наяву, принес подарки, старался утешить. Попросил прощения, что был настолько суров во сне. Объяснил: нет иного способа доходчиво рассказать о самой страшной опасности, подстерегающей молодых на границах между грезами и сновидениями, и убедить ее избегать. Я, конечно, его простил. Однако со временем убедился, что дядя Йоннай совершенно напрасно меня

напугал: я оказался достаточно удачлив, чтобы избежать любых опасностей. А без того скверного эпизода, омрачившего мое детство, отлично бы обошелся. Без него мои воспоминания о тех временах были бы гораздо выше в цене. Потому я и закричал, что вспоминать неприятно. Но сержусь не на тебя, а на дядю Йонная. Ты-то ни в чем не виноват.

– Ясно, – вздохнул я. – Извини, что пробудил плохие воспоминания. С этими тварями такая беда – всем о них говорить неприятно, хоть и по разным причинам. Такова, вероятно, специфическая особенность небытия. Я бы не стал мучить тебя этим разговором, просто надеялся, ты знаешь гораздо больше, чем мы. И, например, представляешь, как их уничтожить.

– Понятия не имею, – неохотно признался Иллайуни. – Об этом у нас в семье даже речи не шло. Достаточно было избегать встречи. И все. По правде сказать, я не думаю, что со злом такого рода что-то еще можно сделать.

– Говорят, один из наших Древних Темных Магистров их сожрал, – заметил я. – Но не всех, к сожалению. Только двоих. Зато остальные так испугались, что согласились больше никогда не трогать тех, кто родился в Мире, сколь бы велик ни был соблазн...

– Ну и ради каких злых песков ты тогда мне голову морочишь? – взвился Иллайуни. – Решил, что я слишком хорошо живу? Долго придумывал, как испортить мне настроение, и наконец отыскал способ? Ну что ж, отлично у тебя получилось. Ай, молодец!

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я. – Приятно, что ты так высоко оцениваешь мои достижения. Будь у меня цель испортить тебе настроение, до конца дней гордился бы своим успехом. Но, к сожалению, не в моих привычках ставить перед собой столь возвышенные задачи. Я гораздо проще устроен, сам знаешь. И пришел к тебе только потому, что эти пернатые змеи то ли нарушили древний договор, то ли нашли в нем лазейку. По крайней мере, одна тварь покусилась на юную леди, которая пришла со мной.

– Тогда другое дело, – нахмурился Иллайуни. – Дочерей Красной пустыни никому нельзя обижать! – И повернувшись к принцессе, добавил: – Судя по тому, как меня в детстве пугали, тебе крупно повезло, что уцелела. Даже не понимаю, как такое может быть. Ни за что не поверил бы в эти рассказы, если бы не умел отличать правду от лжи.

– Это Сэрмакс его напугал, – мрачно призналась принцесса. – Я-то и не собиралась спасаться. Мне было хорошо, как никогда прежде. А теперь, наверное, так уже и не будет...

– Ты напугал?.. – Иллайуни вытаращился на меня, словно впервые

увидел.

– Случайно. Так получилось. Оказалось, что Пожиратели меня боятся; по крайней мере, этот конкретный точно испугался и удрал, бросив добычу.

– Ты напугал одну из этих тварей, а потом пришел ко мне спрашивать, что с ними делать? – переспросил Иллайуни. И язвительно добавил: – Всегда знал, что логика – не самая сильная твоя сторона. Но чтобы настолько...

– Говорю же, я случайно его напугал. Сам не понял, как это вышло. Не факт, что снова смогу повторить. И тем более не факт, что однажды сумею до них добраться. Говорят, Пожиратели за версту обходят не только могущественных колдунов, но даже просто мало-мальски опытных. Они очень трусливы.

– Ну и в чем тогда проблема? – удивился Иллайуни. – Тебе и твоим друзьям совершенно точно ничего не грозит. Девочка теперь под твоей защитой. Чего еще?

– Кроме меня и моих друзей есть другие люди. Те, кто видит нас во сне. Уж их-то договор точно не защищает. Они родились не в Море, а черт знает где.

– Ну слушай, – нахмурился Иллайуни. – Это несерьезно. Во Вселенной бесконечное множество обитаемых миров. И разнообразных опасностей... сколько будет, если помножить бесконечность на миллиард? Что, не выходит сосчитать? Ладно, сам знаю, нет такого числа. Если ты с какого-то перепугу решил, будто должен всех от всего защитить, это, уж извини, даже не особо смешно.

– Всех от всего – действительно перебор, – согласился я. – Пусть сами выкручиваются. Но от полного и окончательного бессмысленного небытия все же хотелось бы...

– «Хотелось бы»! – передразнил меня Иллайуни. И примирительно добавил: – Я знаю, что вас, угуландских колдунов, медом не корми дай сделать хоть что-нибудь, представляющееся вам невозможным. И очень высоко эту вашу придурь ценю. Но в тайном языке моих предков, предназначенном для разговоров о магии и больше ни для чего, существуют два слова для обозначения невозможного: «ир-ай-шенкодан» и «гью-шенкодан». Первое употребляют, когда речь идет о невозможном, к которому следует стремиться, на пути к нему даже поражение – стоящий результат. А второе, когда с невозможным не надо иметь никакого дела, даже думать о нем не стоит, только растратишь силу и потеряешь радость. Мне кажется, твои помыслы сейчас устремились в направлении гью-шенкодан, а это крайне нежелательно. Ты не мой ученик и не обязан

следовать моим указаниям, поэтому просто по-дружески поверь мне на слово: не надо так.

– Но разве «гью-шенкодан» не превращается в «ирай-шенкодан», попав в хорошие руки? – спросил я.

Иллайуни неожиданно рассмеялся:

– А вот это называется «Шай-Шуатайская ересь»! В честь выдающегося безумца древних времен ШайШуатай-Аульян-Мир-Идрима-Саббайса, высказывавшего убеждения, сходные с твоими. Впрочем, потом он, говорят, остепенился настолько, что ведет теперь тихую, скромную и приятную во всех отношениях жизнь в самом сердце одного из красивейших миражей Красной пустыни. Впрочем, точно не знаю: он мне не родич, а чужим обычно рассказывают не все.

Принцесса вдруг разрыдалась, бурно, как ребенок, впервые в жизни разбивший коленку. Мы с Иллайуни встревоженно на нее уставились: что стряслось? Неужели так огорчилась из-за Шай-Шуатайской ереси? Впрочем, я бы не удивился. Девчонкам любой повод пореветь хорош.

– Я тебя чем-то испугал, или обидел? – наконец спросил Иллайуни.

Принцесса отрицательно помотала головой.

– Нет-нет, что ты! Наоборот! Я такая счастливая! Сижу тут рядом с тобой и слушаю о таких невероятных делах. И даже два слова на вашем тайном языке теперь знаю, запомню их навсегда! Так много всего невероятного сразу, что оно в меня не помещается. Когда читала в старинных поэмах: «Он заплакал от счастья», – думала, что за ерунда? Плакать можно только от горя, или если что-то болит. Но оказывается, от счастья и правда можно заплакать. Вот и я... Извини!

– Ничего, – утешил ее Иллайуни. – Вам, детям Красной пустыни, можно плакать сколько вздумается, вас это не портит. Я имею в виду, никому особо жить не мешает. Вот если наш с тобой дружок, сэр Макс зарыдает, я, пожалуй, сразу пойду утоплюсь.

– А разве ты можешь утонуть? – принцесса так удивилась, что перестала плакать. – Ты же бессмертный!

– Твоя правда, – вздохнул Иллайуни. – Всерьез утонуть у меня вряд ли получится. Но как способ отвлечься от наихудших неприятностей это очень неплохо работает. Пока на глубину заберешься, пока на дне устроишься поудобнее, придавив себя камнем, пока выдохнешь весь воздух и заполнишь легкие водой, сто раз успеешь забыть, что тебя так раздосадовало. А после этого можно и воскресать.

– Какое же это великое чудо! – восхищенно сказала принцесса.

Она уже добрую четверть часа держала в руках певчий пирожок, не решаясь откусить от него ни кусочка. Пирожок, воспользовавшись случаем, в сотый раз исполнил фрагмент выходной арии королевы Вельдхут из популярной среди столичных меломанов оперы: «Я открою вам тайну и уйду, сияя, в доспехах!»

До сих пор я считал, что певчие пирожки – гениальное изобретение и лучшее украшение моего любимого трактира «Свет Саллари», где и без них все вполне неплохо. В смысле, изумительно хорошо. Но теперь мое мнение насчет пирожков претерпело кардинальные изменения. И, боюсь, не только мое. Хозяева «Света Саллари» – люди исключительно гостеприимные и приветливые, вот и сейчас взирали на принцессу и пирожок с неподдельным умилением. Но плохо скрываемая печаль на лице хозяйки трактира подсказывала мне, что следующую партию певчих пирожков здесь теперь испекут нескоро. Ну или хотя бы всерьез продумают их новый репертуар. Потому что ария королевы Вельдхут, будем честны, хороша только при условии, что звучит очень недолго. Например, секунд пять. До сих пор она в этих стенах дольше и не звучала, потом певчий пирожок отправлялся в рот голодного клиента, где благополучно умолкал. Мы, жители столицы Соединенного Королевства, люди простые, и нравы у нас суровые: если ты пирожок, значит, будешь съеден, как бы сладко ни пел. Но шиншийской принцессе поющая еда была в диковинку.

– Он же поет для меня, старается, – растерянno объясняла она. – Как я могу его кусать?

– Вот так! – объяснял я, отправляя в рот очередное меццо-сопранo. – Ам, и все.

– Ну, ты-то злодей, – резонно возражала принцесса. – Тебе любое вероломное надругательство совершить легко!

Грандиозный педагогический провал.

Я давно не заходил в «Свет Саллари», хотя они мои ближайшие соседи, буквально за углом, и когда-то я проводил здесь чуть ли не все свободное время, потому что люблю хозяев этого трактира даже больше, чем приготовленную ими еду, которая, впрочем, тоже совершенно меня устраивает. Особенно та, которая молчит. Но моя любовь к разнообразию всегда оказывается сильнее привязанностей – даже моей глубочайшей

привязанности к тумтам из незнакомой не-козы^[21].

Однако сегодня я решил, что после всех потрясений принцессе не помешает уютная домашняя атмосфера «Света Саллари». В принципе угадал: пирожки, распевające оперные арии, произвели на мою подопечную столь сильное впечатление, что лишившая ее душевного равновесия встреча с бессмертным кейифаем сразу благополучно отошла на задний план.

Ну и я, чего греха таить, был рад снова оказаться за большим круглым столом среди любимых соседей, благо к нашему появлению все остальные посетители давным-давно разошлись. Приходить в трактир к самому закрытию – прекрасная стратегия, при условии, что ты там – любимый клиент, поэтому дверь перед твоим носом не захлопнут, а, напротив, наперегонки помчатся на кухню разогревать для тебя остатки фирменного супа и ставить в духовку новую партию пирожков.

– Все-таки удивительно невезучий я человек, – сказал я сидевшей рядом со мной хозяйке трактира. – Умудрился прийти в тот уникальный момент, когда здесь нет сэра Кофы. Дня четыре уже, пожалуй, его не видел. И очень надеялся тут застать.

Леди Лари развела руками:

– Будете смеяться, сэр Макс, я его даже дольше не видела.

– Как такое может быть? – простодушно спросил я и тут же сообразил, что получилось довольно бестактно. Мало ли, что там между ними произошло.

– Слишком много работы, – ответила леди Лари. – Кофа говорит, с момента введения новых поправок к Кодексу такого бедлама в городе не было. С другой стороны, чего я объясняю? Кому об этом и знать, если не вам.

– Нннууу, вообще-то на самом деле, конечно, Магистры знают что в этом грешном городе творится... – растерянно промычал я, не желая подводить Кофу.

Хотя на самом деле ничего особенного сейчас вроде бы не творилось. Даже подружки моей принцессы с момента приезда успели устроить не больше дюжины драк, да обчистить две ювелирные и четыре кондитерские лавки; впрочем, их хозяева, как и все остальные столичные торговцы были заранее проинструктированы, поэтому спокойно пережили налеты и отлично на них заработали, выставив шиншийскому халифу грандиозные счета.

С другой стороны, я мог быть просто не в курсе. В Ехо часто случаются происшествия, в которые меня совершенно бессмысленно

посвящать.

– ...просто все, что сейчас творится в столице, совершенно не по моей части, – бодро завершил я. – Все работают, а я бездельничаю. Поэтому упустил из виду, что у Кофы сейчас главная радость – поспать два часа в сутки лежа, а не десять минут на бегу.

– Ну да, – согласилась леди Лари и улыбнулась своей обычной ласковой беззаботной улыбкой. Но глаза остались печальными. И до меня наконец-то дошло: это вовсе не потому, что ее достал певчий пирожок, все еще торжественно завывающий: «Я открою вам тайну и уйду, сияя, в доспехах!» Дело, к сожалению, не в пирожке.

* * *

«Можно к тебе приехать прямо сейчас?»

В целом я именно тот человек, которому можно задавать подобные вопросы после полуночи. Собственно, именно после полуночи и следует их задавать, больше шансов получить ответ: «Конечно, давай».

Но сейчас я так удивился, что первые несколько секунд молчал, как дурак. Просто в моем списке потенциальных кандидатов на роль ночной гостьи имя леди Кенлех, жены Мелифаро стояло в самом конце. Заехать днем, пока муж на службе, или вечером, вместе с ним – вполне обычное дело. Но через два часа после полуночи – это ни в какие ворота. Даже не в форточку. И не в мышиный лаз.

Наконец я спросил: «Что-то случилось?» – Кенлех, мстительно выдержав паузу, не короче моей, ответила: «Все живы, здоровы и целы. Так приехать-то можно, или я не ко времени?»

«Не говори ерунду, ты всегда ко времени. Могла бы вообще не спрашивать. Давай, приезжай».

Потом я добрых полчаса ругал себя, что не предложил зайти за ней, куда скажет, и доставить в Мохнатый Дом. Сиди теперь как дурак, беспокойся, гадай что случилось, жди, пока она сама доберется. Если едет из дома, от Удивительной улицы до нас – не ближний свет.

Отвлекать меня от тревожных мыслей и недобрых предчувствий как назло было некому: гости, если и сидели тут вечером в наше отсутствие, уже разошлись, сэр Шурф на вопрос о ближайших планах мрачно ответил: «Лучше не спрашивай», а мои домашние, включая собак и кошек, совершенствовались в искусстве сновидения, они у меня талантливые, им

даже у арварохских буривухов учиться не надо, без всякой учебы отлично дрыхнут без задних ног. Принцесса, до глубины души потрясенная знакомством с бессмертным из древних легенд и певчими пирожками, о которых даже в древних легендах нет ни единого упоминания, едва добравшись до дивана, уснула, как последняя вероломная безудержная негодяйка; я ей так и сказал. Но она, конечно, только улыбнулась во сне и покрепче вцепилась в полу моего лоохи, что само по себе, кстати, было огромным прогрессом: раньше ее успокаивал только телесный контакт.

Если так пойдет дело, скоро можно будет выдать девчонке какую-нибудь мою старую скабу на добрую память и заняться своими делами, – подумал я. Но, вопреки ожиданиям, не особо обрадовался грядущей свободе. Я и правда мгновенно ко всему привыкаю; все, что вчера казалось невыносимым абсурдом, назавтра становится нормальным положением дел. Прекрасно знал об этой своей особенности, но что так быстро перестану тяготиться вынужденным симбиозом с юной шиншийской принцессой, все равно совершенно не ожидал.

Леди Кенлех переступила порог гостиной позже, чем мне хотелось бы, но, следует признать, гораздо раньше, чем я предполагал.

– Если приехала из дома и сама управляла амобилером, это серьезное достижение, можешь выступать в гонках, – сказал я.

– Спасибо, я об этом подумаю, – без тени улыбки сказала Кенлех.

Если в столице Соединенного Королевства однажды догадаются устроить показ мод, главное, что надо будет сделать организаторам – постараться уговорить на участие в этом мероприятии нашу леди Кенлех, тогда успех будет обеспечен: с такой манекенщицей можно втюхать самым разборчивым модникам любую рвань. Вряд ли Кенлех можно назвать красавицей, но ей ни к чему красота. Красавиц в Мире много, а леди Кенлех, живое воплощение шика и элегантности, такая одна.

Пока она шла через всю гостиную, высокая, тонкая, как струна, коротко стриженная, черноглазая, в темно-синем зимнем лоохи с просторным прозрачным капюшоном, блестящих перчатках и мягких сапожках с остроумными широкими, закрученными кверху носами, я, честное слово, сам захотел немедленно так одеться, благо мужская мода в столице Соединенного Королевства отличается от женской только повышенной степенью нетерпимости к отклонениям от нее. Хотя до сих пор прозрачные капюшоны, сверкающие перчатки и закрученные носки сапог казались мне если не воплощением лютого ужаса, то уверенным шагом в этом направлении. И завтра, можно спорить, снова покажутся –

при условии, что рядом не будет соответствующим образом одетой Кенлех.

После того, как Кенлех села в кресло, мне сразу же захотелось завести у себя в доме такую прекрасную, элегантную мебель; к счастью, я вовремя вспомнил, что кресло и так мое. При этом в гостиной стояла еще почти дюжина точно таких же кресел, но роскошным выглядело только то, в котором сидела леди Кенлех. Удивительная все-таки разновидность харизмы, больше ни у кого, включая ее сестер-близнецов, такой не встречал.

– Это та самая шиншийская принцесса, которая сейчас всюду за тобой ходит? – шепотом спросила она, указывая на спящую.

– Конечно, та самая, где бы я взял другую? Шиншийский халиф их пока дюжинами всем желающим не раздает. Можешь не шептать, ты ее сейчас, хоть из пушки стреляй, не разбудишь. А даже если разбудишь, перевернется на другой бок и снова уснет. Но вряд ли ты приехала среди ночи только для того, чтобы на нее посмотреть. Выкладывай, что стряслось, не тани. У меня, сама знаешь, нервы ни к черту. И так чуть не чокнулся, пока тебя ждал.

– Собственно, у меня к тебе только один вопрос, – сказала Кенлех. – Но важный. Я могу какое-то время тут пожить?

– Что?!

– Я хотела бы, если возможно, некоторое время пожить здесь, в Мохнатом Доме, – повторила она, словно и правда поверила, будто я не расслышал. – Ты мне разрешишь?

– Это твой дом ровно в той же степени, что и мой, – напомнил я. – И ваши с сестрами комнаты всегда останутся вашими, даже если тысячу раз скажете, что они вам больше не нужны.

– Спасибо, – улыбнулась Кенлех. – Вроде бы и сама все понимаю, но ты не представляешь, насколько приятно это услышать. Ты вообще извини, что я спрашиваю разрешения, как у чужого человека. И что все так внезапно. Тебе, наверное, неприятно, что я...

– «Неприятно» – не совсем точное определение, – сказал я. – В тайном языке моих предков для подобных состояний сознания есть прекрасный магический термин «охренел». Иными словами, я немножко в шоке. И чуть-чуть в ужасе. И совсем слегка не в себе. Если расскажешь человеческими словами, что у тебя случилось, возможно, спасешь меня от безумия. Это был бы чрезвычайно милосердный жест.

– По-моему, и так все понятно, – пожала плечами Кенлех. – Если я прошу разрешения здесь пожить, значит, больше не хочу жить дома. Если я не хочу жить дома, значит, решила расстаться с мужем. Если я решила с

ним расстаться, значит, он жив, здоров и вполне благополучен; ясно же, что близких не бросают в беде. Я, как ты сам видишь, тоже в полном порядке. Значит, тебе не о чем беспокоиться. Я знаю, что ты нас обоих любишь, но ведь можно любить и по отдельности, правда? Не обязательно сразу двоих, набором?

– Не обязательно, – согласился я. – На этот счет можешь быть совершенно спокойна. Я в любой комплектации вас люблю. Хочешь выпить?

– Вот наконец-то хороший вопрос, – улыбнулась Кенлех. – На такой и ответить приятно. Наливай.

Четверть часа и примерно полбутылки редчайшей «Блистающей бездны» спустя, Кенлех спросила:

– Помнишь, почти год назад мы все ездили в Нумбану на ярмарку, встречаться с Правдивым Пророком? Знаешь, что он мне тогда сказал?

Я отрицательно помотал головой.

– Всего три слова: «Ты не ошиблась». Мне этих трех слов надолго хватило, чтобы ходить, не касаясь земли, без всякого колдовства, просто от счастья; некоторые очень смешно удивлялись: «Ой, а ты так умеешь? Когда успела? А кто тебя научил?..» Пророчество, в любом случае, отличное, но теперь понятно, что я поначалу неправильно его поняла.

Я вопросительно поднял бровь. Прекрасный полемический прием, позволяющий достаточно внятно потребовать уточнений и одновременно промолчать. Это почему-то действует на собеседников гораздо лучше, чем беспомощные расспросы: «Что ты имеешь в виду?» Вот и сейчас Кенлех сразу принялась объяснять:

– Я, сам знаешь, много лет была очень счастлива в браке. Говорят, так довольно редко случается, что люди находят главный смысл жизни в любви. Для большинства любовь – здорово, но совершенно недостаточно для полноты жизни. И даже не обязательно, вполне можно и без любви обойтись, если почему-то не складывается. Ты, собственно, сам такой. И, кажется, вообще все, с кем я знакома. А если учесть, что мои сестры-близнецы решили посвятить свою жизнь магии и пошли учиться к леди Сотофе, неудивительно, что меня грызли сомнения, правильный ли выбор я сделала, не ошиблась ли, когда решила, что главным делом моей жизни будет любовь – раз уж так удачно сложилось, что она пришла и оказалась взаимной... Если смотреть со стороны, выглядит довольно забавно: я была очень счастлива, но совсем не уверена, что это правильно для меня.

– Очень хорошо тебя понимаю.

– Знаю, что понимаешь. С тобой в этом смысле всегда было легко, ты всегда понимал меня с полуслова, лучше, чем сестры, даже лучше, чем я сама. Но о своих сомнениях я не могла с тобой поговорить. Потому что Мелифаро – твой друг, и ты был очень рад, что у нас с твоей легкой руки все так хорошо сложилось; тебе нравится удачно устраивать чужие дела. Я заранее знала, что ты мне скажешь: «Конечно, все правильно сделала, ты молодец», – и не обманешь, нет. Но толку в твоих словах все равно будет немного, поскольку ты, как и я сама, хоть и не в той же степени, заинтересованное лицо.

– Это правда, – согласился я.

– И тут вдруг объявился Правдивый Пророк; все говорили, что к нему можно прийти с любым, самым сложным вопросом. А пока я придумывала, под каким предлогом съездить в Нумбану, выяснилось, что встретиться с Пророком нужно для дела, чтобы помочь какому-то вашему расследованию, так что мы отправились туда всей семьей, с друзьями и соседями^[22]. Сам понимаешь, с каким вопросом я заходила в палатку Пророка. Но спрашивать вслух не пришлось, он сразу, едва на меня взглянув, сказал: «Ты не ошиблась», – и улыбнулся так, как будто подарил мне весь Мир. Ну, он и правда в каком-то смысле мне его подарил. Так здорово оказалось жить без сомнений! Точно знать, что я не ошиблась, да и не могла, наверное, ошибиться: не может ошибаться тот, кто не принимает решений. А за меня все решила судьба.

– На самом деле судьба только предлагает нам задачи, одну за другой. Что это будут за задачи – целиком ее выбор. Но решаем их все-таки мы сами, – сказал я.

– Может быть, и так, – пожала плечами Кенлех. – Но знаешь, что забавно? Я думала, «ты не ошиблась», – означает, что я поступила правильно. А на самом деле подразумевалось: да какая разница, эта история не на всю жизнь, а всего на несколько лет. Не так уж много времени потеряешь, чтобы об этом беспокоиться, настоящий выбор у тебя еще впереди. Видишь, как быстро все закончилось. Это печально, но ничего, не беда. Мне уже заранее интересно, как теперь все будет. Какие, как ты говоришь, задачи мне предложит судьба. И что я, в итоге, нарешаю. Поэтому и хочу для начала пожить у тебя: чтобы не торопиться, не принимать первое попавшееся решение только потому, что оставить как есть – невыносимо. Хорошо, что Мохнатый Дом такой огромный, и я никому не помешаю. И мне – никто. Здесь можно прожить хоть полгода и ни с кем не встречаться, пока сама не захочу. Правда же, можно?

– Да, это запросто, – подтвердил я. – Не захочешь выходить из своих

комнат, никто и не узнает, что ты у нас поселилась. Кроме слуг, конечно, но они – Королевские слуги. Почти невидимы и так молчаливы, что, можно сказать, не в счет. Я, представляешь, поначалу довольно долго был уверен, что порядок в этом доме наводится как-то сам, без человеческого участия. И стол накрывается сам по мере необходимости, и грязная посуда сама исчезает потом неведомо куда.

– Ты просто очень рассеянный и невнимательный, – улыбнулась Кенлех. – И дома в ту пору бывал хорошо если раз в дюжину дней. Но слуги мне и правда не помешают. Они уж точно не станут расспрашивать, какого лешего я тут забыла. В смысле почему снова живу дома. А объяснять совершенно не хочется. Что тут объяснишь: просто все взяло и закончилось. Было, было, и вдруг – раз, и нет.

Мне хватило ума не спрашивать: «Из-за чего вы все-таки поссорились?» Вообще-то я еще и не такую глупость ляпнуть могу, но великое магическое искусство вовремя прикусывать язык с годами стало даваться мне несколько лучше, чем прежде. Хотя до настоящего мастерства мне еще далеко.

Поэтому я ни о чем не стал спрашивать, а просто подлил ей вина. «Блещающая бездна» на то и блещающая, что, оказавшись в стакане, начинает светиться. Поэтому пить это вино днем не имеет смысла, только ночью, пригасив лампы, чтобы все окуталось мраком.

Что-что, а мрак у нас сейчас был.

– Мы не поссорились, – сказала Кенлех, отвечая на мой невысказанный глупый вопрос.

Все мои друзья говорят, что я слишком громко думаю. Я долгие годы был уверен, что это они так шутят. Но похоже, все-таки просто констатируют факт.

– Так что не надо, пожалуйста, пытаться нас помирить, – добавила она. – И уговаривать, что все можно исправить, тоже не надо. Исправить-то можно, вообще не вопрос. Но только в том смысле, что если я захочу вернуться домой, мы будем жить вместе дальше, тихо, мирно, душа в душу... ну, по крайней мере, без споров и ссор. Просто в этом больше нет прежнего смысла. Я имею в виду, нет любви.

– Ясно, – кивнул я. – Если так, то, пожалуй, и правда, не стоит. – И, не удержавшись, добавил: – Слушай, неужели вот прямо так сразу, мгновенно – раз, и прошло?

– Не знаю, – пожала плечами Кенлех. – Может, не сразу, а в несколько приемов. По кусочку, раз в полчаса. Но для меня это именно так и выглядело: утром он меня еще любил. А когда ночью вернулся домой, уже

нет.

– Погоди, – опешил я, – так это не ты его разлюбила?

– Нет, – спокойно ответила Кенлех. – Не я. Только очень прошу, не надо говорить, будто мне показалось, я сама все от скуки выдумала, а человек просто устал, и завтра все будет иначе. Это вряд ли. Я же не сразу в бега подалась, а ждала несколько дней, потому что тоже думала: показалось, устал, все изменится, на место привязанности, жалости и смутной вины вернется живое, счастливое чувство. Но, по-моему, уже ничего не изменится, нет.

Я не стал говорить, что несколько дней это все-таки очень мало. Потому что сам на ее месте вряд ли вытерпел бы даже полчаса. Только спросил:

– Ты уверена? Все-таки... ну, ты же знаешь нашего Мелифаро. Для него заглядываться на всех девчонок подряд, при возможности, хватая за задницы – обычное дело, все равно что дышать. Это вообще ничего не...

– А при чем тут девчонки и задницы? – удивилась она. – Я за ним тайком не подглядываю, а при мне он особо никого ни за что не хватал. Ну или я не обращала внимания, мало ли, у кого какие манеры. Дело вообще не в этом. Просто у нас всегда была очень крепкая связь. Я имею в виду, мы оба всегда знали, что другой чувствует. И не потому, что старались это выяснить, расспрашивали друг друга, как-нибудь колдовали или внимательно наблюдали и делали выводы, а просто не получалось не знать. Оно как-то само зналось, и все тут. Собственно, для меня это до сих пор так. Понимаешь, о чем я?

– Наверное.

– Хорошо. Если понимаешь, тогда не будешь стараться нас помирить. И уговаривать меня, что все еще наладится, тоже не будешь. Мне и так не то чтобы легко сохранять твердость. Но когда приходится выбирать между жизнью без всякого смысла и просто неизвестно какой, вопроса, что выбрать, вообще нет. Осталось придумать, что у меня теперь будет за жизнь. Чем мне заняться? Путешествовать? Теоретически интересно объездить весь Мир, как сэр Манга, а на практике мне даже поездка в Нумбану не особо понравилась: очень уж долго и слишком много мелких, но досадных неудобств. Правда, может быть, на корабле чувствуешь себя иначе, чем в амобилере, подпрыгивающем на кочках?

– Да, совершенно иначе, – подтвердил я.

А что колесить в амобилере лично мне нравится несравненно больше, чем париться в тесной каюте или скучать на палубе, уточнять не стал. Не стоит вот так, авансом, гасить чужой энтузиазм.

– Еще у меня давно была идея поступить в Королевскую Высокую Школу, там на факультете литературы есть специализация «Драма», а старинный театр меня сейчас интересует больше всего; с другой стороны, не факт что мне понравится изучать театральные пьесы, как серьезную науку, а не просто читать и смотреть... Или, скажем, магия – когда слушаю рассказы сестер, ужасно им завидую. И когда пробую колдовать сама, мне вроде бы очень нравится. Но я, похоже, не особо способная. Так, серединка на половинку, все таланты достались сестричкам. Как ты думаешь, потратить много лет на учебу и в итоге стать очень средней колдуньей, каких и без меня полно – это вообще имеет смысл?

– Безусловно, имеет, если сам процесс делает тебя счастливой. Возможность ежедневно и с толком заниматься любимым делом и есть настоящий результат, а вовсе не призовое место в каком-то абсурдном соревновании, происходящем исключительно у нас в головах.

– Делает это меня счастливой или нет, я тоже не знаю, – вздохнула Кенлех. – Просто еще не пробовала быть счастливой какими-то другими способами. Я имею в виду, не от любви. Все мои увлечения до сих пор были просто приятным приложением к прекрасной семейной жизни, делали ее еще интересней и веселей. Даже не знаю, что мне подойдет в качестве нового самого главного дела. Пока, честно говоря, кажется, что вообще ничего. Но я сама понимаю, что глупо так думать заранее, не попробовав...

– Ну так пробуй. Магию, учебу, путешествия и все остальное, что придет в голову. Отведи себе на эксперименты пару-тройку дюжин лет – куда торопиться? Пока не попробуешь – не узнаешь, что тебе по-настоящему нравится, а что интересно только, пока смотришь издалека.

– Вот это очень хороший совет, – улыбнулась Кенлех. – Мне как-то в голову не приходило, что не обязательно быстро что-нибудь одно выбирать.

– Ну, строго говоря, пробовать то одно, то другое тоже своего рода выбор. Может, тебе настолько понравится разнообразие, что всю жизнь так и проживешь. Я бы сам, пожалуй, от такого не отказался...

– А почему ты так не живешь? – удивилась Кенлех. – Кто тебе не дает?

– Судьба у меня суровая. С тяжелым характером. Шаг в сторону – сразу бац по башке!

– Хелви рассказывала, леди Сотофа однажды им говорила, что большинство людей, всерьез посвятивших свою жизнь магии, такую судьбу вовсе не выбирали. Мечтали о чем-нибудь совсем другом. Но магия выбрала их сама, теперь никуда не денешься. Значит, и с тобой такое случилось?

– Так и есть. Не буду обманывать, это на самом деле огромное счастье. Но свобода делать со своей жизнью, что хочется, потому что тебя никто никуда не выбирал, тоже огромное счастье. Я даже не знаю, какой вариант мне нравится больше. Все сразу хочу!

– Неугомонный, ненасытный злодей, – сквозь сон, не открывая глаз, пробормотала принцесса.

И была совершенно права.

* * *

Неудивительно, что после такого богатого на развлечения дня снилась мне исключительная, даже по моим меркам, ерунда. Какая-то мешанина из эпизодов неведомо чьего детства и фрагментов бульварных романов, как я их себе представляю – в жизни-то я, кажется, так ни одного и не прочитал.

В моем сне элегантные дамы, одетые по старой куанкурохской моде, то есть в пышных многослойных балахонах до земли, с косичками, как у шиншильских принцесс, размахивая вышитыми ридикюлями и парчовыми веерами, бегали наперегонки по крышам гаражей. Победительниц этого нелепого соревнования ждали призы в виде набриолиненных кавалеров в коротких блестящих лоохи, готовых увезти своих избранниц в шикарных авто и одновременно покатать на самодельных качелях, развешанных на деревьях тут и там. Пока одни элегантные дамы скакали с крыши на крышу, другие целовались с кавалерами, а третьи рыдали, не получив призов, я пытался починить одну из качелей, связать истершуюся веревку крепким морским узлом, который, разумеется, никак не завязывался, а веревка то и дело норовила превратиться то в облако, то в гигантский шелковый галстук, то в скользкий, чешуйчатый драконий хвост – ну сон есть сон, грех жаловаться. Вполне терпимый уровень хаоса, к тому же никаких болот.

– Тебе всегда такая хренотень снится? – спросил Иллайуни. – Я бы на твоём месте вообще никогда не спал.

Он, оказывается, уже какое-то время сидел на качелях, которые я пытался починить, и со снисходительным любопытством великого режиссера, попавшего на студенческий «капустник», озирался по сторонам. Выглядел он, как обычно выглядит во всех сновидениях, своих и чужих: крепко сбитый, широколицый, скуластый, с крупным мясистым носом, такой совершенно обыкновенный, заурядный дядька, каких в Уандуке толпы, только руки пылают как факелы, но привыкнуть к этой его

особенности куда легче, чем к ежесекундным превращениям наяву.

– Не всегда, – сказал я. – Честно говоря, гораздо реже, чем хотелось бы. В таких дурацких снах я отдыхаю лучше всего.

– Все-таки ты принес в мою жизнь очень много радости, – неожиданно признался Иллайуни. – Раньше, до знакомства с тобой, я принимал свою судьбу как должное, с удовольствием, но без особой благодарности. А теперь при всякой встрече мое сердце ликует: какое же все-таки счастье, что ты – не мой ученик!

– Да, – согласился я. – Это и правда очень милосердно с моей стороны.

– Но сегодня я отблагодарил тебя на славу. Как минимум, на пять тысяч лет вперед, – заявил Иллайуни. И, вволю насладившись моей растерянностью, добавил: – Я на тебя поработал, пляши!

Сон есть сон, даже когда он такой дурацкий. Если уж в его пространстве с какого-то перепугу объявился настоящий мастер сновидений и сказал: «Пляши», – хочешь не хочешь, а спляшешь ему на радость, прямо на ржавой крыше одного из приснившихся гаражей, грубо расталкивая ни в чем не повинных элегантных дам с веерами и вызывая неприязненные взгляды их призовых кавалеров; впрочем, я тоже не лыком шит, поэтому пару минут спустя снова спокойно сидел на качелях рядом с Иллайуни, а приснившиеся мне леди и джентльмены старательно отбивали чечетку – вместо меня.

– Ловко выкрутился, – одобрительно сказал Иллайуни. – Я думал, долго будешь плясать, пока сообразишь, что это необязательно. А ты вон как вывернул. Что ж, это хорошо. Значит, не совсем пропащий, кое-что в нашем деле умеешь – на какой-то свой, возмутительный, непонятный мне лад.

– А почему надо было плясать? – спросил я. – Что случилось? Говоришь, ты на меня поработал – это как? Что ты натворил?

– Да почему же сразу «натворил»? – удивился он. – Не суди о других по себе, я человек серьезный. Если говорю, что на тебя поработал, значит, будь уверен, пользу принес. Обошел все окрестности всех сновидений этого Мира с дозором. Очень внимательно смотрел по сторонам, когда я так смотрю, от меня ничего не скроешь. И знаешь, что? Этих... бессмысленных безымянных прожорливых порождений тьмы, о которых ты меня нынче расспрашивал, нет нигде поблизости. Это, конечно, довольно неточно сказано, скорее следовало бы сформулировать так: сновидений нашего Мира нет в зоне их голодного внимания. Иными словами, они игнорируют нашу способность видеть сны и сниться, как куманский халиф работоторговые рынки на своих границе с Красной

пустыней. Лихо ты, получается, девчонкиного обидчика шуганул, так, что все его родичи разбежались. Хотя чему я удивляюсь? Сам бы удрал от тебя на другой край Вселенной... если бы не был таким привязчивым дураком.

– Ясно, – растерянно кивнул я.

Соврал, конечно. Ни хрена мне не было ясно, кроме самой последней фразы, да и то только потому, что Иллайуни очень часто что-то подобное говорит, делает комплименты как умеет, вернее, как нравится ему самому.

– Да ни хрена тебе не ясно! – воскликнул Иллайуни. Почему-то столь торжествующе, словно это и была основная цель его выступления: чтобы я ничего не понял. И вот, отлично все получилось, можно ликовать.

– Нннууу... – дипломатично промычал я. И покаялся: – Я и наяву-то не особо сообразительный, а в дурацких снах вроде этого совсем балда.

– Ладно уж, объясню еще раз, – сжалился Иллайуни. – Сказанное означает, что никому в нашем Мира эти твои поганые пернатые черви не приснятся. В том числе, дочкам Красной пустыни и твоим подопечным сновидцам, рожденным в других мирах. Нет никакой опасности. Ни для кого. Можешь о них забыть. И с легким сердцем отпустить девчонку обратно к халифу, пока не научилась у тебя всяким глупостям. Не нужна ей больше твоя защита. И никому не нужна. Впрочем, что до девчонки, не хочешь – не отпускай, это не мое дело. Просто когда надоест, имей в виду: она отлично может без тебя обойтись. Теперь я понятно выражаюсь?

– Теперь понятно, – вздохнул я.

– А почему ты не радуешься? – удивился Иллайуни.

– Да просто потому что сплю, – напомнил я. – Во сне настроение не особо зависит от полученной информации. Какое приснилось, такое и есть... На самом деле новость просто отличная. Хотя, если я правильно понимаю, Пожиратели могут вернуться в любой момент. Сегодня нас нет в зоне их внимания, а завтра они снова вспомнят, что есть такая кормушка и возьмутся за десертные вилки. Не будешь же ты проверять все сновидения Мира каждый день.

– Естественно, я не буду! – возмутился Иллайуни. – Нашел дурака! Так и знал, сколько ни сделай, тебе будет мало. – И смягчившись, добавил: – Ради тебя стараться не стал бы, но мне понравилось гулять на границе нашего Мира и человеческих снов о нем. Прельстительные там открываются зрелища. Каждый день мне без дела шлаться некогда, но пару раз в год вполне можно себе позволить просто так, ради приятных впечатлений погулять.

Вот после этого обещания я повис у него на шее, как наяву это постоянно делает он сам. Но в сновидениях Иллайуни – человек очень

строгих правил. И нетрудно было заметить, что я его изрядно смутил.

* * *

Проснулся я от такого страшного грохота, что самый скандальный будильник в сравнении с ним показался бы соловьиной трелью. Ничего спросонок не понял, но приготовился продать свою жизнь так дорого, что хрен кому выдадут под эту покупку кредит.

– Это не я! – сразу сказала принцесса. – Я, между прочим, вообще спала.

Что, в общем, неудивительно. За окном едва забрезжил рассвет.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы, во-первых, вспомнить, кто такая эта курносая девчонка с косичками и откуда она здесь взялась; во-вторых, кто такой и откуда взялся я сам; в-третьих, обвести ошалевшим взором странное огромное помещение, в котором мы находились, и опознать в нем собственную спальню. А дальше дело пошло совсем легко: если это моя спальня, значит перед сном я, скорей всего, запер дверь, чтобы сюда не вперлась банда несчастных безумцев, желающих немедленно произвести уборку. На самом деле слуги уже давно так не поступают и вообще обходят мою спальню десятой дорогой, на всякий случай, на цыпочках, но береженого, я считаю, бог бережет.

Не то чтобы я действительно всегда запираюсь в спальне с применением соответствующего защитного заклинания семьдесят третьей ступени Черной магии, обычно только планирую это сделать, а перед сном благополучно забываю. Но иногда все-таки вспоминаю о защитном заклинании в нужный момент и тогда с превеликим удовольствием его накладываю, в глубине души ужасно гордясь собой, могущественным колдуном, победившим свою лень, рассеянность, разгильдяйство и что там еще всем почему-то положено побеждать. Вчера ночью, судя по всему, как раз вспомнил; скорее всего, потому, что выпил слишком много вина с Кенлех за компанию: спяну я обычно делаюсь крайне дисциплинированным и аккуратным человеком, просто назло самому себе.

В любом случае очень удачно вышло: вон как настойчиво кто-то ломится. Судя по тому, что сила моего защитного заклинания не вышвырнула его из дома и даже не расплющила о ближайшую стену, очень могущественный человек.

На этом месте я, конечно, уже начал догадываться о личности настойчивого утреннего посетителя. Еще вчера готов был спорить, что он с

утра пораньше заявится, хотя всем сердцем надеялся, что до попытки сломать мою дверь все-таки не дойдет. Сказал принцессе:

– Не беспокойся. Это мой друг. И ты с ним тоже знакома. Сейчас будет весело: скандал, а возможно, еще и драка. Тебе такое, вроде бы, нравится? Ну, значит, все путем.

– Нравится, – хмуро согласилась принцесса. – Но не прямо с утра! – и, просияв, предложила: – Так, может быть, ты просто его уменьшишь и спрячешь в кулак до полудня? И мы еще немножко поспим.

– Может, и уменьшу, – согласился я. – Посмотрим по обстоятельствам. Вылез из-под одеяла и пошел открывать.

То ли все силы сэра Мелифаро ушли на борьбу с дверью, то ли он с самого начала не намеревался скандалить. Во всяком случае, о драке, которую я легкомысленно пообещал принцессе, и речи не шло. Он с порога сказал:

– Извини, – и тут же исправился: – Оба меня извините. Я в курсе, что для визитов еще слишком рано. Но все равно почему-то пришел. Просто от растерянности. Надо же что-то делать... или не надо? Я не знаю. От меня впервые в жизни ушла жена. Наверное, когда будет уходить четвертая или пятая, я буду вести себя совершенно иначе. В любом деле требуются время и опыт, чтобы достичь вершин мастерства.

Я только теперь заметил, что он очень странно одет. Ну то есть как – странно. На самом деле обыкновенно. В темно-зеленое лоохи из дорогой туланской шерсти, но без единого украшения и такого простого классического покроя, что в гардеробе сэра Мелифаро оно могло оказаться только в качестве домашнего. И на ногах не сверкающие сапожки с лихо закрученными носами, а обычные, из очень мягкой кожи, к тому же довольно растоптанные. Практически тапки. То есть, в чем сидел дома, в том и пришел, не задумываясь о модных тенденциях. Будь я его сбегавшей женой, принял бы этот невероятный факт за безусловное доказательство вечной любви. Возможно, впрочем, и Кенлех примет, если поверит, когда я ей расскажу.

– Очень тебе сочувствую, – сказал я. – Поэтому не выброшу в окно. И даже не стану просить эту юную леди засветить тебе в глаз, хотя она это дело до смерти любит и очень давно не практиковалась, а тут такой отличный повод...

– Не смей на меня наговаривать, беспутный невыразительный проходимец! – возмутилась принцесса. – Во-первых, сэр Мелифаро мне нравится. А во-вторых, я тебе уже сказала, что не люблю драки прямо с

утра.

– Это мне крупно повезло, – усмехнулся Мелифаро. – Что даже справедливо. Хотя в чем-то должно мне везти.

– Тебе очень плохо? – спросила его принцесса.

– Ну да, не то чтобы хорошо, – согласился Мелифаро. Прошел к окну, уселся на подоконник и наконец спросил: – Ради какого драного лешего ты влез в это дело, сэр Макс? Я думал, мы друзья.

– Все бы так в мои дела лезли, как я в твои, – огрызнулся я. – Хорошая была бы жизнь: никто ни черта обо мне не знает и ни во что не вмешивается. Такая красота! Я, учти, до сих пор толком не в курсе, что там у вас случилось. Кенлех спросила, можно ли ей пожить в Мохнatom Доме. Я не мог отказать: это и ее дом тоже. А если бы даже был не ее, я пока не настолько преуспел в искусстве злодейства, чтобы среди ночи бросать старых друзей в беде. Днем еще туда-сюда, можно попробовать. А по ночам ни хрена не выходит. Видимо, это просто не мое...

– Заткнись, пожалуйста, – бесцветным голосом попросил Мелифаро. – Мне и так тошно, а тут еще ты не пойми что несешь.

– Он, между прочим, не уменьшил тебя и не спрятал в кулак, – внезапно заступилась за меня принцесса. – Хотя я сама предлагала ему так поступить, потому что ты слишком рано пришел и всех разбудил. Мне Сэромакс такого не позволяет, хотя мы с ним, вроде бы, тоже друзья. А ты говоришь ему: «Заткнись». Это очень невежливо – сперва разбудить человека ни свет ни заря, а потом затыкать!

– Твоя правда, красотка, – неохотно согласился Мелифаро. И сказал мне: – Не затыкайся, если не хочешь. Я был неправ.

– Да ладно тебе, – отмахнулся я. И достал из Щели между Мирами чашку кофе. Потому что должна быть в человеческой жизни хоть какая-то радость. Даже если эта жизнь – моя.

– И мне! – потребовала принцесса.

Трудная жизнь рядом со мной сделала бедняжку поклонницей очень странных напитков, которых в нашем Мире не водится, он не настолько сошел с ума. Например, жидкого растворимого какао, ярко-зеленого травяного лимонада и даже кофе, но при условии, что в его составе не меньше половины молока. Даже не знаю, как она будет обходиться без всего этого жуткого иномирного пойла, когда вернется на службу к халифу. Единственный вариант – научить ее еще и фокусу со Щелью между Мирами, в придачу ко всем остальным. И начать занятия прямо сегодня, не откладывая и не оправдываясь, что и без того куча дел. Мы ответственны за тех, кого напоили гнусным растворимым какао из другой реальности, я это

имею в виду.

– И тебе? – спросил я Мелифаро.

Он раздраженно передернул плечами, но чашку капучино из моих рук принял. И даже сделал глоток прежде, чем поставить ее на подоконник и забыть навсегда.

– Ты бы мог уговорить Кенлех остаться дома, если бы захотел, – сказал он.

– Уговорить человека, который с порога заявляет: «Только не вздумай меня уговаривать», – такое под силу разве что Джуффину. Ну, может, еще каким-нибудь дипломатическим асам из Канцелярии Забот о Делах Мира. Но уж точно не мне.

– Кенлех тебя обычно слушается. Ты для нее почему-то большой авторитет... Ладно, прости. Сам понимаю, что хочу невозможного. Если бы от тебя ушла девушка, я бы тоже не стал силой ее возвращать. Но мне все равно обидно. И злость берет. И кажется, что если бы ты взял мою сторону, все было бы совершенно иначе. Такой вот парадокс.

– Как можно взять чью-то сторону в подобном деле? – удивился я. – Добро бы вы поругались, тогда еще можно было бы разбираться, кто прав, а кто... только по-своему прав. Но Кенлех сказала, вы не поссорились, просто любовь прошла. Причем не у нее, а у тебя. А она это почувствовала. И решила выйти из игры. Что я, по-твоему, должен был ей на это сказать? «Тебе показалось»? «Нет, не показалось». «Все-таки показалось». «Точно знаю, не показалось». Повторять, пока кто-нибудь из собеседников не сойдет с ума.

Принцесса, проспавшая всю нашу с Кенлех вчерашнюю встречу, покосилась на меня с откровенным негодованием. «Что ж ты, неказистая вероломная задница, не разбудил меня, когда шли такие интересные разговоры?» – было написано на ее лице.

– Ерунда какая, – сказал Мелифаро. Закрыв лицо руками и повторил: – Какая ерунда.

Но особой убежденности в его голосе не было. Скорее в нем звучала досада. И еще усталость, такая тяжкая, словно он не только минувшую ночь, а лет триста перед этим не спал.

– Почувствовала она, – сердито пробормотал Мелифаро. – Нет, видите ли, любви. Да у любого нормального человека настроение тысячу раз в день меняется. Иногда бывает просто вообще не до всего, а полчаса спустя любовь снова на месте...

– Как на самом деле было, не знаю, – сказал я, – но Кенлех говорит, что не сразу решилась уйти, а несколько дней ждала. Тоже поначалу

думала, все изменится.

– Значит, надо было еще пару дней подождать, – огрызнулся он.

– Ну так ты это не мне, а ей скажи.

– Да не могу я ничего ей сказать! – рявкнул Мелифаро. – Она научилась ставить барьер от Безмолвной речи. Не знаю, когда успела. Надеюсь, это не ты ее научил?

– Не я. Какой из меня учитель.

– Между прочим, очень даже хороший! – встряла принцесса.

Не совсем ко времени пришелся этот ее комплимент; к счастью, Мелифаро не обратил на него внимания. Ему было не до того.

– Хотя бы письмо ей передашь? – спросил он меня.

– Да вообще не вопрос. Передам все, что скажешь, если Кенлех согласится впустить меня в комнату. Вчера она вполне охотно со мной разговаривала, но может, только потому, что выбора не было? С девушками никогда не знаешь...

– Вот именно! – горячо подтвердил Мелифаро. – Никогда ни хрена с ними не знаешь. То-то и оно.

– Но кстати, письмо можно отправить ей прямо в окно, как заказ из трактира, – сообразил я. – Ты же помнишь, где ее окна?

– Еще бы! Знал бы ты, сколько раз я в эти окна когда-то тайком от ее сестер залезал. Не то чтобы девчонки всерьез возражали против моих визитов, но Кен очень нравилось, что у нее теперь есть самый настоящий секрет...

– Ну так за чем дело стало? Не разучился же ты с тех пор в окна лазать?

– Не разучился, – вздохнул Мелифаро. – Но сейчас не полезу, хотя, наверное, надо бы. И дело даже не в том, что Кенлех со мной говорить не захочет. А в том, что, по большому счету, будет совершенно права.

Я не стал спрашивать: «Ну и на кой ты тогда примчался с утра пораньше?» – потому что по опыту знаю, как невыносимо трудно сидеть на месте и ничего не предпринимать, когда собственная жизнь рушится тебе же на голову, и при этом единственная причина катастрофы – ты сам.

Но вопрос, конечно, все равно висел в воздухе. И Мелифаро на него ответил; впрочем, скорее себе, чем мне:

– Она права, что ушла, но я не хочу, чтобы так было. Я этого не выбирал.

– А у нас считается, будто угуландские колдуны никогда не сходят с ума только потому, что любовь пришла, или, наоборот, закончилась, – задумчиво сказала принцесса после того, как Мелифаро получил срочный вызов от кого-то из полицейских, вынужденно приободрился и покинул нас.

– Ну, положим, по-настоящему, так, чтобы ощущался запах безумия, никто на моей памяти с ума от любви действительно не сходил. И сэр Мелифаро не сойдет, можешь быть за него спокойна. А горевать – вполне обычное дело. Что ж мы, не люди?

– Люди, – согласилась принцесса. И, подумав, неуверенно добавила: – Но все-таки не совсем.

Кто бы вообще говорил – дитя Красной пустыни, появившееся на свет настолько хитроумным способом, что с точки зрения пресловутых Пожирателей даже не считается рожденной в этом Мире. А «не совсем люди» все равно почему-то самые обыкновенные, толпами по улицам бегающие мы.

Но спорить я не стал. Пусть думает, что хочет. Девчонкам положено всякими глупостями головы забивать, так лучше уж такими безобидными. А мы, угуландские колдуны, как-нибудь переживем.

– Еще поспать хочешь? – спросил я.

– Хочу, – неуверенно сказала принцесса. – Но, наверное, уже не усну. Очень уж разволновалась от этой истории, хотя меня, вроде бы, не касается. Но я от стихов и сказок тоже всегда так волнуюсь. И даже от учебников по истории надолго теряю покой: все сдадут экзамены и забудут, а я потом еще долго переживаю из-за какой-нибудь несправедливости – ну, что одному древнему царю помешали жениться, на ком захотел, или военачальница влюбилась в пленного вражеского полководца, но все равно должна была приказать его убить... А потом как вспомню, что они давным-давно умерли, и уже никому не поможешь, и ничего не исправишь, так всех становится жалко, что могу целый день проплакать. Просто беда! С тех пор, как состою на службе при дворе великого халифа Кутай Ан-Арумы, ни одной книжки про историю и ни одной романтической поэмы не прочитала, чтобы настроение не испортить: нам, ближней свите, подолгу грустить нельзя... Но кстати! Сейчас-то мне грустить можно! И настроение все равно плохое, портить уже почти некуда. А у тебя, наверное, целая куча всяких интересных книжек! Можно их почитать?

Я быстро сообразил, какую пользу можно извлечь из этого ее желания. Сказал:

– Самые интересные книги у меня в кабинете, в башне. Предлагаю

сделку: мы пойдем туда, и ты читай, что захочешь. А я еще немного посплю. У меня там отличный диван. Такой короткий и неудобный, что я на нем засыпаю мгновенно, просто ему назло.

– Ты даже с диваном способен ссориться и пререкаться! – восхитилась принцесса. – Вот что значит настоящий злодей!

* * *

Однако насладиться злодейской ссорой с диваном, а потом мстительно на нем выспаться мне этим утром не удалось. Место уже было занято единственным человеком, от которого можно ожидать подобного вероломства. Но я все равно не ожидал.

В первую секунду я его вообще не узнал. Застыл на пороге и растерянно думал: что здесь делает этот проходимец, одетый в подозрительную пижаму, скроенную на манер ташерских походных костюмов? Загорелый, небритый, с сухими осенними листьями в волосах. Как он сюда попал? Как вообще в мой кабинет может попасть посторонний, и что мне теперь придется с ним сделать, чтобы впредь никому не повадно было этот подвиг повторять? Убить – точно перебор, а превращать людей в неодушевленные предметы я до сих пор толком не умею. Нарочно не стал этому учиться: при моем темпераменте подобные умения – все равно, что взрывчатку в карманах таскать. Единственный доступный мне способ быстро и эффективно расправиться с захватчиком территории – уменьшить и спрятать в пригоршню, но подобным обращением, честно говоря, никого, кроме шиншийской принцессы, нельзя всерьез испугать, только крепко обидеть; с другой стороны, обидеть в сложившихся обстоятельствах – совсем неплохой вариант.

Только когда захватчик дивана устало спросил: «С каких это пор ты завел привычку подсакивать на рассвете? Или еще не ложился?» – я понял, что это сэр Шурф Лонли-Локли. Хотя и выглядит так, словно с поста Великого Магистра Ордена Семилистника его давным-давно сместили, и он загулял на радостях. И гулял в свое удовольствие как минимум полторы сотни лет. При том, что еще вчера...

– Ой, какой же ты встрепанный! – восхитилась принцесса. – Ты, оказывается, тоже умеешь ночь напролет чудить?

– Умение чудить ночь напролет не относится к числу особо изощренных искусств для немногочисленных избранных, – хладнокровно заметил Шурф. И, повернувшись ко мне, сказал: – Я пришел сюда, чтобы

отдохнуть и перевести дух, в полной уверенности, что в это время суток ты спишь. Забавно, что став одной из самых важных персон в Соединенном Королевстве, я утратил право на личную, приватную территорию; единственное место, где я могу рассчитывать если не на гарантированное уединение, то хотя бы на некоторую конфиденциальность, это твой дом. Извини, если своим вторжением нарушил твои планы...

– В задницу мои планы, – отмахнулся я. – Перевести дух – после чего? Что у тебя случилось? И почему когда оно начало случаться, ты меня не позвал?

– Потому, что некоторые вещи следует делать в одиночку, – туманно объяснил мой друг. И умолк, как будто все уже было сказано. Даже глаза закрыл.

В такие моменты, по уму, следует переходить к бытовому насилию. Но хрен к нему перейдешь, когда оппонент на голову выше. И чуть ли не вдвое шире в плечах. И о боевой магии знает больше, чем ты, приложив все мыслимые усилия, вызубришь за тысячу лет. К тому же обладает такой специальной разновидностью обаяния, что его ни при каких обстоятельствах не хочется поколотить. Вот просто не хочется, и хоть ты тресни. Как говорит в аналогичных случаях Иллайуни, горькая жизнь моя.

Поэтому я просто спросил:

– Чаю хочешь?

И полез в Щель между Мирами, не дожидаясь ответа. Чего там ждать.

Наградой мне стала мечтательная улыбка на небритом лице бродяги, в которого буквально за какие-то несчастные сутки превратился сэр Шурф.

– Самое нелепое, что у меня в итоге так ничего и не получилось, – сказал Шурф, принимая из моих рук кружку с чаем.

При этом глаза его натурально сияли нездешним светом, а улыбка не только никуда не делась, но и превратилась из мечтательной в торжествующую.

– Что именно у тебя так прекрасно не получилось, что смотреть завидно? Я тоже хочу.

– На самом деле хорошего мало. Я хотел узнать, как покончить с Пожирателями. Полный провал. Окончательный и бесповоротный. Все, что мне удалось выяснить, – Древние действительно ничего об этом не знают. Этот Ерги Отшельник, драть его солнце в овраге, никому ничего толком не объяснил. А потом пропал. Я-то надеялся, Древние только Джуффину ничего не рассказали, чтобы не сбивать с толку: у них тогда были более важные совместные дела. А мне расскажут, потому что на меня у них нет

никаких планов, могу развлекаться, как захочу. Но нет. Из Древних хитрецы примерно как из тебя. Собственно, гораздо хуже. Они даже неудачно не способны соврать. Говорят, разводя руками: «Скорее всего, вообще нет никакого секрета, и учиться тут нечему, просто Ерги был такой особенный человек!»

– Так, – ошеломленно сказал я. И зачем-то повторил: – Так.

И полез в карман за сигаретами. В кармане их, разумеется, не было, но это как раз неважно. Главное, что Щель между Мирами в этом грешном кармане все-таки обнаружилась, несмотря на мою растерянность и полную неспособность хоть на чем-то сосредоточиться. Видимо, этот трюк, когда-то натурально всю душу из меня вынувший, потому что концентрироваться на задаче всякий раз приходилось не менее получаса, давным-давно освоил даже мой автопилот.

Я еще и кофе себе из кармана добыл. И какой-то убийственно яркий оранжевый лимонад для принцессы. И компактный зонт-автомат, черный, с мелкими улыбочивыми черепами – сам не понимаю, как это получилось. Когда-то я регулярно доставал из Щели между Мирами зонтики вместо нужных вещей, по ошибке, но этот зонт появился не вместо, а в дополнение ко всему остальному, хоть и непонятно зачем.

Впрочем, принцесса устала на мою бессмысленную добычу с таким восхищением, что я сразу отдал ей зонт, показав, как им пользуются. Она тут же принялась раскрывать и закрывать свое сокровище, на радостях даже забыла о необходимости держаться за меня.

– Ты что, ходил по Мосту Времени к Древним? – наконец спросил я Шурфа.

Тот только плечами пожал. Дескать, ну а как иначе я бы с ними побеседовал?

– Вот так просто взял и пошел? – не унимался я. – И у тебя получилось? Весь вот этот ужас? Как тебе вообще в голову такое пришло?

– Идея не то чтобы оригинальная, – флегматично отвечал мой друг. – Я не первый в Мире человек, пересекший Мост Времени. Ты сам по нему тоже ходил. А до тебя – еще целая куча народу. Почему бы и мне не пройти? Что в этом такого удивительного?

– Теоретически ничего, – согласился я. – Но все равно трудно поверить. Не знаю почему. Наверное, потому, что мне самому понадобилось очень много отчаяния, чтобы решиться и сделать. Хотя это, конечно, не единственный способ, все люди разные...

– Люди разные, а мы с тобой – не особо. Мне тоже понадобилось много отчаяния. Все, на какое я способен. Но я в этом смысле довольно

удачно устроен. Что-что, а испытывать отчаяние совсем неплохо могу. По крайней мере, для выполнения этой задачи его хватило. Ребята очень смеялись. Ну, в смысле Древние. Сказали, я настолько безумен, что им даже завидно.

– Ну хоть кто-то еще, кроме меня способен оценить тебя по достоинству, – невольно улыбнулся я.

– Да, – серьезно подтвердил мой друг. – Я наконец-то обрел широкую понимающую аудиторию. Compliments за эти полдюжины дней наслушался на тысячу лет вперед.

– Ты полдюжины дней там провел? – ахнул я.

– Да. Только мне кажется, точности ради, следует говорить не «там», а «тогда». Место-то то же самое: окрестности Сердца Мира и его Темная Сторона. Мог бы, кстати, погостить и подольше, в шею меня, хвала Магистрам, никто не гнал, но я понял, что еще пару дней такой распрекрасной жизни, и я не сумею, вернувшись, маломальски убедительно изображать хоть какое-то подобие прежнего себя. А это не дело. Моих обязательств никто не отменял, а чтобы их выполнять, следует хотя бы отчасти оставаться тем человеком, который их на себя когда-то взял.

– Понимаю, – кивнул я. И, поколебавшись, спросил: – Ты сказал, тебе тоже понадобилось все отчаяние, на которое ты способен. Но откуда оно взялось? Неужели только из-за Пожирателей? Которые, при всех своих недостатках, почти никому не грозят... То есть на самом деле вообще никому в Мире, включая посторонних сновидцев, но это я только сегодня выяснил. Иллайуни был столь любезен, что прогулялся по сновидениям нашего Мира и внимательно все осмотрел.

На Шурфа эта новость не произвела никакого впечатления.

– Да какая мне разница, – нетерпеливо сказал он. – Нет этих тошнотворных чудовищ на границах отдельно взятого нашего Мира – и что с того? Где-то во Вселенной они все равно есть. Никуда не делись. Мне, если говорить откровенно, в достаточной степени безразлично, каких именно сновидцев они съедят – наших или чужих. Но знать, что Пожиратели существуют, и ничего с этим не делать для меня невыносимо. А для тебя оказалось выносимо?

– Да, вполне, – неохотно признался я. – Поначалу думал, что жить не смогу с этим знанием, но почему-то отлично смог. Видимо, присутствие юной леди Тапуты слишком хорошо меня успокоило. А хорошо успокоенный я – это довольно мило, но по сути, совершенно бесполезная ерунда. Только вчера понял, что моя сила – как раз в способности беситься по любому пустяковому поводу. Где-то что-то на миллиметр отклонилось

от моих представлений о должном? Ну, сами виноваты, всем трындец. Я – воинствующий идеалист, таким и надо оставаться. Умных, уравновешенных магов, способных держать под контролем все, начиная с собственных помыслов, не растрачиваться на всякую недостижимую ерунду, и без меня предостаточно... Будешь смеяться, но я до последнего был уверен, что ты – один из них. Извини. Кажется, я здорово тебя недооценивал. А думал, знаю чуть ли не лучше, чем себя самого.

– Да я и сам себя недооценивал. Или, наоборот, переоценивал – так, пожалуй, точней. Был уверен, что способен если не целиком контролировать свои чувства, то, по крайней мере, не идти у них на поводу в тех случаях, когда это представляется неразумным. Но, как видишь, у всякого свой предел. Думаю, дело в том, что когда-то давно, еще в юности, после того, как погиб мой отец, я решил, что смерть – не только печальное и нежелательное, но и оскорбительное явление^[23]. Как она смеет отменять нас навсегда? И сделал своей главной задачей победу над смертью. Столько времени с тех пор прошло, столько всего успело произойти, наивный мальчишка, принявший решение победить смерть, стал совершенно другим человеком, причем несколько раз. И каждому из людей, которыми я успел побывать, многократно предоставлялась возможность понять, что смерть – далеко не худшее, что может произойти, поскольку она, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев, вовсе не конец приключений сознания. Но задача никуда не делась. Как была поставлена, так и стоит, я ее с тех пор не пересматривал. Может быть, кстати, правильно делал, этого я пока не знаю. Еще не решил.

– И Пожиратели отлично подошли на роль твоего главного врага? Та самая разновидность смерти, с которой невозможно смириться? Голодное небытие?

– Вот именно, – подтвердил мой друг. – Ты все правильно понимаешь. Когда вдруг оказываешься лицом к лицу с задачей, которую когда-то назначил для себя самой главной, довольно непросто сидеть сложа руки только потому, что она тебе не по зубам. А если уж я говорю «довольно непросто»...

– ...значит, гораздо более невозможно, чем я способен вообразить.

– Подозреваю, что ты-то как раз вполне способен. Но, по большому счету, именно так.

– А как ты построил Мост Времени? – спросил я. – Технически, я имею в виду. Я бы точно не смог, если бы леди Сотофа не передала мне свой опыт. Она и тебе помогла?

Шурф отрицательно покачал головой.

– Если она и в курсе – что весьма вероятно, я не особо ободряюсь насчет собственной способности скрывать от Сотофы свои дела, – то не подает виду. По крайней мере, не подавала; как будет дальше, не знаю. Но в тайном хранилище библиотеки Иафаха, хвала Магистрам, есть немало интересных документов по этой теме. Плюс у меня был твой опыт. Та его часть, к которой можно получить доступ в сновидении. Получается, я за тобой бесцеремонно подсматривал. Но не уверен, что это тот случай, когда следует говорить: «Извини».

– Даже так? – опешил я.

– Можно подумать, ты ждал чего-то другого. Я любопытный, вряд ли для тебя это великая новость. Знания для меня всегда были важнее всего.

– Я просто не подозревал, что существует техника, позволяющая увидеть во сне то, что происходило когда-то с другими людьми наяву. Тем более, пережить и усвоить чужой опыт, хотя бы отчасти. Чувствую себя теперь дурак дураком.

– Ну и напрасно, – усмехнулся сэр Шурф. – Нет такой техники. А если и есть, я о ней никогда не слышал, пока сам не изобрел. Да не смотри ты так. Разумеется, я тебя научу – если, конечно, не выяснится, что мой метод годится только для того, чтобы подсматривать персонально за тобой. Я пока не знаю. Просто не успел попробовать с кем-нибудь еще.

– Это я восхищенно смотрю, если что.

– Хорошенькое у тебя восхищение! – неожиданно рассмеялся Шурф. – Я в какой-то момент почувствовал себя на месте ни в чем не повинного обывателя, которого вот-вот испепелит взглядом взбесившийся колдун.

– Да ладно тебе, – улыбнулся я. – Какой может быть пепел, я просто люто завидую. Что-то ты разошелся. Стал совсем уж непомерно крутой.

– Иногда это совершенно необходимо, – серьезно сказал мой друг. – Я имею в виду, прыгать выше собственной головы, превосходить ожидания, свои и чужие, пускать пыль в глаза, вызывать зависть. Всегда этого втайне хотел, но считал неразумным мальчишеством, если не вовсе недостойным шутовством, и тебе не раз выговаривал за подобные вдохновенные выходки; получается, ошибался. Такое поведение дает доступ к особой разновидности силы – веселой, легкой и радостной, не понуждающей к действию, а соблазняющей на него; словом, той самой, которой мне всегда недоставало. Древние объяснили, почему так про...

Договорить ему не дала принцесса. Подошла ко мне, размахивая зонтом, вцепилась в руку и сказала несчастным голосом, грозящим в любой момент перейти в ужасающий девчачий рев:

– Смотри, я его сломала. Твой чудесный подарок, весь в черепах! Вы

оба такие прекрасные, у вас такие интересные разговоры и тайны! А я, унылая неказистая задница, только и могу, что подарки ломать!

Пришлось теперь мне прыгать выше собственной головы. Потому что зонтов я до сих пор никогда в жизни не чинил. Но перед угрозой надвигающейся бури сумел выправить погнувшуюся спицу. Причем даже магию не применял. Если и есть заклинание, пригодное для ремонта сломанных зонтиков, эта великая тайная мудрость как-то прошла мимо меня.

Шурф с неподдельным интересом наблюдал за этой мистерией. Когда я отдал принцессе исправленный зонт, сказал без тени улыбки:

– Ты тоже сейчас превзошел мои ожидания. Вообразить не мог, что ты способен чинить сломанные вещи. Все что угодно – да. Но только не мелкий ремонт.

– Кончай издеваться, – усмехнулся я.

– Этого я тебе обещать не могу, – все так же серьезно ответил мой друг. – Мне чрезвычайно убедительно объяснили, что человек, имевший неосторожность поставить перед собой невыполнимую задачу, должен позаботиться о том, чтобы в его жизни было как можно больше радостей и наслаждений – просто для равновесия, чтобы не позволить отчаянию себя одолеть. Я намерен придерживаться этой рекомендации и ни в чем себе не отказывать. Так что придется тебе терпеть.

– А я могу чем-нибудь помочь? – деловито спросила принцесса. – Что еще тебя радует, кроме издевательств над Сэрوماксом? Не может быть, что больше ничего.

– Разумеется, ты можешь помочь, – сказал ей сэр Шурф. – Например, выяснить для меня, как ругаются ваши ученые. И еще сельские жители. В этих областях у меня до сих пор пробел.

– Насчет ученых я обязательно разузнаю! – просияла принцесса. – И даже знаю, кого можно для начала спросить. У моей лучшей подруги отец профессор чего-то такого ужасно сложного, хуже математики... А сельские оскорбления ты и так уже знаешь: это же именно они теперь стали придворными. Девчонки из ближней свиты, которые первыми придумали в шутку ругаться, как раз были родом из деревень!

– Спасибо, – поблагодарил ее Шурф. – Этого ты раньше не говорила. А ведь чрезвычайно интересный и важный нюанс.

– Тебя дальше радовать или оставить в покое? – спросил я.

– Даже не знаю, какому из этих искушений поддаться. По уму, мне вообще надо бы вернуться в Иафах. С другой стороны, я перед уходом привел дела в настолько идеальный порядок, насколько это вообще

возможно для текущих дел. Так что в ближайшее время меня, надеюсь, не хватятся. А даже если хватятся, как-нибудь переживут. Пару часов поспать мне, пожалуй, не помешает. Я там... тогда... ну в общем, в глубокой древности не то на радостях, не то от жадности глаз почти не смыкал.

– Значит, оставить в покое до вечера, – заключил я.

– Ну не то чтобы непременно до вечера, – возразил мой друг.

Но особой убежденности в его голосе не было. Он и сам понимал, что до вечера – самое то.

* * *

В гостиной, куда мы с принцессой спустились – она в предвкушении завтрака, а я просто так, за компанию, потому что надо же куда-то себя, ошалевшего от новостей, девать, – было пусто и отвратительно, недопустимо солнечно с точки зрения невыспавшегося человека в моем лице. А так-то, объективно, вполне замечательно. Как всегда.

Впрочем, ни яркое солнце, ни ароматы еды, ни бардак в голове не помешали мне задремать на диване, пока принцесса предавалась радостям чревоугодия, деликатно прислонившись к моим ногам. Раскрытый зонт она ловко пристроила над головой, прижав подбородком к ключице, чтобы освободить руки. Это зрелище подействовало на меня умиротворяюще, как всегда действует мелкий житейский абсурд.

Когда я проснулся, принцессы рядом не было. Оглядевшись, я обнаружил, что она, по-прежнему с зонтом в руках, стоит у окна и смотрит на улицу. Привычно порадовавшись, что девчонка уже совершенно добровольно подолгу без меня обходится, а значит, скоро снова начнется нормальная жизнь, я попытался устроиться поудобнее, но принцесса, услышав, как я ворочаюсь, обернулась, убедилась, что я проснулся, и восхищенно выпалила:

– Представляешь, там, на улице стоит сам великий халиф Кутай Ан-Арума! Специально пришел посмотреть, где и с кем я живу. Так приятно, что великому халифу настолько интересно, как у меня дела!

Я схватился за голову.

– Ты что, серьезно? Халиф заявился к нам в гости? Без предупреждения? Ну он дает!

– Великий халиф, – поправила меня принцесса. – Фамильярность даже злодею вроде тебя не к лицу! Не беспокойся, великий халиф Кутай Ан-

Арума пришел не в гости. Официальный визит он тебе нанести не может, ты же не ваш Король! А неофициально, тайком великий халиф посещает только дома ближайших друзей, а вы пока даже не знакомы. Но осмотреть твой дом, как любую другую достопримечательность, и задержаться на площади достаточно долго, чтобы дожидаться, пока ты выйдешь из дома, этикетом не возбраняется. Вот они и пришли.

– «Они»?!

– Ну да. Великий халиф Кутай Ан-Арума и его ближняя свита. А как иначе? Не в одиночку же великому халифу Кутай Ан-Аруме по городу ходить.

– И что теперь делать? – спросил я. – Срочно выйти на улицу, чтобы великий халиф удовлетворил свое любопытство и мог идти по другим делам?

– Выйти, конечно, надо, – согласилась принцесса. – Но не срочно. Торопиться нельзя! Излишняя поспешность будет выглядеть так, словно ты хочешь, чтобы великий халиф Кутай Ан-Арума поскорей ушел подальше от твоего дома, потому что он здесь мешает. А это очень нехорошо! Но слишком затягивать тоже не следует: тогда может показаться, что тебе приятно заставлять великого халифа Кутай Ан-Аруму томиться ожиданием. Лучше всего подождать столько времени, сколько требуется, чтобы принять ванну и тщательно одеться перед выходом. В общем, где-то от получаса до часа. Примерно так.

– Дырку над тобой в небе, как же все сложно! – простонал я.

– Ничего сложного. Обычная деликатность. К тому же тебе, наверное, действительно нужно принять ванну и одеться?

– Ну, в общем да.

– Вот видишь! Даже специально думать не надо, просто делать то, что и так собирался сделать. Настоящая деликатность требует непринужденного, естественного поведения. Не всем оно удастся, но следует стараться поступать именно так.

– А если бы меня просто не было дома? Или я проспал бы до вечера, не подозревая, что под стенами моего дома скучает великий халиф? Что тогда?

– Ну что ты, так не бывает, – снисходительно улыбнулась принцесса. – Великий халиф Кутай Ан-Арума сам в высшей степени деликатный человек. Это означает, что он все всегда делает вовремя. И не приходит смотреть на кого-нибудь интересного в его отсутствие.

– А откуда он знает, где я и какие у меня планы? Перед его визитом за домом следили? Но если бы я ушел отсюда Темным путем, или просто

уснул на три дня, как недавно случилось, такое хрен отследить, разве только с тобой связаться. Но у вас, как я понял, не в почете Безмолвная речь, а курьеров с записками в последнее время вроде бы не было. Или они приходили, пока я спал?

– Зачем какие-то записки? – удивилась принцесса. – Зачем вообще за тобой специально следить? Великий халиф Кутай Ан-Арума просто чувствует, в какой момент следует совершать тот или иной поступок. На то он и великий халиф!

– Ясно, – растерянно сказал я.

И отправился в ванную, по дороге перебирая в уме свой скудный гардероб, от пополнения которого меня вечно что-нибудь отвлекает. И вот докатился: не в чем выйти на улицу в такой торжественный момент, когда за порогом толпится любопытствующий шиншийский халиф.

С другой стороны, вряд ли халиф успел вникнуть во все тонкости нашей переменчивой моды. И длинное лоохи с непрозрачным капюшоном, какие приличные люди даже дома уже не носят, его не особо фраппирует. Разве только слегка удивит.

Зато принцесса, желая произвести впечатление, надела, как говорится, все лучшее сразу: свои парадные штаны, расшитую рубаху, меховую куртку, а сверху – остромодное лоохи, блестящее, с прозрачными вставками в самых неожиданных, на мой взгляд, местах. Она бы и еще пару штук надела, одно на другое, как не раз делала прежде, не в силах выбрать из груды обновок какую-то одну, но пару дней назад я как раз догадался ей объяснить, что так во всем городе одевается только старшина портовых нищих. Принцесса тогда возмущенно фыркнула, но информацию к сведению приняла.

Главным аксессуаром ее наряда стал, конечно, зонтик с черепами, которым принцесса победоносно размахивала над головой. На столь выгодном фоне я в кои-то веки выглядел серьезным, солидным человеком, живым воплощением скромности и умеренности. По крайней мере, без блесков. И без зонта.

Роль у меня тоже была чрезвычайно скромная. Перед выходом принцесса меня проинструктировала на предмет деликатного обхождения с великим халифом. Требования оказались довольно простые: близко не подходить, разговоров не затевать, даже не пытаться поздороваться. При желании, можно прижать руки к груди, как бы придерживая заколотившееся на радостях сердце, но размахивать ими не надо ни в коем случае, это будет воспринято как фамильярный до непристойности жест.

Зато взирая на халифа следует с нескрываемым восхищением. И одновременно, если получится, с потаенной тоской о невозможной по ряду понятных причин близкой дружбе с таким потрясающим человеком. Кому удастся наглядно продемонстрировать именно эту разновидность тоски, может считаться образцом хороших манер.

Я – скверный актер, поэтому даже не пытался симитировать все эти сложные чувства. Положился на импровизацию и не прогадал. Потому что шиншийский халиф, окруженный несколькими рядами девчонок с разноцветными косичками, и правда произвел на меня сильное впечатление. И дело вовсе не в его роскошных штанах, казавшихся скорей двумя пышными юбками, по одной на каждой ноге. И не в блестящей на зимнем солнце загорелой до кирпично-красного цвета лысине, и не в длинных, до пояса, белоснежных косах, свисающих от висков. Облик халифа был предсказуемо несуразен, но не имел никакого значения на фоне его чудесной улыбки и светло-зеленых глаз, лучащихся добротой. Добрых, сердечных людей я в своей жизни видел немало, взять хотя бы моих любимых соседей, урдерских трактирщиков. Но с шиншийским халифом даже они не могли сравниться. Его доброта была физически ощутима, я ее почти видел, почти глазами: она накрыла площадь у Мохнатого Дома, как огромный шатер.

Поэтому не знаю, как там у меня получилось с потаенной тоской; скорей всего, не особо. Зато нескрываемое восхищение удалось на славу, даже имитировать ничего не пришлось.

Принцесса отвесила своему боссу ритуальный поклон, заложив руки за голову; при этом чуть не выколола мне глаз дурацким зонтом, но обошлось, я вовремя отпрыгнул. Халиф поднял обе руки, как будто сдавался в плен; я уже знал, что у шиншийцев этот жест означает приветствие, да не простое, а наивысшей степени сердечности. Обычно так после долгой разлуки родители встречают детей. В исполнении халифа это приветствие – такая великая милость, что удостоившемуся ее даже завидовать не станут, как не завидуют солнцу за то, что оно высоко в небе и сияет ярче всех.

Принцесса восхищенно вздохнула. Сказала почти беззвучно:

– После такого приветствия я должна подойти к великому халифу. Но тебя с собой брать нельзя, это верх неприличия и бестактности. Великий халиф человек милосердный, вряд ли рассердится на чужеземца, по незнанию нарушившего правила, но оказаться посмешищем – слишком плохая, недостойная судьба для тебя. Поэтому знаешь что? Давай ты просто пойдешь в Дом у Моста, как собирался. А я тебя догоню, дорогу я

помню.

– Продержишься без меня так долго?

– Придется, – кивнула принцесса. – В крайнем случае, побегу к тебе быстро-быстро. Не стой столбом, иди! И если вдруг захочешь обернуться, чтобы еще раз посмотреть на великого халифа, имей в виду, так можно и даже желательно. Это – хороший тон.

Я так и поступил: пройдя несколько шагов, обернулся, чтобы халиф, упаси боже, не подумал, будто он мне неинтересен. И с превеликим удовольствием еще раз на него посмотрел, привычно сокрушаясь об отсутствии в Море даже намек на фотокамеры: какой был бы кадр! А потом не удержался от искушения и стал невидимым, причем исчез медленно, по частям. Это гораздо трудней, чем мгновенное исчезновение, зато производит неизгладимое впечатление даже на местную публику, о приезжих нечего и говорить.

Убедившись, что с неизгладимым впечатлением все настолько в порядке, что ближняя свита халифа издала нестройный восторженный визг, а сам он величественно приложил ладонь ко лбу в знак уважения к моему мастерству, я развернулся и зашагал в направлении улицы Медных Горшков, как был, невидимый. Очень соскучился по возможности ходить по городу, оставаясь незаметным. И по одиноким прогулкам как таковым.

* * *

В Дом у Моста я тоже вошел невидимкой. Без задней мысли, просто забыл принять хоть какой-нибудь облик. Неудивительно, если учесть, что за адская каша всю дорогу булькала у меня в голове. Назвать этот бедлам «размышлениями» язык не поворачивается, все же размышления выглядят совершенно иначе, даже мои.

О своей невидимости я вспомнил, только увидев, что по коридору прямо на меня стремительно идет леди Кайрена Умата. Причем, к сожалению, вовсе не потому, что внезапно решила заключить меня в объятия, а просто не видит препятствия. И отпрянул к стене. Она прошла мимо, такая ослепительно красивая, хоть в статую ее превращай, чтобы любоваться спокойно, в свое удовольствие, а не в коридоре, по случаю, когда леди Кайрена пробежит мимо с таким недовольным лицом, словно весь Мир захотела поставить в угол за безобразное поведение, а он не дается, еще и язык показывает, негодяй.

Удивительно все же, что кислое выражение совершенно ее не портило.

Кто угодно, нахмурившись и сердито поджав губы, выглядел бы отталкивающе. А она почему-то нет. И запах от нее исходил на редкость соблазнительный; я не нюхач вроде Нумминориха, но все равно оценил. Видимо, пока я присматривал за принцессой, мода на продовольственные ароматы успела радикально смениться, и теперь все вокруг будут пахнуть, как сладчайшее искушение. Было бы крайне немилосердно с их стороны. Мне и так непросто живется, а тут еще всякие соблазны по тысяче раз на дню преодолевай.

Когда леди Кайрена скрылась за поворотом, ведущим на полицейскую половину Управления Полного Порядка, я заметил, что в другом конце коридора стоит сэр Кофа. И смотрит ей вслед такими глазами, что я показался себе недостаточно невидимым. И вообще неуместным. Потому что есть вещи, которым лучше оставаться без свидетелей. Например, этот Кофин взгляд.

Я так впечатлился, что поспешно отступил обратно к выходу. Вышел на улицу, свернул за ближайший угол, избавился от невидимости, и снова отправился в Управление. Будем считать, я только что пришел.

С Кофой я столкнулся на пороге. Вид у него был такой мрачный, словно вернулись Смутные Времена. Хотя по долетавшим до меня обрывочным сведениям, они и не думали возвращаться. В смысле в городе было настолько тихо, насколько это вообще возможно, несмотря на обилие празднующихся шиншийских принцесс.

Я сделал вид, будто не замечаю Кофиного настроения. Выдал ему самую ослепительную из своего арсенала особо приветливых улыбок для исключительных случаев. Сказал:

– Целую вечность вас не видел. И очень скучал.
– Теперь еще одну вечность не увидишь, – невесело усмехнулся Кофа. – Мужайся, сэр Макс.

– Это еще почему?

– В Комуадском лесу объявилась новая разбойничья банда. Джуффин подозревает, будто ее возглавляет наш с ним общий знакомый, один неугомонный старый Старший Магистр. И считает, что я должен заняться этим делом лично. Меньше всего мне сейчас хочется надолго уезжать из столицы, но ничего не поделаешь, кеттариец оказывается прав несколько чаще, чем следует приличному человеку. Впрочем, на звание приличного человека он никогда и не претендовал.

– Когда поедете?

– Если ты имеешь в виду, успеем ли мы с тобой пообедать, то увы, нет. Прости, сэр Макс, но перед отъездом у меня назначено несколько важных

рабочих встреч. Ничего, вернусь, наверстаем, – добавил он так угрюмо, словно речь шла не об обедах, а о совместном посещении похорон.

• Распрощавшись с Кофой, я отправился на половину Тайного Сыска. По дороге спросил Джуффина: «Можно к тебе зайти?»

«Будет можно примерно через четверть часа, – пообещал шеф. – Если у тебя ничего исключительно срочного, подожди».

Дверь его кабинета была закрыта, так что оттуда не доносилось ни звука. И в зале общей работы ни единой живой души, способной проболтаться, с кем там заперся шеф. Идеальные условия, чтобы умереть от любопытства. Но я еще и не в таких невыносимых условиях выживал. Когда у тебя под рукой Щель между Мирами с безграничными запасами кофе, любое томительное ожидание превращается в долгожданную паузу между делами. Вот и сейчас этот способ помог.

Допив кофе, я вспомнил о принцессе. Это, конечно, отлично, что девчонка понемногу становится самостоятельной, но все равно интересно, как там она? Не выйти ли ей навстречу? Риск разминуться есть, но он совсем невелик...

Мои мысли сработали, как магнит: дверь распахнулась, и принцесса влетела в помещение, победоносно размахивая раскрытым зонтом. Выглядела она при этом мрачнее тучи; видимо все-таки тяжело ей пока без меня.

– Видишь, отлично я без тебя обхожусь! – почти сердито сказала она, усевшись на подлокотник кресла и вцепившись в мое плечо. – Могла бы еще и дольше, мне уже без тебя не холодно, только немножко тоскливо, но это не страшно... хотя с тобой, конечно, гораздо лучше. Ты все-таки очень прекрасный! И великий халиф Кутай АнАрума тоже так думает. Ты ему так сильно понравился, что он даже подарок тебе передал. Совершенно особый! Настоящий, а не волшебный, как всем.

– Да ты что!

Ради принцессы я расстарался, изобразил восхищение. Хотя на подарки мне, честно говоря, было плевать. Подарил бы мне сейчас кто-нибудь старого доброго Кофу, который не провожает страдальческим взором всяких дурацких полицейских начальниц. А в придачу к нему такого же старого доброго красавчика Мелифаро, способного довести до белого каления самым фактом своего блистательного существования, беспардонно счастливого в браке, так, что нормальным людям противно смотреть. Но вряд ли в сокровищнице шиншийского халифа есть волшебное зелье, позволяющее отменять перемены, которые нам по какой-то причине не нравятся. Так, к сожалению, не бывает, даже в трижды

магическом мире. Нет – значит, нет.

Но моих жалких актерских способностей с грехом пополам хватило, чтобы заинтересованно вытаращиться на принцессу:

– Что за подарок? Быстро давай его сюда.

– Вот! – торжественно провозгласила она, извлекая из кармана скомканную розовую бумажку. Огорчилась: – Ой, прости, я ее измяла, пока бежала. Сейчас!

Положила бумажку на колено и принялась старательно разглаживать, словно ее усилия и правда могли хоть что-нибудь изменить. Наконец неуверенно сказала:

– Ну вот. Так вроде вполне ничего. Эта записка, я сама понимаю, выглядит довольно скромно, если не знать, что она написана рукой самого великого халифа Кутай АнАрумы. Великий халиф иногда записывает на бумагу некоторые свои мудрые изречения и дарит их – но не думай, не всем подряд! Только людям, которые ему по какой-то причине очень понравились. И всегда выбирает записки наугад, поэтому получается еще и что-то вроде предсказания или просто отеческого совета. Кому как повезет.

На драгоценной бумажке мелким бисерным почерком было написано: «Не следует стремиться одержать победу, следует стремиться стать человеком, способным побеждать».

Ну, в общем, кто бы возражал.

– Придворные ученые давно уговаривают великого халифа Кутай Ан-Аруму позволить им составить большую книгу его мудрых изречений, – тараторила принцесса. – Но великий халиф не соглашается. Он считает, книга ненадежная вещь, она может попасть в руки кому попало, даже совсем глупому нелепому засранцу, который все слова прочитает, а все равно ничего не поймет. А это очень плохо! Непонимание наносит мудрости великий вред. Любое мудрое изречение, неправильно понятое сорок тысяч раз, становится бессмысленной глупостью, хотя все слова остаются на месте, и, по идее, в них должен быть прежний смысл. Но нет, смысл от непонимания исчезает. Такое происходит злое, негодяйское колдовство! Поэтому великий халиф Кутай Ан-Арума предпочитает сам выбирать людей, которым можно доверить его возвышенные мысли. Я даже удивилась, что он тебя тоже выбрал. При всех своих достоинствах, ты все-таки самый настоящий неделикатный злодей!

Я посмотрел на нее с интересом.

– Правда, что ли, из книги может исчезнуть смысл, если ее прочитает слишком много дураков? Ничего себе! Ну и дела.

– Конечно, правда, – подтвердила принцесса. – Если уж сам великий

халиф Кутай Ан-Арума так говорит. Поэтому ты, пожалуйста, постарайся понять послание правильно. И на всякий случай не перечитывай его сорок тысяч раз. Ты – единственный читатель. Будет жалко, если эта драгоценная истина из-за тебя утратит смысл.

– Ладно, – пообещал я. – Сорок тысяч раз перечитывать, так и быть, не стану. Очень хочется, но я умею держать свои страсти в узде.

– Этот полемический прием, – укоризненно сказала принцесса, – называется «сарказм». Ты думал, я не пойму? У нас его изучают в придворной школе этикета и хороших манер, причем с единственной целью: чтобы знать, почему его не следует применять в разговорах с близкими друзьями и просто приятными собеседниками.

Я опешил, как и положено разоблаченному злодею, но меня, сам того не зная, выручил сэр Мелифаро. Вышел из кабинета Джуффина с таким несчастным лицом, что принцесса мгновенно забыла не только о моем неуместном сарказме, но и о своем возлюбленном зонтике. Отбросила его в сторону, подскочила к Мелифаро и крепко его обняла.

– Ух ты! – обрадовался тот. – Ну, если такие красотки сами на шею кидаются, значит, в жизни еще есть какой-то смысл.

– Вот кто бы говорил, – укоризненно заметил я. – Ты сам весь, целиком, от макушки до пяток, смысл.

Мелифаро посмотрел на меня с таким неподдельным удивлением, словно я его разбудил, и теперь он пытался понять, кто я такой и откуда здесь взялся. Наконец сказал:

– Спасибо, что напомнил. А я – дурак, что забыл. И тебе спасибо, юная леди, – улыбнулся он принцессе.

– Не за что, – ответила принцесса. – Иногда людей надо обнимать. Но только тех, которые очень нравятся, иначе получится полная ерунда. А знаешь что? Приходи сегодня к нам в гости! Ты же больше не сердишься на Сэромакса? Он не виноват: с каждым может такое случиться, что в его доме спрячется чья-то жена!

– Вот кому на самом деле надо издать книжку с мудрыми изречениями, – заметил я. – И нет, это не называется «сарказм». Это называется «удачная коммерческая идея». Будь я книгоиздателем, прямо сейчас подписал бы с тобой контракт.

– У меня пока не так уж много по-настоящему мудрых мыслей, – вздохнула принцесса. – На целую книжку точно не наберется. Максимум – на школьную тетрадь.

– Спасибо за приглашение, – сказал ей Мелифаро. – Я не могу его принять, но только потому, что уеду из города еще до вечера. На кого я

сейчас действительно сержусь, так это на своего начальника. И на Тонтони Гуабу, бывшего Старшего Магистра Ордена Колючих Ягод. И на молодых идиотов, которые вокруг этого типа собрались и ушли за ним в Комуадский лес, одержимые какими-то утопическими идеями. И еще на Кофу – авансом, заранее. Представляю, сколько крови он из меня выпьет по пути...

– А сэр Кофа Йох пьет человеческую кровь? – ахнула принцесса, и так-то до сих пор относившаяся к Кофе с изрядным опасением. – Вот мне с самого начала сердце подсказывало, что он – великий злодей!

– Злодей – не то слово, – подтвердил Мелифаро. – Но, справедливости ради, кровь из ближних он пьет только в переносном смысле. То есть в живых я наверняка останусь. Так что повеселимся еще.

Последняя фраза в его исполнении прозвучала почти угрожающе. Но насколько я успел изучить устройство сэра Мелифаро, это даже хорошо. От его злости всех бед – в худшем случае драка. Зато потом – снова лучезарное настроение, в точности как у шиншийских принцесс.

– Что там такое невероятное стряслось в Комуадском лесу, что туда все так срочно едут? – спросил я Джуффина.

– Ну, во-первых, не все, – отвечал шеф. Он выглядел очень довольным, но не как в начале всякого сложного дела, а скорее, как кот, за один присест уписавший недельный запас свежих сливок. – А только некоторые избранные счастливчики. Надо же им отдохнуть на природе от тяжелой работы на Столичную полицию. Я считаю, пора.

– Вот как, – понимающе кивнул я.

Теперь срочный отъезд Кофы и Мелифаро предстал мне совсем в другом свете. Интересные у нас тут происходят дела.

– Банда, если что, самая настоящая, – усмехнулся Джуффин. – И даже Магистра Тонтони Гуабу я не припел для пущей важности, готов спорить на сто корон, без старика дело не обошлось. Но они очень вовремя объявились, это правда. Спасли меня от неприятной необходимости официально запрещать какую бы то ни было работу на полицейских без моей специальной санкции. Помогать коллегам в особо сложных случаях, когда у нас самих работы немного – хорошее, полезное дело; сам знаешь, я это всегда приветствовал. Но то, что творится в последние дни – уже ни в какие ворота. Я этих двоих даже на совещаниях не каждый день видел. Притом, что ничего из ряда вон выходящего в городе не происходило. С аналогичными ситуациями Трикки всегда отлично справлялся сам. И сейчас бы справился, не сомневаюсь.

– Так почему он не?..

– Потому что только дурак станет отказываться от добровольной помощи, которую, к тому же, организовала его начальница. То есть отказаться – дороже будет. Только наживешь проблем.

– По-моему, пора возвращать Бубуту, – невольно улыбнулся я. – Леди Кайрена, конечно, красotka, каких Мир не видывал, но для счастья этого явно маловато. К тому же Бубута, как вы все в свое время убедительно мне доказали, тоже чертовски привлекателен...

– А разве она красotka? – удивился Джуффин. – По-моему, не особо. Но это недостаточно веская причина возвращать Бубуту. Ну его к лешим. С ним было гораздо скучней.

– А леди Кайрена тебя развлекает?

– Да не то слово. Обожаю рушить чужие планы, особенно когда это планы погулять за мой счет. С огромным наслаждением буду каждый день повторять: мы бы и рады по-дружески вам помочь, да не можем, все сотрудники заняты. Уехали в Комуадский лес. Нумминорих, кстати, очень давно не был в отпуске, надо ему сказать, пусть куда-нибудь съездит, развеется, пока и его по дружбе не припахали вынюхивать каких-нибудь нелепых карманников. В столице останемся мы с тобой и леди Кекки, но за нее я совершенно спокоен: наша Кекки – кремень. Я тоже. Ты, к сожалению, не всегда, но юная леди Тапута чрезвычайно удачно и своевременно связала тебя по рукам и ногам. Повезло Кайрене! Отличный шанс слезть с чужих шей и наконец-то начать работать самостоятельно, не цепляясь за полы наших лоохи. И на личном опыте убедиться, что ничего особо ужасного в этом нет.

– Вряд ли она сама согласится считать это везением, – усмехнулся я. – Но план отличный. Лучше всех устроился Нумминорих. Получить отпуск за слишком покладистый характер – такое не с каждым случается. Я за него рад.

Принцесса наконец вошла в кабинет. Взяла меня за руку и сказала Джуффину:

– Видишь, как долго я просидела без Сэромакаса? А перед этим, когда встречалась с великим халифом Кутай Ан-Арумой, вообще почти целый час!

– Ты делаешь удивительные успехи, – похвалил ее Джуффин. И спросил у меня с плохо скрываемым сочувствием: – Других новостей, как я понимаю, у тебя нет?

– Почти никаких, – согласился я. И скромно добавил: – Разве только одна, совсем пустяковая. Мой друг Иллаюни совершил прогулку по всем сновидениям Мира и утверждает, что в окрестностях нет ни одного

Пожирателя. То есть, они вообще никому сейчас не грозят, включая сновидцев и шиншийских принцесс. Правда, нет никаких гарантий, что они не передумают и не вернутся, размахивая ложками. Но гарантий вообще никогда, ни в каком деле нет. Зато Иллаюни неожиданно понравилась прогулка. Настолько, что он решил регулярно ее повторять. Иными словами, теперь у нас есть что-то вроде пограничного дозора. Хоть какой-то намек на контроль над деятельностью Пожирателей. Как по мне, слишком мало, но лучше, чем ничего.

– И ты молчал?! – возмутился Джуффин.

– Молчал. Но недолго. Он только сегодня мне приснился. А потом я, так получилось, снова уснул. Собирался прислать тебе зов, как только проснулся, но был очень занят: мною любовался шиншийский халиф...

– Великий халиф, – устало вздохнула принцесса. – Сколько раз можно повторять?

– ...а такое начало утра кого угодно собьет с толку. Не каждый день становишься предметом, достойным созерцания великого халифа Мураны Кутай Ан-Арумы, – заключил я. – Между прочим, по словам леди Тапуты, я ему понравился. Так что сделал серьезный вклад в дипломатические отношения между Соединенным Королевством и Шиншийским Халифатом. Причем одним только фактом своего бытия.

– Да, факт твоего бытия кого хочешь обрадует, – усмехнулся шеф. – Кроме разве что Пожирателей.

– Вот их я бы с удовольствием довел до глубокого отчаяния. В идеале – до самоубийства. Чтобы наложили на себя руки... лапы... ай, ну да, перья. В общем, пусть накладывают, что есть.

– Боюсь, ты несколько переоцениваешь свое обаяние, – вздохнул Джуффин. – Даже твоим возможностям есть предел.

Вот тогда меня наконец осенило. И, честно говоря, удивительно, что только тогда. Что вообще все это понадобилось – реплика Джуффина насчет предела моих возможностей, слова Древних о Ерги Отшельнике: «Он такой особенный человек», – розовая записка халифа с красивой банальностью: «Не следует стремиться одержать победу, следует стремиться стать человеком, способным побеждать».

Вот именно.

– Считаешь, что нет предела? – с интересом спросил Джуффин.

Он всегда понимал меня правильно – не то что с полуслова, с полумысли. И гораздо лучше, чем я сам. Уже хотя бы поэтому следовало вывалить ему на голову все, что внезапно пришло в мою. Но я только неопределенно пожал плечами – дескать, кто их знает, эти пределы. Может

и правда есть.

* * *

– Ну вот, видишь, как просто, – сказал я принцессе.

Она подняла на меня измученные, мутные от переутомления глаза.

– Вообще-то не очень.

– Да ладно тебе, – отмахнулся я. – Ты всего за пятнадцать минут добыла себе какао. Мне самому поначалу не всегда хватало и сорока.

– И ты терпеливо сидел на месте? – изумилась она. – Ждал и не шевелился? Представить не могу!

– Сам не могу, – признался я. – Но что было, то было. У меня, понимаешь, такая проблема: люблю курить, но ненавижу местный табак. Так и не смог к нему привыкнуть. Поэтому Щель между Мирами оказалась сущим спасением: можно таскать, что нравится, откуда придется. Пришлось мне собрать волю в кулак и учиться.

– Я, наверное, не настолько люблю все эти странные напитки, – вздохнула принцесса. – То есть люблю, но только пока их добываешь ты.

– Дело хозяйское, – сказал я. – Не хочешь, не добывай. А как насчет сокровищ?

– Каких еще сокровищ? – насторожилась она.

– Да каких угодно. Я же в самом начале тебе сказал: из Щели между Мирами можно добыть вообще все, что захочешь. Все, что ты способна вообразить. Хотя невообразимое, думаю, тоже можно. Просто я никогда не пробовал. Я – очень практичный человек.

– Невообразимые сокровища? – от избытка чувств принцесса прижала руки к груди, как будто любовалась своим халифом. – Да, я наверное, прослушала. Или просто не поняла... Слушай, а как добыть невообразимое сокровище? Что надо нащупать рукой в... в непонятно где?

– Понятия не имею. Говорю же, никогда не пробовал. Попробуй представить что-то неопределенное, но очень желанное. Главное, не представляй, что оно страшное и опасное. Зачем нам тут какой-нибудь ядовитый крокодил?

– А кто такой крокодил? Какой он?

– Примерно такой, – я оскалил зубы и скорчил жуткую рожу. – Только зеленый. И скользкий. И мокрый. И, между прочим, руку запросто может откусить. Так что никаких крокодилов, очень тебя прошу.

– Никаких крокодилов! – горячо подтвердила принцесса. – А

невообразимое сокровище... знаешь что? Я попробую. Ужасно интересно, какое оно будет.

– Отлично, – сказал я. – Тогда я тебя тут оставлю. Ненадолго, всего на четверть часа. Мне нужно... В общем, в одно очень странное место. Оно в каком-то смысле хуже уборной: никого нельзя туда с собой брать. Потерпишь?

– Четверть часа? – фыркнула принцесса. – Вообще не проблема. Ты, главное, больше чем на час меня не покидай.

Дело, таким образом, было улажено. В смысле я мог отправляться на Темную Сторону. Туда, где, помимо всего прочего, исполняются мои высказанные вслух желания. И куда мне, по уму, давным-давно было пора.

О Темной Стороне новичкам обычно говорят: «Сейчас мы пойдем в такое чудесное место», – ну или что-то вроде того. Я, кстати, то же самое говорю, потому что именно такая информация требуется новичкам: мы пойдем в чудесное место, точка. Специально для интеллектуалов можно добавить: «На потаенную изнанку Мира», – но на этом уж точно все. Потом, по мере опыта, каждый сам поймет, что происходит, когда он приходит на Темную Сторону; не удивлюсь, если каждый поймет что-нибудь свое. Я, дожив до сегодняшнего дня, понял, что Темная Сторона – не столько какое-то отдельное «чудесное место», сколько временное превращение человека в существо, способное целиком, сознательно, в здравом уме пребывать на тайной изнанке Мира. Возможно, со временем пойму что-нибудь другое. Констант не только в Истинной магии, а и в самой обычной жизни нет.

Раньше я считал, что на Темной Стороне мне все позволено – кем-то свыше. Я здесь любимчик, поэтому все мои высказанные вслух желания тут же исполняются сами собой. Теперь понимаю, что особое состояние сознания, позволяющее мне присутствовать на Темной Стороне Мира, одновременно является для меня состоянием максимальной магической продуктивности. Хотя мне, конечно, все равно чертовски приятно думать, что Темная Сторона меня совершенно по-человечески любит и вот так выражает свою любовь.

На самом деле очень удобно, когда есть место, вернее, состояние, в котором получаешь сразу все: и ослепительную красоту изнанки нашего Мира, и бесконечную радость, которую доставляет там каждый вдох, и возможность уладить все свои проблемы. Ну, то есть не все, а только по-настоящему важные. Те, которые не начинают казаться незаслуживающими внимания на Темной Стороне. Но, положи руку на сердце, даже если бы

вместо исполнения желаний, мне бы там всякий раз давали лопатой по башке, я все равно ходил бы на Темную Сторону Мира при всякой возможности. Потому что именно здесь приобретает восхитительный смысл и совершенно новое качество простое словосочетание «мне хорошо».

Для новичков путешествие на Темную Сторону обычно выглядит самым настоящим путешествием: их долго водят по каким-нибудь мрачным подземельям, развлекая поучительными разговорами, чтобы превращение происходило медленно и незаметно. А потом – оп-па! – добро пожаловать на Темную Сторону. Вроде шли, шли и наконец-то пришли.

Я в свое время тоже вдоволь нагулялся по бесконечным коридорам подземной части Дома у Моста, потом – по городским улицам, когда сообразил, что годится любой маршрут. Но со временем научился попадать на Темную Сторону сразу, сделав всего один шаг. Впрочем, даже шаг делать не обязательно. Достаточно вспомнить, как там все выглядит – яркое небо, словно бы вылепленное из глины, покрытое трещинами, из которых льется свет, видимые глазу разноцветные струи ветров, земля, текущая, как вода, темные, неопределенные, вытянутые, как предвечерние тени очертания жилых домов и других рукотворных сооружений, сияющие стволы деревьев, мягкая, призывно бормочущая живая трава. И секунду спустя уже с трудом веришь, что Мир когда-то выглядел как-то иначе, потому что вот же он – подлинный, настоящий. Единственно возможная реальность. То есть ее Темная Сторона.

Я не был здесь примерно неделю, которыми в Море никто не измеряет время, но я наверное, уже никогда не отвыкну. И сказать, что соскучился, настолько недостаточно, что вполне можно сказать и «соскучился» – какая разница, что говорить.

В общем, неудивительно, что поначалу я даже не вспомнил, зачем сюда пришел – так бывает почти всегда. Счастье в этом смысле не самое продуктивное состояние. Я имею в виду, что особо деловитым счастливого человека не назовешь. Поэтому прийти на Темную Сторону, бродить там, забыв обо всем, и, только вернувшись домой, хлопнуть ладонью по лбу: «Опять ничего не сделал!» – вполне обычная ситуация. Но, правда, не для меня.

Я все-таки до смешного практичный, сам иногда поражаюсь. И не люблю без толку бегать туда-сюда. Поэтому даже на Темной Стороне рано или поздно, но непременно вспоминаю о настоящей цели визита. Вот и сейчас вспомнил, причем довольно быстро. По моим ощущениям, даже

пяти минут не прошло, хотя, конечно, течение времени на Темной Стороне – самая неразрешимая из бесконечного множества здешних загадок. То ли время течет тут, как ему заблагорассудится, то ли скачет вперед и назад, то ли его вовсе нет. Говорят, за многие тысячелетия существования Истинной магии не раз объявлялись любопытные экспериментаторы, приносившие с собой на Темную Сторону часы. Некоторые хронометры после этого навсегда останавливались, некоторые стали идти назад, некоторые взбесились, и их стрелки начали бегать в ускоренном темпе, отмеряя часы вместо минут, а некоторые остались в полном порядке, работали, как будто ничего не случилось; от чего это зависит, не знает никто.

В общем, понятия не имею, что на Темной Стороне творится с временем, но когда успеваешь пройти всего пару дюжин метров, по пути останавливаясь на каждом шагу, чтобы обнять с каким-нибудь особо приветливым деревом, или в очередной раз посмотреть на небо, сегодня светло-шоколадное с черными и желтыми прожилками, как камень «тигровый глаз», вполне логично заключить, что прошло примерно пять, максимум, десять минут. То есть, я довольно быстро вспомнил о своей основной задаче. И это, надо сказать, совершенно не испортило мне настроения, наоборот, рассмешило: какой же я все-таки невообразимый нахал! Добрый знак. Значит, Темная Сторона явно не против помочь мне в этом невыполнимом деле, в противном случае я бы ощутил сильное внутреннее сопротивление. По крайней мере, до сих пор было так.

– Сэрмакс, это ты? Спасибо-спасибо-спасибо, что это ты! А где мы? И как я сюда попала? Это твой сон? Что вообще происходит? А?!

Я глазам своим не поверил. И ушам тоже не очень. Но предплечью, в которое принцесса с перепугу вцепилась, как утопающий в скользкий спасательный плот, поверить пришлось. Я – грубый, необразованный варвар и верю исключительно ощущениям, выраженным в синяках.

– Мать твою за ногу! – растерянно сказал я, сделав, таким образом, авторскую заявку на пополнение списка придворных шиншийских ругательств.

Но девчонка не обратила на мое судьбоносное высказывание никакого внимания. Не в коня корм.

– Как тут страшно! – тараторила она, оглядываясь по сторонам. – Но все равно здорово! Ух ты, какое небо прекрасное, я такого даже во сне не видела! А почему под ногами все течет, но не мокрое? А что такое темное там? И что за бабочки вокруг тебя летают?

– Какие еще бабочки? – удивился я.

– Ну вот же, бабочки! Голубые. Летают стайей вокруг тебя...

– Мать твою за ногу, – повторил я, наглядно продемонстрировав ужасающую бедность своего активного лексикона.

Вот так всю жизнь учишься новому, зубришь наизусть иноземные ругательства в расчете однажды блеснуть, а в критический момент ничего кроме тривиальной «матери за ногу» с языка не слетает. Беда.

Рядом, на уровне моего живота и правда порхала небольшая стая мелких голубых бабочек, причем как-то сразу стало понятно, что они не случайно мимо пролетают, а намеренно окружили меня. Очень уж четко эти бабочки держались в нескольких сантиметрах от тела, не удаляясь, но и не сокращая дистанцию. И никуда не подевались после того, как я, деликатно отцепив от себя принцессы руки, резко отпрыгнул вбок.

– Ты куда? – заверещала принцесса.

– Никуда я не денусь. Просто проверил, имеют ли эти бабочки ко мне какое-то отношение. Похоже, имеют. Спасибо, что их заметила, я все-таки жутко рассеянный, под собственным носом ни хрена не вижу. Надо исправляться. Так нельзя.

Бабочки вызывали у меня смутное беспокойство и даже некоторую брезгливость, а значит, явно не принадлежали Темной Стороне. При этом они выглядели вполне безобидными; по крайней мере, я не ощущал исходящей от них опасности, как это обычно бывает с чужими заклятиями, принявшими зримую, материальную форму на Темной Стороне. Но я все равно рывкнул: «А ну кыш от меня!» – и бабочки послушно исчезли. А я мысленно обругал себя за отсутствие выдержки и вопиющий непрофессионализм: господи, ну кто так делает? Какое может быть «кыш»?! Слышал бы это сэр Шурф, голову мне оторвал бы. И был бы абсолютно прав. На Темной Стороне следует изъясняться максимально четко и внятно, потому что слова здесь в кои-то веки не просто слова, а инструмент управления реальностью.

Поэтому я запоздало сказал: «Если голубые бабочки имели на меня какое-то воздействие, пусть это воздействие прекратится прямо сейчас и останется без последствий».

Так себе, честно говоря, формулировка, но все-таки лучше, чем просто «кыш».

– Так что это были за бабочки? – снова спросила принцесса. – И где мы вообще?

– Понятия не имею, что за бабочки, – признался я. – Но их, сама видишь, больше нет. И хвала Магистрам. А мы с тобой... ну, просто в таком прекрасном волшебном месте. Оно называется «Темная Сторона».

Как ты сюда попала, отдельный вопрос. Причем мой. К тебе. Что ты сделала, чтобы здесь оказаться? Я же вроде не учил тебя становиться на след...

– Да я вообще ничего не делала! – воскликнула она. – Даже с места не вставала. Просто мне стало очень не по себе. Показалось, что тебя нет не только в комнате, а вообще во всем Море. Как будто ты исчез навсегда. И я захотела немедленно оказаться рядом с тобой. Просто убедиться, что ты все-таки где-нибудь есть. Так сильно захотела, что аж в глазах потемнело, как будто сейчас упаду в обморок. Но не упала, а почему-то сразу оказалась здесь. А тут – ты. И вообще так здорово! Я теперь даже не понимаю, почему так перепугалась. Ты же пообещал, что вернешься всего через четверть часа. Но я все равно рада, что сюда попала. Никогда ничего подобного не видела. Даже в сказках не рассказывают о таких волшебных местах.

– Ясно, – растерянно вздохнул я. – По-моему, налицо явный перебор чудесных способностей. Будь моя воля, вытряхнул бы из тебя примерно половину, чтобы жилось спокойней – в первую очередь, тебе самой.

– Не надо ничего из меня вытряхивать! – возмутилась принцесса. – Не хочу я спокойно жить!

– И не будешь. Уж что-что, а это я тебе твердо обещаю. Какой может быть покой, если ты на Темной Стороне просто так, по первому же капризу оказываешься. Люди этому, между прочим, годами учатся – те немногие счастливчики, кто вообще способен сюда попасть.

– Здесь так прекрасно! – восхищенно сказала принцесса. – Хотя все равно немножко страшно, но я всегда поначалу всего незнакомого пугаюсь. Так что не беда.

– Ладно, – решил я. – Если уж ты сюда попала, можешь погулять, полюбоваться окрестностями, пока я буду делать то, за чем сюда пришел. И не бойся потеряться. Здесь я тебя сразу найду.

– Что-то мне не хочется далеко уходить, – призналась принцесса. – Лучше бы все-таки видеть, что ты где-то рядом. А то так перепугаюсь, что чокнусь совсем!

– Да вроде бы дальше уже некуда, – оптимистически заметил я.

– Есть куда! Ты, наверное, настоящих чокнутых никогда не видел, – совершенно серьезно сказала принцесса. – А у нас в Аяшайе был один городской сумасшедший: бегал по улицам с выпученными глазами и у всех спрашивал: «Кто я? Кто я?!»

– Как я его понимаю! Сам бы тоже так бегал и спрашивал, если бы старшие товарищи вовремя не объяснили правила поведения в публичных

местах.

Принцесса не зря хвасталась, что у нее твердый характер. Сжала руки в кулаки, вздернула подбородок, упрямо закусил губу и храбро отошла от меня метров на десять, хотя было видно, что за возможность и дальше держаться за мою руку она сейчас отдала бы все что угодно, включая оставшийся дома зонт в черепахах. Но она отлично держалась, по крайней мере, не рванула назад, под мое крыло, а срывающимся от волнения голосом сказала:

– Видишь, я не боюсь, мне все очень нравится. Делай свои дела, я не буду мешать.

Я встал возле большого, очень толстого дерева, прислонился спиной к его сияющему стволу. Это было не обязательно, я имею в виду, технически. Здешние деревья не являются какими-то специальными глашатаями воли, или магическими инструментами. Просто мне рядом с ними спокойно. Я их люблю, и это, похоже, взаимно. Во всяком случае, ни на Темной Стороне, ни в обычной реальности, ни в одном из миров я до сих пор ни разу не встречал дерева, которое было бы недовольно моим присутствием. С их точки зрения, я вполне ничего.

В общем, я прислонился к дереву и произнес очень тихо, чтобы не услышала принцесса, но все-таки вслух заранее приготовленную, а потому четко и правильно сформулированную просьбу:

– Стать человеком, который способен уничтожить всех Пожирателей, я хочу.

Договорив, я прислушался к своим ощущениям. Вроде бы ничего особенного не произошло. С другой стороны, а каких, интересно, я ждал перемен? Что вторая голова где-нибудь сбоку вырастет? Рога и копыта? Или щупальца вместо рук? На самом деле хорошо, что все это не пришло мне в голову заранее. А то бы я, пожалуй, не рискнул.

Но на практике сослагательного наклонения, как известно, не существует. Дело сделано, дороги назад нет. Вот и прекрасно, – думал я, все крепче прижимаясь затылком к дереву, впиваясь пальцами в его кору, в точности, как принцесса в мою руку, лишь бы не испугаться: «Что я наделал?» – и не завопить: «Я передумал, давай все назад!»

Я, конечно, не завопил. А только улыбнулся, представив, как это могло бы выглядеть: попросил, испугался грядущих перемен, все отменил, немного подумал, решил, что это не дело, снова попросил, опять испугался, отменил, подумал – и так до бесконечности. Вернее, до тех пор, пока Темная Сторона не скажет человеческим голосом: «Как же ты меня задрал,

робкий, унылый засранец!» Это, безусловно, была бы новая страница в истории Истинной магии. Но, пожалуй, обойдемся без таких новых страниц.

– Иди сюда, – позвал я принцессу. – Хорошего понемножку, пора возвращаться домой.

Она рванула ко мне с такой скоростью, что я исполнился сострадания: не хотел бы, чтобы хоть кто-нибудь в Море был мне настолько нужен, как этой бедной девчонке я. Никто не должен быть необходим человеку, как воздух, особенно если он при этом – вовсе не воздух, а просто другой человек.

«Ну так отпусти ее прямо сейчас, – сердито сказал себе я. – Попроси у Темной Стороны, чтобы юная леди избавилась от необходимости за тебя цепляться. И не прикидывайся, что эта идея не приходила тебе в голову. Еще как приходила, но ты почему-то ее игнорировал. Зачем тебе эта девчонка? Не надоело еще быть связанным по рукам и ногам? И кстати, что она будет делать, если с тобой в ближайшее время случится какая-нибудь пакость? Об этом ты подумал, или как всегда?»

Я внимательно выслушал собственный внутренний монолог и даже согласился с ним по всем пунктам, но вслух попросил только вернуть нас с принцессой туда, откуда пришли.

* * *

– Ты случайно не знаешь, какое заклятие выглядит на Темной Стороне как стая голубых бабочек, летающих на небольшой дистанции от объекта примерно на уровне живота? – спросил я.

Сэр Шурф, только что казавшийся совершенно довольным жизнью, как и положено человеку, в кои-то веки забившему на дела и проспавшему весь день после увлекательного приключения, предсказуемо помрачнел.

– Понятия не имею, – сказал он. – Вряд ли я могу считаться таким уж искушенным знатоком в этой области. А «объект» – это, как я понимаю, ты сам?

– По ощущениям, они были совершенно не опасные, – поспешно заверил его я. – Ну и потом, я все равно их прогнал. И попросил, чтобы обошлось без последствий, если от этих грешных бабочек все-таки был какой-то вред.

– А спросить, откуда они взялись и что означают, не догадался?

– Еще как догадался! – похвастался я. И честно добавил: – Но, к

сожалению, всего пару минут назад. И сразу, не откладывая, спросил – тебя.

– Ну ты даешь, – вздохнул мой друг. – Как будто первый раз на Темной Стороне оказался. И так растерялся на радостях, что забыл о самых простых вещах.

– Примерно так и было. Я не просто растерялся, я натурально офонарел, когда там внезапно объявилась юная леди Тапута. Хотя я просил ее просто спокойно четверть часа посидеть в комнате и подождать.

– Она прошла на Темную Сторону? Без твоей помощи?

– То-то и оно. Причем сама не поняла, как это случилось. Просто захотела оказаться рядом со мной и оказалась. Рассказываю сейчас и сам себе не верю. Тем не менее, было именно так.

– Это и правда невероятно. Я рад за юную леди, как за всякого нового избранника Темной Стороны, но...

– Вот именно. Так много «но», что волосы дыбом. Как-то слишком уж впрок пошла ей моя кровь.

– Я читал, что дочери Красной пустыни – просто овеществленные сновидения тамошних духов. Если это правда, удивляться особо нечему: сновидения очень легко трансформируются от любого магического воздействия, а твоя кровь это все-таки твоя кровь.

– Дырку над тобой в небе, ты и об этом читал? Но где?!

– В Незримой Библиотеке^[24], – усмехнулся мой друг. – Иногда она любезно мерещится мне в одном из подземелий Холоми. Так что, сам понимаешь, за достоверность сведений ручаться не могу. Наваждения – дело хорошее, пока ими бескорыстно наслаждаешься, но не стоит целиком им доверять. Однако таинственная природа как самой Незримой Библиотеки, так и дочерей Красной пустыни интересует меня сейчас несколько меньше, чем тот факт, что ты ходил на Темную Сторону и обнаружил на себе каких-то подозрительных бабочек.

– Хвала Магистрам, не на себе, а просто рядом. И теперь погибаю от любопытства: что это было вообще?

– Погибать по столь пустяковой причине, как говорят шиншийцы, плохая, недостойная судьба, – совершенно серьезно заметил мой друг.

– Разузнаешь, что означают эти голубые бабочки? На тебя вся надежда. В отличие от Темной Стороны ты изъясняешься словами, а не смутными образами. А я, по счастливому совпадению, обычно понимаю человеческие слова.

– Если в Мире есть хоть какая-то информация по этой теме, я ее получу, – пообещал Шурф. С такой характерной для него проникновенной

интонацией, означающей: «Узнаю, что бабочки были смертельно опасны – голову оторву».

* * *

– Ну, как тебе без меня сиделось? – спросил я принцессу, которую безжалостно покинул почти на два часа.

– Нормально, – мрачно ответила она, откладывая в сторону «Веселую магию для будущих послушников», которую я ей выдал и велел зубрить. Помолчав, добавила: – Только настроение как-то не очень. Чем дольше тебя нет, тем оно хуже. Но это можно терпеть, особенно, если заниматься чем-нибудь интересным. Щель между Мирами явно не подходит, какие неведомые сокровища ни придумывай, зато книжка – вполне.

– Да, – кивнул я. – Заниматься интересным делом – лучший в мире способ справиться с чем угодно невыносимым, это факт.

– Знаешь, что очень-очень плохо? – вдруг спросила принцесса. – Обратно на службу к великому халифу Кутай Ан-Аруме меня скорее всего уже не возьмут.

– Это еще почему? С чего ты взяла?

– С того, что когда ты ушел мы с великим халифом разговаривали. И все это время между нами стояли девчонки из ближней свиты, аж в два ряда. Понимаешь, что это значит? Великий халиф Кутай Ан-Арума чувствует себя рядом со мной, как с кем-нибудь чужим. Я стала совсем другая, не такая как раньше. И когда не держусь за тебя, чувствую пустоту. Я с этим, конечно, справлюсь. Уже прямо сейчас справляюсь, сам видишь, сколько без тебя просидела. Но о службе в ближней свите великого халифа с таким настроением можно забыть.

– Понимаю, – кивнул я. – Для тебя это очень плохо?

– Случаются с людьми вещи и похуже, – сдержанно сказала принцесса. И, помолчав, добавила: – Но, честно говоря, таких вещей очень мало. Хуже – это только если бы папа умер. Или я сама. Или если бы нас завоевали какие-нибудь чужеземные дикари и установили свои грубые варварские порядки. Больше ничего такого ужасного, что было бы хуже расставания с великим халифом Кутай Ан-Арумой после всего четырех лет службы, я сейчас придумать не могу.

– Ладно, – решил я. – Тогда слушай меня внимательно. Дело обстоит так: в том волшебном месте, где мы с тобой сегодня были, исполняются все мои желания. Очень легко, без усилий, достаточно просто сказать...

– Все-все?! – ахнула принцесса. – А почему ты тогда... – она замялась, но все-таки выпалила, зажмурившись от смущения: – Почему ты не самый главный колдун в Мире или хотя бы в своем королевстве? А просто ходишь на работу? У тебя даже начальник есть! И он командует, я сама слышала. А ты его слушаешься, хоть и злодей.

Я невольно улыбнулся. Все-таки совсем маленькая девчонка. Какой с нее спрос.

Объяснил:

– Просто не хочу быть самым главным, вот и все. Это занятие не по мне. Вспомни, как живет твой великий халиф. Сколько у него обязанностей, ты в курсе? И даже в гости не может зайти, к кому сам захочет, если этого не разрешает регламент. И еще, наверное, кучу ограничений приходится соблюдать.

– Это да, – помрачнев, согласилась принцесса. – У великого халифа много дел. И времени для развлечений и наслаждений гораздо меньше, чем ему бы хотелось. Я раньше удивлялась, почему великий халиф не издаст приказ, разрешающий ему не работать? Но потом поняла, что делать его работу больше просто некому. Беда в том, что наш великий халиф Кутай Ан-Арума и правда умней всех вокруг!

– То-то и оно. Если бы я хотел стать самым главным, мне бы хватило одного душевного разговора с нашим Королем, чтобы навсегда передумать. Но я никогда и не хотел.

– Но ты мог бы сразу загадать быть самым главным и не работать. Вообще ничего не делать, только всеми командовать, когда есть настроение, и все.

– Теоретически так, – согласился я. – Но зачем? Лучше, чем уже есть, все равно не придумаешь. Хотя важно, на самом деле, даже не это. А то, что Темная Сторона вообще не для того, чтобы решать свои житейские проблемы. Если, скажем, вдруг обнищаю, денег там кланчить не стану. И если влюблюсь без взаимности, тоже за помощью не побегу. Это просто... ну, недостойно, что ли. Все равно, что ты придешь к своему халифу...

– Великому халифу!!!

– Великому, да. И он скажет тебе: проси, о чем хочешь. А ты вместо записки с мудрым наставлением, или – не знаю, как там у вас принято – благословения? Поцелуя? Совместного танца на закате? – попросишь новое платье. Оно, конечно, не преступление, но все равно как-то нехорошо. Житейская корысть оскорбляет величие момента соприкосновения с подлинным чудом. Низводит восхитительное взаимодействие с чем-то превосходящим твое понимание, до унылого, жалкого торга, вот что я

имею в виду.

– Надо же! – изумилась принцесса. – Ты сейчас говоришь, как будто родился у нас в Тайной столице Хайкши и выучился на философа, а потом защитил диссертацию, или даже целых две! Не ожидала от тебя такого глубокого понимания и такой деликатности. У нас считается, что вы, жители Соединенного Королевства, хоть и великие колдуны, а люди простые и настоящих тонкостей не понимаете... Ой, извини! Тебе, наверное, обидно такое слушать?

– Ничего, – сказал я. – Здесь у нас всего полторы сотни лет назад некоторые колдуны друг друга живьем ели. Так что «люди простые и тонкостей не понимают» – это еще вполне приличная репутация за рубежом. Тут радоваться впору, а не обижаться.

– А какие желания ты исполняешь в этом волшебном месте? – спросила принцесса. – Что, по-твоему, не оскорбляет величие момента?

– Чаще всего я прошу помощи Темной Стороны, когда надо кого-нибудь спасти, а у меня не получается, – признался я, хотя и сам понимал, что это звучит как фраза из слащавых назидательных романов для юношества. Но ничего не поделаешь, с правдой часто такая беда: стоит сказать ее вслух, и самому от банальности тошно. Хоть заново учись врать.

– Да, спасти ты любишь, это я уже заметила, – согласилась принцесса. – И меня тоже ты спас. Целых два раза! Сначала напугал вероломного негодяя, а потом дал мне свою кровь. И при этом все равно злодей, каких мало. Даже не знаю, как тебе удается!

– Ну, просто я по-злодейски спасаю, – улыбнулся я. – Исключительно из вредности. Чтобы все стало по-моему, а не как кому-то другому заблагорассудилось, даже если этот другой сама судьба.

– Да, это точно! Ты очень вредный! – звонко рассмеялась она.

– Но я не об этом собирался с тобой поговорить. И, между прочим, попросил внимательно слушать. А ты меня с толку сбила совсем.

Принцесса ничего не ответила, но всем своим видом изобразила готовность искупить вину. И уставилась на меня, как первоклассница на учителя музыки, который принес на урок расписную шарманку.

– Так вот, насчет исполнения желаний. Знаешь, зачем я тебе об этом рассказал? Чтобы ты знала: я могу попросить Темную Сторону избавить тебя от связи со мной. Я имею в виду, сделать так, как будто ничего не было. Словно ты никогда не пила мою кровь. Насущной необходимости в этом больше нет, потому что все Пожиратели убежали далеко от границ сновидений этого Мира. И вряд ли вернутся на нашем с тобой веку. А даже если вернутся, дома ты будешь в безопасности. Все эти хищные чудовища

только поблизости от Сердца Мира шалят.

– Ой как здорово! – воскликнула принцесса. – Но ты же пока об этом не попросил? Или попросил, но ничего не получилось? Я без тебя сейчас, конечно, два часа просидела, но не могу сказать, что это было приятно и легко.

– Не попросил. Потому что вместе с необходимостью быть рядом со мной, скорее всего, исчезнут и твои способности к магии. На самом-то деле они мои. Вместе с кровью тебе достались, как и потребность всегда за меня держаться. Вместе, одним набором. Ясно тебе?

Принцесса молча кивнула. Я видел, что она очень хочет зареветь, но держит себя в руках, старается. Такая удивительная молодец.

– Для меня лишит человека способностей к магии – почти все равно, что его убить, – сказал я. – Хотя на самом деле все совсем не так страшно, теоретически я это понимаю. Куча людей прекрасно живет без магических сверхспособностей и радуется каждому дню. Но я все равно решил, лучше мы с тобой потерпим друг друга еще какое-то время – да хоть несколько лет. Зато ты магии выучишься. С такими способностями, как тебе достались, даже год серьезного обучения это очень много. Невероятный, восхитительный опыт. Свинством было бы такого шанса тебя лишит. Но ты сказала, что не сможешь вернуться на службу к великому халифу, и хуже этого только смерть да дикие варвары. И теперь я чувствую себя дурак дураком. Тоже мне благодетель. Решил своей развеселой жизнью пожертвовать, чтобы магии тебя научить. А твоего мнения не спросил. Ну вот, исправляюсь. Спрашиваю. Ты не спеши, подумай хорошенько, чего больше хочешь. Совсем не обязательно быстро решать.

– Хорошо, что быстро не надо, – растерянно сказала принцесса. – Я не знаю, что выбрать! Я хочу сразу все! И колдовать по-вашему, и к великому халифу Кутай АнАруме вернуться. А получается, можно только что-то одно?

На этом месте она все-таки разревелась. Но я отнесся к катастрофе стоически. Заранее понимал, что рев неизбежен. Сам бы на ее месте сейчас заревел.

Но я был на своем месте, поэтому строго сказал:

– Думать можешь сколько угодно. Хоть до конца года. Но решение должно быть окончательным и бесповоротным. Как скажешь, так и сделаем, но менять потом ничего не будем. И не потому что я злодей. Просто без готовности следовать собственным решениям в магии делать нечего. И никакие способности не помогут. Магия это, в первую очередь, воля: я так решил, а значит будет или по-моему, или никак, но поскольку

«никак» не бывает, остается всего один вариант.

Принцесса кивнула и, не переставая плакать, пробормотала: «Спасибо». Я думал, она благодарит за отсрочку, но принцесса, жалобно шмыгнув носом, добавила:

– Спасибо, что объяснил про волю. Я, наверное, поняла.

* * *

Страшная правда обо мне заключается в том, что по природе своей я человек расчетливый, осторожный и крайне нерешительный. И с непомерно развитым воображением, что автоматически переводит меня разряд трусов, каких не видывал мир. Заработать репутацию буйнопомешанного храбреца, причем основанную исключительно на свершившихся фактах, мне помогла усвоенная с детства привычка сначала делать, а уже потом думать. Стратегия, мягко говоря, спорная, но без нее я бы не сделал вообще ничего. Скорее всего, до сих пор сидел бы на коврике в детской, небритый, туго спеленатый, и мучительно размышлял бы, не слишком ли огромным, неоправданным риском будет попытка встать на четвереньки и поползти.

Но я, как уже было сказано, сначала действую, а потом думаю. Второй пункт этой программы я бы с удовольствием вообще исключил. Толку от этих размышлений? Только настроение портят и с толку сбивают. Опыт показывает, что жив я до сих пор вовсе не благодаря чудесной способности задним числом обдумывать свои идиотские героические поступки и приходить от них в ужас, а просто потому, что родился чертовски удачливым человеком, с довольно склочной, но, по большому счету, милосердной судьбой.

Однако исключить этот грешный второй пункт программы, в смысле размышления о собственных выходках и предвкушение их ужасающих последствий мне до сих пор никогда не удавалось. Поэтому наступивший вечер приятно меня удивил.

Не то чтобы я вовсе не думал о зловещих изменениях, которые то ли уже случились, то ли вот прямо сейчас происходят в недрах моего организма. Но, думая об этом, я испытывал не обычную в таких случаях тревогу, а спокойное и даже отчасти злорадное удовольствие от мысли, что повернуть этот процесс вспять уже нельзя.

Мне, конечно, немного не хватало возможности обсудить происходящее с кем-нибудь понимающим и услышать, что я молодец, все

правильно сделал – хорошая внешняя опора, добавляющая уверенности, никогда не повредит. Однако я даже леди Сотофе зов не послал, хотя, по идее, к кому и бежать за поддержкой в такой ситуации, если не к ней.

Сложно объяснить, что мною руководило. Но совершенно точно не опасение услышать вполне резонный вопрос: «Почему ты заранее со мной не посоветовался?» «Так получилось», «боялся передумать, пока буду рассказывать», «вот такой я вдохновенный идиот», – любой из этих ответов известен заранее, к тому же, чистая правда. Что с меня возьмешь.

Я совсем по другой причине не хотел ничего рассказывать ни Сотофе, ни Джуффину. Можно сказать, из суеверных соображений. Они в свое время узнали о Пожирателях, но не попытались их уничтожить, как бы заранее признав свое поражение перед лицом почти несуществующего противника, – примерно так я сейчас думал. И не хотел, чтобы тень этого поражения даже краем задела меня.

Само по себе суеверное желание отстраниться от старших коллег, чья поддержка всегда была для меня самой главной опорой и источником силы, вероятно, свидетельствовало о произошедших во мне переменах: прежний я так бы не рассуждал. Но это я сейчас, задним числом понимаю. А тогда решение никого не посвящать в свои дела казалось мне естественным и логичным.

Я даже Шурфу не рассказал о своей дурацкой затее; правда, ему по совсем другой, простой и понятной причине. Он бы очень на меня рассердился – не как обычно, исполняя привычную роль в авантюрной трагикомической пьесе, которую мы уже столько лет разыгрываем самим себе на потеху, а всерьез, по-настоящему: за то, что я решил все сделать сам. И был бы прав, конечно. Я действительно зря его с собой не позвал, зная, как для него это важно. Впрочем, никаких сожалений все равно не испытывал – что сделано, то уже сделано, какой смысл задним числом о чем-то жалеть.

В итоге, вечер у меня выдался неожиданно спокойный и даже приятный. Благо принцесса быстро устала грустить и пришла в настолько боевое настроение, что возобновила эксперименты со Щелью между Мирами и последовательно добыла оттуда бумажную корону, украшенную искусственными цветами, яркий расписной пластиковый череп-копилку и потрясшую всех, включая меня, каменную статуэтку, изображавшую голую синекожую женщину с выдающимися формами и козьей головой. Глаза ей заменяли неизвестные мне, но явно драгоценные камни, прозрачные, зеленовато-желтые, размером примерно с фалангу моего большого пальца. Принцесса чуть не разревелась, осознав, что правила этикета не позволяют

ей подарить свою удивительную добычу халифу, который может принимать подарки только от своих родственников, военачальников и правителей других государств, но я вовремя подсказал: «Ну так папе подаришь», – и она просияла: «Точно! Вот он обрадуется! Ура!»

Она это свое ненаглядное сокровище еще и в постель утащить хотела, но тут уж я показал свой злодейский характер. Твердо сказал, что синим теткам с козьими головами в моей спальне совершенно точно не место. В некоторых вопросах я консерватор, каких еще поискать.

В моей жизни, как бы я порой на нее ни сетовал, было очень много счастья, порой настолько сильного, что еще поди его вмести. Но – скорее в силу моего темперамента и душевного склада, чем внешних обстоятельств – очень мало покоя. Забавно, что при этом в сновидениях я почти всегда более-менее спокоен, зато приснившиеся мне мгновения счастья по пальцам можно пересчитать. Испытывать счастье и покой одновременно мне до сих пор удавалось только на Темной Стороне – поэтому, собственно, она так для меня притягательна. Но сон, приснившийся мне этой ночью, отчасти затмил даже восхитительный опыт прогулок по Темной Стороне.

В этом сне я летал, как ветер, был бесшабашно, безудержно счастлив, ни о чем не беспокоился и ничего не боялся, как и положено существу вроде меня. И точно знал, что это и есть мое нормальное, естественное состояние: лететь, быть счастливым и ни черта не бояться. А что иногда, или даже почти всегда веду себя совершенно иначе – ну ничего, бывает, просто увлекся и заигрался в самую азартную на свете игру «Как будто я – вот такой нелепый, смешной человек».

Событий в этом сне толком не было, зато были пейзажи. Ну, очень условно говоря, пейзажи. Пространства, замкнутые и открытые, темные и сияющие, но все до единого живые, подвижные, переменчивые, связанные как сообщающиеся сосуды между собой и со мной. Озирая и осязая их, я понимал, что все эти пространства – родина сновидений, материя, из которой они сотканы, сила, позволяющая им быть, их место и время, вернее, все места и все времена, которые когда-либо хоть кому-нибудь снились или могут однажды присниться потом. Наверное, именно что-то в таком роде имел в виду Иллайуни, когда говорил, что обошел окрестности всех сновидений нашего Мира. И тогда, конечно, понятно, почему ему так понравилась эта прогулка, что он не прочь многократно ее повторить.

Но сейчас я – не то чтобы «думал» или, как говорят в таких случаях, «был уверен» – просто знал, что нахожусь на перекрестке сновидений разных обитаемых миров. Их здесь гораздо больше, чем я способен

осознать, увидеть, или хотя бы смутно ощутить, но это всего лишь вопрос навыка управления собственным вниманием. Решается длительной практикой, как вообще все.

Пересказывать подобные переживания словами не просто трудно, но и совершенно бессмысленно: они по ту сторону всякого языка, кроме, может быть, хохенгрона^[25], который я так и не выучил. Даже браться не стал. Поэтому все, что можно сказать, – это было великолепное зрелище. И зритель в моем лице оказался вполне его достоин. В смысле был счастлив, спокоен, расслаблен и собран, а значит, ничему не мешал.

Однако в какой-то момент я вспомнил, что у моего в высшей степени приятного и познавательного времяпрепровождения изначально была вполне практическая цель: добраться до Пожирателей и каким-то образом их уничтожить. Сейчас эта цель не казалась мне ни невыполнимой, ни, с другой стороны, особо желанной. К уничтожению Пожирателей я относился примерно как к починке протекающего водопроводного крана: лучше бы, конечно, самому этим не заниматься, но придется, раз взялся, вон даже открутил пару гаек. Всякое дело надо доводить до конца, а если не знаешь как, значит придется положиться на импровизацию – вполне обычный подход. Строго говоря, вся моя жизнь – практически непрерывная импровизация. Да и не только моя.

Приспособить самую непостижимую часть Вселенной к своему несовершенному, нетренированному восприятию, чтобы внимательно ее осмотреть, задача, мягко говоря, нетривиальная. Но поскольку это был мой сон, пришлось ему самому ко мне приспособливаться. И он, надо отдать ему должное, отлично приспособился. Сияющий, переменчивый, неопиcуемый мир исчез, и я оказался в зале старого кинотеатра – пыльная полутьма, истертые плюшевые кресла, широкий экран. Пока я елозил, устраиваясь в кресле и озирался по сторонам, на экране, хаотически сменяя друг друга, мельтешили фрагменты давешнего космического великолепия – клубки огненных нитей, туманные бесконечности, вихри ласковой тьмы. Постепенно я понял, что происходящее на экране находится в прямой зависимости от моей воли: пока я не имел никаких конкретных намерений, там творился сушй хаос, но стоило сосредоточиться на чем-то конкретном, картина немедленно упорядочивалась.

Первым делом я вспомнил о Меламори – вот бы ее сейчас в этот кинозал! Меламори не появилась на соседнем сидении, зато на экране возник удивительной красоты узор, причудливый, ассиметричный, но такой цельный и гармоничный, что глаз оторвать невозможно. «Это тропы сновидений арварохских буривухов, которыми она сейчас учится ходить», –

произнес у меня в голове мой собственный голос с неподражаемыми интонациями диктора канала National Geographic. Я даже рассмеялся от неожиданности; к счастью, кинозал своим смехом не отменил.

Я не отказал себе в удовольствии вызвать на экран пространство сновидений нашего Мира, и надолго пропал, созерцая сияющую туманность в центре почти бесконечного множества проторенных, ярких, широких и одиноких, почти невидимых путей, впадающих в нее, как реки впадают в море, и одновременно связанных причудливым, даже с виду прочным узлом. Вспомнил, как Джуффин когда-то давно объяснял мне, что наш Мир стал чем-то вроде модного курорта, куда легко и охотно устремляются сознания сновидцев из самых разных реальностей, просто потому, что чуть ли не все дороги сновидений теперь ведут к нам. Теперь я видел это своими глазами: больше всего это походило на центральный вокзал огромного мегаполиса, сложный, многоуровневый, но безупречно организованный, так, что все очень легко находится, и никто не мешает никому.

Наконец я вспомнил о Пожирателях и с любопытством уставился на экран в ожидании боевых плясок пернатых змеев – как-то так, весело и бодро я это себе представлял. Но вместо этого на экране замелькали, задергались вспышки света и пятна тьмы, как будто у оператора порвалась пленка; в годы моего детства такое порой случалось, и тогда в зрительном зале поднимался возмущенный свист. Вот и я тоже свистнул, заложив в рот два пальца – некоторые особо бесполезные навыки кочуют за нами не только из яви в сон, но и из жизни в жизнь – и экран потемнел окончательно. А мой собственный голос, не утратив назидательных дикторских интонаций, любезно пояснил: «Мелкие хищники всегда разбегаются, почуяв более крупного хищника, Пожиратели, знаешь ли, не любят, когда их самих едят», и, выйдя из роли, ехидно захихикал прямо у меня в голове.

Да не буду я жрать всякую пакость! – сердито подумал я. Но информацию к сведению принял. Оказывается, прежде, чем уничтожить Пожирателей, мне придется придумать, как их приманить. Для начала можно выпить чьей-нибудь крови, по методу сэра Джуффина Халли. Например, принцессинной. Злодей я, в конце концов или нет?

Я бы, пожалуй, еще поборолся за свои мистические потребительские права на документальный фильм из жизни Пожирателей, призывая их на экран несгибаемой волей и неумелой имитацией панической жажды сверхнатуральной любви, но в этот момент суровая рука реальности вырвала

меня из условно ласковых объятий сновидения. Вечно так.

Если я доживу до глубокой старости, подам в отставку и заскучаю на пенсии, непременно напишу учебное пособие под названием: «Как практиковать магические сновидения, когда вас постоянно будят всякие гады». Это будет в высшей степени трагическая книга, ее краткое содержание я могу пересказать прямо сейчас: «А никак!» Для утешения читателей эта неприятная правда будет проиллюстрирована занимательными историями из моей бестолковой жизни и подробными описаниями зверской расправы над любителями будить ни в чем не повинных людей. Хотя со зверской расправой у меня пока, будем честны, не очень. Но к тому времени я наверняка научусь.

Открыв глаза, я увидел бесстрастное лицо сэра Шурфа. В другое время подскочил бы как ужаленный в полной уверенности, что случилось нечто совершенно ужасное. Потому что до сих пор он просто так, без особой надобности никогда меня не будил. Да и по необходимости тоже нечасто: у моего друга изобретательный ум, непреклонный характер и граничащее с суеверием твердое убеждение, что мне для сохранения остатков рассудка надо много и крепко спать. Так что даже подумать страшно, что такое стряслось, если он решился меня разбудить.

Но сейчас я совершенно точно знал, что ничего непоправимого в моей жизни произойти не может. Не потому, что судьба ко мне как-то особенно добра, просто я способен справиться с чем угодно. Ну и о чем тогда беспокоиться? Какой в этом смысл?

– Мое поведение непростительно, это я и сам понимаю, – сказал Шурф. – До полудня еще три часа; по твоим меркам, это довольно рано...

– Не просто «довольно рано», а полный трындец.

– Меня отчасти извиняет то обстоятельство, что сегодня я буду занят до позднего вечера, даже несколько минут, чтобы выпить с тобой кружку камры вряд ли смогу выкроить. При этом у меня новости, с которыми лучше не затягивать. Разумеется, я мог бы дождаться, пока ты проснешься и воспользоваться Безмолвной речью, но... Видишь ли, это новости такого рода, что я не мог отказать себе в удовольствии посмотреть, какое у тебя будет лицо.

– Какое у меня будет лицо, – зачем-то повторил я. – Так, погоди. При чем тут мое лицо? Зачем на него смотреть? Я вполне допускаю, что некоторым людям это неоднозначное зрелище может доставить неописуемое блаженство, но ты-то у нас аскет. К тому же столько раз мою рожу видел, что до вечера мог бы и потерпеть...

Шурф, не дослушав, вручил мне кружку камры, которую варит его личный повар. Это, безусловно, отличный напиток, но все-таки не настолько, чтобы ради него вот так жестоко меня будить.

– Бабочки, – сказал он. – Твои голубые бабочки на Темной Стороне. Я узнал, что они означают. Просыпайся, пожалуйста. Мне нужно твое внимание. Будет чрезвычайно досадно, если ты просто покидаешь спросонок, а на самом деле ничего не поймешь.

– Ладно, – согласился я. – Мне и самому будет досадно. Потому что ничего не понимаю я уже вот прямо сейчас. Хочется привнести в свою интеллектуальную жизнь некоторое разнообразие. В смысле начать хоть что-нибудь понимать. Может, со второй попытки получится? Дай мне шанс.

Шурф терпеливо подождал, пока я выпью камру, после этого мой взгляд, вероятно, показался ему более-менее осмысленным. И он наконец сказал:

– В книгах никакой полезной информации по интересующей нас теме я, к сожалению, не нашел. Однако мне помогла леди Сотофа. Вопрос о голубых бабочках на Темной Стороне ее чрезвычайно развеселил.

– Ну и отлично. Значит, нет в этих бабочках ничего страшного, как я тебе с самого начала и говорил...

– Страшен в сложившейся ситуации скорее ты сам, – неожиданно усмехнулся мой друг. – Самый бессердечный человек в этом Мире. Кто-то старался тебя приворожить, а ты, как я понимаю, даже не заметил...

– Что?! – я ушам своим не поверил. – Как это – приворожить?!

– Обыкновенно, как деревенские красотики женихов привораживают. Вернее, в старину привораживали. Сотофа говорит, это очень древнее, почти забытое колдовство.

– Красотики? Женихов?! Это кому же такое счастье понадобилось? И почему, интересно, я ничего не почувствовал?

– Вот это и мне интересно, – подхватил Шурф. – Неужели совсем ничего?

– Да вроде бы нет... – неуверенно начал я, и тут меня наконец осенило: – Древнее колдовство, говоришь? Давно забытое? Крэйское, небось?

– Совершенно верно, крэйское. Если быть точным, из арсенала лесной магии дра...

Продолжение его речи утонуло в моем хохоте. Я так смеялся, что разбудил принцессу, по крайней мере, гора одеял, которыми она укрылась, чтобы выжить зимней ночью в спальне с открытыми настежь окнами, зашевелилась, и из-под нее вылезла маленькая рука, угрожающе

размахивающая кулаком.

– Извини, юная леди, – вежливо сказал ей сэр Шурф. – Настоящий нарушитель твоего покоя, как ни прискорбно это признавать, не сэр Макс, а я.

Она ничего не ответила, но кулак убрался обратно под одеяла. Говорю же, сэра Шурфа Лонли-Локли никогда, никому, ни при каких обстоятельствах, не хочется поколотить.

– Ты понял, что произошло? – спросил Шурф. – Поэтому смеешься?

Я энергично закивал. Наконец, кое-как успокоившись, сказал:

– Знаешь, как это древнее колдовство подействовало? Я ее в статую захотел превратить. Чтобы стояла на месте, не мельтешила, и можно было спокойно любоваться. Вот и весь результат. Леди крупно повезло, что я настолько законопослушный. В смысле ленивый. И до сих пор не умею превращать живых людей во всякую неодушевленную ерунду.

– А я однажды именно так и сделал, – неожиданно признался Шурф.

– Ты?!

– Нашел чему удивляться. Просто это было очень давно. Я тогда еще ходил в послушниках и считал себя без пяти минут властелином Мира, но это убеждение почему-то никто больше не разделял. Девушки меня тогда уже интересовали, а я их еще не очень; это было, сам понимаешь, довольно досадно. Зато я с детства умел выполнять принятые решения, чего бы это ни стоило. Любой ценой. Сказал одной несговорчивой девице, что она целую дюжину дней безвылазно проведет в моей спальне, вот она и провела. Не смотри на меня так, ничего ужасного я с ней не сделал. Поставил в углу и любовался – а что еще, собственно, можно сделать со статуей? Пару раз даже пыль с нее вытирал...

– Пыль вытирал?!

На этот раз я смеялся, предусмотрительно уткнувшись в подушку, чтобы не очень шуметь, но в результате получились такие inferнальные хрюкающие стоны, что принцесса окончательно проснулась, вылезла из-под одеял и несчастным голосом сказала:

– Я, между прочим, тоже уменьшать и прятать в кулак умею. И сейчас у меня руки чешутся, Сэромакс!

– Лучше не связывайся, – посоветовал ей сэр Шурф. – Нападать на могущественных колдунов очень опасно. А на друзей – просто глупо. Так что у тебя как минимум две причины не пытаться околдовать сэра Макса – как, собственно, и у меня. Будучи твоим товарищем по несчастью, могу тебя утешить: нет лучше способа тренировать выдержку и самообладание, чем близкая дружба с сэром Максом. Не всем так повезло, как нам с тобой.

– Ты лучше давай рассказывай, чем закончилась история со статуей, – потребовал я.

– А чем она могла закончиться? Через дюжину дней я ее расколдовал: слово надо держать. К тому же надолго оставлять человека неодушевленным предметом не слишком полезно для его здоровья; впрочем, это тогда волновало меня меньше всего. Так что леди отделалась легким испугом и особо не пострадала: для нее эта дюжина дней промелькнула как краткий сон. А я решил, что больше никогда не стану украшать жилье произведениями искусства. Любоваться красивыми вещами – своего рода работа. Или ты добросовестно ее выполняешь в ущерб остальным занятиям, или игнорируешь, но тогда красивые вещи теряют смысл, только загромождают жилое пространство и собирают пыль.

– Значит, я правильно сделал, что не превратил леди Кайрену в статую, – заключил я. – А то бы ты не одобрил мой интерьер.

– Леди Кайрену Умату? Новую начальницу Столичной полиции? – удивился сэр Шурф. – Это она пыталась тебя приворожить? Ты уверен?

– А больше никому. Леди унаследовала от прабабки тетрадку с какими-то древними колдовскими секретами и, по слухам, успешно применяла их на своей прежней работе. Да и потрясающей красоткой мне в последнее время казалась только она.

– Я, между прочим, тоже красотка! – внезапно возмутилась принцесса. – Все так говорят! И только ты из своей негодяйской злодейской вредности не хочешь этого замечать!

– Ты, безусловно, красотка, – спохватился я. – Настолько, что тебе даже привораживать никого не надо, все и так смотрят и думают: ух, какая красотка! Пожалуй, придется научить тебя изменять внешность на менее сногшибательную: надо щадить людей.

– Еще чего! Не стану я никого щадить, пусть восхищаются! – возмутилась принцесса и самодовольно задрала курносый нос. Из чего следует, что длительное пребывание рядом с девчонками способно превратить в выдающегося дипломата даже меня.

– И что ты собираешься делать? – спросил меня сэр Шурф. – Зная тебя...

– Зная меня, сам бы мог догадаться, что ничего из ряда вон выходящего я делать не буду. В смысле, не женюсь на леди Кайрене, если это тебя беспокоит.

– Беспокоит, – вздохнул мой друг. – Но честно говоря, меньше всего.

– Ну слушай, не стану же я убивать прекрасную леди только за то, что она положила на меня глаз? Я с ней, конечно, поговорю, это вполне

неизбежно. Кто-то должен объяснить этой приткой леди, что околдовывать государственных чиновников высшего ранга – не совсем та задача, ради которой ее назначили на нынешнюю должность. Но голову, если это тебя тревожит, в ходе беседы не откушу. Я, между прочим, до сих пор не умею откусывать людям головы. Даже не знаю, с какой стороны подступиться к этой задаче. У меня рот слишком маленький. И зубы совсем не острые. Куда уж мне.

– Когда это тебя останавливали настолько незначительные препятствия, – усмехнулся Шурф.

– На самом деле только незначительные и останавливали. Слишком скучно их преодолевать.

* * *

«Мне нужно с вами поговорить. Пожалуйста, будьте милосердны и уделите мне время», – сказал я леди Кайрене Умате. Специально воспользовался Безмолвной речью, чтобы подарить ей несколько секунд торжества. Пусть немного порадуетса, бедняга, потом долго будет не до того.

Я ей и правда всем сердцем сочувствовал, как сочувствовал бы любому человеку, которому предстоит иметь дело с очень рассерженным мной.

«Это вам нужно, а я такой нужды не испытываю, – с предсказуемым злорадством откликнулась леди Кайрена. И, смягчившись, добавила: – Тем не менее, я могу принять вас... ну, скажем, через полтора часа».

«Спасибо, – смиренно поблагодарил я. – Вы бесконечно добры». Сделал шаг, оказался в ее кабинете и приветливо улыбнувшись, добавил:

– Но мне надо прямо сейчас.

Леди Кайрена опешила от такого нахальства. Но выказать негодование не успела: я быстро ее уменьшил, спрятал в пригоршню и вернулся с добычей домой. Очень легко оказалось похитить начальницу столичной полиции – достаточно примитивного грузчицкого приема. Даже уметь ходить Темным путем не обязательно, хотя, следует признать, это существенно ускорило и упростило процесс.

– Здорово, ты так быстро вернулся! – обрадовалась принцесса, которую я оставил в башне Мохнатого дома с книжками и самым неприятным на свете заданием: сидеть и ждать.

– А толку-то? – мрачно ухмыльнулся я. – Твои злключения только начинаются.

– Какие злключения? – всполошилась она.

– Обычные, по расписанию. Давай, книжку в зубы и марш на крышу. Если сможешь просидеть там одна все время, пока мы с леди будем разговаривать, с меня что-нибудь причитается.

– А с какой леди ты собираешься разговаривать? – удивилась принцесса. – Где она?

Я выразительно взмахнул кулаком перед ее носом.

– С очень-очень маленькой леди. Такой крошечной, что и не разглядишь.

– Ты ее уменьшил?

– Ну да. Маленьких обижать проще, сама понимаешь.

– Невыразимый, лютый, беспрецедентный, нечетный злодей!

– Именно «нечетный»? – восхитился я.

– Это Базилио придумала: добавлять к нашим придворным оскорблениям всякие мудреные математические словечки. Здорово получается! Если когда-нибудь смогу снова вернуться на службу к великому халифу Кутай АнАруме, всех при дворе этому научу. Мне особенно нравится «конгруэнтная задница» и «псевдослучайный мерзавец», но я подумала, для тебя это все-таки немного чересчур.

– Ничего, – великодушно сказал я, – валяй, ни в чем себе не отказывай. Я переживу.

– Договорились, – кивнула принцесса. Накинула самое теплое из нашедшихся в доме зимних лоохи, сверху два одеяла, прихватила несколько книжек и вылезла через окно на крышу. Напоследок, спохватившись, добавила: – И учти, зловещая конгруэнтная задница, с тебя причитается не «что-нибудь», а бутылка укумбийского бомборокки. Оно мне очень понравилось, будь моя воля, каждый день бы его перед сном пила. И чур ни единого слова о том, что я – якобы еще «дети», которым на выпивку даже смотреть нельзя! Мне папа давным-давно разрешил попробовать. А великий халиф Кутай Ан-Арума... ни разу не запретил.

Я скорчил самую страшную из доступных моей мимике рож, исключительно в педагогических целях. Но оспаривать право принцессы на горькое пьянство не стал. Если уж папа ей разрешает. И сам великий халиф.

– Что вы со мной сделали? Что все это значит? – беспомощно спросила леди Кайрена Умата, после того, как я вернул ее к прежним размерам, в высшей степени аккуратно вытряхнув на диван.

– Ну как это – «что значит»? – усмехнулся я. – Чем кажется, то и значит: я вас похитил. Теперь вы у меня в плену. А чего вы, собственно, ожидали, когда накладывали на меня привораживающее заклятие? Что я буду тихо чахнуть, вздыхая у вас под окнами, и молить о возможности делом доказать свою преданность в обмен на единственный поцелуй? Не на того напали. Я – человек практичный. Если мне что-то понадобилось, я это просто беру.

Она испуганно уставилась на меня огромными голубыми глазами, которые, положив руку на сердце, и без всякой ворожбы были хороши. Но красавицей, достойной превращения в статую, леди Кайрена мне больше не казалась. Просто забавная маленькая кудрявая женщина с милым кукольным личиком и роскошным огромным носом, словно бы по ошибке позаимствованным с чужой физиономии. Никакого желания любоваться эти зрелищем сутками напролет я не испытывал. Значит, качественно шуганул этих грешных бабочек. Хорошее оказалось заклинание: «Къш!»

– Неправда! – наконец воскликнула леди Кайрена. – Никаких заклятий я не накладывала. Зачем мне вас привораживать? Вам примерещилось, я ни при чем. Вы сами говорили, что безумны. У вас, наверное, приступ. Какие-то галлюцинации. Пожалуйста, отпустите меня. Клянусь, что если вы меня прямо сейчас отпустите, я никому не расскажу, что вы меня насильно похитили. Вообще ничего не расскажу!

– Зато я расскажу, – пообещал я. – Всем, кто захочет слушать. И еще чиновникам Канцелярии Скорой Расправы, им такие вещи по долгу службы следует знать. Моя подруга, шиншийская принцесса, говорит, что быть сплетником – плохая, недостойная судьба, но ничего не поделаешь, именно такая мне и досталась. Как прознаю, что кто-нибудь накладывает на ни в чем не повинных людей какие-то диковинные старинные заклятия, сразу бегу всем об этом рассказывать. И доказательства привожу. И, будете смеяться, даже свидетелей, хотя это некоторое излишество: мне бы и без них поверили. Но так уж получилось, что свидетели у меня есть.

– Свидетели – чего именно? – взвилась леди Кайрена. – Не может быть свидетелей в подобных делах!

– У вас устаревшая информация. На самом деле еще как может. Ваши далекие предки, безусловно, были большие молодцы, хорошие, хитроумные колдуны, много интересных фокусов придумали и деток своих научили, а те – своих, чтобы традиция не прервалась. Но они ничего не знали о Темной Стороне Мира. А если даже и знали, никогда туда не ходили. Поэтому были не в курсе, что на Темной Стороне все эти их тайные заклятия становятся зримыми. Знаете, как там выглядит ваша

приворотная ворожба? Как стайка голубых бабочек. За что вам, кстати, сердечное спасибо: все заклятия, которые я видел до сих пор, были гораздо хуже. Всякие неприятные твари со множеством щупальцев, колышущиеся слизи, в лучшем случае, жабы. Глаза бы мои не глядели. На их фоне ваши бабочки – чистое счастье. Практически праздник души.

– Бабочки? – растерянно переспросила леди Кайрена. – Бабочки?! Что за глупость, какие бабочки? Я не имею к ним отношения! Не было никаких бабочек, это не бабочки, вы не могли их увидеть, не было бабочек, не было ничего!

Ну и разрыдалась, конечно. Что даже неплохо: по моим расчетам, рев был абсолютно неизбежен, так что лучше уж пораньше его начать, побыстрее закончить и потом нормально, по-человечески поговорить.

«Ты что, правда похитил леди Умату? Но зачем?» – раздался в моей голове голос Трикки Лая.

Он большой молодец, выбрал самый подходящий момент для переговоров. При всей моей нелюбви к Безмолвной речи, болтать с друзьями гораздо интересней, чем молча смотреть на плачущую леди и терпеливо ждать, когда ей надоест собственный рев.

Так что я с огромным удовольствием ему ответил: «Вряд ли это можно назвать полноценным похищением. Скорее, просто очень настойчиво пригласил в гости. И даже отчасти арестовал».

«Арестовал?!»

«Что-то вроде того. Но пока без ордера и даже устного распоряжения начальства, так что еще есть возможность изменить ее статус. Если будет хорошо себя вести».

«Ничего не понимаю. Она прислала мне зов, сказала, что ты ее похитил с применением какой-то доселе невиданной магии, велела отправить всех полицейских к Мохнатому дому, а самому бежать к Джуффину, чтобы он тебя усмирил».

«В общем, правильно выбранная тактика, – одобрил я. – Особенно насчет Джуффина; штурм Мохнатого дома силами Столичной полиции – это все-таки слишком смешно. Но как увеселительное мероприятие вполне имеет право на существование. Девчонки точно придут в восторг».

«Объясни по-человечески, что там у вас происходит, – попросил Трикки. – Я и сам понимаю, что штурм Мохнатого дома – бред и безумие. С другой стороны, это официальный приказ моей начальницы. Что мне делать вообще?»

«Есть два варианта, – сказал я. – Можешь выбирать, какой тебе больше нравится. Если выполнишь приказ своей начальницы, дело неизбежно

получит официальный ход, и леди Кайрена Умата на долгие годы засядет в Холоми. Если забьешь, то... честно говоря, пока не знаю. Может, все равно отправлю ее в Холоми, может, отпущу. Зависит от того, как сложится разговор».

«Ты серьезно? – изумился Трикки. – Леди Умату есть за что отправить в Холоми?»

«Серьезнее не бывает. Еще как есть за что».

«Ты объяснишь?»

«Обязательно объясню, – пообещал я. – Сегодня же. И тебе, и Джуффину. Буквально через пару часов. Если не станешь ему ничего рассказывать, буду тебе признателен. Я люблю делать сюрпризы и удивлять, а к дождю из жаб и цветов в моем исполнении шеф уже привык».

«Ладно», – согласился Трикки Лай.

Возможно, он еще что-то собирался добавить, но его голос, звучавший в моей голове внезапно сменился Кофиным. Мне всегда было любопытно, что получится, если несколько человек одновременно пришлют кому-нибудь зов. Оказалось, в этом деле все решает личное могущество: у кого больше силы, того и услышат, а остальным придется подождать.

По крайней мере, голос сэра Кофы Йоха, одного из самых могущественных колдунов в Соединенном Королевстве, зазвучал в моей голове так громко, что Трикки я больше не слышал. Что на самом деле только к лучшему. Один голос, даже очень сердитый, слушать гораздо приятней, чем неразборчивый гвалт.

Кофа был краток.

«Если ты причинишь вред Кайрене, я тебя убью», – сообщил он.

«Договорились, – ответил я. – Спасибо, что сказали. Я как раз очень не люблю, когда меня убивают, не предупредив заранее. Одно удовольствие иметь с вами дело. Всегда это говорил».

«Я не шучу!» – рявкнул Кофа во всю мощь своих – не легких, конечно, а тех загадочных областей мозга, при участии которых осуществляется Безмолвная речь.

«Да, я так и подумал. Тем не менее, оцениваю свои шансы уцелеть как довольно высокие. Потому что, во-первых, не планирую причинять никакого вреда леди Кайрене. А во-вторых, готов спорить, что буквально через пару часов у вас пройдет желание меня за это убивать. За что-нибудь другое – вполне возможно, жизнь полна приятных сюрпризов. Но только не из-за леди Кайрены, которая, впрочем, все равно останется цела и невредима. Правда, скорее всего, в Холоми. Но есть некоторая вероятность, что от Холоми я ее все-таки спасу, если мне вот прямо сейчас никто не

будет мешать».

«Ты хочешь спасти Кайрену от Холоми? – изумился Кофа. – Что случилось? Что она натворила?»

«Ничего настолько непоправимого, чтобы я с этим не справился. А подробности она чуть позже сообщит вам сама».

«Значит, Кайрена останется цела? Ты ничего с ней не сделаешь?»

«Зря вы перестали мне доверять, – сказал я. – И вам беспокойно, и мне обидно. Впрочем, ладно, переживу».

«Если бы я перестал тебе доверять, от тебя бы уже мокрого места не осталось, – отрезал Кофа. – Терпеть не могу ходить Темным путем, но это не означает, что я не могу им воспользоваться, когда по-настоящему припечет».

«За мокрое место отдельное спасибо. Всегда переживал, что оно от меня однажды останется, а это совсем не дело. Такая прекрасная жизнь, и такой неопрятный конец. Но вы меня чрезвычайно воодушевили. Теперь непременно постараюсь погибнуть именно от вашей руки».

«Извини, – после некоторой паузы произнес Кофа. – Я перегнул палку. Сам не знаю, что на меня нашло».

«Видимо, у вас сейчас такое специальное рабочее настроение, – утешил я Кофу. – Для доверительных дружеских разговоров на деликатные темы не особо подходит, зато ловить разбойников – в самый раз».

Леди Кайрена тем временем не то чтобы совсем успокоилась, но стала всхлипывать значительно тише. И одновременно нетерпеливо зыркала по сторонам – где там моя подмога? Почему медлят?

– Мне нравится, что вы не сдаетесь, – сказал я. – Настоящий боец, я таких люблю. От всего сердца сочувствую вашим попыткам найти на меня управу. Но так получилось, что управы на меня нет. И в ближайшее время не предвидится. Причем не потому, что я такой уж великий человек. Просто в моем распоряжении факты, позволяющие отправить вас в Холоми. Не помню, какой срок полагается за околдовывание государственных чиновников высшего ранга с целью извлечения выгоды. Точно не пожизненное заключение, потому что все ваши жертвы, хвала Магистрам, живы-здоровы и даже ничего противозаконного пока не натворили. Но все равно до хрена придется там просидеть.

– Но... – начала было леди Кайрена.

Я ее перебил:

– Тот факт, что вы использовали не Очевидную, а древнюю магию драххов, закону до задницы. Просто доказать подобные случаи обычно

бывает гораздо сложнее, поэтому могло сложиться ложное впечатление, будто за ваше лесное колдовство вообще не наказывают, что ни натвори. Но вам не повезло: я собственными глазами видел следы вашего заклятия на Темной Стороне и уже получил заключение компетентного эксперта: так выглядит старинный любовный приворот. По остальным случаям дадите показания сами. В кабинете сэра Джуффина Халли у всех чародеев удивительным образом проходит желание молчать о своих подвигах: умение дотошно расспрашивать и внимательно слушать – его особый талант. У меня, собственно, тоже долго не помолчишь, один Смертный шар, и вы все расскажете. Но вам повезло, допросы – не моя специализация. Мне бы просто по-дружески поболтать. Без Смертных шаров и официального протокола для Канцелярии Скорой Расправы. Поэтому я – ваш шанс. Чем скорее вы это поймете, тем лучше. У меня на крыше сейчас девчонка мается, потому что я попросил ее дать мне возможность поговорить с вами наедине. Для хорошего самочувствия ей надо за меня держаться – по сугубо магическим, я бы даже сказал, медицинским причинам, а не из романтических соображений, как вы наверняка подумали, когда приходили к нам с тортом. Вы после этого решили меня околдовать? Чтобы проучить за недостаток любезности? И за то, что моя первоначальная симпатия к вам оказалась обычным умеренным дружелюбием? Очень неосторожно с вашей стороны. Вы бы хоть немного подумали: все эти нелепые городские слухи обо мне – откуда-то они взялись? Не совсем же на ровном месте возникли? И на кой тогда со мной связываться? Зачем так рисковать? Вы бы еще сэра Джуффина Халли приворожили за компанию, чего мелочиться. Он тоже парень хоть куда.

Пока я говорил, леди Кайрена сжималась в комок, как будто ждала, что я вот-вот начну ее лупить или превращать во что-то плохо совместимое с разумной жизнью.

Быть человеком, которого настолько сильно боятся, оказалось довольно противно. Хоть на край Мира от такого себя беги.

– Где вы раньше были со своим страхом? – вздохнул я. – Лет десять назад счел бы его за комплимент. В ту пору мне, как, наверное, всем начинающим магам, нравилось, когда меня боятся, но это, хвала Магистрам, быстро прошло.

– Десять лет назад я руководила охраной Летней Королевской резиденции Анмокари, – неожиданно ответила леди Кайрена. – И знала о вас только из газет. Лучше бы так и оставалось.

– Это правда, – согласился я. – Там вы, похоже, были на своем месте. Говорят, Королю очень нравилось, как вы все организовали. Зря вы затеяли

делать карьеру в полиции. Думали, навести полный порядок в столице не намного сложнее, чем в замке? Особенно, если на вас будет усердно работать Тайный Сыск? И этот успех вас прославит? А, скажем, дюжину лет спустя, начальник Канцелярии Скорой Расправы совершит какую-нибудь роковую ошибку, и вы тут как тут? А из его кресла можно будет снова вернуться ко двору, но уже в чине какой-нибудь Старшей Королевской Советницы по вопросам безопасности или какие там еще бывают высшие придворные должности на соответствующую тему. Ничего не скажешь, хороший план.

Она молча пожала плечами. Дескать, какая разница, хорош ли был план, если все так бесславно закончилось.

– В замке Анмокари вы тоже так наводили порядок? – спросил я. – Все ваши подчиненные были заранее приворожены и работали как проклятые ради вашей ласковой улыбки?

– Да зачем же всех привораживать? – тусклым голосом ответила леди Кайрена. – В любом профессиональном сообществе всегда есть несколько ключевых фигур; если они играют на твоей стороне, этого совершенно достаточно. А когда одна из этих фигур – сам замок, по большому счету, достаточно его одного.

– Замок? – изумился я. – Вы можете приворожить замок? Я думал, любовные заклятия действуют только на людей, а не на дома.

– На дома, на зверей, на кусты и деревья, на лесных и болотных духов, на тучи и облака, вообще на кого и на что угодно, да хоть на сновидения – приворожишь то, что однажды понравилось, и оно станет сниться тебе всегда, доставляя неопишемое блаженство, пока не снимешь заклятие, – неохотно сказала леди Кайрена. И с плохо скрываемым высокомерием добавила: – Есть вещи, которых вам, адептам Очевидной магии, мощной, но примитивной по сути, не понять никогда.

– Да ладно вам, – отмахнулся я. – Было бы чего не понимать. С деревьями у меня и без ваших приворотных заклятий с детства взаимная любовь. И, кстати, с некоторыми домами тоже случается. Готов спорить, что этот, где мы с вами сейчас находимся, сам меня приворожил. Поначалу мне тут не особо нравилось, а теперь палкой не прогонишь; сам не заметил, как это произошло. Впрочем, я не в претензии – ни к Мохнатому дому, ни к вам.

– Вы не в претензии? – переспросила леди Кайрена. – Это правда? Или просто так сказали, чтобы помучить меня надеждой?

– Вот больше заняться мне нечем, только надеждой вас мучить. Естественно, я не в претензии, поскольку не пострадал. Ваше заклятие на

меня не особо подействовало, если вам интересно. Видимо, я гораздо менее влюбчив, чем болотные духи, деревья и облака. Только и горя, что вы стали казаться мне удивительной красавицей. Но, как по мне, это просто дополнительное удовольствие: люблю смотреть на красивых людей. Поэтому, собственно, мы с вами сейчас здесь разговариваем, а не в кабинете сэра Джуффина Халли, который мне за подобную снисходительность, не сомневаюсь, голову оторвет. Но моя голова не настолько великое дело, чтобы о ней сейчас беспокоиться. Есть вещи и поважней. Например, сэр Кофа Йох и сэр Мелифаро. Приворожить Тайных сыщиков, чтобы заставить их выполнять вашу работу – это, честно говоря, за пределами моего понимания. Как вас угораздило? За кого вы нас вообще принимаете? Неужели действительно думали, что никто ничего никогда не заметит и не поймет?

Леди Кайрена молчала, но ее ответа и не требовалось. Без слов было ясно: именно так она и думала. Причем не то чтобы ошибалась, как ни обидно это признать. В этой их допотопной лесной магии мы все и правда ни в зуб ногой, даже всеведущий сэр Джуффин Халли ее никогда толком не изучал, поскольку считал бесполезной ерундой. И книг о магии драххов не написано, зачем какие-то книги, когда традиция передается внутри семьи. И специальных консультантов по этой теме нанимать не принято, да и откуда их взять. Счастье, что леди Сотофа с уважением относится ко всем магическим традициям без исключения и любит признавать чужие секреты, без ее подсказки дело о голубых бабочках зашло бы в тупик.

– Их надо расколдовать, – сказал я. – Немедленно. Если откажетесь, мы, конечно, и сами справимся. Но для вас это единственный шанс достойно выйти из положения. Возможность делом исправить свои ошибки – большая удача. Я решил вам ее подарить.

Леди Кайрена долго молчала. Наконец почти беззвучно произнесла:

– Мне нужен таз с водой. То есть два таза. Лучше, чтобы это была речная вода.

– Ладно, – кивнул я. – Сидите тут и никуда не уходите, а то мне придется встать на ваш след. Мне несложно, но некоторые люди умирают от сердечного приступа, не выдержав такого счастья. Я вас сейчас не пугаю, просто говорю как есть.

Высунулся в окно и сказал принцессе:

– За мужество тебе полагается не только бутылка бомборочки, но и увлекательное приключение.

– Какое приключение? – просияла она.

– Сейчас мы с тобой будем искать тазы. Весь дом на уши поставим.

Все тут перевернем вверх дном!

– С удовольствием, – сказала принцесса, ухватившись за мою руку. – Но вообще, если тебе больше нужны тазы, чем повод перевернуть все вверх дном, я знаю, где их найти. На кухне! Буквально вчера своими глазами видела: они там стоят.

Благодаря принцессиной наблюдательности, поиск тазов отнял у нас не полдня, как я опасался, а всего пару минут. Еще столько же времени ушло на поход к реке за водой – все-таки умение ходить Темным путем совершенно бесценно. Не понимаю, как я раньше без него жил.

Принцесса, конечно, всю дорогу меня тормозила:

– Что натворила эта чудесная леди? За что ты на нее так рассердился? Расскажи, пожалуйста. Я вас не подслушивала, потому что это недостойное поведение... к тому же на крыше почему-то совершенно не слышно, о чем говорят в кабинете, даже с открытым окном. Но я же не сплетница! Никому-никому не разболтаю. Никогда, ни за что!

На берегу Хурона я сдался и коротко объяснил:

– Эта чудесная леди приворожила кучу народу.

– Всего-то? – удивилась принцесса. – А что в этом такого ужасного? И зачем сразу кучу народу? Даже если тебе несколько человек одновременно нравятся, привораживать их лучше по очереди. По одному. Так просто удобнее! А то все перессорятся и, чего доброго, передерутся, никакого удовольствия их разнимать.

– Совершенно с тобой согласен, – невольно улыбнулся я, представив себе эту драку. – Когда привораживаешь ради любви, удобней по одному. Но когда для работы, лучше сразу побольше. Пусть соревнуются, кто больше сделает для тебя.

– Для работы? – изумилась принцесса. – У вас что, так принято – работать от любви?

– Ну, чтобы заслужить хорошее отношение. «Сделай то, сделай это, а я пока посижу и подумаю, заслуживаешь ли ты моей ответной любви». Довольно долго можно так голову морочить. Влюбленный человек, сама знаешь, слаб.

– Знаю, – мрачно согласилась принцесса. И больше не спрашивала ни о чем.

Леди Кайрена за время нашего отсутствия как раз успела осмыслить произошедшее. Поэтому встретила меня требовательным вопросом:

– А что со мной будет потом? После того, как я их расколдую? Вы

расскажете сэру Джуффину? И сэру Кофе тоже расскажете? Или замнете, как будто ничего не случилось? И будете меня шантажировать до конца моих дней?

– Отличная идея! – обрадовался я. – До шантажа я бы сам не додумался. Вечно упускаю из виду самые шикарные варианты. Спасибо вам.

– Даже не вздумай! – строго сказала принцесса. – Быть шантажистом – очень плохая судьба, хуже невозможно придумать. Это одно из тех преступлений, за которые у нас наказывают таким страшным презрением, что даже самоубийство не поможет: хоть три раза себя убей, все равно тебя будут презирать, пока не забудут. И дети таких негодяев получают право изменить имя, придумать себе никогда не существовавшую семью и переписать соответствующие страницы в официальных архивах – специально, чтобы не позориться, признаваясь, что среди их предков были шантажисты. Даже собак, куфагов, гадюк и других домашних зверей у таких забирают, потому что иначе позор падет и на них.

– Ну вот, сами видите, – сказал я леди Кайрене. – Не выйдет из меня шантажиста. Рад бы, всем сердцем, но не могу так подвести своих собак.

– Тошно от ваших шуток, – поморщилась она. – Для меня вопрос жизни и смерти решается, а вы глумитесь.

– Не жизни и смерти, а жизни и очень спокойной жизни в Королевской тюрьме Холоми, – напомнил я. – И, справедливости ради, к этой черте вы подошли совершенно самостоятельно. Я вас не заставлял.

– Это вам только кажется, – почти беззвучно сказала леди Кайрена. – Если бы вы не заморочили мне голову своим притворством, я бы не... В общем, не случилось бы ничего.

– Сэр Кофа и Мелифаро тоже морочили вам голову? – поинтересовался я. – Или просто оказались, как вы это называете, «ключевыми фигурами»? Удобно, когда такие играют на вашей стороне? Хвала Магистрам, хотя бы Трикки в порядке – это потому что он и так готов подчиняться вашим приказам и привык ночевать на работе? Не надо уговаривать и заставлять? А кто еще вам попал под горячую руку? Может, я проглядел?

– Больше никого, – деревянным голосом сказала леди Кайрена. – Опыт показывает, что большое число влюбленных скорее вредит, чем помогает работе. Поэтому надо заранее правильно выбрать. Лучше не больше двух-трех человек.

– И еще одного для души и приятного досуга, – ехидно добавил я.

Принцесса, все это время молча нас слушавшая, не выдержала и вмешалась:

– Нельзя насмехаться над теми, кто попал в большую беду. Если эта леди сделала что-то очень плохое, посади ее в тюрьму, или убей, раз уж уродился таким неукротимым зловещим злодеем. Но потешаться над ней не надо, пожалуйста. А то я не смогу с тобой дружить.

– Я как раз для того и насмехаюсь, чтобы не хотелось ни убивать, ни сажать в тюрьму, – объяснил я. – Привык так справляться со своим злодейством. Но ты, конечно, совершенно права. Извините, леди Кайрена. А ты, – я повернулся к принцессе, – немедленно марш на крышу. А то и правда, посидишь тут, послушаешь и не захочешь больше со мной дружить. Между прочим, будет довольно обидно.

– Мне тоже, – серьезно согласилась она и вышла в окно.

– Спасибо, – сказала ей вслед леди Кайрена. – Очень приятно, что вы за меня заступились. Беда в том, что по мнению вашего... вашего друга я – не человек, попавший в беду, а преступница. Чего со мной церемониться.

– Зато по законам моей страны ты никакая не преступница, – улыбнулась принцесса, сунувшись обратно в окно. – У нас разрешается привораживать столько народу, сколько захочешь и сможешь. Правда, приворожить надолго, больше, чем на одну ночь, считается очень трудным колдовством, и мало у кого получается, но тут как во всяком деле – кто сумел, тот и молодец. А вот использовать чужую любовь, чтобы получить выгоду, у нас не принято. Но это тоже не считается преступлением. Всего лишь великим позо... не очень хорошим поступком, способным омрачить любую судьбу.

Леди Кайрена помрачнела, а я сказал:

– Вот потому я и считаю, что возможность самостоятельно ликвидировать последствия собственных преступлений – большая удача. И судьба сразу становится гораздо менее омраченной, сам сто раз проверял. Приступайте, чего тянуть.

• Примерно полчаса спустя, леди Кайрена, все это время производившая недоступные моему пониманию манипуляции над тазами, сказала:

– Осталось вылить из них воду. И на этом все.

– Обратно в реку?

– Можно и в реку. Но это необязательно. Все равно куда.

– Ладно, – кивнул я. – Тогда пошли на крышу.

– Через окно? – испуганно спросила леди Кайрена.

– Ну а как еще? Других выходов нет.

Она скривилась так, словно я предложил ей сплясать голышом на площади Побед Гурига Седьмого, распевая матросские песни. Но в окно

полезла как миленькая. Видимо, воспринимая эту процедуру как заслуженную гражданскую казнь.

Я намеревался выплеснуть воду с крыши прямо вниз, на улицу, склонная к мелкому хулиганству принцесса заранее попискивала от восторга и рвалась помогать, но леди Кайрена наотрез отказалась подвергать ни в чем не повинных прохожих риску быть облитыми холодной водой в зимний день. Мы были вынуждены признать ее правоту. Поэтому вылили воду из тазов прямо на черепицу, а потом смотрели, как тонкие струйки медленно расползаются в стороны и подбираются к самому краю крыши, чтобы все-таки пролиться на головы прохожих, но не бурным потоком, а безобидным мелким дождем. Впрочем, никаких прохожих внизу в этот момент не было, можно сказать, все старания зря.

Я достал из Щели между Мирами какао для принцессы и кофе для себя. Леди Кайрена наотрез отказалась пробовать подозрительные напитки из не менее подозрительных иных реальностей, но кружку нашей ужасной домашней камры по классическому дворцовому рецепту, за которой я не поленился смотаться на кухню, с благодарностью приняла. Спросила:

– Вы больше не сердитесь?

– Да вроде бы нет, – ответил я, растягиваясь на только что отобранном у принцессы одеяле. – То ли потому, что дело сделано, то ли просто устал. Но, кстати, о деле: генерала Бубуту тоже надо расколдовать. Мне эта история с самого начала не понравилась, но все были так рады от него избавиться, что я решил – ладно, пусть так. Тем более, ворожба была всего лишь одной из версий, заочно, в его отсутствие никто не взялся бы доказать. Но теперь-то все ясно.

– Но его приворожила не я! – воскликнула леди Кайрена.

– Да уж догадываюсь, что не вы лично. Пошлите зов своей подружке, названной сестре, или кем вы там друг другу приходитесь, пусть немедленно прекращает это безобразие. Бедняга и так крупно влип: сидит сейчас без возлюбленной, своих сбережений и моих сигар в Ташере... или еще на палубе? Туда же до хрена плыть. В любом случае, надо его расколдовать, пусть одной бедой будет меньше. Разбитое сердце – это совсем не смешно.

– Мы и так собирались, – неохотно сказала леди Кайрена. – Не планировали мучить его всю жизнь этой любовью.

– Вот и не мучайте. Снимите заклятие прямо сейчас.

– Сейчас, так сейчас, – равнодушно кивнула леди Кайрена. И надолго умолкла, погрузившись в Безмолвный разговор.

А я воспользовался паузой, чтобы мечтательно уставиться на плывущие по небу бледные зимние облака. Не по обязанности, как постоянно делал в последнее время, а просто для удовольствия. Ясно, что пернатые змеи мне не покажутся, сколько ни паясь, как ни мечтай о встрече. Я им не нравлюсь. Кажусь недостаточно очаровательным. Хоть привораживай...

Стоп, – удивленно подумал я, – а это идея. Кайрена сказала, что при помощи ее заклятия можно приворожить даже сон. А если может она, такой красавчик, как я, тем более справится. По крайней мере, стоит попробовать. Как минимум будет смешно.

Я, конечно, и сам понимал, что смешного тут мало. Настолько мало, что впору начинать деликатно расспрашивать окружающих, не пахнет ли от меня безумием, хотя бы слегка. Или, наоборот, подальше от них отодвинуться, чтобы ничего не унюхали прежде, чем... Прежде, чем – что?!

Ты это серьезно? – спросил я себя. Все взвесил и понял, что да, серьезно. Насколько вообще можно оставаться серьезным, когда в твоей голове воцарилась абсолютная победительница конкурса «Самая безумная идея всех миров и времен». Беднягу можно понять, куда ей еще податься. Таковую гостью не выдержит больше ничья голова.

– Я поговорила с Атаной, – сообщила леди Кайрена. – Она все сделает, как только вернется домой со службы: возня с водой и тазами в помещении Таможенного архива вызовет слишком много вопросов. Но буквально через два-три часа генерал Бох будет избавлен от чар, даю вам слово. На этом, надеюсь, все? Вы не станете предавать дело огласке? Не потащите меня в Канцелярию Скорой Расправы?

– Я не потащу. Но окончательное решение остается за сэром Джуффином.

– Вы ему расскажете? – ахнула леди Кайрена.

– Все-таки удивительно, насколько вы его недооцениваете, – усмехнулся я. – Расскажу, не расскажу – да кто меня спрашивать будет? От сэра Джуффина Халли ничего нельзя скрыть, даже если очень захочется. Но я постараюсь уговорить его не давать хода вашему делу. Возможно, он пойдет мне навстречу... предварительно четвертовав за излишнюю мягкосердечность.

– Вы шутите насчет четвертования? – осторожно спросила леди Кайрена.

– Шучу, конечно. Вряд ли шеф станет убивать меня таким трудоемким варварским способом, когда можно просто аккуратно испепелить. А может, вообще пронесет, я везучий. Но последнее желание приговоренного у меня

все равно есть. Научите меня этому вашему старинному привороту.

– Но зачем? – устало вздохнула леди Кайрена. – Вы и так всем нравитесь. Куда вам еще?

– Ничего, – усмехнулся я. – Пусть будет. Дополнительная неотразимость никому не повредит. И это не просьба, а условие. Пока не научусь вашему приворотному заклятию, вы отсюда никуда не уйдете. Так что молитесь Темных Магистров, чтобы я оказался не слишком тупым учеником.

Сила молитвы леди Кайрены Уматы, судя по всему, была на диво велика. Это единственное разумное объяснение того удивительного факта, что на освоение секретного приема ее прабабки у меня ушло всего часа полтора. Честно говоря, я опасался, что из моей затеи вообще ничего не выйдет: все-таки я не потомок коренных уроженцев Хонхоны. И вообще ничей.

Тем не менее, старинное любовное заклятие зашло мне практически как по маслу. Я бы еще быстрее его разучил, если бы процесс ворожбы не походил на вязание невидимыми спицами из невидимых же нитей, а в рукоделиях я никогда не был силен.

Однако в конце концов я все-таки справился с этим мистическим любовным вязанием. И отпустил леди Кайрену с миром. А сам отправился в Дом у Моста.

* * *

– По-моему, ты вконец охренел, – сказал сэр Джуффин Халли, выслушав мой подробный отчет.

– Ты тоже так думаешь? Отлично! Рад, что мне не показалось.

Мы переглянулись и рассмеялись. Джуффин – почти до слез. Оно и понятно: слишком долго терпел.

– Ужас в том, что мне даже не к чему особо придраться, – наконец сказал он. – Разве только к тому, что ты недостаточно сильно ее напугал; впрочем, это всего лишь предположение. Просто с устрашением преступников у тебя до сих пор было не очень. Ты становишься по-настоящему страшен примерно за три секунды до того, как начнешь убивать. А пока тебя не доведут до этой крайности, разговариваешь с подследственными, как с приятелями. В некоторых случаях это бывает даже полезно для дела. Но далеко не всегда.

– Когда я видела эту леди, она была вполне перепуганной, – вступилась за меня принцесса. – А Сэрмакс – ужасно противным. Я чуть не передумала с ним дружить!

– Правда, что ли? – удивился Джуффин. – Спасибо, юная леди Тапута, это меняет дело. Извини, сэр Макс. «Ужасно противным» – именно то, что надо в данном случае. Совершенно от тебя не ожидал.

– Ну все-таки твоя школа, – невольно улыбнулся я. – Все время представлял тебя на своем месте. Чем отчетливей представлял, тем веселей шло дело. В смысле тем противней я становился. И тем лучше работала голова.

– Да, хороший метод, – кивнул Джуффин. – Когда старик Махи смылся из Кеттари, я в первое время тоже так выкручивался. Воображал, будто в кресле шерифа по-прежнему сидит он, а не я. Временами сам поражался собственной лихости – откуда что взялось? А потом понемногу и своя, настоящая отросла.

– Что мы будем делать с этой роковой красоткой? – спросил я. – Ясно, что судебное разбирательство нам нужно даже меньше, чем ей. Околдованные Тайные сыщики – это как-то уж слишком хорошо для журналистов. Они не заслужили такого счастья. Вообще никто во Вселенной его не заслужил.

– Рад, что наши мнения сходятся, – усмехнулся шеф. – Удивительно, как Кайрена сама не сообразила, что до суда не дойдет?

– Ей было здорово не до того. Потому что я действительно был ужасно противный, – скромно заметил я. – Честное слово, почти как ты.

– Ты на него наговариваешь! – возмутилась принцесса. – Господин Почтеннейший Начальник совсем не такой!

Я не стал ее разубеждать. Юным леди нужны высокие идеалы. Мне, впрочем, тоже нужны. Просто мои высокие идеалы несколько отличаются от девичьих. Сэр Джуффин Халли во время допроса особо одаренных злодеев – самое то.

– Сейчас кое-кто отправится в зал общей работы и останется без государственных тайн, – пригрозил я.

Принцесса насупилась, но притихла. И покрепче вцепилась в мое предплечье. Оно и понятно, насиделась уже сегодня без меня по самое не могу. Суточная норма по леденящему одиночеству была перевыполнена на несколько дней вперед.

– Подозреваю, грядущая отставка пугает леди Кайрену гораздо больше, чем Холоми, – сказал я Джуффину. – Точнее, если уж уходить в отставку, все равно, будут ли какие-то дополнительные неприятности. Она

же помешана на карьере. Все на нее поставила. И вдруг такой облом.

– А мы и не станем отправлять ее в отставку, – ответил шеф. – Пусть формально числится на своей должности, лично я не против. Мы как раз, помнишь, говорили перед ее назначением: как досадно, что Трикки не может покидать Ехо, а без инспекционных поездок начальнику Столичной полиции не обойтись. Ну вот, пусть леди Кайрена и ездит, когда понадобится. И действует по его указаниям, а не как самой взбредет в голову. В качестве декорации она гораздо лучше Бубуты: милая, вежливая, с прекрасными манерами. Только приворотной магией увлекается, но следующий рецидив случится, надеюсь, очень нескоро. Ты ее напугал, а я еще немного добавлю. Какое-то время будет вести себя смирно. Сэр Кофа, не сомневаюсь, с превеликим удовольствием за нею присмотрит и забьет тревогу в случае появления новых безнадежно влюбленных. Для него это дело чести. Так вляпаться – это, конечно, надо уметь...

– Да нечего там уметь, – вздохнул я. – Очень подлое это старинное заклятие. Совсем не похоже на наши приворотные зелья, как мне описывали их действие. Пробуждает не только и даже не столько любовную страсть, сколько желание постоянно быть рядом с колдуньей. И полное согласие с ее волей. Как скажет, так и будет, в голову не придет возразить, лишь бы осталась довольна и не прогнала. И все происходит так медленно, деликатно, как бы естественным образом, словно сам постепенно к этому пришел... Неудивительно, что Кофа и Мелифаро влипли: очень уж похоже на настоящее глубокое чувство; когда не знаешь, что происходит, поди отличи. И кстати, понятно, почему я не влип. В смысле почему на меня почти не подействовало: из-за моей рассеянности и окружающего бардака. Просто времени и внимания не хватало сосредоточиться на своих чувствах к леди Кайрене. Я даже о еде вспоминаю только когда ее передо мной поставят. А так только удивляюсь, почему это ни с того, ни с сего закружилась голова. К тому же сейчас у меня в доме сам знаешь, что творится. У девчонок гости каждый день. Шум, гам, и всем подавай напитки из Щели между Мирами, и всех научи, пожалуйста, вот прямо сейчас, немедленно сидеть на потолке, а еще расскажи про Черхавлу и про Харумбу, а еще покажи, как ты исчезаешь, а потом прокати нас всех в амобилере ко Дворцу Ста Чудес – как это двадцать пять человек не поместятся?! Придумай что-нибудь, ты же великий колдун! – и так круглые сутки, практически без перерыва, как еще имя свое не забыл. Когда встречал Кайрену в управлении, неизменно думал: «Она поразительная красавица!» – но тут меня дергали за рукав, кто-нибудь присылал зов, ты выглядывал из кабинета с загадочным видом,

какая в таких условиях может быть любовь? Кофа просто гораздо более опытный человек, у него внимания на все хватает, какими делами не нагрузи. И Мелифаро умеет успешно решать множество задач одновременно. Это их и подвело. Часто слышал, в том числе, и от тебя, что иногда сила может обернуться слабостью, а слабость – наоборот, стать силой. Но настолько наглядную демонстрацию этого принципа вижу впервые.

– А откуда ты знаешь такие подробности про воздействие заклинания, если сам толком ничего не почувствовал? – удивился Джуффин.

– Ну так когда осваиваешь новый прием, одновременно понимаешь, как именно он действует. Без понимания и не научишься, собственно говоря.

– А ты его освоил?

– Конечно. Поэтому, собственно, так задержался, а то пришел бы гораздо раньше, еще часа два назад. Глупо было бы упустить шанс научиться хоть одному из драхховских фокусов – не собирать же их секреты по деревням. Хотя, честно говоря, не помешало бы. А то сам видишь, какие случаются сюрпризы. Ладно, будем считать, начало положено. Этот грешный приворот я уже разучил.

– Думаешь, пригодится? – ехидно спросил Джуффин.

– Еще бы. Такой полезный прием, – в тон ему ответил я. – Всех вокруг очарую до полусмерти, не щадя ни стариков, ни детей. И велю влюбленным круглосуточно прыгать на шиншийских уладасах до поступления новых распоряжений. Ух, развернусь!

Джуффин ухмыльнулся, но смотрел на меня так подозрительно, что я поспешно добавил:

– На самом деле я просто решил разобраться, как работает эта старинная магия драххов. Странная оказалась штука. Немного похожа на некоторые приемы высоких ступеней Очевидной, только сила берется не из Сердца Мира, а из себя самого. Сколько есть – все твое, а больше нигде не допросишься. Поэтому, думаю, мало-мальски умелых лесных колдунов по пальцам можно пересчитать, их гораздо меньше, чем людей со средними способностями к Очевидной магии: у нас можно начинать с малого и постепенно наращивать силу, а им даже для самых простеньких фокусов надо быть щедро одаренными от природы. Но заранее уверен, любому из серьезно практикующих Очевидную магию эта окажется по плечу: все-таки, постоянно работая с силой Сердца Мира, понемногу увеличиваешь и свою.

– Сотофа мне когда-то примерно то же самое говорила, – заметил

Джуффин. – Но мне в ту пору было не до старинных лесных секретов, выслушал ее, покивал и забыл. Получается, зря; с другой стороны, это сейчас, развалившись в кресле, легко рассуждать, а тогда на жизненно необходимое времени не хватало. Рассказывай дальше. Как тебе понравился сам процесс ворожбы? Скорее неприятный или, наоборот, притягательный?

– В первую очередь, это физически тяжело, хуже, чем делать уборку или таскать мешки. Но, будешь смеяться, довольно приятно. Очень теплое возникает ощущение: как будто весь Мир гладит тебя по голове. Похоже, наш Мир ласков с теми, кто отдает ему свою силу, вместо того, чтобы привычно заимствовать у него. В общем, мне скорее понравилось; правда, все-таки не настолько, чтобы ежедневно брать уроки у леди Кайрены. Я лентяй, сам знаешь, да и не хочу мучить ее своим обществом. Но мне кажется, кто-нибудь из наших должен у нее эти уроки брать. Воспитаем своих специалистов по лесной магии драххов; по-моему, давно пора.

– Ты прав, – кивнул Джуффин. Помолчал и добавил: – Насколько прав по всем пунктам, что это даже слегка настораживает. Слишком уж стал рассудительный. Сам на себя не похож.

– А может быть, наоборот, наконец-то похож? – безмятежно улыбнулся я.

– Очень может быть, – задумчиво согласился шеф. И уставился на меня с таким интересом, что принцесса поспешила его заверить:

– Это совершенно точно Сэрмакс! Если бы его подменили, я бы сразу почувствовала.

– Спасибо за экспертизу, юная леди, – улыбнулся Джуффин. – Если уж ты говоришь, придется поверить, что он и есть.

А я удивленно подумал: похоже, это Триккино заклинание Дриммеха и правда отлично работает. Я, конечно, разучил его при первой же возможности, однако скорее просто из любопытства и, так сказать, для коллекции. Не очень-то верил, что оно подействует. Ну то есть, как – теоретически верил, а на практике совершенно не мог представить, что однажды сэр Джуффин Халли, всегда читавший меня, как открытую книгу, не будет знать о моих делах и ближайших планах ничего, кроме того, что я сам ему рассказал.

* * *

– Отлично, что ты пришел. Я как раз хотела с тобой посоветоваться, –

сказала Кенлех.

Строго говоря, пришел не я, а она сама – вместе с Друппи, счастливым, как сто тысяч только что вернувшихся с прогулки собак. И даже несколько усталым, хотя до сих пор мне казалось, что утомить этого буйного пса невозможно.

Мы с принцессой в момент их появления уже сидели в гостиной, пустой, как моя голова. Впрочем, я надеялся, что это временное явление – я имею в виду голову. Насчет гостиной и так ясно, что это счастье ненадолго.

– Мы ушли гулять еще утром, – объяснила Кенлех. – Дошли пешком до Нового Города, пообедали в «Меде Кумона» и вернулись назад. Мне было интересно, когда Друппи сам запросится домой, но этот эксперимент провалился. Первой домой запросилась я.

Друппи плюхнулся на ковер и тут же уснул.

– Похоже, ты победила, – заметил я. – Дольше продержалась на ногах.

– Ну, я все-таки не прыгала и не бегала. И никому не носила камни и палки. И не пыталась искупаться в Хуроне. И не гоняла птиц.

– Это ты, конечно, напрасно. Надо брать от жизни все.

– В принципе я с тобой согласна, – улыбнулась Кенлех. – Но не за один же присест!

– Ничего, если я тут останусь, пока ты будешь советоваться? – спросила ее принцесса. – Я, честное слово, не разболтаю. Но если хочешь, могу заткнуть уши. Просто устала уже сегодня без Сэромакса сидеть.

– Оставайся, – разрешила Кенлех. – И уши можешь не затыкать. Я уже при тебе знаешь, сколько наговорила? Правда, ты тогда спала. Но у меня на родине, в Пустых Землях, считается, что спящий человек все слышит и понимает. Просто сразу же забывает, потому что спящему все равно.

– Правда, что ли? – удивился я.

– На самом деле все-таки вряд ли, – рассмеялась она. – У наших стариков много причудливых идей, а остальные им верят, потому что так жить интересней. У нас, сам знаешь, не слишком много развлечений. А слушаешь стариков, и сразу кажется, что Мир полон удивительных тайн.

– Ну, он и правда полон.

– Да, конечно. Но для начала об этом надо откуда-то узнать. Я думаю, даже сами тайны не так важны, как понимание, что они вообще в принципе есть. В этом смысле, любые завиральные рассказы гораздо лучше, чем ничего.

– Ты права, – согласился я. – Главное – знать, что Мир – удивительное место. А доказательства приложатся. Рано или поздно, так или иначе, но приложатся, факт.

– Наши ученые философы считают, что каждый человек изменяет Мир своими представлениями о нем, – встряла принцесса. – Совсем чуть-чуть, незаметно, но все-таки изменяет. Ну вот как, помнишь, я тебе говорила, что любая самая мудрая книга может утратить смысл, если ее прочитают сорок тысяч дураков? С Миром примерно то же самое: если слишком много народу будет думать, будто он плохое, скучное место, Мир от их мыслей постепенно испортится. А если наоборот, что он прекрасный и интересный, Мир сделается еще лучше. Причем все дело в количестве, кого будет больше, тех и послушается Мир. Поэтому люди придумали сказки, стихи и песни. И старинные легенды рассказывают, немножко все приукрашивая – просто чтобы люди думали о Мире так хорошо, как только возможно. Поэтому он такой прекрасный. И до сих пор цел!

– Это очень похоже на правду, – серьезно согласилась Кенлех.

– Наверняка так и есть, – поддержал я.

– Хорошо, что вы оба тоже так думаете, – обрадовалась принцесса. – Все-таки никакие вы не грубые варвары, хоть и угуландские колдуны.

– Я-то пока совсем не колдунья, зато очень даже грубый варвар! – заверила ее Кенлех. – Я родом из кочевого племени, аж из Пустых Земель. Ездить верхом на менкале научилась раньше, чем ходить. А читать и пользоваться самопишущими табличками – только после того, как поселилась в Ехо. Совсем взрослая тогда уже была^[26].

– Я тоже научилась ездить верхом раньше, чем читать и писать! – рассмеялась принцесса. – У меня же папа военный, Третий Полночный Страж границ. Это очень высокая должность. У вас, наверное, считалось бы, что генерал. Поэтому у папы свои представления о том, что в жизни важнее всего.

Я почувствовал себя полным фуфлом, поскольку научился ездить верхом, во-первых, сравнительно недавно. А во-вторых, это было очень условное «верхом» – куманский походный уладас, установленный на спине гигантского выючного куфага, как ни крути, больше всего похож на широкий диван.

Однако хвастаться перед девчонками своим мастерством верховой езды на диванах я благоразумно не стал. Вместо этого напомнил Кенлех:

– Ты сказала, что хочешь посоветоваться.

– А, – помрачнела она. – Ну да. Мелифаро вчера прислал мне записку, запустил прямо в окно. Записка довольно странная. Я сперва решила, полная чушь, но сегодня, пока гуляла с Друппи, поневоле об этом думала. И решила тебе ее показать. Вдруг я чего-то важного не понимаю?

Она протянула мне маленькую самопишущую табличку, дешевую,

одноразовую – в смысле они дают пишущим только одну попытку, исправить и дополнить написанное, а тем более, стереть все и начать заново уже не получится. Такие таблички обычно используют младшие школьники, когда учатся писать без помарок, и взрослые для коротких деловых и личных записок, которые обычно выбрасывают, прочитав.

Там было написано: «Правильно сделала, что удрала, я бы на твоём месте тоже удрал. Но очень прошу, дальше пока не беги, дай мне время. Я уверен, тут что-то нечисто. Я точно знаю, что не смог бы тебя разлюбить по своей воле, без посторонней помощи. Шеф отправил меня в Комуадский лес пугать разбойников; через несколько дней вернусь и попробую разобраться. Пожалуйста, дождись».

– Он все-таки гений! – восхищенно сказал я, возвращая Кенлех табличку. – Сам, без улик и подсказок, к тому же, находясь под воздействием заклятия, догадался, что дело нечисто. Даже жаль, что я лишил его удовольствия разобраться в этом деле самостоятельно. Уверен, он бы смог.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Кенлех. – Под воздействием какого заклятия? Ты хочешь сказать?..

– На него наложили приворотные чары, – кивнул я. – Что особенно обидно, не кто-нибудь посторонний, а новая начальница Столичной полиции. Причем, будешь смеяться, не потому, что влюбилась по уши, а чтобы в работе ей помогал. Заклятие очень необычное, какая-то старинная магия, мы о ней пока ни хрена не знаем. Я почти случайно вывел эту ловкую леди на чистую воду. Просто повезло.

– Но почему ты мне не рассказал? Меня же это тоже касается! – возмутилась Кенлех.

– Потому что ты гуляла с собакой. Это все буквально только что выяснилось. Я вернулся домой за пару минут до вас. Собирался выпить камры и подняться к тебе.

– Вообще-то ты собирался не просто выпить камры, а наконец-то пообедать, – напомнила принцесса. – И меня обещал накормить.

– Точно. Забыл, представляешь? – покаялся я. – Только сегодня жаловался Джуффину на свою рассеянность. И вот опять.

– А эти любовные чары можно как-нибудь снять? – нетерпеливо спросила Кенлех.

– Уже сделано. Так что мой тебе совет, убирай барьер от Безмолвной речи и вступай в мирные переговоры с храбрым ловцом лесных разбойников. Где ты, кстати, этому фокусу научилась? Я удивился, когда узнал.

– Было бы чему удивляться, – пожала плечами Кенлех. – Ты же знаешь, что я изучала азы Очевидной магии на специальных курсах.

– Хороши «азы», – вздохнул я, освоивший этот хитроумный прием совсем недавно и с превеликим трудом. – Кто-то, между прочим, недавно сетовал на недостаток магических способностей. Всем бы такой недостаток, вот что я тебе скажу.

– Просто учительница попалась очень хорошая. А я довольно старательная, – скромно объяснила Кенлех.

– Я тоже старательная, – угрожающе сказала принцесса. – И у меня тоже очень хороший учитель. Поэтому если меня прямо сейчас не накормят, я этого учителя самого в пирог превращу.

* * *

Вечер я посвятил рукоделию.

Это, конечно, не совсем точно сказано, но звучит настолько потрясающе, что хочется бесконечно повторять: «Вечер я посвятил рукоделию, вечер я посвятил рукоделию, вечер я посвятил рукоделию», – и самому изумляться, насколько причудливо сложилась моя жизнь.

На самом деле я часа два просидел на крыше. Сперва просто пялился в небо, пытаясь вспомнить, как выглядел Пожиратель, когда я его увидел: сначала красивое облако в виде дракона, а потом длинная, тонкая, гибкая, вездесущая, все отменяющая оперенная тьма. Правильно визуализировать жертву – самое важное в этом приворотном колдовстве. А то очаруешь кого-нибудь не того, может получиться неловко. Особенно если этот кто-то не тот окажется чьим-нибудь ни в чем не повинным кошмарным сном.

Сосредоточившись на образе пернатого змея, я начал оплетать его сияющими нитями двух видов. Более толстые, огненно-красные, выходили из моего живота, они отвечали за страсть и физическое влечение. Тонкие серебристо-зеленые приходилось вытягивать из лба, они должны были подчинить волю жертвы и сделать ее послушной моим желаниям. Разумеется, с точки зрения стороннего наблюдателя, никаких нитей не было, я их просто воображал. Точно так же я воображал короткое заклинание, крупными буквами написанное как бы изнутри моих живота и лба – без этих надписей все мои манипуляции остались бы просто безобидной и чрезвычайно скучной фантазией, годной только на то, чтобы впустую потерять кучу времени и сил.

Техника безопасности, по словам леди Кайрены, заключалась в том,

что серебристых нитей должно быть как минимум вдвое больше, чем красных, тогда околдованный не обезумеет от страсти, не потеряет голову и ничего безрассудного не натворит, наоборот, будет вести себя тихо и деликатно, скромно довольствуясь такими невинными радостями, как почти случайное прикосновение или дружеский поцелуй. Ясно, что пропорции можно варьировать в зависимости от цели ворожбы: хочешь немедленно затащить свою жертву в постель, используй оба цвета поровну, или даже чуть больше красного, хотя среди лесных колдунов считается, что это перебор. А если надо, чтобы сосед на тебя бесплатно побатрачил, но в спальню особо не ломился, бери буквально дюжину красных нитей, остальные – серебристо-зеленые, как-нибудь так.

Но все это верно, когда привораживаешь людей и зверей. С домами, деревьями и, тем более, сновидениями на красные нити можно не скупиться: их способ выражать страсть настолько отличен от человеческого, что до спальни, в любом случае, не дойдет. И ниток с ними надо использовать гораздо больше. Сплести не просто сеть, а плотный многослойный кокон, чем толще, тем лучше, насколько хватит внимания.

Вообще, концентрация внимания – мое слабое место. Именно по этой причине я до сих пор недолюбиваю Безмолвную речь, хотя, казалось бы, давным-давно мог к ней привыкнуть. Но видимо, это у меня до сих пор просто цели были недостаточно возвышенные: не хотел насильно завоевывать ничью любовь. А с любовью дело пошло как по маслу. Я сам себе удивлялся: уже черт знает сколько неподвижно сижу на месте, в моем необузданном воображении кокон светящихся нитей, обмотанный вокруг темного облака в форме пернатого змея, сравнялся в размерах с откормленным астероидом, а я все наматываю поверх этого кокона новые нитки, прикидывая, что серебристо-зеленых надо бы еще немного добавить, а то вдруг этот хренов Пожиратель слишком уж страстно будет меня вожделеть.

В конце концов принцесса, упроставшая меня взять ее с собой и твердо пообещавшая, что будет сидеть тихо, почти беззвучно прошептала: «А это ничего, что ты совсем мокрый?» и оборвала мою рукодельную медитацию. Думаю, вовремя, потому что мокрым я был от пота. И подняться на ноги без ее помощи вряд ли смог бы, по крайней мере, не с первой попытки. И, будем честны, даже не со второй.

Принцесса не только безропотно отпустила меня в ванную, но и как-то организовала доставку ужина из кухни в башню, хотя до сих пор я был уверен, что в домашних делах она разбирается даже хуже меня. И с

количеством не промахнулась: когда я вернулся в кабинет, еды там было примерно на полдюжины человек. Теоретически настоящий угуландский колдун после хорошо сделанной работы, должен сожрать еще вдвое больше, но я слабак.

Сидела она при этом, как в воду опущенная. Держалась за меня, но глаза отводила. И делалась все мрачней и мрачней. Наконец не выдержала и сказала:

– Извини, Сэрмакс, но мне почему-то кажется, что ты занимался каким-то очень злым колдовством. Даже сидеть с тобой рядом было не особо приятно. Мысли всякие нехорошие в голову лезли. Как будто я не то обреченная пленница, не то сама такая же злодейка, как ты.

Я чуть не подавился от неожиданности. Но, с горем пополам, дожевав, ответил:

– Да ладно тебе, колдовство как колдовство. В смысле бывает и хуже. Приворотная магия наших диких пещерных, в смысле, лесных предков, не более того. Только не проси тебя научить: мы уже сегодня договорились, что ты и так красотка. Не будем еще больше усложнять окружающим жизнь.

– Ты так сердился на эту кудрявую леди, а теперь сам решил кого-то приворожить? – ахнула принцесса. – Но так нельзя! Я имею в виду, если бы ты считал, что любовный приворот – хорошее, доброе дело, то и привораживай на здоровье, мне не жалко. Но ты же столько раз говорил, что она поступила очень плохо! И так сильно ее ругал! И велел всех немедленно расколдовать. А сам!..

Бедняжка так огорчилась, поймав меня на двойной морали, что сил моих не было на ее горе смотреть. В юности разочарования очень трудно даются. Впрочем, не только в юности. Я и сейчас не хотел бы еще раз такое пережить. Поэтому я признался, хоть и не планировал посвящать ее в свои дела:

– Так это смотря кого привораживать. Чужих жен и свое начальство, конечно, не стоит. Да и всех остальных людей лучше оставить в покое, пусть сами решают, в кого им влюбляться. А если ужасное чудище, которое иначе к себе не подманишь, тогда нормально, по-моему. Оно первое начало.

– Ужасное чудище? – ахнула принцесса. – Первое начало? Ты моего дракона имеешь в виду?

– Да, извини. Решил отбить у тебя кавалера. Но целоваться с ним особо не планирую, так что не переживай. По-моему, если я отомщу за тебя, это вполне считается. Мы с тобой, конечно, не родичи, но достаточно близкие друзья. Только смотри, никому ни слова. Это великая тайна. Если

бы ты была хоть немного похожа на сплетницу, ни за что бы тебе не рассказал.

– Страшная мать моя пустыня! – пробормотала принцесса. Некоторое время сидела, схватившись за голову, наконец сказала: – Ты учти, он хоть и вероломный мерзавец, а все-таки очень прекрасный. Смотри сам не влюбись и не попади ему в пасть.

– Ну, я не очень-то влюбчивый, – утешил ее я. – Так, серединка на половинку. Думаю, смогу держать себя в руках.

* * *

Не то чтобы я надеялся, будто влюбленный Пожиратель, вопреки своей природе и здравому смыслу, примчится ко мне наяву. Он бы и рад, наверное, однако наяву таких, как он, просто не существует. Но я и не собирался усложнять ему задачу. Решил, что для первого страстного свидания вполне подойдет мое вчерашнее сновидение, особенно его вторая часть, которая в виде кинозала. Вся эта сияющая трепещущая Вселенная слишком хороша, чтобы на ее фоне устраивать свою личную жизнь. Пусть Пожиратель признается в любви с широкого экрана, а я... А я, собственно, – что?

Ответа на этот вопрос у меня пока не было. Но я не сомневался, что он появится. В конце концов, импровизация всегда была моей сильной стороной. Если уж я превратился в человека, способного победить Пожирателей, без второй головы и щупалец, за что, конечно, отдельное спасибо судьбе и законам природы, значит все будет как надо. Ну или, – весело думал я, – как-нибудь еще.

Раньше, затеяв нечто подобное, я бы наверняка трижды умер от страха, а потом просидел бы несколько суток без сна, оттягивая грядущую встречу, насколько это возможно. Впрочем, ладно, конечно, не умер бы. И даже наверняка смог бы забыться под утро тревожным героическим сном. Но перед этим совершенно точно провел бы несколько наихудших часов своей жизни, предвкушая предстоящий подвиг и проклиная все на свете, начиная с себя.

Теперь же мне было просто весело. Нормальная реакция на нелепость происходящего, особенно когда движущая сила этой нелепости – ты сам. И единственной настоящей проблемой оказался тот факт, что разделить веселье мне было решительно не с кем. Принцесса, судя по выражению лица, заранее репетировала речь, которую будет произносить на моих

поминках. Хорошо хоть не вслух. А остальных пришлось бы так долго вводить в контекст, что проще уж продолжать веселиться в одиночку. Думаю, именно поэтому, а не по какой-то другой причине я в конце концов послал зов сэру Шурфу. В свое время я, будучи большим любителем невыполнимых задач, так долго, упорно и последовательно пытался его смешить, что теперь у нас общее чувство комического, одно на двоих.

Но у меня хватило ума не сообщать своему другу: «После того, что я сделал с Пожирателем, мне придется на нем жениться». В последний момент сообразил, что это перебор. Поэтому просто сказал: «У меня предложение. Не особо оригинальное, зато наверняка очень несвоевременное: разделить мой сон. Там наметилась такая веселая вечеринка, что грех без тебя идти».

«Когда ты в последний раз обещал мне веселую вечеринку в сновидении, дело кончилось тем, что мы оба умерли^[27], – флегматично заметил сэр Шурф. – Не то чтобы я в претензии, но не отметить этот занятный факт не могу».

«Сегодня умирать точно не будем, – пообещал я. – Просто посмотрим кино. Про любовь».

* * *

На этот раз обошлось без сюрпризов. Засыпая, я твердо решил, что хочу снова оказаться в кинозале с широким экраном, и он появился, как миленький, не подвел. Полумрак, плюшевые кресла и даже отчетливое гудение кинопроектора – очевидно, просто для смеху, по крайней мере, я оценил.

– Какое странное место, – сказал Шурф, который, хвала Магистрам, уже сидел рядом, а не блуждал среди неведомо чьих сновидений в поисках моего. – Для чего оно?

– Чтобы смотреть кино. Помнишь, как у меня на улице Старых Монеток? Только там был совсем маленький телевизор, а здесь большущий экран.

– Кино всегда казалось мне похожим на чужие сновидения, которые каким-то загадочным образом вдруг стало можно посмотреть наяву, – заметил мой друг. – Смотреть их во сне, на мой взгляд, гораздо логичней. Ты хорошо придумал. Спасибо, что решил мне показать.

– Насчет сходства кинофильмов со снами, честно говоря, не уверен. Но с этим конкретным кинотеатром ты угадал. Смотри на экран внимательно.

Видишь, что там творится?

– Пока ничего толком не вижу, все движется, вспыхивает, мелькает и расплывается...

– А так и должно быть. Знаешь, что нам показывают? Что-то вроде... – эх, не силен я в теории! Скажем так, перекресток путей сновидений разных миров. На самом деле гораздо круче быть там внутри, чем смотреть снаружи, но когда я внутри, прощай разум и логика. А они мне сейчас очень нужны. Да и тебе не помешают. Так что извини.

– Перекресток путей сновидений разных миров? – повторил Шурф. – Какая удивительная идея. Как тебе только в голову пришло?..

– Шло, шло и пришло. Просто когда я был посреди всего вот этого невыразимого, которое сейчас мельтешит на экране, примерно понимал, что вижу. Вернее, просто каким-то образом знал. Не уверен, что правильно подобрал слова, чтобы объяснить, но чем богаты, тем и рады. Точнее сказать все равно не смогу. Но ты и сам разберешься. У тебя-то обычно все очень хорошо с формулировками. И, как я понимаю, не будет проблем снова увидеть этот сон столько раз, сколько пожелаешь. Со мной или без меня – неважно. Дорогу теперь знаешь, и хорошо.

– Что ты действительно умеешь, так это делать удивительные подарки, – сказал Шурф. – Не уверен, что когда-нибудь смогу равноценно тебя отблагодарить.

– Сможешь, причем прямо сейчас, не сходя с места, – заверил я его. – Не зашибешь, когда узнаешь, зачем нам с тобой все это снится, считай, квиты. Я свою жизнь высоко ценю.

– Ну, в сновидении, я вряд ли убью тебя по-настоящему, – рассудительно заметил мой друг. – Это, разве что, Королевские Сонные Стражи умеют; впрочем, сэр Джуффин тоже знает несколько соответствующих приемов. Но меня он им не учил. Так что ты в безопасности. Выкладывай, что затеял. Я тебя не то что не зашибу, а даже не разбужу.

– То, что я затеял, наверное, только в страшном сне может присниться. С другой стороны, это и есть страшный сон, так что все сходится... – бодро начал я.

Но поскольку все это время я не только трепался, но и трепетал от нетерпения и азарта, предвкушая появление влюбленной по уши жертвы, договорить мне не дали. Пожиратель, собственно, и не дал. Появился на киноэкране, как я замыслил, и одновременно – вообще везде. То есть мы, вместе со смешным старым кинотеатром, плюшевыми креслами и широким экраном, на котором извивался черный пернатый змей,

одновременно очутились как бы в эпицентре этого самого змея, можно сказать, в его сердце, в самом средоточии тьмы.

Впрочем, для меня эта тьма оказалась на диво ласковой, она принесла долгожданный покой, качала и убаюкивала, как волны самого тихого и теплого из всех вымышленных морей. Только теперь я понял, насколько правильно поступил, позвав с собой Шурфа. Если бы он не сидел рядом, оцепеневший от ужаса и отвращения, бледный до прозрачности, которая во сне свидетельствовала скорее о попытке проснуться, но привычно воспринималась, как признак страдания, я бы, пожалуй, так и остался лежать на дне этого сладкого моря. Все-таки я здорово себя переоценил. Думал, Пожиратель явится ко мне в виде полураздетой красотки, на худой конец, сияющего божества с миллионом ключей от всех тайных дверей Вселенной. Что это будет исполненная нежности и покоя стихия, противостоять которой невозможно хотя бы потому, что совершенно не хочется, мне как-то в голову не пришло.

Но какая может быть стихия, какое море ласковой тьмы, когда рядом страдает живой человек, которого ты сам заманил в эту ловушку, предлагая развлечься. И даже ничего не успел объяснить.

– Спокойствие, только спокойствие, – сказал я с такой фальшивой жизнерадостностью, что сам захотел дать себе в глаз. И поспешно продолжил: – Дело обстоит так. Я уже приходил сюда, на этот перекресток всех сновидений в поисках Пожирателей. Убедился, что они от меня прячутся. И тогда приворожил этого красавца...

– Что-что ты с ним сделал? – деревянным голосом спросил Шурф.

– Приворожил. Старинное колдовство с голубыми бабочками подходит не только для людей, а вообще для всего на свете. В том числе и для снов. Я решил: чем он не сон? И попробовал. И все получилось, как видишь. По крайней мере, Пожиратель сразу пришел.

– Ты все-таки псих. Чокнутый безумный придурок.

Мой друг сказал это без гнева и осуждения, просто констатируя факт. Я был с ним совершенно согласен. Именно такой я и есть. Причем это – моя сильная сторона.

Но вообще отлично получилось, что он был настолько недоволен моим поведением. Меня это не то чтобы всерьез огорчало, но, скажем так, держало в тонусе: все-таки сэр Шурф Лонли-Локли довольно непредсказуемый человек, особенно когда ему настолько хреново. Еще неизвестно, кто тут сейчас самое опасное существо – он или Пожиратель. Ясно только, что точно не я. Эта адская смесь сострадания и опасности помогала мне не слишком глубоко погружаться в обволакивающую,

ласковую, влюбленную в меня тьму.

– Самое главное, не просыпайся, – попросил я. – И не буди меня. А то придется все начинать сначала.

Шурф так на меня посмотрел, что я понял: ни о каком «начинать сначала» речи быть не может. Впрочем, пусть смотрит как хочет. Главное, что не проснулся. Мы оба пока здесь.

– Смысл этой безумной затеи в том, что сейчас Пожиратель с радостью выполнит любой мой приказ, – сказал я. – Это такое подлое заклятие, заставляет влюбленных слушаться; я потом тебе подробно объясню, если захочешь. Важно, что я могу отдать любое распоряжение, и оно будет исполнено. Собственно, я позвал тебя для того, чтобы это было твое распоряжение. Потому что, во-первых, ты умный, лучше придумаешь и сформулируешь. А во-вторых, ты очень хотел расправиться с Пожирателями, а я – не особо. Ну вот, расправляйся. Будем считать, я – просто твой заколдованный меч.

Шурф мгновенно переоценил ситуацию. Вот что значит опытный угуландский колдун. Я бы на его месте небось еще целый час трагически завывал, что меня против воли втянули в ужасную историю, не предупредив о последствиях, и только потом начал бы думать о деле. А его взгляд сразу же прояснился. И даже интересная мертвецкая бледность куда-то подевалась.

– Ладно, – сказал он. – Тогда скажи это твари, чтобы она сама сожрала всех своих сородичей. Друг для друга они наверняка гораздо более съедобны, чем для людей.

– Гениально. До этого я бы сам за сто лет не додумался.

– Зато за триста наверняка бы додумался. А я примерно столько уже живу, – утешил меня Шурф. И добавил: – Только давай быстрее. Близость этого существа совершенно невыносима. Хуже моих Мертвых Магистров, честное слово, хотя не причиняет мне физических мук. Я чудом до сих пор не проснулся. И только потому, что совсем не уверен, что сумею сразу же разбудить, забрать отсюда тебя.

Последние его слова я уже не столько услышал, сколько угадал – так ласково укачивали, так далеко уносили меня тяжелые, сладкие волны. Усилив воли я вытащил себя на поверхность. Сказал, уставившись на экран, где по-прежнему демонстрировались соблазнительные изгибы великолепного пернатого змея, окутавшего нас своей невыносимой сияющей тьмой:

– Я тобой недоволен. В тебе слишком мало небытия, тьмы и силы, я хочу больше, гораздо больше. Отправляйся, съешь остальных таких же, как

ты, поглоти их всех до единого, насыться их тьмой, а потом возвращайся ко мне, но не во сне, наяву. Нынче ночью буду ждать тебя на крыше Мохнатого Дома, где мы впервые встретились. Но смотри, не вздумай обманывать. Если не сожрешь всех своих сородичей, я не буду тебя любить.

Пернатый змей, пляшущий на киноэкране, замер. Ластившиеся ко мне темные волны отступили, и я остался один во Вселенной. Ощущение одиночества оказалось очень мучительным, но хвала Магистрам, коротким. А потом я понял, что наваждение закончилось, только и всего.

* * *

Я проснулся от того, что меня изо всех сил тряс Шурф. Обычно такая неделикатность ему несвойственна. Но у всех бывают трудные дни, – вот о чем я сперва подумал. А потом, конечно, все вспомнил. И подскочил, озираясь по сторонам. Что это – явь или новое сновидение? И если второе, то кто меня трясет?

Помещение то ли действительно являлось моей спальней, то ли просто выглядело в точности как она. На правой ноге лежало что-то тяжелое – вероятно, то есть при условии, что это все-таки моя спальня, принцессина голова. За окном было темно, но это обстоятельство вызывало у меня наименьшие подозрения. Сразу видно – обычная, естественная, обусловленная объективными физическими причинами ночная темнота; впрочем, судя по оттенку, уже предутренняя. Ночные сумерки у нас обычно лиловые, а утренние – вот такие, жемчужно-свинцовые, по крайней мере, зимой. И Шурф тоже был настоящий, кого-кого, а его от подделки я всегда отличу. Это меня окончательно успокоило. Все-таки его присутствие – надежнейшая из опор.

– Извини, что повел себя настолько бесцеремонно, – сказал он. – Ты очень долго не просыпался, и это меня встревожило... мягко говоря. Я, как видишь, все-таки не выдержал, проснулся чуть раньше, чем следовало, и тут же примчался сюда. К счастью, обнаружил тебя на месте. Однако разбудить смог не сразу. Это были, скажем так, не лучшие сорок секунд в моей жизни. Но хвала Магистрам, ты все-таки проснулся.

– А ничего так сны мне иногда снятся, правда? – нарочито бодро спросил я.

– Да, довольно занятные, – хладнокровно согласился мой друг. И добавил, уже гораздо более сердечно: – Однажды ты все-таки допрыгаешься. Я тебя... честное слово, просто поколочу!

– Главное, чтобы все участники этой великой битвы выжили, остальное на твое усмотрение, – отмахнулся я. – Но вообще, по идее, ты сейчас должен быть не сердит, а доволен. Ты хотел покончить с Пожирателями? Ну вот, я тебе это организовал. Правда, при этом навязался в компанию. Но других вариантов не было, извини.

– Против твоей компании я не возражаю, – сказал сэр Шурф. – И даже тот факт, что мое участие оказалось вполне номинальным, тоже легко переживу...

– Ничего себе – «номинальным»! – возмутился я. – Это же была лучшая в мире идея – чтобы Пожиратели сами друг друга сожрали. Вроде, лежит на поверхности, но я бы не догадался, точно тебе говорю!

Он отмахнулся от моих похвал.

– Все это так. Но прежде, чем я проснулся, успел услышать, как ты пригласил эту тварь прийти к тебе наяву, на крышу Мохнатого дома. Ты вообще соображал, что говорил? Понимаешь, чем это может закончиться?

– Конечно, понимаю, – безмятежно улыбнулся я. – Мне, видишь ли, до сих пор обидно, что ты обозвал мою идею насчет Перчаток Смерти худшей из неудачных. Я решил доказать обратное. Если Пожиратель придет наяву, ты прикончишь его с помощью этих грешных перчаток. Ты победишь его, а я – тебя. Правда, только в отдельно взятом споре, но мне для счастья вполне достаточно. Но все это, конечно, возможно только при условии, что Джуффин успеет открыть свой грешный сейф до наступления ночи. Я считаю, лучше начать пораньше: в последнее время он с этой бандурой подолгу возится. Слишком много заклятий наворотил.

Вместо ответа Шурф отвернулся и замер. Я сперва не понял, что он делает, но на всякий случай решил не мешать. Поэтому тихо, не привлекая внимания, добыл себе кофе из Щели между Мирами и его выпил. А потом повторил. Впрочем, допить не успел: Шурф встрепенулся, отобрал у меня чашку и выпил остатки залпом, одним глотком, как джубатыкскую пьянь. И передернуло его соответственно, все-таки черный кофе без молока и сахара для него не просто чересчур горько, а филиал ада во рту.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил он. – Я наконец-то понял, почему ты так привязан к этому чудовищному напитку. Прекрасный способ мгновенно прийти в себя. Вероятно, организм принимает его за яд, мобилизует все резервы, чтобы выжить, и в результате получаешь мощный приток новых сил. Именно то, что мне сейчас требовалось.

Глаза его сияли торжеством, а на коленях лежала шкатулка. Я наконец сообразил, чем он все это время занимался. Но на всякий случай спросил:

– Малое Заклинание Призыва? Ты прямо из Джуффинова сейфа их

призвал? И все получилось? Ну ты даешь!

– Справедливости ради, не из сейфа в рабочем кабинете, а из домашнего, на котором заклятий гораздо меньше. Но я все равно не особо верил в успех. Раньше у меня этот номер вряд ли прошел бы. К счастью, вера в таких делах совсем не нужна. Достаточно твердого намерения.

– И сейф разлетелся на куски? – восхитился я.

– Да почему же «на куски»? – удивился мой друг. – Стоит целый и невредимый; вряд ли сэр Джуффин что-то заметит, если специально не сунется проверять. Иногда твои представления о принципах магии потрясают воображение. Поверь мне на слово, если сам до сих пор не понял: есть гораздо более эффективные способы воздействия на материю, чем взрыв.

– Главное – перчатки теперь у тебя, – заключил я. – Значит, ты в игре?

– А ты сомневался?

– Да не то чтобы. Но лишний повод порадоваться мне сейчас точно не повредит.

– Тоже верно, – согласился сэр Шурф. – Осталось дожидаться ночи, а там – по обстоятельствам. Но учти: я от тебя ни на шаг не отойду. И спать ты сегодня больше не будешь. Потому что приказа не приближаться к тебе в сновидениях ты, как я понимаю, этой твари не отдавал.

– Не отдавал, – вздохнул я. – Ты прав, к сожалению. У кого угодно могут сдать нервы перед любовным свиданием. Я бы на его месте тоже раньше времени примчался – а вдруг не пошлют.

* * *

Зимние дни теоретически коротки. Но еще никогда в жизни у меня не было настолько долгого дня. Когда напряженно ждешь наступления ночи, каждая минута растягивается до размеров откормленного получаса. Смотришь на часы в полной уверенности, что уже совсем скоро вечер, и обнаруживаешь, что до полудня еще целых два часа. И все, что можно сделать для ускорения бега времени, – еще раз позавтракать, объявив этот завтрак «обедом». Но когда кусок в горло не лезет, это тоже так себе вариант.

Шурф, уж на что железной выдержки человек, а тоже изводился; другое дело, что, в отличие от меня, виду не подавал. И быстро нашел себе развлечение: стал экзаменовать принцессу. То есть сперва просто полюбопытствовал, чему она успела у меня научиться, но в процессе

всерьез заинтересовался ее достижениями. А после того, как девчонка сама, без моей помощи шагнула Темным путем в свой родной город Хайкши, построенный на самой границе с Красной пустыней Хмиро, и тут же вернулась обратно, сэр Шурф окончательно утратил свойственную ему снисходительность и восхищенно воскликнул: «Ну ты даешь!»

Принцесса, надо сказать, принимала комплименты без особого энтузиазма. Говорила, потупившись: «Просто мне достались способности Сэромакса, на моем месте любой так бы смог».

Столь скромное поведение было совершенно не в ее духе. Вероятно, принцесса уже приготовилась расстаться с подарком судьбы, заранее примеряла на себя будущую жизнь без магических сверхспособностей. И очень старалась поверить, что ей понравится: все станет, как раньше, плюс куча прекрасных воспоминаний и интересных историй о жизни храброй исследовательницы среди диких угуландских колдунов. Даже если каждый вечер подружкам рассказывать, хватит на сто лет вперед – о чем еще и мечтать.

На крышу мы вылезли еще до наступления сумерек. Объясняли себе и друг другу: вряд ли эти почти несуществующие охотники за сновидцами хорошо разбираются во временах суток. Ничего удивительного, если наш Пожиратель сочтет ночью обыкновенный закат. Но на самом деле, мы просто сгорали от нетерпения. И делали, что могли, лишь бы ожидание не свело нас с ума.

Принцесса, конечно, напросилась с нами. Я и сам понимал, что оставлять ее одну на полдня слишком жестоко, поэтому разрешил – при условии, что она оперативноотреагирует на команду: «Марш в кабинет!» Мы даже немного порепетировали – занятие ничем не хуже других. Но уже в ходе третьей попытки принцесса проявила недюжинную сметку, отправившись в кабинет Темным путем вместо того, чтобы лезть в окно.

– А я все ждал, когда ты наконец догадаешься, – сказал ей сэр Шурф. – Но не подсказывал, потому что к владению магическими приемами обязательно должна прилагаться способность быстро соображать, когда какой применить. То, что ты только на третий раз сообразила, с одной стороны, безобразие. Но если принять во внимание, что ты начала обучаться магии меньше дюжины дней назад, придется признать, что ты – большая молодец.

– Меньше дюжины дней назад! – изумленно повторила принцесса.

– Десять, если я правильно понимаю, что учиться ты начала в первое же утро...

– Десять дней! Страшная мать моя пустыня, а ведь как будто полжизни здесь провела! – воскликнула принцесса. И вдруг разрыдалась так горько, с таким отчаянием, что лично я даже о предстоящем свидании забыл.

Но Шурф не утратил невозмутимости. Его такой ерундой как девчачий рев не проймешь.

– Разумеется, интенсивность событий и впечатлений меняет индивидуальное восприятие хода времени, – важно сказал он. – Ничего удивительного, что ты запуталась. И страшного в этом тоже ничего нет. Я тоже отчасти утратил связь с реальностью, пока находился в гостях у Древних. И заметь, ни разу при этом не заревел.

Я рассмеялся от неожиданности, принцесса тоже улыбнулась сквозь слезы.

– Я не поэтому плачу, – сказала она. – Не из-за того, что потеряла счет времени. А потому, что Сэромакс велел мне принять одно важное решение. И я его приняла.

– Могла бы и не спешить, – вздохнул я. – Говорил же тебе, хоть год можешь думать.

– Я помню, что можно хоть год. Но я, знаешь, на самом деле сразу решила. Еще позавчера. Тянуть – только себя обманывать. И тебе нервы трепать. Я знаю, что мое решение тебе вряд ли понравится. Но все равно лучше прямо сейчас сказать.

Шурф смотрел на нас с интересом, но с расспросами не набросился, вот что значит железная выдержка. Даже нетерпеливым взглядом не стал торопить принцессу, которая вместо того, чтобы озвучить свое решение, снова залилась слезами. У каждого свой способ потянуть паузу в разговоре; были бы на ее месте Джуффин с Кофой, принялись бы трубки набивать.

Я подумал: может, и хорошо, что она скажет это именно сейчас. Я, конечно, расстроюсь; собственно, уже авансом расстроился, но очень скоро мне станет не до того. А после того, как Шурф испепелит Пожирателя, мы будем так счастливы, что решение этой чудесной девчонки отказаться от магии совершенно точно переживем. В конце концов, она и правда случайно влипла в эту историю. И отлично провела время: спаслась от страшной опасности, на потолке посидела, на Темной Стороне побывала, познакомилась с настоящим древним бессмертным из легенд своего детства – чего еще и желать...

– Просто я очень люблю великого халифа Кутай АнАруму, – сквозь слезы объяснила принцесса. – И папу очень люблю. Он так радовался, когда меня взяли на придворную службу! А ты, Сэромакс, все-таки очень ужасный злодей, хоть и мой друг! Я боюсь, что стану на тебя похожа, если

долго рядом с тобой проживу. И папа потом меня не узнает, буду ему как чужая. И великий халиф Кутай Ан-Арума не сможет со мной встречаться и разговаривать, только смотреть издалека, как на тебя. Но у великого халифа хотя бы останутся все остальные девчонки из ближней свиты, ему хорошо. А вот папа будет очень грустить! Но я все равно, все равно... – она захлебнулась рыданиями, но сердито стукнула себя кулаком по лбу и громко, четко, почти по слогам сказала: – Я все равно теперь не смогу жить без этой вашей удивительной магии. Так что придется тебе еще долго-долго меня терпеть, Сэромакс.

Вот тогда я сам чуть не пустил слезу, потому что, при всех моих недостатках, у меня есть одно несомненное достоинство: я – sentimentalный дурак.

Сэр Шурф сразу меня раскусил.

– Ну что, – спросил он, – теперь твоя очередь реветь?

– Обойдешься, – усмехнулся я. – Теперь опять ее очередь. Ее очередь будет всегда. – И повернувшись к принцессе, спросил: – Ты окончательно решила?

– Да, – торопливо кивнула она, все еще всхлипывая. – Без всех этих ваших чудес я бы как-нибудь прожила, хотя они мне очень нравятся. Но все-таки самое главное не чудеса. А то, что когда колдуешь по-вашему, начинаешь чувствовать, что тебя любит весь Мир. По-настоящему любит, почти как человек человека. И я его – тоже. Но он все-таки немножечко сильнее любит, потому что сам большой, в него больше любви помещается, чем в меня. И это примерно так же прекрасно, как было с тем... ну, в общем, с драконом. Правда, Мир меня не целует. Зато и не обманывает. И совершенно точно не съест.

– Так и есть, – согласился Шурф. – По моему опыту, это удивительное ощущение обычно сопутствует скорее Истинной магии, чем Очевидной, но для сэра Макса, как я понимаю, нет принципиальной разницы. А значит, и для тебя ее тоже нет.

Принцесса молча пожала плечами, шмыгнула носом и принялась утирать рукавом новую партию слез, которые уже ей самой, похоже, осточертели, но все текли и текли.

Я решил, хорошего понемножку. В смысле хватит мучить ребенка. И себя заодно.

Сказал:

– У меня хорошая новость: я тебе наврал.

– О чем ты наврал? – переполошилась принцесса. – Мои способности к магии не навсегда? Скоро пройдут?

– Да не пройдут они никогда. С чего бы? Я про другое наврал. Что способности к магии и пустота, которую ты испытываешь, когда меня нет рядом, идут одним набором. На самом деле можно оставить магию, а меня отменить. В смысле не самого меня, а только твою потребность всегда за меня держаться. Главное, правильно сформулировать, когда буду просить на Темной Стороне...

– Так, – почти беззвучно сказала принцесса. – Я уже вообще ничего не понимаю. Можно оставить способности, а за тебя при этом не держаться? И не будет этой страшной холодной грызущей пустоты? И я смогу вернуться на службу к великому халифу Кутай Ан-Аруме? И все равно не разучусь колдовать?!

– Насчет халифа...

– Великого халифа!

– Да, извини. Так вот, я точно не знаю, захочет он взять тебя обратно, или нет. Но только потому, что ваш великий халиф такие вопросы сам решает, без моих подсказок. Но технических препятствий твоему возвращению в ближнюю свиту я не вижу. Не останется в тебе никакой тревожащей пустоты. Мы ее отменим. Вернее, Темная Сторона отменит. Я ее об этом попрошу.

– Но ты говорил, так нельзя!

– Мало ли, что я говорил. Было нельзя, стало можно.

– Ты меня обманывал?!

– Ну да. Собственно, с этого признания я и начал, прямо сказал: я тебе наврал. Не из вредности, как ты, наверное, думаешь. И даже не по причине избытка злодейства, которое необходимо срочно куда-нибудь девать, чтобы меня не разорвало. Просто ты должна была выбрать магию на таких непростых условиях. Это – входной билет. Иначе нечестно. Слишком легко тебе все досталось, а что легко достается, быстро перестаешь ценить. Я сам примерно такой же счастливчик, как ты. Но входной билет у меня был – мама не горюй. Надо было поверить в ту чушь, которая мне приснилась, при том, что меня воспитали в убеждении, будто сны – это чепуха. А поверив, выйти ночью на улицу и сесть в трамвай^[28]...

– Во что тебе пришлось сесть?

– В трамвай. Это такое транспортное средство, долго объяснять. Поэтому просто поверь на слово: мне надо было сесть в некое несуществующее транспортное средство, о котором я точно знал, что его быть не может. И отправиться в поездку между Мирами, не понимая вообще ничего. А потом очнуться в мире своих грез и выяснить, что теперь это – единственная реальность, данная мне в ощущениях. И ежедневно

гнать из головы гадские мысли, что я просто сошел с ума, или умираю и переживаю приятные предсмертные галлюцинации. Собственно, до сих пор их гоню, с переменным успехом. Я бы и тебе с удовольствием что-то такое устроил, это гораздо веселей, чем мужественно выбирать между магией, папой и великим халифом, но пока не умею. Пришлось вот так по-солдатски сурово с тобой обойтись.

– Невыносимый мрачный непопулярный мерзавец! Бессловесная громогласная неконгруэнтная задница! Старый хромой злонамеренный отрицательный негодяй, – завопила принцесса. И решительно завершила эту тираду: – Небезусловный отъявленный лицемерный щуплый облезлый полураздетый злодей!

Сэр Шурф смотрел на нее влюбленными глазами исследователя, перед которым на пустом, казалось бы, месте разверзлось очередное хранилище невероятных тайн.

– Ты запиши, запиши, – подмигнул ему я. – А то когда еще юная леди Тапута так рассердится. Может быть, вообще больше никогда.

– Это не смешно! – возмутилась принцесса.

– Тебе только кажется, извини. Но вообще, на твоем месте я бы сейчас первым делом обрадовался: хорошо же в итоге получилось! Сделала трудный выбор, честно оплакала все потери и вдруг получила все, от чего пришлось отказаться, в подарок, назад. А поругать меня еще успеешь. Впереди целая жизнь.

– Ой, и правда! – неожиданно легко согласилась принцесса. – Здорово вышло! Я и надеяться не могла!

И наконец-то повисла у меня на шее, благодарно бормоча:

– Но учти, Сэромакс, я буду упорно учиться и однажды стану очень могущественной колдуньей! Такой, как маленькая волшебная госпожа, которая приносила нам пироги, только еще ужасней. И вот тогда-то я тебя как следует отколочу!

– Я с удовольствием присоединюсь, юная леди, – сказал ей сэр Шурф. – Давно об этом мечтаю. Вдвоем-то мы точно справимся. Так что старательно учись магии, но и боевыми искусствами не пренебрегай. А как выучишься, зови.

– Хорошо вам обоим, – вздохнул я. – У вас есть заветная мечта, придающая жизни особый смысл. А я... а у меня... ладно, зато я счастлив в любви.

– Ты не рассуждай, а отправляйся на Темную Сторону, расколдовывай юную леди, как обещал, – скомандовал сэр Шурф. – Пока любовь, в которой ты якобы счастлив, сюда не пришла и не устроила полный конец

обеда. Хорош ты будешь, если сгинешь, не сделав, что обещал.

И, перейдя на Безмолвную речь, добавил: «На самом деле ты повел себя просто ужасно. Насчет трудного выбора в качестве платы за приобщение к магии сейчас спорить не стану, хотя в этом вопросе считаю правильным положиться на судьбу: столь выдающаяся удача и есть входной билет. Но не освободить юную леди от привязанности к тебе перед началом настолько опасного дела, подвергнув риску остаться в мучительном одиночестве – ни в какие ворота, сэр Макс».

«Ни в какие, – согласился я. – Но если уж судьба свела девчонку именно со мной, а не с кем-нибудь более рассудительным и ответственным, ничего не попишешь. Я все делаю через задницу, и это – часть ее так называемой удачи. Согласен, наименее приятная часть».

А вслух сказал:

– Да ладно тебе. С чего это я вдруг сгину? Мой пернатый змееночек никого не обидит. Он бы и рад, конечно, да не успеет. Я верю в тебя.

* * *

Потом, оказавшись на Темной Стороне, счастливый и безмятежный, но все-таки достаточно собранный, чтобы более-менее точно воспроизвести тщательно сформулированную при активном участии сэра Шурфа просьбу освободить принцессу от связи со мной, сохранив ей магические способности, я конечно испытывал искушение дополнительно попросить: «Пусть у нас все получится, пусть Пожиратель придет, и Шурф его сразу угрожает», но не поддался. И не потому, что я такой уж великий герой. Просто заранее знал, почти явственно слышал ответ: «Справляйтесь сами. Это – ваш входной билет, один из великого множества. Не думал же ты, что билет только один?»

Я бы сам на ее месте примерно так и ответил, чего уж там.

* * *

К счастью, уговорить принцессу немедленно отправиться к халифу оказалось легко: ей и самой не терпелось проверить, допустят ли ее теперь в круг ближней свиты. Несмотря на унаследованную от меня неприязнь к Безмолвной речи, она каждые пять минут присылала мне зов, чтобы в очередной раз сообщить: «Мне без тебя хорошо, Сэромакс!» – «И сейчас

хорошо!» – «И все остальное тоже отлично!» – «Великий халиф Кутай Ан-Арума очень рад, что я могу вернуться на службу! Только попросил снять дикарский амулет с твоими волосами, от него исходит слишком много беспокойства. Я сняла, и все стало прекрасно. Великому Халифу рядом со мной снова легко и приятно! Он примет меня назад!»

Меж тем, наконец-то сгустились сумерки. Небо потемнело и приобрело лиловый оттенок, а далеко внизу, на улице понемногу разгорались голубые газовые фонари.

– Что ты собираешься делать с юной шиншийской леди? – спросил меня сэр Шурф.

– Ты имеешь в виду, что я собираюсь делать без нее? Прежде всего, просижу часа два в бассейне. Безвылазно! Демонстративно не замечая стремительного бега времени и не беспокоясь, что где-то в Мире, в смысле в соседней комнате, сейчас страдает живое трепетное существо с косичками. А потом перелезу в другой бассейн, продолжая не беспокоиться. Ты меня знаешь, я – неукротимый гедонист.

– Я серьезно спрашиваю. Как ни крути, а она твоя ученица.

– Совершенно верно. И это означает, что ей придется самой решать, что я с ней буду делать. Опять самой! У меня в этом смысле не забалуешь, я за свободу воли. Но теоретически у девчонки прекрасные перспективы, хотя бы потому, что ходить Темным путем я ее уже научил. Пусть возвращается к своему халифу, едет с ним домой к папе и плачет по ночам от счастья, что все так удачно сложилось. Какое-то время спустя, она затоскует по близости Сердца Мира, станет плакать уже не только от счастья и бегать ко мне Темным путем, разучивать новые фокусы. Кофа рассказывал, у девчонок из ближней свиты до хрена дней свободы от забот. И отпуска очень долгие. Вот и отлично. Вместо того, чтобы беспробудно пьянствовать с подружками, будет учиться колдовать – если, конечно, сама захочет. Я уговаривать не стану. Мое дело – предоставить возможность, ее дело – решать. Ты же, в отличие от девчонки, понимаешь, что недостаточно сделать выбор всего один раз, даже такой мучительный. Он практически ежедневно заново делается. И не на словах.

– Ты прав, конечно, – задумчиво кивнул мой друг. И с несвойственной ему мечтательностью добавил: – А занятная может получиться судьба у этой юной леди. Стать ведьмой, сформированной двумя настолько разными культурами, воистину удивительный путь. Я ей даже немного завидую. Хотя отдаю себе отчет, что с точки зрения стороннего наблюдателя, у меня самого тоже довольно занятная судьба.

– Да уж, занятная. Умеешь ты все-таки подбирать слова.

– Ну, в этом нет ничего необычного. Элементарная дисциплина ума...

Он не договорил или я не дослушал, потому что темно-лиловое ночное небо внезапно стало угольно-черным. Ну, то есть на самом деле не «угольно», при чем тут какой-то уголь. Это была абсолютная, совершенная, безупречная полная тьма.

– Явился мой сладкий зайчик, – сказал я, и сам рассмеялся от неожиданности. И Шурф тоже рассмеялся, куда ему было деваться. Говорю же, у нас одно чувство комического на двоих.

Наяву Пожиратель оказался таким огромным, что заслонил своим гибким пернатым телом все небо. Ну или просто отменил его самым фактом своего существования. И вообще все этим возмутительным, невыносимым фактом отменил. По крайней мере, для меня не осталось ни неба, ни города, ни деревьев, ни крыши Мохнатого Дома, где мы сидели, только я сам, ошеломленный, пустой и беспамятный, без прошлого и без будущего, и стремительно приближающаяся ко мне тьма, исполненная бесконечной нежности. Правда, еще был сэр Шурф, по крайней мере, его присутствие худо-бедно воспринималось какой-то частью моего сознания. Не тот он человек, чтобы позволить целиком себя отменить.

Краем глаза я видел, как Шурф поднял руку в сияющей смертоносной перчатке, и это зрелище внезапно пробудило во мне память, по крайней мере, отчасти – если не о себе самом, то о старых временах, когда он часто пускал это оружие в дело, с одним и тем же исходом, неизменно, всегда.

«Ну вот и все», – подумал я, даже с некоторым сожалением, потому что близость Пожирателя казалась мне в тот миг если и не желанной, то манящей, дразнящей, возбуждающей, как минимум, любопытство: что, что случится со мной в тот миг, когда эта прекрасная тьма коснется моего тела? Может быть, то, что люди считают небытием, на самом деле просто иной способ жизни, настолько невообразимый, что человеческое сознание не в силах его вместить? Чего не можешь вообразить, того для тебя и нет, тогда как на самом деле...

Шурф стоял, воздев руку к небу, но ничего не происходило. Пожиратель не превратился в пепел, не рассыпался, не исчез, не обратился в бегство, даже не замедлил полет, и это привело меня в чувство лучше любой затрешины. Я вспомнил, как однажды леди Сотофа объясняла мне, что некоторые невозможные вещи отменяют магию одним только фактом своего присутствия, забирают всю силу Сердца Мира на осуществление себя. А что может быть невозможней, чем этот визит Пожирателя наяву? Откуда бы взяться магии в присутствии овеществленного небытия?

А без магии Перчатки Смерти не работают. Этого я, самонадеянный болван, не предусмотрел.

Но вместо того, чтобы обдумывать ситуацию, сожалеть о своей ошибке, прощаться с жизнью, или удирать, я вцепился в руку Шурфа – хвала Магистрам, не в потенциально смертоносную кисть, а в локоть – и заорал:

– Я – Сердце Мира! Бери мою силу! Работай, негодная дрянь!

Какое-то время – вряд ли дольше секунды, но мне показалось, вечность – перчатка то ли раздумывала, готова ли она принять предложение и заработать на таком сомнительном топливе, то ли просто обижалась на «негодную дрянь». Но наконец вспыхнула молния, и густая черная тьма осыпалась серебристым пеплом к нашим ногам.

– И что? И все? – растерянно спросил я.

– Надеюсь, что так, – флегматично ответил мой друг. Неторопливо надел поверх Перчаток Смерти защитные рукавицы и только после этого тяжело осел на черепицу, закрыв руками лицо.

– Что здесь происходит? – спросила леди Сотофа.

Я не заметил, как она появилась, но не сказать, чтобы удивился. Естественно, Сотофа почуяла неладное, а как иначе. И в самый эпицентр этого неладного оперативно пришла.

Леди Сотофа огляделась, оценивая обстановку. Я невольно огляделся вместе с ней. Обстановка была та еще. Так называемый Великий Магистр в защитных рукавицах и растрепанных чувствах, я, растрепанный не меньше, чем любое из его чувств, черепица усыпана густым слоем пепла – вот до чего доводят древние приворотные заклинания. Страшная вещь.

– Что вы творите? – снова спросила Сотофа.

Я, будучи человеком правдивым до простодушия, честно ответил:

– Хрен знает что.

– Собственно, уже натворили, – хладнокровно заметил сэр Шурф.

Он уже отнял руки от лица и выглядел настолько невозмутимо, что его можно было заподозрить максимум в неудачной попытке приготовления шашлыка.

Я понял, что пробил мой час: в такой прекрасной компании просто грех не закатить истерику, плавно переходящую в продолжительный обморок. Во-первых, объяснять ничего не придется. А во-вторых, заранее приятно представить, как эти двое будут меня успокаивать и утешать.

Но вместо этого я почему-то полез в Щель между Мирами и достал оттуда бутылку просекко. Ловко открыл ее, применив Черную магию

восьмой, если не ошибаюсь, ступени. Сказал:

– Это очень смешное газированное вино. Заранее уверен, что вам обоим с непривычки не особо понравится. Но все равно предлагаю выпить. За любовь, которая, как известно, сильнее смерти. Но, к счастью, не сильнее меня.

* * *

– А почему, собственно, вы так уверены, что уничтожили всех Пожирателей? – спросил сэр Джуффин Халли. – Я, знаете, тоже был молодым. И часто бегал на свидания. И мне регулярно выдвигали условия: сперва сделай для меня то и это, а потом возвращайся. Я, как легко догадаться, далеко не всегда выполнял задания. Но на очередное свидание все равно приходил: что я теряю? А вдруг не прогонят? Почему бы не рискнуть? И Пожиратель вполне мог прийти, не справившись с поручением, но понадеявшись на удачу. Хрен вот так сразу проверишь, скольких сородичей он не доел.

– Я тоже примерно так рассуждал, – согласился с ним Шурф. – Но решил, что нет смысла заранее ждать подвоха, лучше просто попробовать и посмотреть, к чему мы придем. Однако теперь-то ясно, что Пожиратель оказался гораздо более порядочным ухажером, чем были вы в молодости...

На этом месте леди Сотофа расхохоталась так звонко, что какое-то время никто не мог продолжать разговор.

– С чего вдруг тебе это ясно? – наконец спросил Джуффин.

– Мы о Пожирателях уже почти полчаса говорим. И мне до сих пор не стало тошно. Вам, если доверять моему впечатлению, тоже. А я, сами знаете, довольно наблюдательный человек.

– Вот именно, – сквозь смех сказала леди Сотофа. – Спасибо, сэр Шурф. Знал бы ты, как я ждала этого аргумента. Просто очень надоело вечно говорить разумные вещи самой.

– Главное, на меня не рассчитывайте, – вздохнул я. – За разумными вещами – это к нему.

– А ты вообще помалкивай, бесстыжая лисья морда, – отмахнулась леди Сотофа. – Всегда знала, что нельзя доверять мальчишкам, но ты превзошел мои наихудшие ожидания. Приворожил, понаставил условий, наобещал с три короба, а сам пришел на свидание с приятелем. И – бабах!

– Бабах, и нет больше во Вселенной никакого небытия. Для того, надо думать, и нужны вероломные негодяи, что небытие больше ничем не

проймешь.

– Это ты лихо, конечно, – кивнула леди Сотофа. – Хотя за полную остановку биения Сердца Мира на целых четыре секунды голову бы тебе, по-хорошему, оторвать. В сновидении надо было эту тварь прикончить; не знаю как, но вы бы, не сомневаюсь, придумали. Зачем было устраивать это невозможное овеществление наяву? Ну кто так делает?

– Ответ очевиден: так делаю я. Голову оторвать, согласен, не помешало бы. Она в этом деле проявила себя не самым лучшим образом, долой ее. Правда, есть у меня подозрение, что без головы я быстро умру от голода. Слухи, будто я все делаю через задницу, сильно преувеличены. Для некоторых занятий все-таки нужна именно голова.

– Вот именно, что только для некоторых, – с нажимом сказала леди Сотофа. И, помолчав, добавила: – Но, справедливости ради, ты, конечно, невероятное дело провернул.

– Все той же справедливости ради, мое участие было минимальным. Гениальная идея, чтобы Пожиратель сам сожрал остальных Пожирателей принадлежит сэру Шурфу. Рука в перчатке тоже ему. Любовное заклятие – леди Кайрене. А идея стать человеком, способным победить Пожирателей, шиншийскому халифу...

– Великому халифу, – строго поправил меня Шурф, явно решивший по мере сил заменить мне отсутствующую принцессу. Правда, «нелюдимым неистовым негодяем» все-таки не обозвал. Ну да лиха беда начало, научится еще.

– Самому великому в этом Мире халифу, – согласился я. – Мы с тобой его вечные должники. И еще куча народу в разных концах Вселенной. Даже не представляю, как его отблагодарить. Не передал бы он мне в подарок записку, ничего бы и не случилось. Самому бы мне в голову не пришло просто попросить Темную Сторону превратить меня в человека, способного победить Пожирателей. Правда, по моим ощущениям, на самом деле мало что изменилось. Разве что я окончательно обнаглел.

– Есть такое дело, – усмехнулась леди Сотофа. – Но разница действительно невелика.

– А мне при этом ни слова, – укоризненно сказал Джуффин. – Даже не намекнул. Еще и туману нарочно напустил. Смотри, вы с Трикки допрыгаетесь, я это ваше заклинание Дриммеха специальной служебной инструкцией запрещаю. Я уже привык быть самым умным в этой грешной организации, от таких приятных привычек отказываться – ищи дурака. Что же касается взлома моего домашнего сейфа, сэр Шурф, это вообще ни в какие ворота. Отношения между Тайным Сыском и Орденом Семилистника

всегда были достаточно напряженные, но такой откровенной наглости даже твой предшественник себе не позволял.

– Думаю, у него просто не получалось. Желание-то было, да нужных навыков не хватало, – скромно заметил сэр Шурф.

– С другой стороны, тебя можно поздравить, – подмигнула Джуффину леди Сотофа. – Сам знаешь, всякая традиция остается живой только пока ученики превосходят учителей. И как бы дальше ни сложилось, можешь собой гордиться: тебе это удалось. На всякий случай, два раза кряду, чтобы спокойней спалось.

– Твоя правда. Но мне все равно досадно, что эти красавцы обошлись без меня. Я, конечно, и сам понимаю, что охоту на Пожирателей вряд ли можно считать служебным расследованием, но...

– Ну в том и штука, – подхватил я. – Это дело и «делом»-то не назовешь. Просто не о чем было тебе рассказывать, пока все не случилось. Мало ли, как я на досуге пытаюсь устроить личную жизнь.

Теперь рассмеялись все трое. Ну то есть как – трое. Сэр Шурф просто улыбнулся краешком рта. Но в его обычном состоянии, да еще и при посторонних свидетелях подобная улыбка приравнивается к громкому хохоту. Такому, что стекла в окнах звенят.

– Как удивительно все-таки сплетаются обстоятельства, – сказала наконец леди Сотофа. – Кто бы мог подумать, для чего однажды пригодится старинное приворотное заклятие? Я уж на что любопытна до чужих секретов, но от любовной магии драххов всегда отмахивалась: зачем нормальным людям может понадобиться эта дремучая сельская ерунда?

– Но все-таки опознали голубых бабочек, – заметил я.

– Да, с этими грешными бабочками я близко знакома, тут нам всем повезло. Будешь смеяться, но трех попавших ко мне в разное время девчонок пришлось избавлять от этой напасти. Довольно популярное в угуландской глуши колдовство.

– Ваша подсказка оказалась бесценной. Я бы сам в жизни не догадался, что это было. И Кайрену на чистую воду не вывел бы. И, соответственно, не получил бы в свои руки это смешное оружие. Одна надежда на Мелифаро: он первым заподозрил неладное. И собирался по приезду устроить расследование. Хотя не представляю, как бы он это делал в замороженном состоянии.

– Как заподозрил, так и расследовал бы, – пожал плечами Джуффин. – Ворожба – дело хорошее, в смысле, малопривлекательное для объекта ее приложения. Но, хвала Магистрам, не отменяет ни способности к анализу, ни остроты ума. А если и отменяет, то лишь отчасти, воля мага еще и не в

таких обстоятельствах творит чудеса. Взять хотя бы твою Перчатку Смерти, сэр Шурф. В этой истории самое невероятное то, что она сработала. Хотя мы все понимаем, что не могла.

– Я об этом все время думаю, – кивнул Шурф. – По крайней мере, теперь понятно, почему сэр Макс может колдовать на любом расстоянии от Сердца Мира. Если уж он сам...

– Мы с тобой в свое время тоже распрекрасно колдовали в Уандуке, – напомнил ему Джуффин. – И в разных других интересных местах. Это вопрос личного могущества, я бы сказал, таланта в сочетании с практикой. Сэр Макс в этом смысле выдающийся колдун. Но не более того. Я хочу сказать, он – не Сердце Мира. И даже не отколовшийся от него нам на радость кусок. Сердце Мира не может быть человеком, даже таким, с причудами. Оно вообще не живое существо, не человек, не зверь, не дух, способный к воплощениям в разных телах, а просто сила, дающая жизнь этому Миру. И на сдачу – магию нам.

– Но тогда у меня нет никаких объяснений тому, что случилось.

– Зато у меня есть. Сэр Макс, конечно, молодец, ничего не скажешь. В смысле хвастун и нахал, каких Мир не видывал. И хвала Магистрам, что так. Но дело вовсе не в том, что он объявил: «Я – Сердце Мира!» А в том, что ты ему поверил. Причем не по наивности и не по невежеству. Ты же образованный человек. Просто тебе было жизненно необходимо, чтобы его слова оказались правдой. И они ею стали – ровно настолько, чтобы твоя перчатка сработала. Но дело в тебе, а не в Максе. И не в его словах. Когда воля мага проявляется во всей полноте, он сам становится Сердцем Мира. В переносном смысле, конечно. Но это как раз не имеет значения, эффект такой, как будто в прямом.

– Это, наверное, самое важное, что следует знать о магии, – добавила леди Сотофа. – Но тому, с кем этого еще не случилось, ничего словами не объяснишь.

* * *

– Вы не поверите, – сказал Мелифаро. – Я бы сам не поверил, но все-таки Манга не настолько шутник. Впрочем, я опросил еще двух свидетелей – тех, кому на таком расстоянии худо-бедно дается Безмолвная речь. Показания сходятся. О нашем Бубуте теперь сложат легенды. Возможно, целый героический эпос, дети в школах будут его изучать...

– При условии, что в Ташере наконец появятся начальные школы, –

заметил Нумминорих. – Насколько я знаю, в последнее время в этом направлении кое-что делается, но очень медленно – как обычно у островитян.

– Это им раньше просто писать и читать было не о чем, – отмахнулся Мелифаро. – А теперь есть.

Он сидел за большим круглым столом «Света Саллари», блистательный во всех смыслах этого слова. То есть харизма харизмой, но позолоченных блесков на новеньком длинном лоохи тоже никто не отменял.

Впрочем, желания дать ему в глаз я пока не испытывал. Но не потому, что этот красавчик недостаточно ярко блистал. Просто я соскучился. Ну и вообще был не в форме. В смысле доволен жизнью, как никогда прежде. Это удивительное состояние, охватившее меня после великой битвы с Пожирателем, продолжалось уже несколько дней, хотя успокоительная принцесса при мне больше не дежурила. Вероятно, за время нашего с ней совместного проживания мой организм вошел во вкус и теперь самостоятельно поддерживал этот санаторный режим. Я махнул на него рукой. В конце концов, когда надоест быть счастливым и безмятежным, всегда можно что-нибудь придумать. На худой конец, снова всерьез озадачиться моим любимым философским вопросом: а есть ли я?

Но пока и так сойдет.

В этот момент дверь распахнулась, и в трактир вошел сэр Кофа Йох, ради которого, собственно, мы здесь и сидели. То есть лично я и так, скорее всего, сидел бы, когда у тебя такие соседи, грех не ужинать у них хотя бы через день, но Кофа еще с дороги сообщил, что сразу по возвращении с него причитается ужин, и сам выбрал место и время – сразу после закрытия, чтобы в модном урдерском трактире не было никого, кроме нас.

После Кофиного возвращения из Комуадского леса мы с ним еще не виделись, что в общем не удивительно, если учесть, что они с Мелифаро приехали всего пару часов назад. Не то чтобы я всерьез волновался, как пройдет эта встреча, но все равно обрадовался, когда Кофа с порога адресовал мне такой теплый взгляд, что больше ничего не было нужно – ни объяснений, ни благодарностей, ни, тем более, извинений. Хотел бы я сам уметь так смотреть.

– Начинай сначала, – сказал он Мелифаро, усаживаясь рядом с леди Лари. – Мне рассказ о Бубутиных подвигах достался в виде сплетни, которая уже расползается по Управлению, обрастая настолько причудливыми подробностями, что я даже слушать не стал. А ты, как я понимаю, знаешь подробности из первых рук.

– Строго говоря, из вторых. Отец при сражении не присутствовал. Только видел издалека, как удирала укумбийская шикка. А потом они подошли к ташерскому фафуну, который стоял со спущенными парусами. Помогли привести корабль в порядок, заодно поучаствовали в праздновании победы. Праздновали два дня: ташерцы – люди основательные. Могли бы и дольше, да ветер поднялся, стало не до того...

– Начни сначала, пожалуйста, – попросил его Кофа. – Погодные условия в районе Банумских островов [\[29\]](#), безусловно, интересная информация. Но не для меня.

– По словам Манги, который, в свою очередь, коротко пересказал мне свидетельства очевидцев, на ташерский фафун, находившийся буквально в трех-четырёх днях пути от родных берегов, совершили нападение укумбийские пираты. Что само по себе из ряда вон выходящее событие: так далеко укумбийцы обычно не забираются. Анчифа считает, это, скорее всего, был капитан Айдорама Лютый. Он на старости лет стал таким рассеянным, что регулярно заводит свою шикку неведомо куда. А команда помалкивает: капитан есть капитан.

– Когда я стал начальником Правобережной полиции, быстро понял, что дисциплина моих подчиненных должна быть умеренной, – усмехнулся Кофа, раскуривая трубку. – Исполнять приказы начальства, конечно, надо. Но голову при этом не выключать. И не бояться предлагать альтернативные варианты, когда кажется, будто начальство делает что-то не то. Совместная работа идет отлично, если в этом вопросе найден баланс.

– Ну, в пиратских командах с балансом как-то не очень, – развел руками Мелифаро. – В общем, Лютый это был или нет, а нападение на ташерский фафун состоялось. И капитан заранее попрощался со своим добром – куда добрякам ташерцам против укумбийских головорезов. Но тут на палубу вышел Бубута, до тех пор тихо тосковавший в своей каюте. И понеслось. Говорят, Бубута был очень хорош, сражаясь одновременно двумя саблями, которые перед этим отобрал у своих противников. Заодно поведал укумбийцам разные удивительные подробности о дерьме и сортирах. Можно сказать, просветил. Те-то люди простые, вряд ли прежде задумывались о таких глубоких вещах.

– По крайней мере, лингвисты утверждают, что в бранной лексике жителей Укумбийских островов начисто отсутствует фекальная тема, – подтвердил Нумминорих, величайший в Мире знаток всего.

– До сих пор отсутствовала. А теперь прощай, эпоха невинности! – торжественно взмахнув ложкой, объявил Мелифаро. – Укумбийцы удрали не в полном составе, но примерно две трети уцелели в сражении. И теперь

они понесут обретенную истину дальше. Детишек своих научат ругаться «дерьмовой дерьмовиной». И хорошо зажижут.

– Наконец-то Бубута снова оказался на своем месте, – невольно улыбнулся Кофа. – Драка – его стихия. Не надо было ему из гвардии в полицию уходить. Впрочем, после окончания войны за Кодекс ему и в армии делать было особо нечего. А драться с пиратами – именно то, что надо. Я рад за старика.

– Сейчас вы за него еще больше обрадуетесь, – пообещал Мелифаро. – Знаете, какие у Бубуты ближайшие планы? Организовать в Ташере службу охраны от укумбийских пиратов. Объяснял Манге: соберу храбрых ребят покрепче, дам им в руки сабли, научу разгребать это дерьмо. Уверен, у него все получится. До сих пор ташерцы от укумбийских пиратов никогда целыми не уходили: на тяжелом грузовом судне от шикки не удерешь, а драться они, похоже, толком не умеют. Расслабленный, добродушный народ. Так что Бубута сразу прослывет великим героем. И наверняка найдутся желающие повторить его подвиг и заодно обеспечить себе верный источник дохода: купцы за хорошую охрану всегда готовы заплатить. В общем, считайте, что я – новый Правдивый Пророк. И предрекаю ташерской торговле небывалый расцвет. А леди Улиме – долгое путешествие. Если, конечно, простит беглого мужа после того, как я передам на словах его послание. А то пока Манга письмо доведет...

– Улима своему старику и раньше все прощала, – заметил сэр Кофа. – А сейчас у Бубуты в кои-то веки достойное оправдание. Все-таки заветное есть заветное, под его воздействием человек сам себе не хозяин. Какой с него спрос.

* * *

Эта история закончилась тем, что мне на голову свалилась принцесса. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Ну, то есть, конечно, не только на голову, а на всего меня целиком свалилась. И еще частично на сэра Шурфа, который имел несчастье оказаться рядом. Хорошо хоть мы в этот момент никуда не шли, а просто сидели на крыше, причем даже кружек с горячей камрой не держали в руках, поэтому обошлось легким испугом и буквально тремя синяками на двоих.

Она не нарочно так сделала, просто немного не рассчитала – обычное дело, когда человек уходит Темным путем с движущегося корабля.

– Извини, Сэромакс! – воскликнула принцесса, поднимаясь и

отряхиваясь. – Я помню, ты говорил, что с кораблем лучше пока не экспериментировать. Но я не смогла утерпеть! Очень соскучилась. Целую дюжину дней вас не видела. А нам еще плыть и плыть.

– Невыносимая неуклюжая задница нелюбимого пасынка невзрачного вялого негодяя, – строго сказал ей сэр Шурф, растирая ушибленное плечо.

– Ты и правда здорово научился! – похвалила его принцесса. – Ругаешься не хуже, чем девчонки при дворе!

Вот так следовало бы завершить эту историю. И все были бы довольны: красиво замкнулся круг.

Но я честный человек. И не могу игнорировать тот факт, что на самом деле для меня история маленькой шиншийской принцессы до сих пор не закончилась. И не закончится, подозреваю, еще очень долго. Я бы сказал «вообще никогда», но, во-первых, «никогда» звучит чересчур драматично. А во-вторых, девчонка с таким упорством учится магии и так часто прибегает Темным путем с требованием показать ей что-нибудь новенькое, что в один прекрасный день я наверняка обнаружу, что мне просто больше нечему ее научить.

Зато история о драконе, который чуть не сожрал принцессу, в смысле о прекрасном пернатом змее, чуть было не ставшим последней любовью моей жизни, завершилась для меня в тот момент, когда мне наконец-то после долгого перерыва приснилась леди Меламори. И ехидно спросила, вынырнув из облака, сверкающего, как модные в этом сезоне лоохи:

– Ну что, как там ваши оргии? Устраивали еще?

– Ты не поверишь, но только этим в последнее время и занимались, – невозмутимо ответил я.

notes

Примечания

Об этом визите рассказывается в повести «Сладкие грезы Гравви».

Черхавла – легендарный зачарованный город в Красной пустыне Хмиро. Разумеется, ее точное местонахождение не известно никому. Черхавлы нет на географических картах. Тот, кто хочет найти Черхавлу, должен доверить свою судьбу красным пескам пустыни Хмиро и полагаться на удачу. Если Черхавла захочет принять гостя, он ее найдет. Если нет, может скитаться в песках хоть столетиями напролет, успеха он не добьется. Подробно о путешествии в Черхавлу рассказывается в повести «Сладкие грезы Гравви».

Все коренные жители Уандука называются *кейифайями* (в просторечии «эльфами»). Эта чрезвычайно малочисленная на сегодняшний день раса, отличается от людей не только крайне большой продолжительностью жизни, позволяющей считать их бессмертными (от некоторых видов оружия они умереть могут, однако от старости и болезней – нет), но и множеством других особенностей, которые, в отличие от бессмертия, отчасти наследуют потомки смешанных браков с людьми и крэйями. Однако внутри расы кейифайев существует разделение на упиатов, которые отличаются ярко выраженным стремлением к покою, и чрезвычайно активных, деятельных амфитимайев. В настоящее время в Уандуке живут, в основном, сами упиаты и их многочисленные потомки от смешанных браков, поскольку почти все амфитимайи, в силу своей беспокойной натуры, давным-давно покинули материк, чтобы найти и завоевать новые земли. Поэтому не будет преувеличением утверждать, что потомками амфитимайев заселен практически весь Мир (кроме разве что Арвароха, до которого их корабли так и не добрались).

Горсть – самая мелкая монета Соединенного Королевства. 12 горстей составляют одну *коронку*, 12 коронок – *корону*.

Крэйями называются все исконные обитатели материка Хонхона, включая драххов, больше всего похожих на обычных людей, оборотней, гномов, великанов, невидимок и даже говорящие камни. Среди населения столицы Соединенного Королевства, давным-давно перемешавшегося с кейифайскими воинами Ульвиара Завоевателя и многочисленными переселенцами из Чирухты, чистокровных крэйев довольно мало, но в отдаленных провинциях и в других государствах Хонхоны осталось очень много крэйских семейств.

То есть гнома, к тому же со скверным характером (эта особенность в той или иной степени присуща всем равнинным крёггелам, зато горные гномы, как правило, прирожденные добряки).

Собственно, в фатальной неспособности драххов к Очевидной магии оно и заключается. У остальных крэйев такой проблемы обычно нет.

Насчет котят, кстати, чистая правда. В смысле первый же будущий котенок Армстронга и Эллы, если таковой когда-нибудь родится, действительно обещан Его Величеству, давным-давно, больше десяти лет назад. Но кошки в Море взрослеют почти так же долго, как люди, так что ждать еще Королю и ждать.

Нелмунд – река, текущая с Шимарских гор и впадающая в Гугландский залив неподалеку от угуландского города Куллари. С точки зрения жителя Ехо, за Нелмундом начинаются самые глухие леса, включая печально знаменитый Гугонский, на протяжении многих тысячелетий бывший вотчиной разбойников.

Об этой ведьме и ее фокусах рассказывается в повести «Чуб земли».

То есть Нубуйлибуни Цуан Афия, действующий правитель Куманского Халифата.

Это и правда довольно затруднительно. Есть в Море государства, расположенные еще дальше от границ Шиншийского Халифата, чем Чангай, но их по пальцам можно пересчитать.

Страна Лумукитан расположена на самом большом из островов Холтари в Великом Средиземном Море. То есть не ближний свет.

Об этом рассказывается в повести «Возвращение Угурбадо».

Пэпэо – чрезвычайно популярное во всем Уандуке лакомство, возможно обладающее какими-то психоделическими свойствами; выяснить последнее опытным путем пока не удалось, а опытные путешественники и знатоки уандукских обычаев утверждают зачастую противоположные вещи; вероятно, они просто покупали свои порции пэпэо у разных поставщиков.

Аяшайя – вторая, так называемая «Веселая» столица Шиншийского Халифата. Всего столиц три: Прекрасная Шаришита, знаменитая своей архитектурой, озерами и садами; Веселая Аяшайя, богатый развлечениями морской порт; Тайная Хайкши на границе с Красной пустыней Хмиро, город ученых, воинов-пограничников, поэтов и художников, которых вдохновляют тамошние пейзажи. Великий Халиф живет во всех трех столицах поочередно, переезжая не по расписанию, а по велению сердца, или как сказали бы о менее знатном человеке, когда вожжа под хвост попадет.

Фаумхайна – редкий уандукский кустарник. Жители Уандука чрезвычайно ценят аромат его цветов, обостряющий восприятие и способствующий возвышенному течению мыслей.

Эти сладкие цветы растут только на севере материка Чирухта. И еще в саду резиденции Ордена Семилистника – там их развела леди Сотофа, потому что любит варенье из них.

Речь о *летающем пузыре Буурахри*, на котором мы с сэром Кофой вернулись из Куманского Халифата. Его передали Столичной полиции для патрулирования городских улиц.

Подробности можно найти в повести «Тихий город».

Традиционное урдерское блюдо, что-то вроде котлет. В оригинале блюдо называется «тумты из злой козы», однако в трактире «Свет Саллари» его вынужденно готовят из индюшатины, которая преобладает на местных продовольственных рынках, поэтому в меню честно написано: «Тумты из не-козы, с которой мы не были знакомы».

О Правдивом Пророке и массовом паломничестве к нему подробно рассказывается в повести «Вся правда о нас».

Об этом эпизоде рассказывается в повести «Ворона на мосту».

С Незримой Библиотекой, где хранятся призраки специальным образом уничтоженных книг и служат призрачные библиотекари, все сложно. Потому что, с одной стороны, она – миф. Просто вымысел, однажды ненадолго овеществившийся в подвале Мохнатого Дома по воле одного могущественного колдуна, о чем подробно рассказано в повести «Дар Шаванахолы». Но с другой стороны, в настоящее время Незримая Библиотека существует настолько объективно, насколько может существовать библиотека-призрак, то есть вход в нее периодически появляется в одном из подземелий замка-юрьмы Холоми, где, согласно большинству старинных легенд, ей и положено быть. Кроме сэра Шурфа есть и другие свидетели, побывавшие в Незримой Библиотеке, поэтому его персональным наваждением ее при всем желании считать нельзя.

Хохонгрон – искусственный язык, созданный в стране Тубур специально для разговоров в сновидениях и о сновидениях наяву. Об этом языке подробно, насколько это вообще возможно, рассказывается в повести «Тубурская игра».

Подробности появления Кенлех и ее сестер-близнецов в Ехо можно узнать из повести «Тень Гугимагона».

Это до известной степени правда; условно душераздирающие подробности можно узнать из повести «Я иду искать».

В повести «Чужак» все это подробно написано. Смешно, кстати, что она была не первой, а четвертой по счету. Видимо, так проявилась – как бы это сказать помягче? – оригинальность моего ума.

Острова Банум – группа островов в Великом Бескрайнем Море. На самом крупном из них, собственно, и расположена страна Ташер.